

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

1–2(9–10)'2014

Международный научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-56513 от 24.12.2013 г.
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-0740 (Print); 2311-0759 (Online) от 23.12.2013 г.
- Включен в каталог ОАО Агентство «Роспечать». Подписной индекс 70771
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Материалы журнала размещаются на сайте Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740

© Саратовский государственный
университет, 2014

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Члены редакционной коллегии:

В. М. Алпатов, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)

Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Польша, Ополе)

В. Е. Гольдин, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Украина, Харьков)

М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Израиль, Хайфа)

Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Россия, Волгоград)

Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (США, Беркли)

Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)

Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Литва, Каунас)

В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Витебск)

А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Финляндия, Хельсинки)

Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Минск)

Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Австралия, Канберра)

В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Австрия, Вена)

О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Россия, Красноярск)

Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Новосибирск)

З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Казахстан, Павлодар)

Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (КНР, Пекин)

Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Россия, Великий Новгород)

Ответственный секретарь

Н. Б. Степанова, кандидат филол. наук, доцент (Россия, Саратов)

Editor-in-Chief

V. V. Dementyev, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Deputy Editor-in-Chief

L. V. Balashova, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Editorial Board:

V. M. Alpatov, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

E. G. Elina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Stanisław Gajda, Ph.D., Prof. (Poland, Opole)

V. E. Goldin, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

O. I. Goroshko, Ph.D., Prof. (Ukraine, Kharkov)

V. I. Karasik, Ph.D., Prof. (Russia, Volgograd)

Robin Lakoff, Ph.D., Prof. (USA, Berkeley)

T. V. Larina, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Lithuania, Kaunas)

V. A. Maslova, Ph.D., Prof. (Belarus, Vitebsk)

Mei Huang, Ph.D., Prof. (China, Beijing)

Arto Mustajoki, Ph.D., Prof. (Finland, Helsinki)

B. Y. Norman, Ph.D., Prof. (Belarus, Minsk)

Bert Peeters, Ph.D., Prof. (Australia, Canberra)

V. V. Prozorov, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Renate Rathmayr, Ph.D., Prof. (Austria, Vienna)

T. V. Shmelyova, Ph.D., Prof. (Russia, Velikiy Novgorod)

O. B. Sirotinina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

A. P. Skovorodnikov, Ph.D., Prof. (Russia, Krasnoyarsk)

T. I. Steksova, Ph.D., Prof. (Russia, Novosibirsk)

Z. K. Temirgazina, Ph.D., Prof. (Kazakhstan, Pavlodar)

Maria Yelenevskaya, Ph.D., Prof. (Israel, Haifa)

Executive Secretary

N. B. Stepanova, Ph.D., Assoc. Prof. (Russia, Saratov)

СОДЕРЖАНИЕ

О Международном журнале «Жанры речи»	8
--	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

В. М. Алпатов Москва, Россия	О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры)	9
Ф. С. Бацевич Львов, Украина	Коммуникативные девиации и условия успешности речевого жанра	16
В. В. Дементьев Саратов, Россия	Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013-го	22
Л. Р. Дускаева Санкт-Петербург, Россия	Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров	50

ПЕРЕВОДЫ

Дебора Таннен Джорджтаун, США	Отведение и идентичность в семейной интеракции: чревоуещание как косвенность (<i>Перевод В. В. Дементьевой</i>)	58
Робин Лакофф Беркли, США	Вербальная агрессия vs. политкорректность (<i>Перевод В. В. Дементьевой</i>)	69

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

О. П. Ермакова Калуга, Россия	Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии)	74
Т. И. Стексова Новосибирск, Россия	Комментарий как речевой жанр и его вариативность	81
Л. Б. Никитина Омск, Россия	Языковой образ пожилого человека через призму оценочных речевых жанров	89
А. П. Сковородников, Г. А. Копнина Красноярск, Россия	Фигуральная основа комических текстов минимальной структуры (на материале российских газет)	96
А. А. Юнаковская Омск, Россия	Становление и развитие жанра «письменное прошение» (на материале сибирских архивов)	102
С. Г. Воркачев Краснодар, Россия	Карнавализация лингвоидеологемы «народ» в речевом жанре русского анекдота	107

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В. П. Москвин Волгоград, Россия	К обоснованию понятия 'фигуративный жанр' (на примере центона)	114
В. А. Маслова Витебск, Беларусь	Жанр заговора в творчестве М. Цветаевой	125

В. Д. Черняк, М. А. Черняк Санкт-Петербург, Россия	Речевой жанр «напоминание» в современной массовой литературе 132
--	---

Э. Лассан Каунас, Литва	Эволюция способов репрезентации прошлого в жанре лирической песни 138
-----------------------------------	--

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Ю. В. Щурина Чита, Россия	Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров 147
-------------------------------------	--

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. В. Дементьев Саратов, Россия	Языковые и коммуникативные <i>круг, ключ, матрица</i> : о значении идей В. И. Карасика для коммуникативной лингвистики 154
---	---

Правила представления авторами рукописей в журнал «Жанры речи» 165
--

CONTENTS

About the International Journal “Speech Genres”	8
--	---

GENERAL PROBLEMS OF THE SPEECH GENRES THEORY

V. M. Alpatov Moscow, Russia	On two “children's diseases” of modern linguistics (language, ideology, speech genres)	9
F. S. Batsevich Lvov, Ukraine	Communicative deviations and circumstances of efficiency of speech genre	16
V. V. Dementyev Saratov, Russia	Actual problems of indirect communication and its genres: a view from 2013	22
L. R. Duskajeva St. Petersburg, Russia	Speech genres of the journalistic discourse	50

TRANSLATIONS

Deborah Tannen Georgetown, USA	Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness (<i>Russian translation by V. V. Dementyev</i>)	58
Robin Lakoff Berkeley, USA	Verbal aggression vs. Political correctness (<i>Russian translation by V. V. Dementyev</i>)	69

STUDIES OF INDIVIDUAL GENRES

O. P. Ermakova Kaluga, Russia	Is irony a speech genre? (Once again, about some features of irony) ...	74
T. I. Steksova Novosibirsk, Russia	Commentary as a speech genre and its variability	81
L. B. Nikitina Omsk, Russia	The language image of the elderly person in the light of evaluating speech genres	79
A. P. Skovorodnikov, G. A. Kopnina Krasnoyarsk, Russia	Figural basis of comical texts of minimal structure (on the basis of Russian newspapers)	96
A. A. Yunakovskaja Omsk, Russia	The formation and development of the genre "Written Request" (on the material of the Siberian archives)	102
S. G. Vorkachev Krasnodar, Russia	Ideological word “people” as carnivalization in Russian anecdotes	107

GENRES IN ART

V. P. Moskvina Volgograd, Russia	On the proof of the concept of 'Figurative Genre' (for example tsepton)	114
V. A. Maslova Vitebsk, Belarus	The genre of incantation in M. Tsvetayeva's poems	125

V. D. Chernyak,
M. A. Chernyak
St. Petersburg, Russia

Speech genre “Reminder” in contemporary mass literature 132

E. Lissan
Kaunas, Lithuania

Speaking about the past (the evolution of the means
of the representation of the past in the lyrical song genre 138

INTERNET GENRES

Y. V. Schurina
Chita, Russia

Internet memes in the structure of comic speech genres 147

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

V. V. Dementyev
Saratov, Russia

Language and communicative *ring, key, matrix*:
about the significance of the ideas of V. I. Karasik
for communicative linguistics.....154

Manuscripts requirements 165

О Международном журнале «Жанры речи»

В Национальном исследовательском Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского с 2013 г. издается **Международный журнал «Жанры речи»**, посвященный проблеме речевых и коммуникативных жанров, актуальным направлениям изучения речевых жанров.

Главная задача журнала – по возможности представительно отражать общее состояние теории речевых жанров в России и мире, представлять наиболее актуальные направления изучения речевых жанров.

По замыслу редакционной коллегии журнала, много внимания будет уделяться как общетеоретическим проблемам жанроведения, так и конкретным речевым жанрам. В журнале будут печататься статьи по проблемам теории речевых жанров: типология жанров и жанровых форм, жанры в связи с языком, культурой, языковой картиной мира, языковой личностью, художественным творчеством, СМИ, сопоставительное изучение речевых жанров и др.

Журнал создан на базе получившего широкую известность в России и за рубежом серийного тематического **сборника научных статей «Жанры речи»** (Саратов ; Москва, 1997–2012. Вып. 1–8).

Редколлегия сборника «Жанры речи» пыталась привлечь всех авторов, кто когда-либо высказывал содержательные и оригинальные соображения по жанровой организации речи.

В выпусках сборника был представлен целый ряд исследователей из разных научных центров России и зарубежья, и прежде всего – Саратова. В сборнике представлены также работы исследователей из таких научных центров России, как: Астрахань, Балашов, Белгород, Великий Новгород, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижний Тагил, Омск, Орел, Пенза, Пермь, Самара, Санкт-Петербург, Тверь, Уфа, Челябинск, Элиста, Ярославль; а также ближнего (Вильнюс, Киев, Львов, Минск, Симферополь, Харьков) и дальнего зарубежья (Базель, Беркли, Бохум, Канберра, Ополе, Хельсинки). В статьях, опубликованных в различных выпусках сборника, рассматриваются как общетеоретические проблемы жанроведения, так и конкретные речевые жанры.

В состав редколлегии в различные годы входили: В. Е. Гольдин (отв. ред. вып. 1–3), В. М. Алпатов, Л. В. Балашова, В. В. Демен-

тьев (отв. секретарь вып. 1–3, отв. ред. вып. 4–8), В. И. Карасик, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротина, Н. Б. Рогачёва (отв. секретарь вып. 5–7), М. Ю. Федосюк, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелёва.

С 1997 г. вышло 8 выпусков «Жанров речи», посвященных таким проблемам, как «жанр и концепт», «жанр и культура», «жанр и язык», «жанр и языковая личность», «жанр и творчество» (последний посвящен памяти проф. К. Ф. Седова (1954–2011)).

Преемственность журнала «Жанры речи» по отношению к сборнику редколлегия подчеркивает сохранением нумерации: первый номер журнала является одновременно девятым выпуском сборника.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи **до 1 июня и 1 декабря** каждого года.

Издатель и редакционная коллегия журнала «Жанры речи» в равной степени несут ответственность за издание журнала. Издатель имеет право нанимать и увольнять редакторов и принимать важные коммерческие решения, которые требуют активного участия со стороны редактора. Редакционная коллегия обращает внимание на то, соответствуют ли определенные исследования этическим нормам и может ли их публикация нанести вред читателям или интересам самого журнала, и несет полную ответственность за определение редакционного содержания журнала. Редакционная коллегия также побуждает рецензентов к проведению тщательных проверок рукописей на оригинальность и любой тип потенциальных нарушений научной этики.

Контакты. Почтовый адрес журнала «Жанры речи»: 410012, Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики (ком. 207), главному редактору Дементьеву Вадиму Викторовичу или ответственному секретарю Степановой Наталье Борисовне.

Телефон: (8452)-21-06-24 (кафедра)

Факс: (8452) 21-06-44

E-mail: Zhanry-Rechi@yandex.ru,
dementevvv@yandex.ru.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'06
ББК 81

В. М. Алпатов
Москва, Россия

V. M. Alpatov
Moscow, Russia

О ДВУХ «ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЯХ» СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ (ЯЗЫК, ИДЕОЛОГИЯ, РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ)

ON TWO "CHILDREN'S DISEASES" OF MODERN LINGUISTICS (LANGUAGE, IDEOLOGY, SPEECH GENRES)

Аннотация. Современная лингвистика характеризуется переносом основного внимания от изучения устройства языка к исследованию его функционирования. Происходит сдвиг от излишней формализации к выдвигению нестрогих и непроверяемых положений. Многим современным функциональным исследованиям свойственны стремление сразу дойти до решения всех проблем без прохождения неустраняемых промежуточных этапов и отсутствие необходимого разграничения понятий. Актуальной остаётся проблема выработки методов исследования.

Ключевые слова: устройство языка, функционирование языка, научная парадигма, метод, этапы исследования, доказательство, мировоззрение (идеология с помощью языка), мировидение (идеология в языке).

Abstract. Modern linguistics is characterized by transfer of attention from the study of linguistic structure to the investigation of its functioning. Substitution of the unnecessary formalization by the advancement of theses that can't be specified and proved is typical. Many modern functional studies try to achieve the solution of all the problems without passing the necessary intermediate stages. These studies do not differentiate the fundamental notions. The problems of the elaboration of the methods of investigation remain actual.

Key words: linguistic structure, functioning of language, paradigm, method, stages of investigation, proof, ideology by language, ideology in language.

Сведения об авторе: Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Место работы: Институт языкознания РАН, директор.

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

About the author: Alpatov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Letters, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.

Place of employment: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Director.

В последние десятилетия в развитии лингвистики происходят заметные изменения. Ещё сравнительно недавно основное внимание уделялось изучению устройства языковой системы, актуальной задачей считалось построение формальных моделей, но сейчас во многих лингвистических школах и направлениях обратились к самой важной и сложной задаче языкознания – изучению функционирования языка. Ранее она исследовалась мало. Замечательные идеи и догадки высказывали в XIX в. В. фон Гумбольдт, в первой половине XX в. Э. Сепир, Л. П. Якубинский, В. Н. Волошинов, но у них не было и ещё не могло быть строгого научного метода. Теперь же «всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики... То, что считалось “не лингвистикой” на одном этапе, включается в него на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным... И каждый раз снятие очередных ограничений даёт новый толчок лингвистической теории,

конкретным лингвистическим исследованиям» [1: 20]. Ведущими направлениями в лингвистике стали прагматика, теория речевых актов, дискурсный анализ, лингвистика текста, изучение картин мира, речевых жанров и другие. Это происходит во многих странах, в том числе и в СССР, затем в России, где доля данных публикаций среди лингвистических, пожалуй, больше мировой (в США и некоторых других странах процесс сдерживается господством генеративизма).

Сам по себе данный процесс, разумеется, закономерен и необходим. Впервые объектом систематических исследований стали многие важнейшие явления, так или иначе связанные с языком. Мы наблюдаем становление новой лингвистической парадигмы (может быть более чем одной, время покажет). Однако любая складывающаяся научная парадигма проходит через период, когда не все её черты определились, а методы ещё не разработаны. В данном случае это особенно заметно, поскольку резко усложнился сам объект изучения. Идеи и методы структурной лингвистики в основном

сложились за два десятилетия, предшествовавшая ей сравнительно-историческая парадигма от Ф. Боппа до А. Шлейхера прошла аналогичный путь примерно за сорок лет. Но парадигма, исследующая языковое функционирование, в том числе речевую коммуникацию, явно задержалась на раннем этапе.

Как верно отмечает В. В. Дементьев, «современная наука о коммуникации... представляет собой в очень большой степени *конгломерат* идей, подходов, разработок, принципов анализа материала (т.е. человеческой коммуникации) и осуществленных описаний». И «все это вместе составляет обширное... поле, на котором выделяются..., с одной стороны, ряд нетривиальных, содержательных, *красивых* теоретических моделей, с другой – определенное множество образцов... методологически последовательно и непротиворечиво, ярко и остроумно прокомментированного материала» [2 : 31]. А «самыми оригинальными и интересными... оказываются, как правило, чисто дедуктивные, *постулатные* модели, которые могут быть очень «красивы» сами по себе, но при этом не имеют большого отношения к особенностям конкретного материала и возможностям его непротиворечивой оценки» [2 : 42].

Помимо объективных сложностей, как мне представляется, здесь имеется и элемент реакции на предшествующий этап развития науки о языке, черты которого отмечены выше. А. Е. Кибрик, начинавший как структуралист, затем пришёл к выводу: «Далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний... Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа мышления и строить деятельностьную модель языка на принципе *неполной детерминированности*» [1 : 33]. Однако отказ от алгоритмов и формализмов может приводить к противоположному уклону: в сторону субъективности и непроверяемости построений. А расширение границ науки, безусловно, необходимое, может приводить к отказу от выделения границ вообще.

Среди «детских болезней» новой парадигмы рассмотрю две (разумеется, их много больше). Одна из них, как мне кажется, – «забегание вперёд», стремление перепрыгнуть через необходимые этапы.

Вот, например, одно из положений совсем недавно изданной книги: «*Русской душе*, по данным русских пословиц, фразеологизмов, текстов русской классической литературы, противопоставлено излишне логично-рациональное отношение к жизни» [2 : 17]. Я не утверждаю, что оно неверно, но как его

доказать? Подтверждающие данные пословиц, фразеологизмов, литературных текстов можно без труда предъявить (что В. В. Дементьев и делает), но насколько они предметительны? Автор той же книги верно отмечает: «В языке и его отдельных подсистемах,... таких как лексика и идиоматика..., содержится «слишком много» материала, и исследователь вынужден осуществлять селекцию» [2 : 24]. В этом явное отличие «лексики и идиоматики», скажем, от фонологии, где материала много меньше, что позволяло сравнительно легко применять к нему строгие методы. Ясна необходимость отбора фактического материала, для которого нужен разработанный метод, иначе может получиться подгонка под заранее известный результат. И что такое «русская душа», понимаемая, как известно, по-разному?

Здесь имеется некоторое сходство с развитием сравнительно-исторического языкознания в XIX в. и отчасти в XX в. А. Шлейхер в середине XIX в. поставил задачу воссоздания индоевропейского праязыка, которую, как ему казалось, он решил. Но современная компаративистика понимает, что полноценная реконструкция праязыка для столь крупной семьи невозможна сравнением даже большого числа отдельных языков: сначала нужно восстановить праязыки для отдельных ветвей и групп [3 : 186 и др.]. Однако последние начали реконструировать позже, чем индоевропейский праязык, а некоторые реконструкции и сейчас не существуют, что не останавливало индоевропейцев. Например, в итоговой для первого полувека индоевропейских реконструкций книге [4] праславянский язык подменяется старославянским, праиталийский – классической латынью, а прабалтийский – современным литовским [5 : 9]. А это приводило к тому, что материал ряда известных индоевропейских языков (восточнославянские, западнославянские, латышский и пр.) не учитывался при реконструкции.

Сейчас мы видим то же самое в области изучения картин мира или коммуникативных ценностей. Исследователей влекут глобальные проблемы, например, «связь многих собственно коммуникативных моментов с **нравственными** категориями, оценками, оценочной деятельностью», обуславливающими «специфику русской коммуникации» [2 : 8]. Я не хочу отрицать существенности таких проблем и хорошо понимаю чувства и желания В. В. Дементьева. Но сначала надо было бы, во-первых, подробно изучить «собственно коммуникативные моменты» (это автор книги старается делать, но, разумеется, это лишь начальный этап), во-вторых,

разобраться в «нравственных категориях», какого исследования нет у В. В. Дементьева, да и вряд ли он, как и любой другой лингвист, смог бы это сделать.

В. В. Дементьев отмечает то, что лингвисты в данной области следуют двумя путями. Они, «с одной стороны, идут за философами, пытаясь найти в системе языка и корпусе текстов подтверждение или опровержение соответствующих философских положений, с другой – анализируют собственно языковые факты и на их основе формулируют некоторые выводы» [2 : 23]. Первый путь, безусловно, естествен, но вряд ли может быть назван научным; думается, что его следовало бы избегать. Отмечу, однако, что вообще на ранних этапах научных парадигм источником их развития могут быть стимулы, позднее отбрасываемые. Для основателей компаративистики едва ли не главным стимулом было стремление решить через промежуточный этап праязыков самую важную задачу – происхождение языка. Но к 70-м гг. XIX в. лингвисты отказались от всяких таких попыток [4 : 81, 458].

В. В. Дементьев пишет: «Конечно, второй путь представляется во многих отношениях предпочтительнее» [2 : 23], хотя нередко в своей книге идёт по первому пути. Но на втором пути вряд ли пришло время дедуктивных построений, пока что более перспективны ограниченные по масштабам индуктивные исследования, в том числе компаративные. В виде примеров можно было бы назвать сравнительное изучение семантических полей в разных языках группы лингвистов во главе с Е. В. Рахилиной или разрабатываемую тем же В. В. Дементьевым типологию ограниченного числа речевых жанров [6 : 209–245]. Конечно, я понимаю, что в науке нельзя ставить пределы и что даже преждевременная попытка разработать ту или иную проблему может подвинуть науку вперёд. Реконструкцию индоевропейского праязыка в современной её понимании нельзя было создать во времена А. Шлейхера уже потому, что не хватало материала. Но деятельность и Шлейхера, и А. Мейе была необходимым этапом в развитии лингвистики. То же может относиться и к современным исследованиям. И всё же следовало бы разобраться в том, на каком этапе лингвисты сейчас находятся.

Другая «болезнь роста», как мне кажется, связана с недостаточным различением изучаемой разнородной проблематики. Коснусь лишь одного вопроса. У недооценённого в нашей науке в качестве теоретика В. И. Абаева в ранней работе 1934 г. есть любопытное разграничение. Он выделял

«идеологию, выраженную в самом языке (как идеологической системе)», и «идеологию, выраженную с помощью языка (как коммуникативной системы)» [7 : 35]. Современного читателя не должно отпугивать непопулярное сейчас слово «идеология»: речь у него идёт не только об идеологии в обычном смысле, но и о бытовых, массовых представлениях о мире («житейской идеологии», по терминологии близкого к нему по идеям В. Н. Волошинова). То есть, в более привычных сейчас терминах, надо различать отражённую в языке картину мира и то или иное мировоззрение, выраженное средствами этого языка.

И сходную идею выдвинул автор предисловия к русскому изданию трудов В. фон Гумбольдта: «Термин “sprachliche Weltanschauung” Бодуэн де Куртенэ переводит как “языковое мировидение”... Это последнее, на наш взгляд, более адекватно передает гумбольдтовское понятие, нежели “языковое мировоззрение”, так как слово “мировоззрение” несёт, как известно, и иную смысловую нагрузку» [8 : 12]. То есть предлагается говорить о *мировоззрении* для философских, политических и пр., а также социально-психологических («житейских») взглядов и о *мировидении* для взглядов, обусловленных языком. Можно сопоставить *мировоззрение с идеологией, выраженную с помощью языка*, а *мировидение с идеологией, выраженную в языке*.

Вот пример, с которым столкнулся автор статьи. На семинаре профессора В. А. Успенского в МГУ зашла речь о том, что для выяснения русских картин мира сейчас особо в почёте Ф. М. Достоевский¹. И известный специалист по математической лингвистике А. В. Гладкий сказал, что, вероятно, иная картина мира получилась бы на материале не Ф. М. Достоевского, а М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но ещё был Н. С. Лесков, в отличие от сатирика Щедрина искавший в России праведников, и был Л. Н. Толстой, считавший, что нет единой картины мира; их, по крайней мере, две: неистинная барская и

¹ На исследователей картин мира часто влияет такой фактор, как популярность источника данных. Саратовский университет и сейчас носит имя знатного земляка Н. Г. Чернышевского, но привлекал ли кто-нибудь из саратовских исследователей материал его сочинений? Зато в моде, помимо Достоевского, В. С. Соловьёв и Н. А. Бердяев. Конечно, сама популярность имеет свои причины. Во многих публикациях такого рода явно присутствуют не преодоленное раздражение от недавнего господства материалистического мировоззрения и ориентация на идеалистическую философию.

истинная крестьянская. Какая из этих картин истинна? Та, которая соответствует мировоззрению исследователя? Не будем ли мы подгонять результаты исследования под априорную схему? И какую роль во всём этом играет язык? Где здесь можно говорить о языковой картине мира?

У четырёх русских классиков можно выделить пять картин мира. Но эти картины выражены, прежде всего, *с помощью языка*. Все эти писатели были носителями одного и того же русского языка более или менее в единой его разновидности, которую принято называть литературным языком, и жили в одно время (родились от 1821 до 1831 года). Три картины из пяти – авторские, «барская» картина у Толстого также известна ему изнутри, крестьянская картина мира реконструирована извне, во многом искусственно. Мировоззрения везде разные, а непосредственная связь с языком очевидна лишь в последнем случае: наблюдаемые писателем крестьяне говорили на других разновидностях русского языка.

И вспоминаются известные слова М. М. Бахтина: «В многоголосом романе Достоевского значительно меньше языковой дифференциации, то есть различных языковых стилей, территориальных и социальных диалектов, профессиональных жаргонов и т.п., чем у многих писателей-монологов: у Л. Толстого, Писемского, Лескова и других. Может даже показаться, что герои романов Достоевского говорят одним и тем же языком, именно языком их автора» [9 : 310]. И выявляемый Бахтиным диалогизм, нацеленность персонажей на идейный спор друг с другом – это всё-таки борьба мировоззрений, а не мировидений, не всегда соотносимая с диалогом в обычном смысле. Среди этих мировоззрений, безусловно, есть и авторское. Но что считать русской картиной мира: совокупность часто несовместимых мировоззрений персонажей или (что делается) мировоззрение автора?

Пожалуй, можно сказать, что Ф. М. Достоевский был великим мастером изображения «идеологий, выраженных с помощью языка», но они в малой степени были выражены в языке, во всяком случае, меньше, чем у писателей, противопоставленных ему М. М. Бахтиным. Я не хочу сказать, что «идеологии, выраженные с помощью языка» (а без его помощи никакие идеологии в широком смысле В. Н. Волошинова – В. И. Абаева существовать не могут), не должны изучаться, они и изучаются социологией, психологией, литературоведением и другим науками. Но как быть с лингвистикой? М. М. Бахтин, как известно, подчёркивал, что диалогизм не может

и не должен изучаться лингвистикой, отделяя от неё особую дисциплину – металингвистику². Но показательно, что эту дисциплину за полвека, прошедшие после издания второго варианта его книги о Достоевском, так никто и не развил. Создаётся впечатление того, что проблематика металингвистики в смысле Бахтина в какой-то степени (какой?) покрывается лингвистикой, но во многом входит в компетенцию наук, для которых язык – материал, но не объект изучения.

Но важен и другой аспект данного различия. «Идеологий, выраженных с помощью языка», принципиально много. Среди них есть индивидуальные, есть разделяемые многими людьми, они могут быть эфемерными, могут быть устойчивыми во времени, но говорить, например, о едином русском мировоззрении никак нельзя (хотя и об этом иногда говорят). Например, нынешние споры о возможности или невозможности единого учебника истории хорошо это показали. Однако на уровне «идеологии, выраженной в языке» (мировидения) общность выявить можно, её и можно назвать языковой картиной мира. Люди разного мировоззрения, если они говорят на одном языке, обнаружат из-за этого в видении мира нечто общее; именно это и имел в виду В. фон Гумбольдт, говоря о «круге», который язык очерчивает вокруг человека.

Картины мира отдельного языка, например, русского, конечно, тоже могут быть разными, но это связано с историческими изменениями в языке и неоднородностью языка в данный момент времени (литературный язык, диалекты и пр.). При разных мировоззрениях языковая картина мира, скажем, у В. И. Ленина и Н. А. Бердяева была той же самой: оба были исконными носителями русского языка, принадлежали к одному по-

² В более ранней работе «Слово в романе» М. М. Бахтин исходил из несколько другой концепции. Он считал, что социальное расслоение языка «определяется прежде всего различием предметно-смысловых или экспрессивных кругозоров, то есть выражается в типовых различиях осмысления и акцентуирования элементов языка, и может не нарушать абстрактно-языкового диалектологического единства общего литературного языка» [10 : 103]. То есть различия в языке могут быть или не быть, но достаточно того, чтобы с помощью языка выражались «предметно-смысловые кругозоры». Здесь отсутствует принципиальное разграничение «идеологии, выраженной в языке» и «идеологии, выраженной с помощью языка», при акценте на последней. Во втором варианте книги о Достоевском такое разграничение появилось. Подробнее см. [11 : 285–287].

колению (разница в возрасте в четыре года вряд ли была существенной) и владели одной и той же нормой. И для лингвистики (не для металингвистики, если она всё же будет построена) важнее то, что объединяло этих людей.

Вот несколько примеров мировидения. Уже общеизвестно, что русскому *рука* соответствуют в английском языке не синонимичные слова *hand* и *arm*. Или для носителей русского языка, и для белых, и для красных, *вода* – нечто единое независимо от температуры, пока она находится в жидком состоянии. Но в японском языке имеются два слова: *мидзу* ‘холодная вода’ и *ю* ‘горячая вода’, для любого японца это две разные сущности. Употребление русского глагола *давать* или английского *to give* не зависит от того, передаётся ли предмет в направлении к говорящему или от него, а в японском языке используются разные глаголы. Таких примеров для любой пары языков можно найти очень много, и необходима их каталогизация.

В современных исследованиях картин мира широко используется материал пословиц. Но чаще всего основное внимание обращается на заключённую в них мораль, относящуюся скорее к мировоззрению (которое может и не разделяться частью носителей языка), чем к мировидению. Но можно ли говорить о единой нравственности для всех носителей того или иного языка (или хотя бы для их подавляющего большинства)? А если она есть, то может ли она меняться при переходе к другому языку? И уж явно она исторически изменчива. Пример А. Я. Шайкевича: мораль, закреплённая в русских пословицах и переносных значениях слов, представляет собаку крайне негативно, отражая традиционное для христианской культуры представление об этом животном как нечистом. Однако можно ли считать, что этот языковой материал обуславливает современные российские представления о собаках? [12 : 16].

Меньше внимания обращается на такой параметр, как количество и частотность паремий. И шире: те или иные номинативные единицы в том или ином языке по-разному связаны с центром и периферией языка, что проявляется также в развитии переносных значений слов, словообразовательных гнезд, фразеологизмов и др. Представляется, что здесь более, чем в морали, отражаются языковые картины мира.

Опять-таки лишь отдельные примеры. В европейских языках много фразеологизмов и пословиц, связанных с отцом и матерью, и без детального статистического анализа

трудно сказать, чего больше. Однако в японском языке они многочисленны лишь для отца, а мать в них практически не представлена, её роль сопоставима с ролью бабушки [13: 90]. В русском языке слова *коза* и *козёл* по всем параметрам занимают отнюдь не периферийное положение в отличие от японского *яги* (без различия пола, буквально: горная овца). Последнее слово изолировано в системе языка и малочастотно (мне пришлось видеть, как целая группа японцев, встретив это редкое для них животное, долго не могла вспомнить его название).

Такие различия проявляются и в системе речевых жанров. В японском языке имеется жанр (или разновидность более общего жанра?) так называемых сезонных писем. Принято в периоды плохой погоды писать родственникам и друзьям письма сочувствия (*мимаи*) по этому поводу: существуют *кантёу-мимаи* ‘письмо сочувствия в связи с наступлением сезона холодов’, *сётёу-мимаи* ‘письмо сочувствия в связи с наступлением сезона жары’ и др., их форма жёстко стандартизована. В русском языке нет подобного жанра, а для вышеприведённых японских слов могут быть лишь описательные эквиваленты.

Многие из таких случаев объяснимы внеязыковыми факторами. В Японии всегда велика была социальная роль отца при незначительной до недавнего времени роли матери. Горная Япония никогда не имела развитого скотоводства, а козы туда практически не ввозились. Климат на японском побережье (где живёт большинство населения) подвержен резким колебаниям, но имеет чётко выделяемые сезоны. Но все вышеуказанные примеры – именно факты языка. И они могут сохраняться при изменениях в обществе: в современной Японии встречаются и женщины-руководители, но специфика женской речи, порождённая неравноправием, сохраняется. А многое с трудом поддаётся экстралингвистическому объяснению. Почему, например, в японском языке такое большое количество звукоподражаний и образоподражаний?

Естественно, подобная специфика выделяется и в русском языке, но нередко её трудно увидеть с позиции «изнутри», необходимо сопоставление с другими языками. И, разумеется, от анализа такого рода фактов трудно дойти до обобщений вроде «русской душе противопоставлено излишне логично-рациональное отношение к жизни» и до нравственных категорий.

И ещё один аспект проблемы. Английский социолингвист – неомарксист Н. Ферклу выделяет два вида власти, связанных с язы-

ком: власть в дискурсе и власть за дискурсом. Это разграничение напоминает разграничение В. И. Абаева, но «власть за дискурсом» – прежде всего, языковая политика (в том числе стандартизация языка, борьба с диалектами и пр.). Но «власть в дискурсе» – это как раз воздействие на слушающего (читающего) с помощью языковых средств. Обращается внимание на такие возможности косвенного идеологического воздействия, как использование в качестве синонимов не синонимичных слов, гипонимия, эвфемизмы, некорректное использование категорической модальности, номинализация, использование личных местоимений и пр. [14 : 115–129]. Всё это иллюстрируется материалом выступлений М. Тэтчер.

Ещё одна проблема, актуальная и для изучения мировоззрения, и для изучения мировидения, была когда-то (в статье 1948 г.) поставлена тем же В. И. Абаевым. «Каждый раз может возникать вопрос: является ли вскрытая анализом идеосемантика³ *актуальной, живой* или же *отжившей*, т.е. отвечает ли она нынешним, действенным и в данный момент нормам познания и мышления, или она отражает нормы более или менее отдаленного прошлого и до нашего времени потускнело, выветрилось? Ответ на этот вопрос оказывается далеко не легким» [7 : 69]. Выше приводился пример с собакой. А тексты русской классической литературы очень хочется использовать: считается, что такой писатель, как Ф. М. Достоевский, отражает «русскую душу» на все времена. Но всё же эти тексты написаны более столетия назад, с тех пор в стране и в языке слишком многое изменилось.

Расстояние между отдельными фактами языка или речевого поведения и русской (американской, японской, табасаранской и т.д.) душой вряд ли меньше, чем между фонетическими соответствиями родственных языков и происхождением языка. Последнее, кстати, и в современной науке активно изучается, о чём хорошее представление даёт книга [15]; однако среди теоретических возможных путей движения к происхождению языка ретроспективный путь от известных языков через праязыки оставлен. Стремление дойти до сути двигает науку вперёд, но перепрыгивание через необходимые этапы и смешение разнородных явлений делает многие исследования быстро устаревающими. И всё же остаётся надежда, что «детские болезни» функциональной лин-

гвистики будут постепенно преодолены и будут выработаны если не математические, то хотя бы убедительные и проверяемые методы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
2. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры. Категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 336 с.
3. Старостин С. А., Бурлак С. А. Сравнительно-историческое языкознание. 2-е изд. М. : Академия, 2005. 432 с.
4. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. ; Л. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1938. 510 с.
5. Алпатов В. М. Книга А. Мейе глазами некомпаративиста // Вопросы языкознания. М. : Наука, 2010. № 6. С. 3–15.
6. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
7. Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания. М. : Наука, 2006. 150 с.
8. Рамшвили Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. С. 5–33.
9. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худож. лит., 1972. 470 с.
10. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследование разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
11. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
12. Шайкевич А. Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок // Московский лингвистический журнал. № 8/2. М. : Изд. центр РГГУ, 2005. С. 5–21.
13. Гуревич Т. М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. М. : МГИМО, 2005. 201 с.
14. Fairclough N. Language and Power. L. ; N. Y. 1989. 151 p.
15. Бурлак С. А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М. : Астрель ; CORPUS, 2011. 464 с.

REFERENCES

1. Kibrik A. E. *Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam yazykoznanija* [Essays on General and Applied Problems of Linguistics]. Moscow, 1992. 336 p.
2. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, 2013. 336 p.
3. Starostin S. A., Burlak S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie* [Comparative-Historical Linguistics]. 2nd. ed. Moscow, 2005. 432 p.

³ Идеосемантикой В. И. Абаев называл изучение «идеологии, выраженной в языке».

4. Meillet A. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoeuropejskikh yazykov* [Introduction to the Comparative Study of the Indo-European Languages]. Moscow, 1938. 510 p.
5. Alpatov V. M. Kniga A. Meje glazami nekomparativista [The Book of A. Meillet. Sight of a linguist who is not Comparativist]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. Moscow, 2010, no. 6, pp. 3–15.
6. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow, 2010. 600 p.
7. Abaev V. I. *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniiya* [Articles on Theory and History of Linguistic]. Moscow, 2006. 150 p.
8. Ramishvili G. V. Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo yazykoznaniiya [Wilhelm von Humboldt – Founder of the Theoretical Linguistics]. Humboldt W. von. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, 1984, pp. 5–33.
9. Bakhtin M. M. *Problemy poehtiki Dostoevskogo*. [Problems of Poetics of Dostoyevsky]. Moscow, 1972. 470 p.
10. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i ehstetiki: issledovaniya raznykh let* [Problems of Literature and Aesthetics: Works of Different Years]. Moscow, 1975. 504 p.
11. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, 2005. 402 p.
12. Shaekevich A. Ya. Russkaya yazykovaya kartina mira v ryadu drugikh kartinok [Russian Linguistic Picture of World among Other Pictures]. *Moskovskiy Linguisticheskii Zhurnal* [Moscow Linguistic Journal]. No. 8/2. Moscow, 2005, pp. 5–21.
13. Gurevich T. M. *Chelovek v yaponskom lingvokul'turnom prostranstve* [Person in Space of the Japanese Linguistic Culture]. Moscow, 2005. 201 p.
14. Fairclough N. *Language and Power*. London; New York, 1989. 151 p.
15. Burlak S. A. *Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [Origin of Language. Facts, Investigations, Hypotheses]. Moscow, 2011. 464 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

КОММУНИКАТИВНЫЕ ДЕВИАЦИИ
И УСЛОВИЯ УСПЕШНОСТИ
РЕЧЕВОГО ЖАНРА

COMMUNICATIVE DEVIATIONS
AND CIRCUMSTANCES OF EFFICIENCY
OF SPEECH GENRE

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы успешности построения и восприятия речевых жанров в кооперативном общении. На примере коммуникативных неудач (коммуникативных девиаций), позаимствованных из художественной литературы на русском и украинском языках, формулируются условия успешности построения и восприятия речевых жанров в устном модусе общения как одного из ключевых понятий лингвистической генологии, включающего взаимосвязи между языковым воплощением намерений участников общения и нелингвистическими составляющими построения и восприятия речи.

Ключевые слова: коммуникативный акт, речевой жанр, речевой акт, условия успешности речевого жанра, коммуникативная девиация, пропозиционное содержание.

Abstract. The article presents an analysis of the problem of the efficiency of construction and perception of speech genres in cooperative communication. Exemplified by samples of communicative failures (communicative deviations) taken from Russian and Ukrainian fiction, the circumstances of the efficiency of construction and perception of speech genres in the oral modus of communication are formulated, where the oral modus is viewed as one of the key notions of linguistic genology that includes interrelations of the lingual realization of the communicants' intentions and non-lingual constituents of speech construction and perception.

Key words: communicative act, speech genre, speech act, circumstances of the efficiency of a speech genre, communicative deviation, propositional content.

Сведения об авторе: Бацевич Флорий Сергеевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания.

Место работы: Львовский национальный университет им. Ивана Франко, филологический факультет.

E-mail: florij@in.lviv.ua

About the author: Batsevich Floriy Sergeyeovich, Head of Department of General Linguistics, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Ivan Franko Lvov National University, Faculty of Philology.

Наблюдения над коммуникативным поведением участников вербальных интеракций (особенно в их устной форме) свидетельствуют о наличии коммуникативных неудач (девиаций), связанных с функционированием речевых жанров (далее РЖ) в дискурсах разных типов (см., например, обзор литературы в [1]). Один из возможных ответов на вопрос К. Ф. Седова «что такое норма речевого жанра и как можно квалифицировать ошибки, нарушения в ее соблюдении?» [2 : 74] может быть таким: значительная часть подобных девиаций возникает в силу нарушения имплицитных по своей сущности прагматических условий успешности порождения адресантом и восприятия адресатом конкретных типов РЖ. Рассмотрим пример из художественной литературы:

– Володя, что же ты такое сотворил! Разве ты не знаешь, какие силы стоят за этим бритоголовым Николашей? ... Ведь я тебя просил – и это ты хорошо помнишь – не делать поспешных шагов в этом чертовски сложном деле. А ты? ... Что ты наделал!

– Ты меня упрекаешь? – как-то очень живо спросил Владимир, словно только этого и ожидал.

– Что ты? – растерялся Сергей. – Я тебя не собираюсь упрекать. Я только хочу напомнить тебе, моему другу и компаньону, давний совет ничего не предпринимать в этом направлении. И только. ... А теперь давай думать, как выбираться из всего этого! (И. Пальцун. Свои и чужие).

Восприятие Владимиром слов Сергея как упрека неслучайно: ряд языковых форм (что же ты такое сотворил!; Ведь я тебя просил; А ты? Что ты наделал!), интонационные средства (представленные в печатном тексте восклицательным знаком) и общий коммуникативный смысл фрагмента позволяют его классифицировать таким образом. Вместе с тем, судя по словам Сергея, упрек не входил в его коммуникативный замысел (если, конечно, он от него в последний момент не отказался). Иначе говоря, в цитированном фрагменте общения семантика РЖ «упрек» не соответствует общей прагматической установке говорящего. Отсюда ощущение коммуникативной неудачи

одного из участников общения (Сергея). Иначе говоря, существуют определенные условия, по которым в пределах кооперативного типа общения возможно взаимопонимание его участников, обмен конкретными РЖ или их фрагментами – речевыми актами (далее РА).

В целом условия успешности общения – это необходимые и достаточные предпосылки осуществления недевиативного коммуникативного акта, достижение участниками общения согласия. Общие условия успешности коммуникативного акта включают ряд частных условий: наличие потребности в общении, настроенность на внутренний мир адресата (эмпатия), умение проникать в коммуникативный замысел (интенцию) собеседника, навыки варьирования способов языкового представления конкретного дискурсивного события, учет внешних обстоятельств протекания интеракции, умение придерживаться норм этикетного языкового поведения, соответствие планов и реальных схем воплощения интенций и замыслов и некоторые другие (см., напр.: [1 : 121–126; 3 ; 4 : 41–173]). Традиционно лингвисты основными условиями успешности общения считают необходимость построения соответствующих модусных и модальных характеристик высказываний, их перформативных составляющих [5 : 225]. Общие условия успешности глубоко имплицированы в процессы коммуникации, меняются в зависимости от конкретных контекстных и ситуативных условий общения; их, как правило, можно выявить и формализовать в случаях анализа коммуникативных неудач, недоразумений, непонимания, недопонимания и других типов языковых и коммуникативных девиаций.

В аналитической философии, а затем лингвистической прагматике понятие условий успешности было сформулировано для РА и прежде всего для перформативных высказываний Дж.Остином [6], а также разных типов прямых и не прямых РА (см., напр.: [6– 9; 10 : 199–201; 11 : 289–306] и др.). Условия успешности РА – это, как отмечал Дж. Серль, необходимые и достаточные условия «для успешного и недефектного осуществления акта» [12 : 162]. С позиций теории РА условия успешности – это, как правило, имплицитные семантико-прагматические коммуникативные смыслы пропозициональных составляющих, компоненты семантического разложения соответствующих перформативных и иных типов глаголов [13 : 63].

Несмотря на то, что в специальной литературе проблемы успешности РА и некоторых типов дискурсов освещены достаточно полно (см. литературу в [14 ; 15]), специфика

проявления и типология условий успешности РЖ остаются, фактически, не проясненными. Понятно, что для каждого конкретного типа РЖ набор этих условий будет уникальным, однако, на наш взгляд, есть все основания говорить о некоторых общих условиях успешности речежанровых образований как дискурсивных категорий. Ниже, используя примеры различных типов коммуникативных девиаций, имеющих место при порождении и восприятии РЖ в художественных произведениях на русском и украинском языках, попытаемся эксплицировать наиболее частотные типы проявлений их условий успешности в пределах кооперативного (или формально кооперативного) общения.

Наблюдения над девиациями в живом межличностном общении дают возможность говорить о том, что условия успешности опираются на коммуникативную организацию типичных РЖ в типичных контекстах и ситуациях общения.

Понятно, что классификация условий успешности РЖ может быть построена с опорой на любую из составляющих коммуникативного акта. В частности, можно говорить об условиях успешности порождения РЖ (личность адресанта), их восприятия (личность адресата); условиях успешности, связанных с физическим, психологическим, когнитивным и т.п. состоянием участников общения; спецификой каналов коммуникации, а также условиях успешности, проявляющихся в случаях влияния разных типов коммуникативного шума (физического, физиологического, психологического) и др. Однако, на наш взгляд, наибольшее внимание заслуживает типология, опирающаяся на критерии различения языковых и неязыковых условий успешности. Опираясь на эти критерии, выделим три типа условий успешности РЖ, выразительно эксплицируемых в разных контекстах и ситуациях общения: 1) условия успешности, касающиеся внешних (не языковых) аспектов порождения и восприятия РЖ; 2) условия успешности, связанные с организацией языкового кода в процессах порождения и восприятия РЖ. В пределах этого типа можно выделить два подтипа: а) касающиеся семантики и синтактики языковых средств и б) связанные с коммуникативным смыслом этих языковых средств, имеющих комплексную природу (см., в частности, [Бацевич 2005]); 3) условия успешности, касающиеся прагматических аспектов организации и функционирования РЖ. Поскольку условия успешности РЖ и случаи их нарушения относительно пунктов 1 и 2а, в лингвистической литературе представлены

довольно полно (см. примеры и литературу вопроса в [14]), ниже рассмотрим наиболее частотные случаи девиаций, сформулированных в пунктах 2б и 3, попутно отмечая некоторые случаи типов 1 и 2а.

Условия успешности, касающиеся семантики и синтактики языковых средств воплощения РЖ

Условия успешности РЖ этого типа прежде всего опираются на умения выбора говорящим (адресантом, автором) соответствующих их интенциям и замыслу языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических), а также разнообразных типов семантической и семантико-прагматической информации имплицитного характера (пресуппозитивного и ассертивного содержания, инференций, импликаций, импликатур и др.), РА, соответствующих конкретному типу РЖ, и др. Проиллюстрируем положение о необходимости соответствия семантики языковых средств интенциям построения РЖ примером из рассказа А. П. Чехова «Дипломат»:

Герой рассказа полковник Пискарев, которого родственники только что умершей Анны Кувалдиной послали к ее мужу с целью «осторожной его подготовки» к восприятию трагической новости, так строит текст, что доводит своего слушателя до истерики и потери сознания. Девиативность построения текста «успокоение» состоит в том, что Пискарев постоянно употребляет имена, дескрипции и предикаты, непосредственно относящиеся к тематической сфере «смерть»: вдовец, покойница, царство ей небесное, развязала тебя, вечный покой, панихида, не то чтобы умерла, а так... и т.п., а также глагольные формы прошедшего времени: я не любил ее; ты от нее ничего хорошего не видел и др.

Этот пример демонстрирует несоответствие семантики употребленных Пискаревым языковых средств типовым речевым средствам воплощения РЖ «успокоивания» или «подготовки собеседника к восприятию трагического известия».

Условия успешности, касающиеся смысловой организации РЖ

Условия успешности этого типа касаются значительного количества возможных вариантов смысловой организации РЖ, их «событийного» смысла. Ниже остановимся на двух достаточно частотных случаях проявления нарушений этого типа.

Известно, что каждый РЖ характеризуется спецификой проявления коммуникативных смыслов (см. подробнее [15]). В пределах конкретных типов РЖ наблюдаются свои

законы организации узуальных (априорных) и актуальных (апостериорных) коммуникативных смыслов, их взаимодействие, движение и т.п. Так, например, в письме как регулярном типе общения смысл манифестируется в описательно-информативном дискурсе. Соответственно, стереотип регулярного письма выглядит как совокупность РА, которые развивают определенную тему из ряда тем, важных для межличностного узуса корреспондентов. Иначе говоря, в случае, например, регулярной дружеской переписки для сохранения условий успешности должно иметь место определенное (хотя бы самое минимальное) информационное «движение» смыслов. Фрагмент письма, который представлен ниже, демонстрирует нарушение этого условия: наблюдается информационное «вращение» без сюжетного «продвижения» вперед:

*Дорогой Никандр Андреевич,
получил твое письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то, было, подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты уже давно женился, потому что, когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твое письмо и сразу подумал, что кажется, оно не от тебя, но потом подумал, что кажется, что не от тебя, но распечатал и вижу – точно от тебя. <...> Я сразу, как получил твое письмо, сразу решил, что оно от тебя, и потом, я очень рад, что ты уже женился. <...> Я очень обрадовался, как увидел твое письмо и сразу даже подумал, что оно от тебя. Правда, пока распечатывал, то мелькнула такая мысль, что оно не от тебя, но потом все-таки я решил, что оно от тебя. Спасибо, что написал. Благодарю тебя за это и очень рад за тебя. <...> Я рад за тебя потому, что ты женился, и именно на том, на ком и хотел жениться. А это, знаешь, очень хорошо жениться именно на том, на ком хочешь жениться. Вот именно поэтому я так рад за тебя. А также рад и тому, что ты написал мне письмо. Я еще издали решил, что письмо от тебя, а как взял в руки, так подумал: а вдруг не от тебя. А потом думаю: да нет, конечно от тебя. <...> (Д. Хармс. Письмо)*

Безусловно, с точки зрения «идеального» дружеского письма регулярного характера приведенный выше «шедевр» эпистолярного стиля необходимо признать аномальным. Вместе с тем легко представить адресата приблизительно такого же уровня мировосприятия, как и адресант, для которого подобное письмо будет информативным, коммуникативно достаточным, хотя бы по причине интуитивного осознания важности подержания этикетного общения.

Еще одной важной разновидностью условий успешности можно считать необходимость обращения к типичным для определенного РЖ априорным коммуникативным смыслам. Несоблюдение этих условий становится причиной коммуникативных девиаций, касающихся, прежде всего, аспектов восприятия РЖ адресатом (слушателем, читателем). Рассмотрим пример:

Микола підходив повільно. Було помітно, що він перебував у своєму обличчя з безтурботного на скорботне.

– Привіт, Ігоре. Я лише вчора дізнався, що трапилося...

«Зараз почне довго, методично, за всіма законами жанру висловлювати співчуття», – занудьгував Ігор, також роблячи обличчя відповідним ситуації. (М. Ілленко. Друзі)

В этом примере Игорь, не будучи филологом по образованию, точно определяет категориальную природу того высказывания, которое, как правило, касается речевой «процедуры» сочувствия, квалифицируя его как жанр. Можно утверждать, что узуальный (априорный) смысл РЖ проявляется как коммуникативный навык построения достаточно типизированных высказываний с характерной для них интенцией (адресант) и привычного восприятия именно этого коммуникативного смысла (адресат). Нарушение первого или второго условия становится причиной коммуникативных девиаций, то есть, прежде всего, «вычитывания» адресатом коммуникативного смысла, который адресант в РЖ не вкладывал. В представленном ниже примере, который уже рассматривался нами по другому поводу (см. [16]), наблюдается несоответствие типичной формы РЖ «признательность» актуальной форме, превращающей его в иной речежанровый тип – «угрозу»:

– Та що ти, Варко, – одмагалася від тієї вдячності вчителька. – Головиха і сама має розум і серце, їй підказувати не треба.

– Розум і серце має, так... Але вашого добра я вам не забуду, як хочете.

«Варка немов погрожує своєю майбутньою вдячністю», – подумалось Олені Левківні, й вона усміхнулась. (Є. Гуцало. Шкільний хліб)

Условия успешности, касающиеся прагматики порождения и восприятия РЖ

Этот тип условий успешности имеет ряд подтипов. Для понимания его сущности рассмотрим пример реализации РЖ «извинение» в одной из коммуникативных ситуаций:

В свое время москвичи со смехом рассказывали следующую историю. Известный и всеми уважаемый граф Х поместил в одной из газет объявление, в котором он приглашал в свою карету для общего путешествия по Европе двух желающих джентльменов с целью приятного времяпрепровождения в дороге. Братья Жемчужниковы и граф А. К. Толстой (создатели образа Козьмы Пруткова) предприняли шуточную акцию. Глубокой ночью к графу Х явился один из братьев Жемчужниковых и, аргументируя свои действия срочностью и важностью, попросил слугу разбудить хозяина. Когда тот явился, шутник в самых изысканных выражениях извинился за то, что он не может принять приглашение графа и составить ему компанию в путешествии. В следующие две ночи история повторилась в исполнении других участников шутки. Эта история стала известной государю императору, который «отечески пожурил молодых шалунов».

Почему этот шутливый поступок молодых людей не только не был воспринят графом Х как «серьезное», «искреннее» извинение, а справедливо квалифицировался как издевательство, в лучшем случае шутка? На наш взгляд, не только потому, что шутники извинялись ночью, что не отвечает общепринятым внешним условиям успешности самой «процедуры» извинения, а прежде всего потому, что нарушенным оказалось важное условие успешности прагматического характера, касающееся воплощения априорных коммуникативных смыслов, которое достаточно приблизительно (как, впрочем, большинство категорий прагматики) можно определить так: «типичное («нормальное», узуальное) извинение предусматривает искренность того, кто извиняется, и его личную «ангажированность» (даже если она присутствует исключительно в сознании адресанта) в ситуации, в которой он считает себя виновным». Иными словами, не стоит извиняться за то, что тебя не касается, за что ты (или твое окружение, за которое ты несешь определенную ответственность), не совершал.

Понятно, что такой тип условий успешности РЖ отличается от рассмотренных выше, поскольку опирается на иные типы коммуникативных смыслов (априорных и апостериорных), а также смыслов прагматических, «погруженных» в конкретный процесс общения, порождения типичного РЖ «извинение». Этот тип условий успешности имеет своей основой когнитивную деятельность человека, его коммуникативную память, опирающуюся на употребление типичных (узуальных) РЖ, и в целом имеет природу имплицатур. Такой тип прагматических условий успешности можно квалифицировать как и м п л и к а т у р ы Р Ж .

Еще одним подтипом условий успешности РЖ можно считать необходимость придерживаться стилевых и регистровых норм их воплощения. Неумышленное нарушение этого условия может стать причиной коммуникативных неудач, а сознательное его игнорирование – источником комического. Рассмотрим примеры записей в книге жалоб и предложений из рассказа А. П. Чехова «Жалобная книга», не отвечающих общепринятой серьезной тональности официального документа:

«Милостивый государь! Проба пера!» Под этим нарисована рожица с длинным носом и рожами. Под рожицей написано: «Ты картина, я портрет, ты скотина, а я нет. Я – морда твоя».

«Кто писал не знаю, а я дурак читаю».

«Господа! Тельцовский шулер!»

«Катенька, я вас люблю безумно!»

Примером несоответствия психологического состояния и коммуникативной роли одного из участников общения, его неумения построить соответствующие РЖ, которые соответствовали бы предложенным иным участником тональности и атмосфере общения, может служить известный юмористический рассказ А. П. Чехова «Толстый и тонкий»:

[Узнав, что толстый стал уже тайным советником, худой так строит свои высказывания]:

– Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

– Ну полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чиновничество!

– Помилуйте... Что вы-с... – захихикал тонкий, еще более съезживаясь. – Милостивое внимание вашего превосходительства... Вроде как бы живительной влаги... <...>

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощание руку.

Представленная в статье типология условий успешности далеко не исчерпывающая; ее стоит рассматривать всего лишь как одну из возможных попыток выявления их природы и роли в процессах порождения и восприятия РЖ как категорий коммуникативной лингвистики, лингвопрагматики и других направлений современной науки о языке. Условия успешности РЖ – одно из ключевых понятий лингвистической генологии, синтезирующих взаимосвязи между языковым воплощением намерений участников общения и нелингвистическими составляющими по-

строения и восприятия речевых жанров образований. По своей коммуникативной сущности условия успешности РЖ – это нежесткие тенденции порождения адресантом и восприятия адресатом типичных РЖ, «отработанных» в пределах достаточно частотных контекстов и ситуаций общения, которые сформировались в течение определенного (иногда весьма значительного) времени и сконцентрировали в себе наиболее характерные соответствия всем важнейшим жанровым составляющим в процессах непрерывного кооперативного общения носителей конкретной этнолингвокультуры. Поскольку РЖ – более сложно организованная категория коммуникации сравнительно с РА, ее условия успешности предполагают большее количество составляющих межличностного общения. В отличие от условий успешности РА, проявляющихся преимущественно с опорой на условия истинности их пропозиционального содержания, условия успешности РЖ проявляются на более широком дискурсивном фоне, включающем в себя, фактически, все составляющие коммуникативного акта. Выполнение условий успешности РЖ – необходимое основание для их построения и восприятия; не учитывая эти условия, нельзя построить и понять адекватные ситуации и контексту общения РЖ. Выявление условий успешности РЖ, установление их типов с учетом специфики общения в пределах конкретной этнолингвокультуры – важная проблема современной коммуникативной лингвистики, лингвистической прагматики, дискурсологии, теории и практики межкультурной коммуникации и, конечно, лингвистической генологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мустайоки А. Жанры речи и риски коммуникативных неудач // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 120–141.
2. Седов К. Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. М. : Языки славянских культур, 2004. 320 с.
3. Виноградов С. И., Платонова О. В. [и др.]. Культура русской речи. М. : Высш. шк., 1999. 549 с.
4. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Речевая коммуникация. М. : ИНФРА-М, 2003. 272 с.
5. Демьянков В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 223–235.
6. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 22–129.
7. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 170–194.

8. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 195–222.

9. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М. : Прогресс, 1986. С. 242–264.

10. Thomas J. Meaning in Interaction : an Introduction to Pragmatics. L. : Routledge, 1995. 240 p.

11. Клюев Е. В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия. М. : Рипол классик, 2002. 315 с.

12. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 151–169.

13. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью М. : Наука, 1985. 272 с.

14. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної девіатології. Львів : Видавничий центр Львів. нац. ун-ту, 2000. 236 с.

15. Бацевич Ф. С. Нариси з лінгвістичної прагматики. Львів : ПАІС, 2010. 336 с.

16. Бацевич Ф. С. Речевой жанр и коммуникативный смысл // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов : ИЦ Наука, 2005. С. 112–122.

REFERENCES

1. Mustajoki A. Zhanry rechi i riski kommunikativnykh neudach [Speech genres and risks of communicative failures]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 120–141.

2. Sedov K. F. *Diskurs i lichnost'. Evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality. Evolution of communicative competence]. Moscow, 2004. 320 p.

3. Vinogradov S. I., Platonova O. V. etc. *Kul'tura russkoy rechi* [Culture of Russian speech]. Moscow, 1999. 549 p.

4. Goykhan O. Ya., Nadeina T. M. *Recheyaya kommunikatsiya* [Speech communication]. Moscow, 2003. 272 p.

5. Dem'yankov V. Z. «Teoriya rechevykh aktov» v kontekste sovremennoy zarubezhnoy lingvisticheskoy literatury [«Theory of speech acts» in the context of modern foreign linguistic literature]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 223–235.

6. Ostin J. Slovo kak deystvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 22–129.

7. Searle J. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 170–194.

8. Searle J. Kosvennye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 195–222.

9. Searle J., Vanderveken D. Osnovnye ponyatiya ischisleniya rechevykh aktov [Basic notions of enumeration of speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 242–264.

10. Thomas J. *Meaning in Interaction: an Introduction to Pragmatics*. London, 1995. 240 p.

11. Klyuev E. V. *Recheyaya kommunikatsiya. Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstviya* [Speech communication. Efficiency of speech interaction]. Moscow, 2002. 315 p.

12. Searle J. Chto takoe rechevoy akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986, pp. 151–169.

13. Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nostyu* [Utterance and its interrelationship with reality]. Moscow, 1985. 272 p.

14. Batsevich F. S. *Basics of communicative deviatology*. L'viv, 2000. 236 p. (in Ukrainian).

15. Batsevich F. S. *Notes on linguistic pragmatics*. L'viv, 2010. 336 p. (in Ukrainian).

16. Batsevich F. S. Recheyoy zhanr i kommunikativnyy smysl [Speech genre and communicative sense]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 112–122.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕПРЯМОЙ
КОММУНИКАЦИИ И ЕЕ ЖАНРОВ:
ВЗГЛЯД ИЗ 2013-го**

**ACTUAL PROBLEMS OF INDIRECT
COMMUNICATION AND ITS GENRES:
A VIEW FROM 2013**

***Аннотация.** Обсуждаются аспекты проблемы непрямо́й коммуникации в лингвистике последних десяти лет. В статье дается краткий обзор состояния современной лингвистики и места в ней проблематики непрямо́й коммуникации, представляются основные направления новейших исследований по данной проблеме, а также те типы и аспекты непрямо́й коммуникации, которые впервые становятся объектом внимания ученых.*

Отдельно обсуждаются проблема непрямо́й коммуникации и лингвосемиотика; непрямо́я коммуникация и лексическая семантика; проблема непрямо́й коммуникации и когнитивная лингвистика; место проблематики непрямо́й коммуникации в парадигме дискурсивного анализа; проблемы непрямо́й коммуникации и современная социолингвистика; непрямо́я коммуникация и речевые жанры.

***Ключевые слова:** непрямо́я коммуникация, лингвосемиотика, лексическая семантика, когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, социолингвистика, речевые жанры.*

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

***Abstract.** In the article the aspects of the problem of indirect communication in linguistics of the last ten years have been discussed. A brief overview of the state of modern linguistics and its place in the problems of indirect communication has been provided. The main directions of recent research on this issue have been presented, as well as the types and aspects of indirect communication that had not become the object of attention of linguists. Separately, the problem of indirect communication and linguosemiotics has been discussed, indirect communication and lexical semantics, the problem of indirect communication and cognitive linguistics, the role of indirect communication problems in the paradigm of discourse analysis, the problems of indirect communication and modern sociolinguistics; indirect communication and speech genres.*

***Key words:** indirect communication, linguosemiotics, lexical semantics, cognitive linguistics, discourse analysis, sociolinguistics, speech genres.*

The work was completed with financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the main part of state assignment in the sphere of scientific research under Assignment no. 2014/203, project code 1549.

***Сведения об авторе:** Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.*

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

***E-mail:** dementevvv@yandex.ru*

***About the author:** Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.*

Place of employment: Saratov State University

Введение

10 лет прошло после выхода первого и на настоящий момент единственного выпуска сборника «Прямая и непрямо́я коммуникация» [1]. В сборник удалось собрать главных на тот момент специалистов по теории непрямо́й коммуникации (и «коммуникации просто»), таких корифеев как А. Вежбицкая, А. А. Залевская, В. И. Карасик, К. Ф. Седов, И. А. Стернин.

Не удивительно поэтому, что сборник стал довольно заметным событием в развитии соответствующей теории (это видно и по цитированию; наглядно показывает это любой интернет-поисковик), начиная со став-

ших с тех пор программными работ Анны Вежбицкой «Культурная обусловленность категорий “прямота” vs “непрямота”», Малгожаты Киты «Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка». В сборник вошли фундаментальные работы по теории непрямо́й коммуникации отечественных и зарубежных специалистов – профессоров Л. В. Балашовой (Саратов), И. Н. Борисовой (Екатеринбург), И. Т. Вепревой (Екатеринбург), Сабине Дённингхаус (Базель), В. И. Жельвиса (Ярославль), В. И. Карасика (Волгоград), А. В. Кравченко (Иркутск), В. П. Москвина (Волгоград), Б.Ю. Нормана (Минск), А. В. Олянича (Волгоград),

Н. В. Орловой (Омск), А. Г. Поспеловой (Санкт-Петербург), И. И. Прибыток (Саратов), К. Ф. Седова (Саратов), И. А. Стернина (Воронеж).

Сборник предваряла моя редакторская статья «Проблемы непрямо́й коммуникации», в которой я, с одной стороны, давал обзор основных работ и направлений теории НК, пытался систематизировать основные проблемы, решаемые в этой предметной области (в основном эти данные приводились по моей докторской диссертации «Основы теории непрямо́й коммуникации», которую я защитил незадолго до выхода сборника [2]). С другой стороны, представлялись работы, вошедшие в сборник, – их разнообразие и «трендовость», т.е. соответствие первому аспекту, уже тогда, конечно, были вполне очевидны.

Сегодня, перечитывая те работы, которые вошли в сборник 2003 г., и те работы, из которых составилась основная система теоретических представлений в моей диссертации, и – особенно – те новые работы, которые появились уже после, я убеждаюсь, что был прав тогда, говоря:

«...большинство авторов <...> (как российских, так и из «ближнего и дальнего зарубежья»), которые представляют очень разные исследовательские направления и школы, привлекают положения разных смежных наук и пользуются разной терминологией), понимает изучение непрямо́й коммуникации как одно из наиболее актуальных направлений языкознания» [1 : 6].

Я выделял ряд аспектов НК, которые считал наиболее актуальными, а подтверждение находил в том, что соответствующая проблематика частотно и подробно была представлена в статьях, вошедших в сборник.

Так, в 2003 г. было уже очевидно, что к НК в той или иной степени тяготело большинство новых разрабатываемых **коммуникативных моделей**, необходимость которых – на смену устаревшей кодовой модели – диктовалась самой жизнью (ряд таких моделей обсуждался в статьях А. А. Залевской и А. В. Кравченко).

Сюда я относил, например, различные аспекты **планируемой** непрямо́й коммуникации: проблема непристойности (В. И. Жельвис), социолингвистические и психолингвистические факторы порождения и интерпретации НК (И. Н. Борисова), непрямо́е сообщение (С. Дённингхаус), непрямо́е воздействие (А. Ю. Беляева, А. В. Олянич, К. Ф. Седов, А. Г. Поспелова и Е. Н. Шустрова), непрямо́е общение (С. Н. Плотникова).

Подчеркивалась (вслед за А. Вежицкой, чья статья вошла в сборник) важность **культурологического** аспекта НК, особенно в сопоставительном

плане: за использованием тех или иных форм в разных культурах могут стоять разные принципы общения и ценности, например, те смыслы, которые считается недопустимым выражать прямо в одной культуре, вполне допустимо выражать в другой, и, наоборот, те смыслы, которые обязательно должны быть выражены в речи для нормального протекания коммуникации в рамках одной культуры, могут быть несущественными в другой.

Наконец, актуальной проблемой теории НК была (и есть) языковая игра, эстетическая коммуникация, **креативная** функция языка в целом (статьи Е. В. Ермаковой, В. П. Москвина, Б. Ю. Нормана).

Кстати, фактически те же самые тенденции были подмечены в рецензии на сборник, написанной В. И. Шаховским и С. В. Ионовой вскоре после его выхода [3]:

Авторы рецензии считают, что изучение понятия «*непрямо́я коммуникация*», «стремительно вошедшего в лингвистический обиход» [3 : 373], – «перспективное направление исследования не только речи, но и языка, оно является теоретически значимым и практически необходимым, поскольку это лингвистика человека с его эмоциями, пристрастиями, ошибками» [3 : 381-382]. Значение и причину актуализации и разработки теории непрямо́й коммуникации авторы видят (вслед за А. А. Залевской) в самой логике развития современной лингвистической науки, в которой язык выступает в качестве действенного инструмента познания и коммуникации для реального (живого) индивида [3 : 375].

В. И. Шаховский и С. В. ИONOVA дают высокую оценку сборнику в целом, общетеоретическим и частным статьям, в него вошедшим (хотя отмечают «несколько искусственную рубрикацию сборника в силу довольно большого многообразия (разброса) тем включенных в него статей» [3 : 373]).

Сегодня, через 10 лет после выхода сборника, проблема непрямо́й коммуникации по-прежнему остается актуальной в лингвистике¹, хотя в чем-то она решается прежними методами (в том числе отраженными в сборнике 2003 г.), а в чем-то – естественно – по-другому.

Как и 10 лет назад, главная теоретическая проблема связана с крайней обширностью и неоднородностью поля НК, с неочевидностью полезности и даже возможности общего для всех явлений / участков такого поля определения НК.

Соответственно исследования последних 10 лет либо пользуются таким определением НК и рассматривают отдельные явления как частные случаи общего поля НК, либо не

¹ Это хорошо видно, например, по количеству работ (в том числе диссертаций), непосредственно

пользуются таким определением – и рассматривают отдельные косвенные речевые акты, намеки, манипуляции и т.д. вне данного общего поля.

Так, если идти от дискурса и его прагматики (что как будто бы наиболее естественно при изучении коммуникации), на «звание номер один» в этом поле претендуют *косвенные речевые акты* – но еще *манипуляция*, и *ирония*, и *эвфемизмы*, и *флирт*... Понятно, что перечислять придется долго, и рано или поздно в этом поле окажется вся *имплицитность*, рано или поздно, но неизбежно – *шутки* и *юмор* в целом (а их одних бы хватило на чрезвычайно обширную и солидную «теорию НК!»), а еще – художественное творчество и художественная коммуникация (т.е. *тропы*, *образы* и т.д. – и далеко не только это). Наконец, рано или поздно в рассмотрение теории НК придется включить и *метафору* – и мысль эта лично меня, например, просто пугает... ибо является верным признаком «заглядывания в бездну».

посвященных не прямой коммуникации. Сами за себя говорят уже названия работ: см. **диссертации**: «Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе» Э. В. Булатовой [4], «Аргументация в контексте не прямой коммуникации (на материале английского языка)» Т. В. Федоровой [5], «Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков)» А. П. Марюхина [6], «Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения» Л. Н. Саакяна [7], «Речевая агрессия в не прямой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы)» Э. Э. Паремушавили [8]; ср. также **статьи**: «Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса» М. М. Филипповой [9], «Телевизионный дискурс в аспекте теории прямой и не прямой коммуникации» Е. Г. Григорьевой [10], «Национально-культурная и индивидуально-личностная специфика не прямой коммуникации» Л. А. Козловой [11], «Митигативные стратегии в не прямой коммуникации» С. С. Тахтаровой [12], «Непрямые (косвенные) реализации интенции отказа в речевом общении русских с позиций речевого этикета» Т. В. Несеровой [13], «Непрямое информирование в современных СМИ» Н. И. Клушиной [14], «Непрямая коммуникация в межкультурных контактах» Т. М. Гуревич [15], «Фасцинативная составляющая в не прямой коммуникации» Е. В. Омельченко [16] и мн. др. – и это только те работы, где *п р я м о* в названии использовано слово *не прямой/косвенный*; перечислить же все, где изучается или обсуждается данный феномен, аспекты соответствующей теории и методики, попросту невозможно: это, без преувеличения, сотни работ за 10 лет.

Главное, чтобы признать, что это не только «родственные типы», но еще и важное и глобальное лингвистическое явление, нужна ясность – а до непротиворечивой системы в теории и практике еще очень далеко. Да и как бы могла выглядеть такая теория? Язык (а еще больше – речь) ведь изначально является чрезвычайно «неподатливым материалом» для любых претендующих на стройность моделей (этим отличались, как известно, прежде всего, системно-структурные модели, но и сегодня таких появляется совсем не мало). Первое логическое противоречие обнаруживается сразу же, как только мы пытаемся объяснить НК через связь с языком, из простейшей посылки: обычный человек, носитель естественного человеческого языка, может сказать нечто прямо, а может – непрямо. Этот, по сути, трюизм с неизбежностью имеет два прямо противоположных следствия, касающихся «прямоты» и «непрямоты» как коммуникативных, так и языковых средств: а) всё, что есть в языке, – прямо, всё остальное – непрямо; б) в самом языке есть и прямое, и не прямое. Это противоречие обнаружили много веков назад (ср. «Критику языка» в средневековье) и, конечно, много раз пытались объяснить, «втиснуть» в какую-нибудь концепцию (иногда очень интересную и полезную): *актуализация* ⇒ *вариативность* (Ш. Балли), *смысл* ≠ *значению* (Г. Фреге, К. Бюлер), *асимметрия языка* (С. Карцевский), *семантичность* (Э. Бенвенист), *политропия* (П. Фридрих), *полиморфизм* (В. В. Налимов), *фасцинация* (Ю. В. Кнорозов), *неформализованность* (А. Соломоник)...

Продолжают появляться – при анализе речи разных типов – вопросы наподобие: «*Это – скрытое...?*» (что?), «*Это – намек?*» (на что?), «*С какой целью это говорится косвенно?*», а также – несколько более терминологично – «*Это косвенный речевой акт? / косвенный речевой жанр?*» (и какой тогда по отношению к нему прямой?) и т.д.

Раньше, как мы хорошо помним, эти вопросы относились к наиболее острому, принципиальному, а также частотному в теории не прямой коммуникации – сегодня же они звучат несколько не менее остро, принципиально и т.д., а также (увы) не менее часто, чем раньше. Проблема, как и прежде, в том, что лингвистически, семиотически, семантически и т.д. корректных методов, позволяющих абсолютно уверенно дать точные ответы на эти вопросы, кажется, не сильно при-

бавилось. (Нельзя, конечно, сказать, что совсем не прибавилось – см. ниже.)

Наиболее же сакраментальный (и наиболее частотный) вопрос: «*Что этим хотели сказать?*» вообще представляется «вечным как сам человек».

В то же время (и люди – и лингвисты, и нелингвисты – это прекрасно понимают... или, так сказать, *чувствуют*) общее явно есть и между косвенными РА (типа *Не могли бы вы открыть окно?*), и намеками, и шутками, и художественными образами... и, например, выражениями типа *ходить вокруг да около / говорить напрямому*: это общее в том, что все названные явления входят в бинарные оппозиции, очень напоминающие оппозицию «прямо ~ непрямо». С другой стороны, этого общего у названных явлений гораздо меньше (или почти нет) с такими базовыми в других лингвистических концепциях оппозициями, как: письменный / устный, вербальный / невербальный, индивидуальный / массовый...

Подчеркнем: за 10 лет сама лингвистика стала несколько иной и несколько по-иному решает проблему «непрямоты» (непрямой коммуникации), каковая проблема, как уже было сказано, продолжает оставаться актуальной, причем (несколько забегаая вперед) фактически во всех новых направлениях лингвистики. Нам представляется, что сегодня лингвистика в целом более готова к решению проблемы непрямо́й коммуникации – и решает ее лучше, чем 10 лет назад. Это мы тоже попытаемся и показать, и доказать.

Соответственно настоящая статья преследует две цели: во-первых, показать, в чем современная теория непрямо́й коммуникации была уточнена и модифицирована за эти 10 лет (будет дан краткий обзор состояния современной лингвистики и места в ней проблематики НК), во-вторых, представить основные направления новейших исследований по данной проблеме – особенно новые направления, которых 10 лет назад просто не существовало, а также те отдельные типы, разновидности и аспекты непрямо́й коммуникации, которые раньше не становились объектом внимания ученых².

1. Проблема непрямо́й коммуникации и лингвосемиотика

Как уже было сказано, базовые семиотические положения теории непрямо́й коммуникации 10 лет назад включали:

- общее **определение НК**, имеющее отчетливый знаково-семиотический характер (содержательно осложненная коммуникация, в кото-

рой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата);

- **модель НК**, включающую два аспекта (прочтение высказывания в НК определяется условиями ситуации общения; обязательным свойством НК является креативность).

² Хотя в этой статье приводится в основном обзор отечественных работ, перечисляемые здесь проблемы НК в современной лингвистике имеют мировой масштаб, а не внутрисоветский (т.е. локальный). Так, в современной западной дискурсивной, коммуникативной, когнитивной и т.д. лингвистике актуальными являются проблемы коммуникативных неудач, обусловленных НК: ищутся способы устранения непонимания [17–20], повышения эффективности коммуникации [21], в том числе интенсивный мониторинг адресата для лучшего понимания [22], более активная интерпретация [23–25], попытки адресата избежать влияния [26], избегание двусмысленности и неопределенности [27 ; 28]. Наконец, следует подчеркнуть круг проблем, непосредственно касающихся базовых свойств НК (с использованием термина *непрямая коммуникация* или без него): прочтение анекдотических и др. «непрямых» ситуаций [29 ; 19 ; 25], в том числе фатических типа *small talk* [30]; изучается их обусловленность языком [31].

Следует подчеркнуть, что отечественная и западная традиции изучения непрямо́й коммуникации / косвенности совпадают в главном: определяющим считается наличие смыслов, которые выводятся не из буквального значения слов и синтаксических правил в высказывании, а откуда-то еще. Это «откуда-то еще» охватывает, как отчасти будет показано в параграфах этой статьи, чрезвычайно широкий диапазон явлений самой разной семиотической природы. В отечественной традиции изучения непрямо́й коммуникации эта разнородность и обширность поля НК постоянно подчеркивается. Тогда как в западной традиции косвенность обычно связывается с более ограниченным кругом явлений, и прежде всего – интертекстуальностью. А именно: знание, память говорящего о том, что его высказыванию предшествовали чьи-то другие, похожие на него или нет, но обязательно каким-то образом с ним связанные, заставляет говорящего и слушающего в чем-то иначе интерпретировать это высказывание, а в чем-то – и иначе строить (например, какую-то часть, которую помнят из этих чужих предшествующих высказываний, можно просто опустить). Эта традиция хорошо представлена в статье Деборы Таннен, перевод которой вошел в этот номер журнала.

Видимо, есть смысл напомнить, как «действуют» на конкретном материале эти два аспекта модели НК, а также определение НК, поскольку данные положения, вообще говоря, составляли (и составляют) основу теории НК. Рассмотрим три примера, которые мне с этой точки зрения представлялись и представляются наиболее яркими и убедительными.

(1) *Не получаем зарплату с августа 1996!* (лозунг, Екатеринбург, 1998).

Данный текст является ярким примером НК: во-первых, его интерпретация как лозунга невозможна вне контекста конкретной ситуации – демонстрации протеста. Невозможно представить данный лозунг в качестве настенного украшения на предприятии – например, в том месте, где в советское время было принято вывешивать изображение Ленина (если он появится там, демонстрация протеста автоматически распространится на предприятие). В то же время текст *Не получаем зарплату с августа 1996!* можно представить в другой ситуации даже в качестве лозунга, но уже с совершенно другим коммуникативным содержанием: например, люди принимают обязательство прожить сколько-то лет без зарплаты и рапортуют о своих достижениях. Таким образом, текст лозунга семантически неполнозначен. Во-вторых, лозунг передает целый ряд коммуникативных смыслов одновременно. Текстом *Не получаем зарплату с августа 1996!* объясняется причина того, почему люди вышли на демонстрацию протеста. Но для данной цели, собственно говоря, не нужен текст столь определенного содержания: теперь уже контекст ситуации демонстрации протеста наполнил бы вполне определенным смыслом и гораздо более простое и неопределенное коммуникативное действие (например, демонстративное выворачивание пустых карманов. Как известно, в 30-е гг. прошлого века на демонстрациях протеста американские домохозяйки били в пустые кастрюли; сейчас подобное регулярно делают греческие, испанские и т.д. домохозяйки). Подобные действия передают коммуникативные смыслы, но смыслы неопределенные: можно понять, что в домах кастрюли пустые, следовательно, людям нечего есть, следовательно, они требуют повысить зарплату; но при этом неясно, например, как долго кастрюли пусты. Текст *Не получаем зарплату с августа 1996!*, с одной стороны, является сообщением, при этом не только по форме, но и по содержанию, давая исчерпывающую информацию «как долго». Два важнейших содержательных компонента лозунга – волеизъявление и оценка – выражены имплицитно через констатацию факта социального неблагополучия (см.: [32]). С другой стороны, лозунг наполняется смыслом только в контексте ситуации демонстрации, то есть текст его, будучи коммуникативно точным, одновременно семантически неполнозначен. Лозунг является одновременно языковым сообщением и «знаменем» в борьбе. В этом продуцировании двух смыслов одновременно и состоит главная особенность

данного лозунга как НК. Чтобы понять, какие интерпретативные механизмы задействованы при прочтении нескольких смыслов, транслируемых одновременно, семиотическую модель НК удобно обозначить как *д и а д у* – в примере (1) это диада «сообщение ~ лозунг».

(2) *Пчела за данью полевой летит из кельи восковой...* (А. Пушкин).

Как и в предыдущем примере, интерпретативная деятельность адресата данного высказывания (читателя художественного текста) имеет многоступенчатый характер. Понимание смысла тропа отталкивается от стандартных значений лексем, но в сознании читателя действует некий механизм, позволяющий «добавлять» смыслы к буквальному содержанию высказывания. В другой ситуации этот механизм «отключен», поэтому, встретив выражения *полевая дань* и *восковая келья* не в поэтической речи, человек скорее всего будет обескуражен (представим себе разговор на рынке с продавцом мёда). В целом восприятие текста *Пчела за данью полевой летит из кельи восковой* в значительной степени зависит от актуальной конфигурации элементов сознания адресата. Эта цитата может натолкнуть его на очень разные мысли, чувства, ассоциации, предположения. Диаду, лежащую в основе НК (2), трудно точно определить. (С такими затруднениями хорошо знакомы исследователи художественной речи.) Могут быть предложены варианты типа: «эпитет ~ троп» или: «значения лексем и граммем ~ фасцинация (художественный смысл)».

Важно подчеркнуть, что содержательная сложность, дополнительный шаг интерпретации адресата не делают НК прерогативой «сложных» сфер общения. Ср. третий пример:

(3) *(СОСЕДКИ ПО ДОМУ А. И Б. ВСТРЕЧАЮТСЯ НА УЛИЦЕ)*

А. *Здрасьте / что там в овощном?*

Б. *Ничё нету //*

А. *Совсем?*

Б. *Токо картошка //*

А. *Молодая?*

Б. *Нет / старая // А больше ничего //*

А. *Ну пойду посмотрю //* [33 : 358-359].

Мы относим этот диалог к НК на следующих основаниях: наличие смысловых лакун в тексте разговора, неточность передаваемой информации, непредсказуемость реакций, неопределенность коммуникативных намерений говорящих. Невозможно сказать, означает ли последняя реплика А. *Ну пойду посмотрю* то, что А. осталась неудовлетворена ответом Б. и хочет получить более точную информацию (тогда действительно лучше *пойти посмотреть* самой), или же А. хочет сообщить, что отправляется *посмотреть* старую картошку (что маловероятно). Но какого удовлетворительного ответа могла ожидать А. на свой вопрос *Что там в овощном?* Складывается впечатление, что А. вообще не ждет ответа как такового. Точно такая же реплика *Ну пойду посмотрю* скорее всего была бы произнесена ею и в случае исчерпывающе подробного рассказа

Б. о том, что там в овощном (тогда она была бы даже более уместна, чем после лаконичного *Ничё нету // токо картошка*). Кроме того, заключительная реплика несет мета-коммуникативную, регулятивную нагрузку, и ее следует интерпретировать прежде всего как речевой ход, замыкающий интеракцию и закрывающий тему диалога.

Диада, лежащая в основе НК (3), может быть определена как: «запрос информации ~ потребность в другой информации, чем та, которая может быть передана в рамках данной коммуникативной ситуации»;

- **классификацию НК**, где основные типы выделялись тоже на семиотических основаниях – степень конвенциональности базовых диад (от ядерных предложений до нетипизируемой даже жанрово коммуникации);

- **сравнительное** изучение языковых единиц и структур (неизосемических), имеющих разную степень конвенциональности; а также сравнительное изучение разных языков с точки зрения того, какие разные участки в них подвергаются грамматикализации.

Континуум коммуникативных смыслов, в которые вступает человек в своей жизни, по-разному концептуализируется в каждом национальном языке. То, что в одних языках прерогатива непрямого общения, в других может выражаться специализированными грамматическими категориями. Ср., например, категорию *указательности* (в степени дробности выражения указания на место, пространственно-временное отношение и т.д.) [34 : 79]; категорию *рода* [35]. (Данная категория порождает в языках, знающих грамматический род, большие возможности для выражения экспрессии. Известны многие несоответствия при переводах. Иногда порождаются смыслы, каких не было в оригинале, например, в басне И. А. Крылова о стрекозе и муравье, представляющей собой переложение басни Лафонтена о кузнечике и муравье. Во французском языке существительные *sauterelle* 'кузнечик' и *fourmi* 'муравей' одного рода (женского), в русском же языке *стрекоза* женского рода, *муравей* – мужского. В результате в русском варианте, помимо основного смысла: справедливое возмездие за праздность и паразитизм, – продуцируется новый смысл: жадный и злой мужчина отказывает в помощи голодной и озябшей женщине (трудно сказать, видел ли сам И. А. Крылов этот новый смысл). Очень интересна история переложения на русский язык стихотворения Г. Гейне о северной сосне и пальме. В оригинале присутствовал смысл любви между мужчиной и женщиной: *ein Fichtenbaum* (существительное мужского рода) и *eine Palme* (существительное женского рода). Сохранить этот смысл в русском переводе было очень легко: для этого нужно было, чтобы «сосне» подлинника соответствовало название дерева мужского рода. Так сделали Ф. И. Тютчев (лирические герои *кедр* и

пальма), А. Н. Майков (*кедр* и *пальма*) и А. А. Фет (*дуб* и *пальма*). Напротив, у М. Ю. Лермонтова («*На севере диком стоит одиноко...*») нет противопоставления по роду: *сосна* (существительное женского рода) видит во сне *пальму* (тоже женского рода). М. Ю. Лермонтов, несомненно, сознательно элиминировал первоначальный сексуальный смысл, тем самым в его стихотворении выражен только мотив одиночества.)

Все эти проблемы продолжают оставаться актуальными сегодня. В этом отношении показательно современное развитие некоторых семиотических теорий, чьи положения были принципиальны для теории непрямого общения 10 лет назад.

Так, израильский философ, семиотик и лингвист Абрам Соломоник, идеи которого во многом легли в основу теории НК, разрабатываемой в моей докторской диссертации 2001 г., с тех пор написал более десятка монографий по семиотическим, знаковым проблемам коммуникации, которые были изданы в форме «бумажных» книг или выставлены в сети Интернет (в 2001 г. «широкий читатель», включая меня, был знаком только с одной его книгой – «Семиотика и лингвистика»). В данных работах его версия семиотики развивается и апробируется на частных ответвлениях в лингвистике, педагогике, рекламе, картографии. Интересующиеся могут ознакомиться с авторским сайтом А. Соломоника: <http://nounivers.narod.ru/pub/opsol.htm>, где представлены и его книги (прежде всего обобщающая и последняя на данный момент монография «Теория общей семиотики»), и библиография по проблеме, а также архив чужих статей, поднимающих эти и смежные вопросы³.

Очевидно, что всё это были и есть не только чрезвычайно важные, но и сложные вопросы, ответы на которые 10 лет назад были даны только предварительные, а ряд сложностей и противоречий так и не получили удовлетворительного решения.

Например, коммуникация, выраженная ядерным предложением типа *Мальчик бежит*, отличается по интерпретативной активности адресата от коммуникации, выраженной эллиптическим предложением или тропом, неконвенциональным или невербальным высказыванием. Коммуникация, выраженная ядерным предложением, в большей степени опирается на смыслы, выраженные лексикой и грамматикой языка (значения). Однако возможны случаи, когда коммуникация, выраженная ядерным предложением *Мальчик бежит*, требует

³ На этом сайте я, например, с приятным удивлением обнаружил и свою статью «Прямая и непрякая коммуникация в онтогенезе»: http://nounivers.narod.ru/pub/as_qs12.htm.

больших интерпретативных усилий, чем эллиптическая (высказывание *Мальчик бежит* может быть сообщением о спортивном беге, беге от опасности, о встрече).

На мой взгляд, настоящим теоретическим «прорывом» в этой семиотической сфере была фундаментальная работа В. И. Карасика «Лингвoseмиотическое моделирование ценностей» по наиболее общим и одновременно актуальным в современной научной парадигме проблемам семиотики, коммуникации, лингвокультурологии и ценностной языковой картины мира [36].

Исследователь обосновывает необходимость учета в современной семиотической интерпретации коммуникации и текста субъектов коммуникации и воздействия (шире – эффекта). Вслед за Н. Л. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдером [37] В. И. Карасик подчеркивает, что информация в тексте вообще может восприниматься, только если адресат в этом тексте находит для себя fascination, при этом возникает новый тип fascination: к аттрактивности исходного текста добавляется индуцированная fascination, возникающая в сознании адресата. Как видим, речь идет о творческом участии адресата в осмыслении информации. При этом очень важно, что в непрямой коммуникации fascination сообщения становится более значимой, это прослеживается, в частности, в майевтических диалогах Сократа, в ходе которых адресат из ученика превращается в сотворца.

Очень интересна «семиотическая схема содержания дискурса», которую предлагает В. И. Карасик с позиций интерпретативной лингвокультурологии:

По признаку прямого / непрямого выражения информации все тексты в единстве со своими контекстами могут быть разбиты на два соответствующих смысловых класса. **Прямое** выражение информации распадается на ряд разновидностей, среди которых можно выделить **симпрактическое** сообщение («По пути домой купи хлеб»), **эмотивное** высказывание («Вот это да!»), **комментарий** («Я сразу не ответил на звонок – батарейка села»)… Возможны ситуации, в которых эти высказывания будут восприняты как пароль или как-то иначе, но достаточно часто подобные фразы воспринимаются в их буквальном смысле, не требующем поиска скрытого содержания. **Непрямое** выражение информации, в свою очередь, представлено тремя типами смыслов – эмблематическим, аллегорическим и символическим.

Эмблематическое восприятие сообщения – это идентификация отправителя речи или коммуникативной ситуации. Можно установить следующие разновидности эмблематического смысла: **ориентационный** (оценка ситуации по ее соответствию ожидаемому положению дел – «Пожа-

луйста, предъявите билет»), **статусный** (определение соотношения участников общения по их социальному статусу – «Разрешите обратиться»), **парольный** (переключение в режим общения с новым, недоступным для посторонних означиванием коммуникативной ситуации – «Над всей Испанией безоблачное небо»). Эмблематический смысл воспринимается как помимовольно, так и намеренно и является важным компонентом фатического общения.

Аллегорический смысл представляет собой рационально выводимое содержание сообщения и по своим основным функциям проявляется в следующих разновидностях: **дидактической** («Скрипучая дверь долго висит»), **эвфемистической** («Его сегодня с нами нет»), **орнаментальной** («Что ж бунтуете, молодой человек? Перед вами же – стена! – Стена, да гнилая. Ткни – и развалится»). Специфика аллегорического смысла состоит в единственно возможной интерпретации исходного высказывания, поэтому он часто актуализируется в педагогическом, религиозном или политическом дискурсе.

Символический смысл отличается своей принципиальной неисчерпаемостью, символическое высказывание допускает множество толкований, причем каждый участник общения открывает новые глубины в символическом тексте при каждом новом обращении к нему. Можно выделить три типа символических смыслов: **эмпатический** (эмпатия – гр. «вчувствование»), моментально соединяющий картины миров участников общения благодаря мощной fascination текста (М. Ю. Лермонтов, «Выхожу один я на дорогу...»), **эйдети́ческий** (эйдос – гр. «образ»), захватывающий яркостью и значимостью используемых образов (А. П. Цветков, «тому кто лишь в воздухе дрожь или соль в золе / неважно уже как живут на его земле / ни снежное над головой шевеленье пихт / ни белое по голубому ристанье яхт»), **энигматический** (энигма – гр. «загадка»), очаровывающий парадоксальной многозначностью (А. А. Тарковский, «Я по каменной книге учу вневременный язык. / Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти, / И уже я по горло в двухмерную плоскость проник, / Мне хребет размолот на мельнице жизни и смерти») [36].

Нельзя не согласиться с В. И. Карасиком в оценке важности при семиотической интерпретации коммуникации и текста субъекта и воздействия. Как известно, лингвисты всегда стремились изучить эффект, к которому стремится каждый оратор, политик, художник (и не только): чтобы что-то «задело» адресата. Этим давно и успешно занимаются практики: имиджмейкеры, копирайтеры... С другой стороны, для «адресата с запросами» привычен поиск: как мне сделать (какие тексты читать, искать), чтобы «задело» – меня? (выражаясь в терминологии В.И. Карасика, как достичь «состояния шарма»?).

2. Непря́мая коммуникация и лексическая семантика

Выделение данного аспекта изучения НК закономерно, учитывая, что сами номинации *прямой / непря́мой* представляют собой **метафоры** (как и тоже выражающие идею «прямоты») дериваты типа: *говорить прямо, напрямую, напрямик и напрямому, прямодушные* и т.д.) – как и многие другие применительно к коммуникации: *открытый / закрытый, глубокий / поверхностный, тёплый / холодный, мягкий / жёсткий, сладкий / горький, гладкий / корявый, чистый / грязный* (напр., *чистая правда* и *грязная ложь*), *ясный / тёмный, прозрачный / мутный*...

С другой стороны, естественно, метафорические номинации *прямой / непря́мой (косвенный)* касаются далеко не только коммуникации – ср. (данные простого интернет-поиска): *прямой и косвенный умысел* (юр.), *прямое и косвенное доказательство* (юр.), *прямой и косвенный ущерб* (юр.), *прямые и косвенные налоги* (юр.), *прямые и косвенные расходы производства* (юр.), *прямые и косвенные затраты предприятия* (юр.), *прямой и косвенный методы анализа движения денежных средств* (юр.), *прямое и косвенное прикосновение* (электротехн.), *прямой и косвенный метод приготовления* (кулинар.), *прямой и непря́мой контроль* (общенауч. и администр.), *прямое и непря́мое послезародышное развитие* (биол.), *прямое и непря́мое действие радиации* (биол., мед.), *прямая и непря́мая калориметрия* (биол., мед.), *прямой и непря́мой массаж сердца* (мед.), *прямой и непря́мой билирубин* (мед.), *прямой и непря́мой метод иммунофлюоресценции* (мед.) и т.д. (Возможно, заслуживает внимания тот факт, что лексема *непря́мой* чаще встречается в терминах биологии, медицины, тогда как *косвенный* – юридических и технических, однако это, конечно, только предварительные наблюдения.)

Так, *открытость ~ закрытость* – одна из базовых характеристик, применимых к языку и речи/коммуникации (по крайней мере, в европейской традиции) и одновременно – одна из универсальных метафор. Изначально обозначалась доступность наблюдению и – несколько более опосредованно – рефлексии (как и в случае с *прямой ~ непря́мой (косвенный)*), естественно использование метафор в других областях, например в медицине: *открытая рана, открытый перелом*, в науке или учебе: *открытый вопрос, открытая проблема*, в литературе: *открытый финал*), при этом важно, что при перенесении на «более психические» сферы, такие как характер человека или коммуникация, последние выступают как объект. Так, при перенесении на человека актуализируется то, что он дает возможность проделывать с собой такую менталь-

ную операцию; как объект наблюдения, рефлексии и оценки выступает и *речь*.

В целом в русской культуре *открытость* как характеристика человека или коммуникации несет положительную оценку в силу тех национально-культурных сценариев, которые выявляются, например, в [38; 39] (это отражает и частичная синонимия однозначно положительных характеристик: *открытый ~ откровенный ~ искренний ~ честный*), хотя есть и метафоры *открытости* с отрицательной оценкой: *распоясаться, разганишаться*... *Закрытость* же (ср. *замкнутость, застегнутость на все пуговицы* – скорее временные характеристики: состояние сознательной установки или стресса) – менее распространенная и в то же время менее четкая, менее определенная характеристика. С одной стороны, в силу тех же национально-культурных сценариев *закрытость* скорее отрицательная характеристика, с другой – универсальное социальное благо, ибо, препятствуя самовыражению личности, она сохраняет целостность личности.

Здесь, с одной стороны, изучение **номинаций** НК продолжает ту традицию, которая была довольно давно заложена в лингвистике, где некоторые явления рассматривались как основные / прямые, соответственно другие явления – как косвенные / непря́мые. Так, в лексике противопоставляются прямые и переносные значения, в морфологии – прямой (прямые) и косвенные падежи, в синтаксисе – прямое и косвенные дополнения (и то и другое, вероятно, идет еще от индоевропеистики, где соответствующие понятия выводились, прежде всего, из особенностей санскрита), прямая и косвенная речь, в прагматике – прямые и косвенные речевые акты, в риторике – непря́мая ≈ передаваемая не лично информация / коммуникация (ср. международный сборник статей «Direct and Indirect Speech», который вышел в Берлине в 1986 г.).

С другой стороны – данный аспект вписывается в общее **метаязыковое** изучение речевой коммуникации в лингвистике (как часть реализации общей метаязыковой / метакоммуникативной функции языка).

Среди наиболее значительных работ, развивающих данное направление, должна быть названа коллективная монография «Язык о языке» под ред. и с вступительной статьей Н. Д. Арутюновой, авторы которой исходят из того, что «естественная лингвистика – это нерелефлирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека» [40 : 7]. Кроме того, «извлечение» из языка различных типов информации

о языке и правилах его речевого использования является приоритетной задачей широко известного цикла изданий «Логический анализ языка», также под ред. и обычно с вступительными статьями Н. Д. Арутюновой.

Пожалуй, наиболее полно этот номинативный аспект представлен в цикле работ Л. В. Балашовой [41–43]. Показательно, что цикл открывается статьей «Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка», вошедшей в сборник «Прямая и непрякая коммуникация» 2003 г.

Целый ряд наблюдений Л. В. Балашовой касается непрямой коммуникации:

- оценка НК в русском языке амбивалентна, но преобладающей является отрицательная оценка;

- отражение непланируемой непрякой коммуникации представлено слабо и в основном сводится к неумению говорить вообще («молчальники») или неумению говорить членораздельно («каша во рту»): ср.: *говорить* – беда, а *молчать* – другая; *замолчал, как будто кислым залило*; *замолчал, как с пахтанья*; *не доищется слова*; *кланяться горазд, а говорить не умеет*, причем наиболее регулярно идиомы этого типа создаются за счет сопоставления человека с определенным видом животного (ср.: *разговорчив, как устрица*; *нем, как безголовая рыба*; *беседлив, как тюлень*) [41];

- человек излишне откровенный подвергает себя опасности, поскольку может «выболтать» нежелательную информацию о себе (ср.: *вешать сопли, шелестеть* ‘говорить лишнее’, *выпустить пар изо рта* ‘случайно проговориться’, *рыгун* ‘человек, не умеющий хранить информацию’);

- планируемая непрякая коммуникация связывается или с **ложью** (ср.: «нередко сама оценка степени достоверности отступает на второй план, а на первый выходит неприятие непрякой формы коммуникации, когда обвиняемый, дискредитируемый не может ответить, оправдаться (*доводчику первый кнут; доказчику первый кнут*). Характерно, что внутренняя форма фразеологизмов со значением ‘обманывать, намеренно вводить в заблуждение’ регулярно включает указание на непрякие формы коммуникации – шаманство, детские игры, азартные игры – или именуется действия, направленные на то, чтобы лишить собеседника возможности видеть (ср.: *заговаривать зубы; вешать собак; играть в прятки; играть в жмурки; играть в кошки-мышки; втирать очки; пускать пыль в глаза; морочить голову*);

- или с формально изощренными типами и жанрами коммуникации **вторичных (книжных, официальных) сфер**: «в сознании носителей сленга те книжные жанры, которые связаны с активным воздействием на сознание слушателей, читателей, обычно вызывают негативную реакцию, актуализируя такие признаки, как ‘меркантильность’, ‘личная выгода’, ‘неискренность’ и т.п. [41]. Это отражено в регулярном употреблении в качестве источника метафоризации «творческой» лексики, связанной с театром, живописью, сочинительством, ср.: *картина своей жизни* ‘автобиография’, *портрет* ‘характеристика с места работы’, *сказка про белого бычка, фантастический рассказ* ‘объяснительная записка’, *петь мелодию, плясать четотку* ‘доносить’, *бенефис* ‘выговор, взыскание, нагоняй’, *интервью* ‘допрос’, *золотая рыбка* (сказочный персонаж) ‘указ об амнистии’ [42];

- наконец, НК в фатической коммуникации (типа small talk) оценивается преимущественно отрицательно (ср.: *аминем беса не избыть; языком масла не собьешь; говорить не устать, да в какую статью?; воздух словами не наполнить; сколько ни говорить, а с разговором сытым не быть; от слова не сбудется*), хотя в цене искусные рассказчики (необязательно правдивые; ср. описываемое А. Вежицкой «художественное вранье»): ср.: *чиста, личиста и говорить речиста; будь хоть дураком, да болтай язычком; за словом в карман не ползет; у него на всякий спрос есть ответ* [41]. В сленге безусловно положительно оценивается остроумный рассказчик (ср.: *хохмогон, корочник, кактус, подкольщик* ‘шутник, остролов’; *лепить горбатого, горбатить* ‘говорить смешное’, *пенку бросить / выдать / отмочить, подколоть* ‘рассказать забавную историю’, *подкалывать, подкалываться* ‘шутить’) [42].

Интересно, что примеров, когда планируемая непрякая коммуникация ассоциируется с вежливостью и деликатностью и оценивается положительно в русской лексике и идиоматике (например, когда *резать правду-матку* плохо), Л. В. Балашова не находит.

3. Проблема непрякой коммуникации и когнитивная лингвистика

Уже из определения непрякой коммуникации, как и из разработки начальной модели ее анализа (см. выше), следует, что **с о д е р ж а т е л ь н ы й** план НК (аспекты интерпретации, включая особую активность интерпретативных усилий адресата речи по поиску актуальных смыслов), по сравнению с формальным, является гораздо более значимым.

Поэтому закономерно, что, с одной стороны, очень многое для решения проблем НК может дать когнитивная лингвистика, для которой все эти проблемы являются принципиальными, с другой стороны – аспекты «непрямоты» коммуникации и текста являются в высокой степени актуальными для когнитивной лингвистики.

Собственно, и 10 лет назад данные тенденции уже давали о себе знать (всё это подчеркивал и я, формулируя актуальность своей диссертации: [44–49]).

Сегодня же когнитивными (или в той или иной степени когнитивными) стали большинство дискурсивных и жанроведческих исследований – конечно, актуальных и для НК: ср. 4-й и 5-й выпуски сборника «Жанры речи» – «Жанр и концепт» (2005) и «Жанр и культура» (2007) и последующие. В результате

стали яснее не только некоторые содержательные аспекты собственно дискурса, но и некоторые аспекты НК, по сравнению с тем, как обстояли дела 10 лет назад.

Здесь следует подчеркнуть один принципиальный момент теории и методики изучения НК, который был в полной мере актуализован только с развитием когнитивной теории и ее активным применением в исследованиях по НК. Речь о том, что на смену исследованиям в собственно **лингвистике прямых и косвенных значений**, прежде всего, **слов**, в **коммуникативистике** пришли исследования непрямого выражения коммуникативных **смыслов** (ср., например, выработанные соответствующими национальными культурами нормы и типы наиболее регулярных приемов использования косвенных высказываний); в **когнитивной лингвистике** – исследование того, как осуществляется прямое и не прямое отражение **концепта** и его многих содержательных аспектов (включая, например, этимологический и ассоциативный) в разных частях и аспектах текста и общей речемыслительной деятельности носителя языка.

Под прямым и непрямым отражением концепта, о котором мы говорим, в когнитивной лингвистике обычно понимается разная степень выраженности концепта в языке (семантические поля, категории, оценочные шкалы и т.д.), причем прямым обычно считается один и тот же способ выражения концептов – в **слове**. Т.е. концепт выражен прямо, когда используется в тексте / есть в системе **лексема**. Часто наличие **названий** (в коммуникативном концепте – жанров, речевых актов, стратегий, тактик, ролей, типажей) признается определяющим фактором (хотя, как известно, при изучении концептов в целом лексический компонент – исключительно важный, но далеко не единственный). В качестве дополнительных средств выражения концепта выступают довольно многочисленные «спецсредства»: грамматика (когда есть), синтаксические конструкции, частицы, междометия, коммуникативы и т.д. В ассоциативном слое концепта, выявляемом экспериментально, выделяются **редкие** реакции на стимул (а значит, маркированные средства), которые тоже есть все основания считать не прямой реализацией концепта [50].

Для НК в целом является чрезвычайно существенным исследование 1) коммуникативных единиц значительного объема (крупных), сложных, содержательно многомерных, включающих структурные составляющие принципиально разной (вербальной и невербальной) природы; 2) градуируемых, различающихся степенью, прежде всего,

своей жесткости, в разной степени упорядочивающих коммуникацию. Здесь обычно (но не всегда) выделяется «прямая» составляющая – наиболее конвенциональная, обычно вербальная, а точнее – лексическая.

И то и другое актуально для активизированных в последние годы коммуникативно-когнитивных исследований, где концепт (часто практически сливающийся с **коммуникативным концептом**, имеющим четкое композиционно-тематическое-стилистическое содержание: зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т.д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры), есть принципиально ментальный, интерпретативный феномен, имеющий полевую и ассоциативную (а значит, градуируемую) природу, а собственно коммуникативные феномены (например, нормы и правила организации, развертывания текста) осмысливаются как **аттракторы** (в синергетической терминологии), наполняющие коммуникативную ситуацию смыслами разной природы и из разных источников, а главное – имеющие ментальные проекции и – в таком виде – модели своей интерпретации [51 ; 52].

Подчеркнем, что место когнитивной теории (как частный случай – когнитивной лингвистики) в общем ряду дисциплин, пересекающихся с теорией непрямого общения / изучающих НК, в целом определяется тем, какое место занимает данная теория среди дисциплин, изучающих различные способы передачи информации (обмена смыслами, коммуникативного взаимодействия) – как при помощи специализированных конвенциональных вербальных и невербальных знаковых систем, так и без помощи таких конвенциональных систем [53].

С этой точки зрения, если понимать НК, в общем, как **задействующую дополнительные источники смыслов**, кроме конвенциональных систем, предназначенных для трансляции в коммуникации **значей**, то к сфере НК следует отнести и такие регулярные, но не составляющие конвенциональных знаковых систем источники смыслов, как, например, культурные сценарии, системы ценностей и т.д., регулярно «поставляющие» в коммуникацию и текст соответствующие смыслы, которые впоследствии могут быть извлечены интерпретатором [54 ; 55]; а выявление таких смыслов и идей – чаще всего привносимых автором речи **бессознательно** – в отличие от всегда сознательного использования знаков – во многом близко к НК.

Итак, определяющими для НК, как мы ее понимаем, являются смыслы, источниками которых являются **не** конвенциональные значения языковых единиц (их изучает традиционная, т.е. системно-структурная, лингвистика).

Поэтому к ведению теории НК, в пределах собственно языковой системы, относится только языковая лакунарность, например выявляемая в межкультурной коммуникации, а также «асистемное в системе», т.е. языковая асимметрия – метафора, синонимы, полисемия, единицы, образующие поля, – вопрос, который, как известно, начали ставить еще в системно-структурной лингвистике (начиная с Ш. Балли, Э. Бенвениста, В. Матезиуса, С. Карцевского); настоящая же систематизация данных **языковых** явлений является прерогативой теории НК (рис. 1).

Несомненно, к НК относятся смыслы, проистекающие из обширных полей, организуемых не собственно языковые, а концептуальные (ментальные, когнитивные) единицы и структуры, активно изучаемые как в современной концептологии, так и когнитивной лингвистике в целом.

Таким образом, современная когнитивная парадигма в лингвистике действительно предоставляет благоприятные возможности для развития в рамках ее теории НК. Вклад науки последних 10 (или немного больше) лет внушительный: как видим, «содержание концептов» должны изучать фактически все названные науки (кроме собственно лингвистики), активно развивающиеся сейчас, – и, конечно, теория НК.

4. Место проблематики НК в парадигме дискурсивного анализа

Ключевой вопрос дискурсивного изучения НК – «что вместо чего использовано в коммуникации?» – соответствует главному вопросу теории косвенных речевых актов в ее наиболее традиционном виде. В центре внимания оказывается социальное взаимодействие людей – коммуникантов, взгляд на которое преимущественно прагматический: главная единица анализа – *иллокуции*, т.е. *цели*, а в случае косвенных РА / косвенных средств построения дискурса – исследователь исходит из того, что у использования того или иного косвенного средства есть определенная *цель*, которая определенным образом взаимодействует с первичной, или основной, целью коммуникативного взаимодействия [56].

Как при изучении многих коммуникативно-речевых феноменов в лингвистике, в изучении НК выделяются два аспекта: языковой и речевой.

Языковой традиционно изучен лучше. Сюда относятся основные семиотические модели НК (в том числе идущие и от Бюлера-Якобсона, и от Соломоника), о которых шла речь в п. 1.

Прежде всего языковой аспект НК изучается и в большинстве современных когнитивных исследований НК, хотя, конечно, существуют и другие аспекты – о них шла речь в п. 3.

Как известно, в целом непрямую коммуникацию делают языковой категорией отсутствие точности и однозначности языкового знака как в тек-

Источники смыслов в коммуникации

Рис. 1. Источники смыслов в коммуникации

сте, так и в системе, непредсказуемость результирующего смысла высказывания, обусловленные недостаточной формализованностью языковой системы (например, по сравнению с математическим кодом) и человеческим фактором в самом широком смысле. К важнейшим и хорошо изученным свойствам языка, обусловленным категорией непрямо́й коммуникации, относится также то, что разные языки по-разному членят мир, концептуализируют разные типы смыслов, выделяют в качестве важнейших названия разных вещей и отношений. Ни один человеческий язык не концептуализирует до конца всего многообразия возможных в мире смыслов, интенциональных состояний, даже наиболее типичных, постоянно повторяющихся в коммуникации. Известна относительность, разная степень конвенциональности разных языковых категорий. В этом отношении прямота коммуникации – один из способов общего упорядочения мира.

Речевой аспект НК непосредственно связан с языковым и вытекает из него так же естественно, как вообще особенности речи вытекают из природы языка, по Ф. Соссюру.

В новейшей истории лингвистики данный аспект объективно стал не столько развитием названных выше языковых проблем НК (как семиотических, так и когнитивных), сколько логическим продолжением некоторых актуальных тенденций дискурсивного анализа (а также лингвистики текста, конверсационного анализа, прагмалингвистики и теории речевых актов) XX в. Конечно, прежде всего изучение речевого, «собственно коммуникативного» аспекта НК представлено в теории косвенных речевых актов (и – несколько позже – косвенных речевых жанров). В итоге особенности речевых единиц и явлений опять-таки выводились из семиотических особенностей системных, т.е. языковых, виртуальных единиц.

По Соссюру «речь», то есть использование языка, исключается из рассмотрения лингвистики именно потому, что в речи (в отличие от языка) есть НК.

В процессе коммуникации осуществляется непрерывный обмен смыслами, или квантами актуальной информации, разной предметной, интенциональной и стилистической природы. Коммуникативные смыслы кодируются непосредственно структурными единицами высказывания, передаются как своеобразный информационный «довесок» к высказыванию, порождаются различными аспектами использования высказывания и выводятся адресатом с разной степенью опоры на высказывание.

Из теорий актуализации и референции известно, что любой переход от языковых значений компонентов высказывания к их речевым смыслам требует интерпретативных усилий адресата и что,

таким образом, любые формы речевого общения содержат элементы непрямо́й коммуникации. Высказывания могут быть в разной степени нагружены такими смыслами, т. е. иметь разную степень непрямоты.

Пожалуй, именно этот аспект лингвистической теории коммуникации был определяющим для теории НК, которая разрабатывалась 10 лет назад, и – одновременно – во многом определяющим для тогдашней лингвистической научной парадигмы в целом. Сегодня, пожалуй, остается справедливым и первое, и второе: несмотря на конкуренцию с «модными» когнитивными исследованиями и моделями, теория и методика дискурсивного анализа безусловно продолжает оставаться одним из наиболее авторитетных направлений лингвистики речи. Количество исследований в этой области за последние 10 лет огромно; касается это и новых моделей, среди которых немало таких, которые являются значимыми для НК. Представить здесь все, конечно, нет никакой возможности; скажем поэтому несколько слов лишь о некоторых, представляющихся нам наиболее интересными и показательными (впрочем, многие читатели, несомненно, сочтут мой выбор очень субъективным).

Среди них были работы, которые можно считать современным развитием вполне традиционной теории косвенных речевых актов (в традиции Дж. Серля и позднее дополненной А. Г. Поспеловой и др.) или модели компонентного анализа применительно к коммуникации (в традиции Нормана Фэрклафа), например, [57 ; 58].

Некоторые исследователи сосредоточивали свой анализ на «прямоте» и «непрямоте» отдельных разновидностей и моделей коммуникации и коммуникативных смыслов, в частности **этикетных** [59 ; 60]. Общие правила соотношения прямой и непрямо́й коммуникации особым образом проявляются в случае функционирования систем этикета: любая возможная непрямо́я коммуникация (в том числе вежливые косвенные высказывания) не выходит за пределы факультативных смыслов, дополнительных по отношению к основным этикетным смыслам, всегда выраженным прямо. Любая возможная косвенность этикетных речевых действий принципиально ограничена: она не может затрагивать в них главного, т. е. собственно этикетного содержания. Так, в русской речи ничем другим нельзя заменить обращение на *Вы*, если отношения между собеседниками имеют официальный характер. Возможны многообразные вариации формы высказывания, при этом косвенная форма может быть не только более вежливой, но и менее вежливой (подробнее см. [61].)

Говоря о традициях изучения НК в западной лингвистике, необходимо отметить, что одной из

наиболее давних и последовательных традиций, продолжающихся по сей день, является направление, во главе которого стоит американская исследовательница Дебора Таннен и ее ученики. Таннен давно и успешно изучает косвенность в **разговорной**, т.е. устной спонтанной речи, *непринужденных разговорах*, а отсюда – в связи с межличностными отношениями. Вот только основные направления ее исследований в этой области: в деловой речи [62]; в общении противоположных полов [63]; в семейных беседах [64 ; 65]; в кросс-культурной прагматике [66 ; 67]. И, конечно, необходимо вспомнить широко известные книги Таннен, например «Это не то, что я имел в виду!»: как разговорный стиль создает или разрушает отношения» [68], «Ты просто не понял: Женщины и мужчины в разговоре» [63], «Я просто говорю это, потому что я люблю тебя: Разговоры с родителями, партнерами, супругами и детьми» [64]. Следует отметить, что, хотя Таннен рассматривает косвенность в связи с различными «стилями коммуникации» (например гендерными), «кодами» (например «сестринскими нарративами»), она не противопоставляет НК различным типам «выпрямления и упорядочения» коммуникации, которые формируют в коммуникации разные стили, жанры, регистры.

Очень активно продолжает заниматься проблемами дискурсивной **имплицитности** харьковская исследовательница Л. Р. Безуглая (в моей докторской диссертации 2001 г. пересказывались ее главные идеи). В 2010 г. она стала соредктором международного интернет-журнала «Когниция, коммуникация, дискурс» (интернет-адрес: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no1-2010/predislovie>), где не только публикует свои новые статьи, посвященные данной проблеме [69 ; 70], но и периодически привлекает работы ведущих специалистов Украины и России (и не только) по данной проблематике.

Конечно же, проблемы имплицитности традиционно активно изучаются в связи с **художественными** текстами. За последние 10 лет наука приобрела целый ряд первоклассных исследований в этой области, от докторских диссертаций И. А. Тарасовой [71], Л. В. Татару [72] и Е. В. Ермаковой [73] (следует подчеркнуть, что все они выполнены в русле Саратовской школы изучения художественной речи под рук. проф. М. Б. Борисовой), до фундаментальной монографии Л. А. Гогтишвили «Непрямое говорение» (!) [74], написанной на стыке теоретической поэтики и философии.

Если понимать соотношение прямой и непрямой коммуникации, в соответствии с дискурсивной теорией и методикой, как использование моделей, в разной степени упорядочивающих коммуникацию, то наиболее актуальными, безусловно, будут дискурсивные исследования и концепции, в которых выделяются и осмысляются единицы коммуникации разной степени жесткости.

Сюда относится, прежде всего, речевой жанровая модель, а также различные измерения дискурса/текста со стороны стиля (стилистического вектора), тональности и т.д.

Так, **функциональная стилистика**, несмотря на усиливающиеся позиции конкурирующих дискурсивной, прагматической и когнитивной методик, в целом остается одной из ведущих речеведческих дисциплин.

В этом отношении показательна точка зрения В. Г. Костомарова, одного из основателей функциональной стилистики в ее «наиболее классическом» виде. Ученый в одной из последних своих книг «Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики» (2005) доказывает, что стилистика по-прежнему «стоит на переднем крае» наиболее перспективных направлений лингвистики, и ей (и только ей) «по силам» наиболее трудная задача из всего того, с чем вообще сталкивалась лингвистика к рубежу XX–XXI веков, – адекватно объяснить огромное многообразие реального человеческого общения, речевых образцов, текстов, найти здесь настоящую системность [75 : 42]. По мнению В. Г. Костомарова, эта речевая системность в своей основе является именно стилистической, более того – стилевой. Ученый признаёт, что функциональная стилистика может и должна эволюционировать – прежде всего потому, что всё огромное речевое многообразие «не умещается» в жесткую схему из пяти стилей традиционной функциональной стилистики. Тем не менее, по мнению В. Г. Костомарова, (1) внутренние объясняющие потенции стилистики позволяют ей справиться с названной задачей, (2) эту задачу функциональная стилистика может решить, используя понятие «*текст*» – именно в том традиционно-стилистическом значении, которое идет от В. В. Виноградова (от термина-понятия «*дискурс*» В. Г. Костомаров отказывается), а главное – (3) используя понятие «**стилистического вектора**». В то же время при реальном анализе речевого материала В. Г. Костомаров выделяет и использует всего... д в а таких «вектора»! (даже меньше, чем выделяли функциональных стилей в традиционной функциональной стилистике): «книжный» и «разговорный» [75 : 68].

Нельзя не отметить, что многие современные ученые полагают, подобно В. Г. Костомарову, что существующая стилистическая парадигма для более адекватного объяснения положения вещей (прежде всего «рядовым носителям языка») нуждается именно в у п р о щ е н и и: «По нашим представлениям, реально языковое сознание носителей языка с достаточной уверенностью различает не более трех стилистических разрядов лексики, дифференцируемых по условиям употребления: **литературная, разговорная и ненормативная лексика**» [76 : 139].

Здесь следует вспомнить активизировавшееся в последнее годы направление

изучения коммуникативной тональности, у истоков которого стоят В. И. Карасик [77] и Т. О. Багдасарян [78].

В. И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [77 : 384]. Отмечается, что тональность восприятия и понимания текста обеспечивает единство интерпретации [77 : 386].

В качестве возможных оснований типологии коммуникативной тональности исследователь предлагает, например, одноплановость / многоплановость смыслов, серьезность / несерьезность общения, кооперативность / конфликтность общения, приоритет содержания / формы общения [77 : 386].

В результате выделяется несколько типов коммуникативной тональности (сам В. И. Карасик считает свой список открытым): информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, гипотетическая, агрессивная, манипулятивная, фасцинирующая (серьезное эстетическое общение), идеологическая (серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим), эзотерическая (экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания) [77 : 386–411].

В последние годы был осуществлен целый ряд исследований по коммуникативной тональности (прежде всего это кандидатские диссертации): [79–82].

Наконец, говоря о новых дискурсивных разработках в области НК, нельзя не упомянуть **теорию суггестивного дискурса** К. Ф. Седова.

Более 10 лет, вплоть до смерти в 2011 г., К. Ф. Седов занимался проблемами дискурсивной суггестии. Представим кратко основные положения его концепции, изложенной в последней прижизненной книге Константина Фёдоровича «Дискурс как суггестия» [83]. В ней ученый дает определение суггестивной модели межличностного общения (в центре ее стоят малоконтролируемые или совсем неподконтрольные разуму феномены психики, которые на эмоционально-мотивационном уровне проявляют себя в социальном взаимодействии людей) и подробно рассматривает три главных, с его точки зрения, феномена суггестивного дискурса: **агрессию, манипуляцию и зависть**.

Показательны классификации типов агрессии и манипуляции, разрабатываемые К. Ф. Седовым: если «непрямая» природа манипуляции очевидна сама по себе (табл. 2), то, как хорошо видно из первой таблицы, основные типы агрессии выделяются им по этому же признаку:

Таблица 1.

Виды речевой агрессии	Критерий дифференциации
Вербальная / невербальная	Способ знакового выражения
Прямая / непрямая	Степень косвенности речевого акта
Инструментальная / неинструментальная	Наличие/отсутствие дополнительных иллокуций
Инициативная / реактивная	Направленность речевого акта: нападение / защита
Активная / пассивная	Степень активности речевого акта
Непосредственная / опосредованная	Характер речевого контакта
Спонтанная / подготовленная	Своеобразие модели речепорождения
Эмоциональная / рациональная	Присутствие/отсутствие рационального начала
Сильная / слабая	По интенсивности воздействия
Враждебная / невраждебная	Наличие/отсутствие иллокуции враждебности

Таблица 2.

Виды речевой манипуляции	Критерий дифференциации
Продуктивная / непродуктивная (конфликтная)	Перлокутивный эффект (со знаком плюс или минус)
Вербальная / невербальная	Способ знакового выражения
Инструментальная / неинструментальная	Характер иллокуции: побуждение к действию / воздействие на сознание
Инициативная / ответная	Направленность речевого акта
Осознанная / неосознанная	Степень осознанности речевого акта
Непосредственная / опосредованная	Характер речевого контакта
Спонтанная / подготовленная	Своеобразие модели речепорождения

Что же касается **зависти** как суггестивного (а в сущности – «непрямо-коммуникативного») феномена, К. Ф. Седов определяет главную цель речевого поступка, спровоцированного чувством зависти (стремление снять когнитивный диссонанс, достичь внутреннего равновесия, уравнивания себя и объекта зависти), и выделяет четыре стратегии таких поступков: 1) возвеличивание своих достижений; 2) принижение своих достижений; 3) возвеличивание достижений другого; 4) принижение достижений другого [83].

В этой связи хотим подчеркнуть еще один момент дискурсивного изучения НК, которое в некоторых направлениях сближается с рассмотренным в п. 3 когнитивным, но все же существенно от него отличается.

Традиционное лингвистическое изучение речи (начиная с Аристотеля) состоит в выделении и систематизации **средств** (чего-

то: в широком смысле) в речи ратора, оратора, политика, судьи и т.д. Речь представляла как то, что создается, строится, планируется и т.д. **сознательно**.

Когнитивный же взгляд на речь, прежде всего, выявляет те моменты (коннотации, стилистическую окраску, метафоры, смыслы, порождаемые языковыми и когнитивными категориями, структурами, ценностными и оценочными шкалами и т.д.), которые привносятся в текст его автором **бессознательно**.

Это противопоставление очень существенно с точки зрения НК. (То, что **сознательное** и **бессознательное** в языке/речи относятся друг к другу по принципу «прямо/непрямо», утверждалось еще в работах [84; 85]; хотя то, что тогда имелось в виду, не всегда совпадает с нашим сегодняшним пониманием НК и ее аспектов.)

Соответственно является актуальным, но еще не решенным вопрос: где больше **непрямоты** – когда я – **адресат** – вычитываю в тексте смыслы, «просто» не планируемые для обнаружения **адресантом**, или – **скрываемые** им? Далеко не очевидна роль и место НК и в речи, представляющей собой **ложь**: с одной стороны, конечно, в лжи НК есть всегда. С другой – НК, определяемую как такую адресатом (осуществляющим, в данном случае, интерпретативную деятельность повышенной сложности), адресант – лгущий – может контролировать и предвидеть лишь отчасти.

Хотя, с точки зрения адресанта, ложь – это всегда принципиально непрямо (он же знает, что заменяет ею прямую правду!), с его же точки зрения возможны два разных типа НК, определяемые разными типами интерпретативной деятельности адресата, конечно, принципиальной для НК: 1) адресант **лжет**, т.е. имеет место **непрямая** передача... чего-то, притом что что-то (настоящее) скрывается; реакция адресата есть программируемая адресантом, т.е. это реакция на то, что говорится буквально, а не на скрываемую **правду**; 2) когда **ложь** разгадывается адресатом, и его реакция есть – непрограммируемая на скрываемое.

В конечном счете, принимая во внимание разные возможные комбинации этих важных факторов, в лжи можно выделить, по крайней мере, пять типов НК (объединяет же их все то, что именно деятельность адресата – главная):

1) непланируемая непрямо коммуникация («НК-1»), когда адресант проявляется бессознательно, при этом бессознательно проявляется и адресат;

2) непланируемая непрямо коммуникация, когда адресат проявляется сознательно;

3) планируемая непрямо коммуникация («НК-2»), когда адресант проявляется сознательно, а адресат – бессознательно;

4) планируемая непрямо коммуникация, когда сознательно проявляются и адресант, и адресат:

4а) адресат проявляется сознательно, при этом программируемо (адресантом);

4б) адресат проявляется сознательно и непрограммируемо (конечно, с точки зрения адресанта-лгущего это нежелательнейший вариант).

В этой модели, в отличие от предшествующей, где противопоставлялись планируемая и непланируемая НК и в центре был адресант, в центр ставится программируемая и непрограммируемая НК и адресат. В этом отношении дискурсивное изучение НК (и дискурсивные аспекты НК) часто относятся к рассмотренным в п. 3 когнитивным как сознательная (планируемая) НК – к бессознательной, реконструируемой. И, полагаю, абсолютно подтвердилось: в современной лингвистике побеждают коммуникативные модели, принципиально помещающие в центр адресата речи и его интерпретацию (см., например, [55]).

5. Проблемы непрямо коммуникации и современная социолингвистика

К ведению социолингвистического аспекта современной теории НК относятся такие проблемы, как появление новых сфер коммуникации и новых коммуникативных единиц (жанры, типы тональности), формирование новых приоритетов и социальных иерархий, включая членение на социальные группы, а также общее изменение уровня и качества коммуникативной компетенции, образования и образовательных стандартов и т.д.

Наиболее очевидной иллюстрацией может послужить то, что появились некоторые **новые сферы коммуникации**, содержащие НК; а в некоторых сферах, в которых было много НК, произошли изменения.

Так, многочисленные новые способы НК принес **Интернет** (огромный пласт их еще совершенно не изучен), начиная от наиболее интерпретативно простых средств, таких как **литуратив**, т.е. зачеркивание фрагмента текста вместо его удаления (смысл зачеркнутого, естественно, не удаляется полностью, а частично сохраняется и вступает с незачеркнутым в некоторые не всегда очевидные содержательные отношения); или уже более в этом отношении сложных и неочевидных явлений, таких как **падонковский язык**, **каценизмы** и **язык имиджбордов** (что

этим хотели сказать? просто о своей неграмотности или образовательном / культурном / национальном статусе? или же – намек на возможную неграмотность или национальную принадлежность своего собеседника (ср.: *многа букоф ниасилил*)? или ни то, ни другое?); до очень сложных текстовых, номинативных, семиотических феноменов, целого «непрямо-коммуникативного содержательного пространства», которое образует, например, сеть прецедентных текстов, элементы субкультуры интернет-сообществ, групп и микрогрупп (например, «*френдленты*») в социальных сетях или сообщества «*форумчан*», особенно – участников узкоспециальных форумов типа *имиджбордов*). Здесь выстраиваются сложные интертекстуальные диалогические отношения с текстами, написанными ранее «своими» и «чужими» – теми, с которыми солидаризируется автор, и теми, с кем он полемизирует.

Ср., например, как замены используются на «Луркоморье» (<http://lurkmore.to/>): иногда замены менее очевидны, чем эвфемизмы и дисфемизмы или тоже вполне очевидные стилистические, тональные и т.д. смещения, – часто весь юмористический эффект состоит, кажется, в одном факте замены: так, в статье о Pussy Riot: «*Перед нами банальный случай вниманиеблюдства, а также бездарного плагиата одного куда более успешно паренька*» выражение «*одного куда более успешного паренька*» связано ссылкой со статьей «*Слава Герострата*».

Очень большая часть таких смыслов выводится непрямо, а конкретные механизмы, особенно учитывая объем (количество собеседников, «*френдов*»), скорость и интенсивность общения, возможность которых предоставляет Интернет, наглядно показывает, что и для вполне традиционных аспектов НК Интернет дает чрезвычайно благоприятную среду («все то же самое», только гораздо интенсивнее).

Следует сказать несколько слов и о таком вроде бы традиционном явлении, как *флирт* в Интернете. Видимо, формат интернет-общения привел к существенным изменениям данного жанра: он во многом перестал быть непрямым!

Наблюдения показывают, что флирт в Интернете распространился так сильно, что, с одной стороны, присутствует (в виде важной составляющей: ведь пользователи, в большинстве, молодые люди) в огромном объеме интернет-пространства, далеко выходя за пределы «подходящих» для этого жанров (чаты, часть тематических форумов, часть блогов). С другой стороны, став фактически обязательной частью любого интернет-общения, флирт... в значительной степени утрачи-

вает свою не прямую природу. Это касается, например, трансформации семантики лексемы *флирт* в современной интернет-речи: практически все подборки, чаты, форумы, предлагаемые в Интернете на стимулы *флирт*, *flirt*, включают огромное количество абсолютно прямых, полностью лишенных игрового начала сексуальных смыслов, интенций и призывов (*Флирт и общение без ограничений!*; *Знакомства, флирт, любовь онлайн. Бесплатно и анонимно*; *Найди свою любовь на сайте Флирт.рф*; *Эротическое общение для тебя*; *Flirting, watching porn, oggling other people*; *Flirting, kissing, and of course sex*; *Send me your naked pictures*). Напротив, найти что-либо в традиционном значении (флирт-игра, флирт-намек, словесный поединок в любовной игре, флирт-«динамо») в современных интернет-ресурсах не так-то просто. Складывается впечатление, что *флиртом* теперь называется все то в гендерно маркированном поведении мужчины и женщины, что просто выходит за рамки собственно полового акта, или же... слово *флирт* превращается в эвфемизм прямого наименования полового акта! Современный флирт теряет отношение и к утонченной игре (по сравнению с салонным флиртом XVIII–XIX веков), и к любой игре, теряет значительную часть или всю свою косвенность.

К сожалению, таких работ в лингвистике, в которых была бы последовательно рассмотрена интернет-коммуникация с этой точки зрения, пока что было очень мало: мы можем назвать только докторскую диссертацию О. В. Лутовиновой [86], хотя потребность в них стоит очень остро.

Возвращаясь к уже упомянутым **тональностям** – очень актуально изучение новых типов тональностей, заимствованных или появившихся в последнее время (как известно, на основе новой тональности может сложиться новый жанр, и всё это образует явления как бы в разной степени прямо осуществляющие коммуникацию и обмены смыслами). Такие вещи часто выступают основой как для развития непрямого общения, так и для ее уменьшения. Проследить все это в диахронии и очень сложно, и очень важно.

Так, из русскоязычной коммуникации в массе ушла тональность *проработки*, распространенная в ранне- и даже позднесоветскую эпоху (впрочем, по некоторым данным, она ушла не совсем: ср. последние «партийные» новости от ЛДПР, «Справедливой России» и т.д.). С другой стороны, мы сейчас видим и появляющиеся полилогические неофициальные, шуточные, но содержательно насыщенные феномены типа *Прожекторперисхилтон* (который, впрочем, тоже уже закрылся).

Нельзя не отметить целый пласт работ, в которых изучаются особенности речи и ком-

муникации, отражающие структуризацию общества, распределение механизмов влияния и – существование и формирование как понимаемой традиционно, так и в широком смысле – *власти*, а шире – стремление к воздействию, эффективности речи. НК в таких работах выступает и актуальным средством влияния, и показателем социальной принадлежности (идентичности), и средством интерпретации (а иногда – сопротивления). В последнее время традиционно активно изучается с этой точки зрения НК в СМИ, рекламе, политической речи (см., например, [87]).

Как и во все времена (см. [88: 203–206]), к НК обращаются, чтобы скрыть желаемое, но запретное, порицаемое или подвергаемое санкциям действие, не дать возможности уличить себя в таком деянии. Новая общественно-политическая реальность в России порождает новые формы данного типа НК – как и новые способы борьбы с данным явлением (мы не будем говорить об успешности или неуспешности такой борьбы, хотя об этом говорит журналист – автор нижеследующего текста, и говорит, как видим, с большим скепсисом):

С коррупцией, оказывается, можно бороться и на лингвистическом уровне. Минтруда опубликовало примерный список запрещенных выражений и запретных для чиновников тем. Означенные выражения и темы могут расцениваться как провоцирование собеседника на взятку :

- «вопрос решить трудно, но можно»,
- «спасибо на хлеб не намажешь»,
- «договоримся»,
- «нужны более веские аргументы»,
- «нужно обсудить параметры»,
- «ну что делать будем?»

А скользкие темы выглядят примерно так :

- низкий уровень заработной платы служащего и нехватка денежных средств на реализацию тех или иных нужд;
- желание приобрести то или иное имущество, получить ту или иную услугу, отправиться в туристическую поездку;
- отсутствие работы у родственников служащего;
- необходимость поступления детей служащего в образовательные учреждения...

Антон Орехъ, 11.03.2013, <http://www.ej.ru/?a=briefly>

Обращение к непрямо́й коммуникации в политической публицистике и закономерно, и актуально. Суть политической коммуникации – борьба за власть, а в борьбе всегда «наносятся удары», но при этом полемика с оппонентом и даже его дискредитация должна быть корректной и доказательной, в

противном случае это клевета, за которую грозят санкции. Всё это давно научило журналистов, пишущих на политические темы, пользоваться непрямо́й коммуникацией, за которую нельзя привлечь к ответственности: например, за фразу «*губернатор разворовал бюджет*» могут подать в суд, а всего лишь добавить «*по слухам...*» или «*якобы*» – и всё вроде бы в порядке. Именно поэтому такое явление, как *намек*, – чуть ли не основа многих журналистских текстов на политические темы, собственно политических речей. Конечно, не всё так просто: главное требование к политической коммуникации – убедительность и воздействие, речь же, состоящая из одних намеков, может показаться бледноватой и пустоватой, а то и трусливой...

Исследование непрямо́й коммуникации актуально в современной семантически и когнитивно ориентированной лингвистике, включая политическую лингвистику и теорию лингвистической экспертизы. По данной теме уже появляются докторские диссертации, например К. И. Бринева [89], где оправданно много внимания уделяется проблемам НК. Кстати, силами этого ученого в Барнауле с 2002 г. издается журнал «Юрислингвистика» (сайт журнала: <http://siberia-expert.com/load/>), проводятся тематические конференции.

Нельзя не добавить, что исследование НК активно осуществляется в сравнительной лингвистике, при изучении разных культур, различающихся не только языками, но и речевыми приемами и жанрами, средствами риторики, стилистики, а также политическими традициями (например, Россия и Германия).

Иногда, наоборот, высказывается мнение, что место НК в современной жизни стало меньше, что связывают с общим «ухудшением» (примитивизацией, обеднением) современной коммуникативной практики, коммуникативной компетенции и подготовки (иногда это связывают с новыми программами средней школы и ЕГЭ). В речи/тексте это проявляется как в обеднении инвентаря используемых средств, так и в стирании многих важных содержательных, коннотативных, стилистических и т.д. различий, росте доли неопределенных средств – диффузов (ср. слова в современных российских СМИ: *прикольный, продвинутый, акция* и т.д.) [90 ; 91]. Часто можно слышать, что в современных СМИ, речи публицистов, телеведущих, шоуменов и т.д. уменьшилась сложность речи: яркость, образность, неожиданность, упрощается образный ряд, качество художественной литературы, фильмов, телепередач, в том числе юмористических – всё то, что спо-

собствует интерпретативной активности адресата [92].

Ср. возрастание роли эмблем в «коммуникативных нормах современной массовой культуры», которые обнаруживает В. И. Карасик. Он объясняет это следующими причинами: демократизация всей повседневной жизни и сопутствующее ей давление массовой культуры, увеличение скорости жизни, информационный взрыв, компьютеризация учебы, работы и досуга, визуализация информации, превращение электронных массмедиа в коллективного агента институционального дискурса, глобализация культуры. Эмблема не требует обдумывания, она должна быть легко узнаваема. Массовая культура стремится к понижению рациональности, критичности, индивидуальности во всех человеческих проявлениях. Информационный взрыв неизбежно приводит к противопоставлению двух типов знания – ориентационного и фундаментального. Специфика ориентационного знания состоит в том, что оно по своей природе является отсылочным, нужно знать, к какой сфере относится то или иное явление, в то время как фундаментальное знание, независимо от степени его глубины, предполагает системное освоение объекта, понимание его природы и построение его модели [93 : 42–43; 36 : 67–85].

Возвращаясь к уже упомянутому педагогическому аспекту НК, подчеркнем, что он является и достаточно обширным (включает и умение понимать чужую НК – иронию, художественную речь и т.д., – и умение порождать ее самому), и актуальным (в целом без стилистической, лексической, риторической сложности, включая умение использовать эвфемизмы, редкие и иностранные слова, играть со словом – без всего этого нет и не может быть по-настоящему высокого уровня речевой культуры).

6. НК и речевые жанры

Последний рассматриваемый нами аспект, несомненно, занимает особое место в теории НК (*last but not least*).

10 лет назад его считали главным и я во вступительной статье к сборнику «Прямая и непрямо́е общение»: «Пожалуй, самой актуальной теорией непрямого общения является для речевых жанров. Речевые жанры – самый очевидный и на данный момент самый востребованный аспект данной теории. Жанровые аспекты непрямого общения, косвенные жанры оказались широко представлены в настоящем сборнике» [2 : 10], и авторы рецензии на этот сборник В. И. Шаховский и С. В. Ионова (они вообще назвали данный аспект «кульминацией сборника»: «Выделившись из контекста изучения жанровых типов речи, проблема непрямого общения, как представляется, тем не менее по-прежнему ощущает себя наиболее уверенно именно в данной среде» [3 : 380], а ближай-

шие перспективы (и одновременно – недостаток рецензируемого сборника) связывали с необходимостью изучения в данном плане *эмоций* [3 : 382]⁴.

Прошедшие 10 лет развития теории непрямого общения, пожалуй, подтвердили справедливость этих суждений, хотя внесли некоторые коррективы.

Во-первых, сама теория речевых жанров эти 10 лет активно развивалась, при этом несколько видоизменялась вместе с текущей научной парадигмой: говоря вообще, теория РЖ сегодня «не совсем та, что была 10 лет назад», и прежде всего – в ней особенно активизировалось когнитивное направление, которое, как уже было показано, стало гораздо более актуальным, чем 10 лет назад, и для теории непрямого общения:

«Если попытаться охарактеризовать развитие теории речевых жанров после выхода статьи М. М. Бахтина “Проблема речевых жанров” в наиболее общем виде, можно сказать, что, во-первых, теория речевых жанров очень значительно менялась вместе с общей научной парадигмой в лингвистике, однако практически при каждой новой научной парадигме ТРЖ была востребована. Во-вторых, постоянно способствовала развитию каждого из новых направлений лингвистической науки и ТРЖ сама по себе, и выделение понятия речевого жанра (или сходных с ним речевых явлений) в качестве базовой единицы / одной из базовых единиц данной теоретической концепции» [94 : 17–18].

⁴ В сущности, сборник «Прямая и непрямо́е общение» 2003 г. и был не чем иным, как очередным – тогда четвертым – выпуском серийного сборника «Жанры речи». Оба сборника объединяли и практически полностью совпадающие составы редакционных коллегий, и круг авторов (включая иностранцев, чьи переводы публиковались в обоих: ну как тут не вспомнить ту же А. Вежбицкую!). Назвать его так нам тогда помешало только то, что до этого выпуски сборника «Жанры речи» (1997, 1999 и 2002) не были посвящены какой-то более узкой проблеме теории речевых жанров. Ирония состоит в том, что уже начиная со следующего выпуска (2005) все выпуски «Жанров речи» стали-таки тематическими («Жанр и концепт», «Жанр и культура», «Жанр и язык», «Жанр и языковая личность», «Жанр и творчество»)! С другой стороны, больше половины объема сборника «Прямая и непрямо́е общение» 2003 г. занимает именно раздел «Виды и жанры непрямого общения». Так что логика в том, чтобы сделать сборник «Прямая и непрямо́е общение» выпуском сборника «Жанры речи» – «Жанр и непрямо́е общение» – безусловно была; а о том, что мы тогда так не сделали, я до сих пор иногда жалею.

Так, когнитивная генристика изучает наиболее близкие РЖ коммуникативные концепты (см. выше), соответственно – все аспекты «непрямоты концепта», о которых шла речь в § 3; а теория речевых жанров и теория не прямой коммуникации в когнитивной парадигме выступают как две модели, с разных сторон объясняющие «прямые» и «непрямые» (более / менее точные, однозначные, конвенциональные, ситуативно обусловленные, творческие) аспекты языкового и коммуникативного мышления.

Во-вторых, в современной ТРЖ изучение НК, как представляется, наиболее актуально в двух направлениях (что приблизительно соответствует изучению двух типов РЖ):

- изучение конкретных косвенных РЖ (включая многочисленные феномены, относящиеся к «околожанровому пространству речи») – косвенные, манипулятивные, уклончивые и т.д. речевые стратегии, тактики (субжанры), трансакции, а также (с некоторой натяжкой) косвенные речевые акты.

В монографии «Теория речевых жанров» [94] (глава «Изучение отдельных речевых жанров») был дан список из 295 РЖ, которые становились объектом специальных исследований. С первого взгляда на список бросается в глаза, как много среди этих жанров косвенных: *анекдот, байки охотничьи, балагурство, беседа дружеская, беседа светская, беседа семейная, «болтовня», «брюзжание», ворчание, «выведывание информации», выражение интеллектуального превосходства, высмеивание, граффити, демагогия, «дерзость», заговор враждебный, заговор магический, «застолье», злопояжелание, издевка, ирония, капризничание, карикатура политическая, колкость, комплимент, «красивое / художественное вранье», лесть, ложь (вранье), манипулирование, мистификация, молва, молчание, моральная поддержка, намек, насмешка, общение на отдыхе, «объявление шутовское в маршрутных такси», политическая антиреклама, попрек, похвальба, «придирки», «притворство», «разговор», разговор по душам, «разговор с позиции силы», розыгрыш, сарказм, слухи, сплетни, укор, упрек, «усмешка», утешение, ухаживание, флирт, шутка, «шутовство», “deadpan jocular irony”, dowcip, kawał, small talk и др.;*

- изучение отдельных не прямых/косвенных средств (языковой игры и более широких аспектов лингвокреативности, вежливости, скрытого влияния, суггестии), используемых в различных «сложных» (многоактных, диалогических) жанрах, например: тактики влияния в интервью [95], юмор в светской беседе и *small talk* [96], языковая игра в неофициальном общении студентов [97]. Интересно, что многие из таких жанров относятся к новым

сферам коммуникации (см. пп. 4 и 5) – ср. работы О. В. Лутовиновой, Н. А. Кубраковой, Н. Б. Рогачевой.

Возвращаясь к вопросу о **сознательности/бессознательности**, связанном с искренностью/неискренностью (бессознательно избираемые средства, как правило, свидетельствуют о большей искренности, чем сознательно, хотя интерпретировать их всегда сложнее), а тем самым – не прямой коммуникацией, следует подчеркнуть, что данный аспект несомненно затрагивает и речевые жанры.

Как известно, до сих пор такие исследования были на уровне, например, фоносемантики [98]: тексты, как будто бы содержащие определенный эмоциональный и оценочный заряд, «проверялись на фоносемантику» (бессознательную), и так выявлялась возможная неискренность автора. Подобные вещи исследовались на уровне лексики с метафорами [99]: бессознательно выбранные автором текста метафорические модели могут отражать совсем иное настроение, экспрессию и оценку, чем сознательно выбранные риторические, стилистические, экспрессивные средства текстопостроения.

Всё это совсем не редко практикуется, конечно, и с жанрами.

Вообще говоря, в этом отношении могут быть два аспекта:

- 1) я использую один РЖ, предполагающий определенную экспрессию (например, *поздравление, похвала, соболезнование*), а его конкретное вербальное, грамматическое, фоносемантическое и т.д. наполнение противоречит этой экспрессии (в таких случаях говорят: *«неискренняя похвала», «фальшивое соболезнование», «кислое поздравление», «комплимент прозвучал формально»* и т.д.). Таким образом, этот случай демонстрирует конфликт между сознательно избираемым жанром и бессознательно используемыми единицами других уровней;

- 2) я избираю (сознательно) общую тональность общения, претендующую на определенную экспрессию, а используемые при этом конкретные жанры ей противоречат (например, я как будто бы вежлив, кооперативен, толерантен и т.д., а жанры – *приказ, угроза, обвинение, оскорбление, демонстрация силы...*). Здесь, таким образом, бессознательно избираются жанры.

Примером может послужить сценка из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», где Передонов ведет с дамой «приятный разговор»:

Передонов чувствовал себя очень приятно. Он решил поговорить с Мартою любезно, пошутить, позабавить ее. Он начал так :

– Ну, что, скоро бунтовать будете?
– Зачем бунтовать? – спросила Марта.
– Вы, поляки, ведь все бунтовать собираетесь, да только напрасно.
– Я и не думаю об этом, – сказала Марта, – да и никто у нас не хочет бунтовать.
– Ну да, это вы только так говорите, а вы русских ненавидите.
– И не думаем, – сказал Владя, повертываясь к Передонову с передней скамейки, где сидел рядом с Игнатием.
– Знаем мы, как вы не думаете. Только мы вам не отдадим вашей Польши. Мы вас завоевали. Мы вам сколько благодеяний сделали, да, видно, как волка ни корми, он все в лес смотрит.
Марта не возражала. Передонов помолчал немного и вдруг сказал:
– Поляки – безмозглые.
Марта покраснела.
– Всякие бывают и русские и поляки, – сказала она.
– Нет, уж это так, это верно, – настаивал Передонов. – Поляки – глупые. Только форсу задают. <...> А польки все – неряхи.
Он посмотрел на Марту и, с удовольствием заметив, что она сильно покраснела, сказал из любезности:
– Да вы не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.
– Все польки – хорошие хозяйки, – ответила Марта.
– Ну, да, – возразил Передонов, – хозяйки, сверху чисто, а юбки грязные. <...> Ведь вы – бедные, – вдруг сказал Передонов.
– Да, не богатые, – ответила Марта, – да все-таки уж и не так бедны. У нас у всех есть кое-что отложено.
Передонов недоверчиво посмотрел на нее и сказал:
– Ну, да, я знаю, что вы – бедные. Босые ежеденком дома ходите.
– Мы это не от бедности, – живо сказал Владя.
– А что же, от богатства, что ли? – спросил Передонов и отрывисто захохотал.

*

«Хочется надеяться, что настоящий сборник покажется читателю достаточно интересным, несмотря на то, что я не знаю, чего он найдет больше – ответов на поставленные вопросы или новых вопросов. По-видимому, иным и не мог быть первый опыт коллективного обсуждения проблемы непрямо́й коммуникации. Добавлю, что новых вопросов может быть поставлено гораздо больше. Проблема настоятельно требует дальнейшего изучения», – такими словами я завершал вступительную статью к сборнику «Прямая и непрямо́я коммуникация» в 2003 г.

Сегодня, завершая эту статью – мою первую за 10 лет попытку систематизировать современное состояние теории НК, представить новые направления и выделяемые ас-

пекты НК (конечно, это не только первая, но и начальная, т.е. никак не претендующая на полноту, попытка), я вижу, что, с одной стороны, проблема НК еще далеко не достаточно решена (это касается и определения НК, и списка/типологии коммуникативных феноменов, входящих в соответствующее поле, и конкретных моделей ее описания и систематизации; в полной мере касается это и состояния инвентаря соответствующей терминологии – необходимость упорядочения данного инвентаря стоит не менее остро, чем 10 лет назад).

Конечно, 10 лет совсем не большой срок для науки, и в сказанном, в общем, нет ничего удивительного и даже интересного: зачем вообще об этом говорить?

Но, с другой стороны, за 10 лет таки появилось много нового – и это уже во всех отношениях гораздо интереснее.

Новое проистекает из изменившегося общества (прежде всего – коммуникативной и собственно языковой компетенции носителей языка, включая опыт участия в различных новых сферах коммуникации, требующих или допускающих использования НК; а также аспекты образования). Так, в русском коммуникативном пространстве медленно, но ощутимо меняется отношение к косвенности: от имеющего очень давние традиции недоверия, маргинальности косвенности в речи (см. [100]) до, например, нынешнего отношения к *small talk* «вполне по-американски»: *small talk* сейчас нормально учат (особенно в пособиях по профессиональному общению с иностранцами: см., например, [101]). С другой стороны, утрачивает свое обязательное требование непрямоты флирт (слово «флирт», конечно, осталось и даже очень нравится сегодняшней молодежи; речевые жанровые же требования флирта, состоящие в запрете называть вещи своими именами, утрачиваются: из косвенного РЖ флирт (по крайней мере сетевой) все чаще становится бесстыдно-прямым). Более прямо выражает свою непосредственную интенцию (чтобы купили) реклама: ушли в прошлое непременно ироничные и самоироничные «как бы извиняющиеся» сюжеты, распространенные в рекламе в СССР и России в «перестроечные» и первые «постперестроечные» годы. Наконец, вновь активизируется институциональная часть русского коммуникативного пространства («прививка официозом передовиц партийной прессы» оказалась на удивление недолговечной), что находит отражение, с одной стороны, в новом канцелярите [91 ; 102 ; 103], с другой – в развитии лингвистической экспертизы.

Новое, таким образом, проистекает и из изменившейся науки, где наиболее активно развиваются (а отчасти и пересматриваются) некоторые дисциплины и концепции, занимающиеся языковыми и коммуникативно-речевыми феноменами, входящими в сферу НК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прямая и непрякая коммуникация : сб. науч. работ / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : Колледж, 2003. 354 с.

2. Дементьев В. В. Основы теории непрякой коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001. 40 с.

3. Шаховский В. И., Ионова С. В. [Рецензия] // Stylistyka. 2004. № 13. С. 372–383. Рец. на кн. : Прямая и непрякая коммуникация / ред. В. В. Дементьев. Саратов : Колледж, 2003. 354 с.

4. Булатова Э. В. Прямая и косвенная коммуникация в современной российской печатной рекламе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 20 с.

5. Федорова Т. В. Аргументация в контексте непрякой коммуникации (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 20 с.

6. Марюхин А. П. Непрякая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.

7. Саакян Л. Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрякой речевого убеждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.

8. Паремузаивили Э. Э. Речевая агрессия в непрякой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 20 с.

9. Филиппова М. М. Непрякая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 28. М. : МАКС Пресс, 2004. С. 75–89.

10. Григорьева Е. Г. Телевизионный дискурс в аспекте теории прямой и непрякой коммуникации // Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация : межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2006. С. 104–108.

11. Козлова Л. А. Национально-культурная и индивидуально-личностная специфика непрякой коммуникации // Университетская филология – образованию : регулятивная природа коммуникации : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникативистика в современном мире : регулятивная природа коммуникации» (Барнаул, 14–18 апреля 2009 г.). Барнаул : Изд-во АлГУ, 2009. С. 399–406.

12. Тахтарова С. С. Митигативные стратегии в непрякой коммуникации // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : сб. науч. тр. М. : Изд-во РГГУ, 2009. С. 482–493.

13. Нестерова Т. В. Непрямые (косвенные) реализации интенции отказа в речевом общении русских с позиций речевого этикета // Русский язык за рубежом. 2009. № 3. С. 45–56.

14. Клушина Н. И. Непрякое информирование в современных СМИ // Жизнь и словом присягаючи. К 90-летию М. Е. Тикоцкого : сб. науч. работ. Минск : БГУ, 2012. С. 288–293.

15. Гуревич Т. М. Непрякая коммуникация в межкультурных контактах // Межкультурная коммуникация : современная теория и практика : материалы VII Конвента РАМИ (Москва, сентябрь 2012 г.) / отв. ред. А. В. Мальгин. М. : Аспект Пресс, 2013. С. 57–59.

16. Омельченко Е. В. Фасцинирующая составляющая в непрякой коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики : сб. науч. работ. Тамбов : Грамота, 2013. № 1. С. 136–139.

17. Anolli L. MaCHT Miscommunication as Chance Theory : Toward a unitary theory of communication and miscommunication // Say Not to Say : New perspectives on miscommunication / eds. L. Anolli, R. Ciceri, G. Riva. Amsterdam : IOS Press, 2001. P. 3–43.

18. Hinnenkamp V. Misunderstandings : Interactional structure and strategic resources // Misunderstandings in Social Life : Discourse approaches to problematic talk / eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. L. [etc.] : Longman, 2003. P. 57–81.

19. House J., Kasper G., Ross S. Misunderstanding talk Juliane House // Misunderstandings in Social Life : Discourse approaches to problematic talk / eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. L. [etc.] : Longman, 2003. P. 1–21.

20. Verdonik D. Between understanding and misunderstanding // Journal of Pragmatics. 2010. № 42, pt. 5. P. 1364–1379.

21. Wu S., Keysar B. The effect of information overlap on communication effectiveness // Cognitive Science. 2007. № 31. P. 169–181.

22. Clark H. H., Krych M. A. Speaking while monitoring addressees for understanding // Journal of Memory and Language. 2004. № 50. P. 62–81.

23. Kecskes I. The paradox of communication : Socio-cognitive approach to pragmatics // Pragmatics and Society. 2010. № 1, pt. 1. P. 50–73.

24. Linell P. Rethinking Language, Mind and World dialogically : Interactional and contextual theories of human sense making. Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2009. 155 p.

25. Sperber D., Wilson D. Pragmatics, modularity and mind-reading // Mind & Language. 2002. № 17, pt. 1–2. P. 3–23.

26. Brennan S. E., Schober M. How listeners compensate for disfluencies in spontaneous speech // Journal of Memory and Language. 2001. № 44. P. 274–296.

27. Ferreira V. S., Slevc L. R., Rogers E. S. How do speakers avoid ambiguous linguistic expressions? // Cognition. 2005. № 96. P. 263–284.

28. Jucker A. H., Smith S. W., Lüdge T. Interactive aspects of vagueness in conversation // Journal of Pragmatics. 2003. № 35, pt. 12. P. 1737–1769.

29. *Berger Ch. R.* A tale of two communication modes : When rational and experiential processing systems encounter statistical and anecdotal depictions of threat // *Journal of Language and Social Psychology*. 2007. № 26. P. 215–233.
30. *Raevaara L.* Accounts at convenience stores : Doing dispreference and small talk // *Journal of Pragmatics*. 2010. № 43, pt. 2. P. 556–571.
31. *Janicki K.* Lay people's language problems // *International Journal of Applied Linguistics*. 2010. № 20, pt. 1. P. 73–94.
32. *Енина Л. В.* Современные российские лозунги как сверхтекст : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 20 с.
33. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.
34. *Майтинская К. Е.* Местоимения в языках разных систем. М. : Наука, 1969. 307 с.
35. *Цивьян Т. В.* Оппозиция мужской / женский и ее классифицирующая роль в модели мира // Этнические стереотипы мужского и женского поведения : сб. науч. тр. СПб. : Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 1991. С. 77–91.
36. *Карасик В. И.* Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 43–50.
37. *Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А.* Информация и фасцинация в прямой и непрямо коммуникации // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1997. № 8. С. 1–7.
38. *Вежибицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. : Языки славянских культур, 2001. 272 с.
39. *Гладкова А.* Русская культурная семантика : эмоции, ценности, жизненные установки. М. : Языки славянских культур, 2010. 304 с.
40. *Арутюнова Н. Д.* Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 7–23.
41. *Балашова Л. В.* Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка // Прямая и непрямо коммуникация : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. С. 93–108.
42. *Балашова Л. В.* Концептуализация речевой коммуникации во внелитературных стратах (метафора) // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Вып. 7. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 148–164.
43. *Балашова Л. В.* Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов : ИЦ Наука, 2009. С. 59–79.
44. *Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 17–33.
45. *Кибрик А. А.* Когнитивные исследования по дискурсу // *Вопр. языкознания*. 1994. № 5. С. 126–139.
46. *Кибрик А. Е.* Куда идет современная лингвистика // *Лингвистика на исходе XX века : итоги и перспективы* : тез. междунар. конф. М. : Изд-во МГУ, 1995. С. 217–218.
47. *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 3–15.
48. *Масленникова А. А.* Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. 40 с.
49. *Рахилина Е. В.* Когнитивная семантика : история, персоналии, идеи, результаты // *Семиотика и информатика* : сб. науч. тр. Вып. 36. М. : Русские словари, 1998. С. 274–323.
50. *Гольдин В. Е.* Концептуальные переменные образа мира по данным ассоциативных словарей // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии* : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М. : Изд-во РГГУ, 2010. С. 97–101.
51. *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта ; Наука, 2010. 224 с.
52. *Приходько А. Н.* Типы и классы концептов // *Новое в славянской филологии* : сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь : Рибэст, 2009. С. 80–89.
53. *Манаенко Г. Н.* Координаты понятия «дискурс» // *Дискурс, концепт, жанр* : сб. науч. ст. / под ред. М. Ю. Олешкова. Н. Тагил : НТГСПА, 2009. С. 15–35.
54. *Slembrouck S.* Explanation, interpretation and critique in the analysis of discourse // *Critique of Anthropology*. 2001. vol. 21, no. 1. P. 33–57.
55. *Bucholtz M.* Reflexivity and Critique in Discourse Analysis // *Critique of Anthropology*. 2001. vol. 21, no. 2. P. 165–183.
56. *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. L. : Longman, 1983. 250 p.
57. *Белозерова Е. М.* Дискурсивные свойства речевого акта намека (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2007. 20 с.
58. *Ермакова О. П.* Попытка типологии косвенных ответов // *Русский язык сегодня* : сб. докладов. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М. : Флинта ; Наука, 2012. С. 156–169.
59. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации : Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянских культур, 2009. 510 с.
60. *Рисинзон С. А.* Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
61. *Дементьев В. В.* Непрямо коммуникация и этикетные смыслы // *Проблемы речевой коммуникации* : сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Вып. 5. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005. С. 196–204.
62. *Tannen D.* Indirectness at Work // *Language in Action : New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy* / ed. by J. Peyton, P. Griffin,

W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, NJ : Hampton Press, 2000. P. 189–212.

63. *Tannen D.* You Just Don't Understand : Women and Men in Conversation. N.Y. : William Morrow Paperbacks, 2007. 352 p.

64. *Tannen D.* I Only Say This Because I Love You : Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults. N.Y. : Random House, 2001. 368 p.

65. *Tannen D.* Abduction and Identity in Family Interaction : Ventriloquizing as Indirectness // Special issue of Journal of Pragmatics / ed. by S. Kiesling. 2009. № 10 (1016). P. 50–75.

66. *Tannen D.* Indirectness in Discourse : Ethnicity as Conversational Style // Discourse Processes. 1981. № 4, pt. 3. P. 221–238.

67. *Tannen D.* Introducing Constructed Dialogue in Greek and American Conversational and Literary Narratives // Direct and Indirect Speech / ed. by F. Coulmas. Berlin : Mouton, 1986. P. 311–322.

68. *Tannen D.* That's Not What I Meant! : How Conversational Style Makes or Breaks Relationships. N.Y. : Harper Perennial, 1986. 224 p.

69. *Безуглая Л. Р.* Имплицитные смыслы в дискурсе : когнитивно-коммуникативный подход // Когниция, коммуникация, дискурс. 2010. № 1. С. 5–19.

70. *Безуглая Л. Р.* Понятия «значение» и «смысл» в прагмалингвистике // Когниция, коммуникация, дискурс. 2012. № 4. С. 14–27.

71. *Тарасова И. А.* Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Аненского) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. 40 с.

72. *Татару Л. В.* Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулфа) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 40 с.

73. *Ермакова Е.В.* Имплицитность в художественном тексте (на материале современной русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.

74. *Гоготиншвили Л. А.* Непрямое говорение. М. : Языки славянских культур, 2006. 720 с.

75. *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии : Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.

76. *Стернин И. А.* Можно ли упростить стилистическую парадигму для рядового носителя языка? // Язык художественной литературы. Литературный язык : сб. ст. к 80-летию М. Б. Борисовой. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2006. С. 64–81.

77. *Карасик В. И.* Коммуникативная тональность // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ Наука, 2007. С. 81–94.

78. *Багдасарян Т. О.* Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 20 с.

79. *Брыжина Т. С.* Пародийная тональность : дискурсивный статус и функциональные типы : авто-

реф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 20 с.

80. *Могилевская О. А.* Динамика идеологической тональности в российских и американских публицистических статьях : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 20 с.

81. *Смирнова М. П.* Семейная тональность в текстах таблоидных изданий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 20 с.

82. *Тушикова С. Е.* Категория тональности и уровни ее репрезентации в жанре светской хроники // Вopr. когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 68–73.

83. *Седов К. Ф.* Дискурс как суггестия : Иррациональное воздействие в межличностном общении. М. : Лабиринт, 2011. 336 с.

84. *Шерозия А. Е.* Психика. Сознание. Бессознательное. Тбилиси : Мецниереба, 1979. 172 с.

85. *Якобсон Р.* К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Бессознательное : природа, функции, методы, исследования : в 4 т. / под общ. ред. А. С. Прангишвили, А. Е. Шерозия, Ф. Б. Басиной. Т. III. Тбилиси : Мецниереба, 1978. С. 156–167.

86. *Лутовинова О. В.* Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 40 с.

87. *Вайс Д.* Депутаты любят цитаты : ссылки на ксенотексты в Госдуме // Русский язык сегодня : сб. науч. тр. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М. : Флинта ; Наука, 2012. С. 64–75.

88. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.

89. *Бринев К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Кемерово, 2010. 40 с.

90. *Сиротинина О. Б.* Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилициной. Вып. 12. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2012. С. 5–13.

91. *Сиротинина О. Б.* Русский язык : система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.

92. *Осетрова Е. В.* О «речевой жизни» жанра : некоторые наблюдения и идеи // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов : ИЦ Наука, 2012. С. 448–456.

93. *Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград : Парадигма, 2010. 448 с.

94. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

95. *Паришина О. Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 40 с.

96. *Фенина В. В.* Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 20 с.

97. Булыгина Ю. В. Языковая игра в речи студентов и преподавателей как способ создания смехового пространства в общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 20 с.

98. Журавлев А. П. Звук и смысл. М. : Просвещение, 1991. 190 с.

99. Балаишова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 11–22.

100. Клюев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М. : Приор, 1999. 110 с.

101. Людсис Т. М., Барташова О. А. Small talk for business purposes : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2009. 38 с.

102. Купина Н. А. Советизмы : к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 35–40.

103. Дементьев В. В. Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи) // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 24–40.

REFERENCES

1. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya: sb. nauch. rabot* [Direct and indirect communication: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Saratov, 2003. 354 p.

2. Dementyev V. V. *Osnovy teorii nepryamoj kommunikatsii* [Fundamentals of the theory of indirect communication. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2001. 40 p.

3. Shakhovskij V. I., Ionova S. V. Rec. na kn.: *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Review of: Direct and indirect communication. Ed. V. V. Dementyev]. Saratov, College, 2003. 354 p. *Stylistyka*, 2004, no. 13, pp. 372–383.

4. Bulatova E. V. *Pryamaya i kosvennaya kommunikatsiya v sovremennoj rossijskoj pechatnoj reklame* [Direct and indirect communication in the modern Russian print advertising. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2005. 20 p.

5. Fedorova T. V. *Argumentatsiya v kontekste nepryamoj kommunikatsii (na materiale anglijskogo yazyka)* [The reasoning in the context of indirect communication (in the English language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Irkutsk, 2009. 20 p.

6. Maryukhin A. P. *Nepryamaya kommunikatsiya v nauchnom diskurse (na materiale russkogo, anglijskogo, nemetskogo yazykov)* [Indirect communication in scientific discourse (on the basis of Russian, English, German). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2010. 20 p.

7. Saakyan L. N. *Evfemiya kak pragmalingvističeskaya kategoriya v diskursivnoj praktike nepryamogo rečevogo ubezhdeniya* [Euphemism as pragmalinguistic category in the discursive practice of indirect verbal persuasion. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2010. 20 p.

8. Paremuzashvili E. E. *Rečevaya agressiya v nepryamoj kommunikatsii (na materiale russkoj klassičeskoj i sovremennoj literatury)* [Verbal aggression in indirect communication (based on the

Russian classical and modern literature). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2013. 20 p.

9. Filippova M. M. *Nepryamaya kommunikatsiya i sredstva sozdaniya dvusmyslennogo diskursa* [Indirect communication and the creation of an ambiguous discourse]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, consciousness, communication: collection of articles. Eds. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov]. Iss. 28. Moscow, 2004, pp. 75–89.

10. Grigor'eva E. G. *Televizionnyj diskurs v aspekte teorii pryamoj i nepryamoj kommunikatsii* [Television Discourse in the aspect of the theory of direct and indirect communication]. *Lingvistika. Perevod. Mezkul'turnaya kommunikatsiya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Linguistics. Translation. Intercultural Communication: interuniversity collection of scientific works]. Pyatigorsk, 2006, pp. 104–108.

11. Kozlova L. A. *Natsional'no-kul'turnaya i individual'no-lichnostnaya spetsifika nepryamoj kommunikatsii* [The national-cultural and individual-personal specific of indirect communications]. *Universitetskaya filologiya – obrazovaniyu: reguljativnaya priroda kommunikatsii: materialy Vtoroy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Kommunikativistika v sovremennom mire: reguljativnaya priroda kommunikatsii» (Barnaul, 14–18 aprelya 2009 g.)* [University Philology – Education: regulatory nature of communication: materials of the Second international scientific and practical conference «Communication science in modern world: regulatory nature of communication» (Barnaul, April 14–18, 2009)]. Barnaul, 2009, pp. 399–406.

12. Takhtarova S. S. *Mitigativnye strategii v nepryamoj kommunikatsii* [Mitigative strategies in indirect communication]. *Stereotipy v yazyke, kommunikatsii i kul'ture: sb. nauch. tr.* [Stereotypes in language, communication and culture: collection of scientific works]. Moscow, 2009, pp. 482–493.

13. Nesterova T. V. *Nepryamyje (kosvennye) realizatsii intentsii otkaza v rečevom obshhenii russkikh s pozitsij rečevogo ehtiketa* [Indirect realizations of the intentions of decline in speech communication of Russians from the standpoint of speech etiquette]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2009, no. 3, pp. 45–56.

14. Klushina N. I. *Nepryamoe informirovanie v sovremennykh SMI* [Indirect information in the modern media]. *Zhizn'yu i slovom prisvyagayuchi. K 90-letiyu M. E. Tikotskogo: sb. nauch. rabot* [Life and the word. On the 90th anniversary of M. E. Tikotsky: collection of scientific works]. Minsk, 2012, pp. 288–293.

15. Gurevich T. M. *Nepryamaya kommunikatsiya v mezhkul'turnykh kontaktakh* [Indirect communication in cross-cultural contacts]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sovremennaya teoriya i praktika: materialy VII Konventa RAMI (Moskva, sentyabr 2012 g.)* [Intercultural Communication: modern theory and practice: materials of VII Convent of Russian International Studies Association (Moscow, September 2012). Ed. A. V. Malgin]. Moscow, 2013, pp. 57–59.

16. Omel'chenko E. V. *Fastsinativnaya sostavlyayushchaya v nepryamoj kommunikatsii* [Fascinating

component in indirect communication]. *Filologicheskoe nauki. Voprosy teorii i praktiki: sb. nauch. rabot* [Philology. Theory and practice: collection of scientific works]. Tambov, 2013, no. 1, pp. 136–139.

17. Anolli L. MaCHT. Miscommunication as Chance Theory: Toward a unitary theory of communication and miscommunication. *Say Not to Say: New perspectives on miscommunication*. Eds. L. Anolli, R. Ciceri, G. Riva. Amsterdam, 2001, pp. 3–43.

18. Hinnenkamp V. Misunderstandings: Interactional structure and strategic resources. *Misunderstandings in Social Life: Discourse approaches to problematic talk*. Eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. London [etc.], 2003, pp. 57–81.

19. House J., Kasper G., Ross S. Misunderstanding talk. *Misunderstandings in Social Life: Discourse approaches to problematic talk*. Eds. J. House, G. Kasper, St. Ross. London [etc.], 2003, pp. 1–21.

20. Verdonik D. Between understanding and misunderstanding. *Journal of Pragmatics*, 2010, no. 42, pt. 5, pp. 1364–1379.

21. Wu S., Keysar B. The effect of information overlap on communication effectiveness. *Cognitive Science*, 2007, no. 31, pp. 169–181.

22. Clark H. H., Krych M. A. Speaking while monitoring addressees for understanding. *Journal of Memory and Language*, 2004, no. 50, pp. 62–81.

23. Kecskes I. The paradox of communication: Socio-cognitive approach to pragmatics. *Pragmatics and Society*, 2010, no. 1, pt. 1, pp. 50–73.

24. Linell P. *Rethinking Language, Mind and World dialogically: Interactional and contextual theories of human sense making*. Charlotte, NC, 2009. 155 p.

25. Sperber D., Wilson D. Pragmatics, modularity and mind-reading. *Mind & Language*, 2002, no. 17, pt. 1–2, pp. 3–23.

26. Brennan S. E., Schober M. How listeners compensate for disfluencies in spontaneous speech. *Journal of Memory and Language*, 2001, no. 44, pp. 274–296.

27. Ferreira V. S., Slevc L. R., Rogers E. S. How do speakers avoid ambiguous linguistic expressions? *Cognition*, 2005, no. 96, pp. 263–284.

28. Jucker A. H., Smith S. W., Lüdge T. Interactive aspects of vagueness in conversation. *Journal of Pragmatics*, 2003, no. 35, pt. 12, pp. 1737–1769.

29. Berger Ch. R. A tale of two communication modes: When rational and experiential processing systems encounter statistical and anecdotal depictions of threat. *Journal of Language and Social Psychology*, 2007, no. 26, pp. 215–233.

30. Raevaara L. Accounts at convenience stores: Doing dispreference and small talk. *Journal of Pragmatics*, 2010, no. 43, pt. 2, pp. 556–571.

31. Janicki K. Lay people's language problems. *International Journal of Applied Linguistics*, 2010, no. 20, pt. 1, pp. 73–94.

32. Enina L. V. *Sovremennye rossijskie lozungi kak sverkhstekst* [Modern Russian slogans as a supertext. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 1999. 20 p.

33. Kitajgorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvichej. Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt*

[Speech of Muscovites. Communicative and cultural aspect]. Moscow, 1999. 396 p.

34. Majtinskaya K. E. *Mestoimeniya v yazykakh raznykh sistem* [Pronouns in the languages of different systems]. Moscow, 1969. 307 p.

35. Tsivyay T. V. Oppozitsiya muzhskoj / zhenskij i ee klassifitsiruyushhaya rol' v modeli mira [Opposition male / female and her role in the classifier model of the world]. *Ehtnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya: sb. nauch. tr.* [Ethnic stereotypes of male and female behavior: collection of scientific works]. St.-Petersburg, 1991, pp. 77–91.

36. Karasik V. I. Lingvosemioticheskoe modelirovaniye tsennostej [Linguosemiotic simulation of values]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2012, no. 1 (39), pp. 43–50.

37. Muskhelishvili N. L., Shrejder Yu. A. Informatsiya i fastsinatsiya v pryamoj i nepryamoj kommunikatsii [Information and fascination in the direct and indirect communication]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [Scientific and technical information]. Ser. 2, 1997, no. 8, pp. 1–7.

38. Wierzbicka A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through the medium of language and pragmatics]. Moscow, 2001. 272 p.

39. Gladkova A. *Russkaya kul'turnaya semantika: ehmotsii, tsemnosti, zhiznennye ustanovki* [Russian cultural semantics: emotions, values, attitudes]. Moscow, 2010. 304 p.

40. Arutyunova N. D. Naivnye razmyshleniya o naivnoj kartine yazyka [Naive thinking about the naive picture of language]. *Yazyk o yazyke* [Languages of the language]. Ed. by N. D. Arutyunova]. Moscow, 2000, pp. 7–23.

41. Balashova L. V. Verbal'naya kommunikatsiya i ee otrazhenie v idiomatike russkogo yazyka [Verbal communication and its reflection in the idiomatics of Russian]. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya: sb. nauch. tr.* [Direct and indirect communication: collection of scientific works]. Saratov, 2003, pp. 93–108.

42. Balashova L. V. Kontseptualizatsiya rechevoj kommunikatsii vo vneliteraturnykh stratakh (metafora) [The conceptualization of verbal communication in the extraliterary strata (metaphor)]. *Problemy rechevoj kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: collection of scientific works. Ed. by O. B. Sirotinina, M.A. Kormilitsyna]. Iss. 7. Saratov, 2007, pp. 148–164.

43. Balashova L. V. Nominatsii rechevykh zhanrov i ikh komponentov v sovremennom russkom yazyke [Nominations of speech genres and their components in the modern Russian language]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Iss. 6. Saratov, 2009, pp. 59–79.

44. Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushhego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretative approach]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics], 1994, no. 4, pp. 17–33.

45. Kibrik A. A. Kognitivnye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznanija* [Problems of Linguistics], 1994, no. 5, pp. 126–139.
46. Kibrik A. E. Kuda idet sovremennaya lingvistika [Where does the modern linguistics go]. *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy: tez. mezhdunar. konf.* [Linguistics at the end of the twentieth century: results and prospects: proceedings of international conference]. Iss. 1. Moscow, 1995, pp. 217–218.
47. Kubryakova E. S. Nachal'nye ehtapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psikhologiya – kognitivnaya nauka [The initial stages of cognitivism: Linguistics – Psychology – Cognitive science]. *Voprosy yazykoznanija* [Problems of Linguistics], 1994, no. 4, pp. 3–15.
48. Maslennikova A. A. *Skrytye smysly i ikh lingvisticheskaya interpretatsiya* [Hidden meanings and their linguistic interpretation. Dr. philol. sci. thesis diss.]. St.-Petersburg, 1998. 40 p.
49. Rakhilina E. V. Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezul'taty [Cognitive Semantics: the history, personalities, ideas and results]. *Semiotika i informatika: sb. nauch. tr.* [Semiotics and informatics: collection of scientific works]. Iss. 36. Moscow, 1998, pp. 274–323.
50. Gol'din V. E. Kontseptual'nye peremennye obraza mira po dannym assotsiativnykh slovaroj [Conceptual variability of the image of the world according to the associative dictionaries]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Iss. 9 (16). Moscow, 2010, pp. 97–101.
51. Alefirenko N. F. *Lingvokul'turologiya. Tsenonostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Cultural linguistics. Value-language semantic space]. Moscow, 2010. 224 p.
52. Prikhod'ko A. N. Tipy i klassy kontseptov [The types and classes of concepts]. *Novoe v slavyanskoj filologii: sb. st.* [New in Slavic philology: collection of articles. Ed. M. V. Pimenova]. Sevastopol, 2009, pp. 80–89.
53. Manaenko G. N. Koordinaty ponyatiya «diskurs» [Coordinates of the concept of «discourse»]. *Diskurs, kontsept, zhanr: sb. nauch. st.* [Discourse, concept, genre: collection of scientific articles. Ed. by M. Y. Oleshkov]. Nizhnij Tagil, 2009, pp. 15–35.
54. Slembrouck S. Explanation, interpretation and critique in the analysis of discourse. *Critique of Anthropology*, 2001, vol. 21, no. 1, pp. 33–57.
55. Bucholtz M. Reflexivity and Critique in Discourse Analysis. *Critique of Anthropology*, 2001, vol. 21, no. 2, pp. 165–183.
56. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London, 1983. 250 p.
57. Belozeroва E. M. *Diskursivnye svoystva rechevogo akta namekaniya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Discursive properties of the hint speech act (on the basis of the modern German languages). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Khar'kov, 2007. 20 p.
58. Ermakova O. P. Popytka tipologii kosvennykh otvetov [Attempting of typology of indirect responses]. *Russkij yazyk segodnya: sb. dokladov* [Russian language today: collection of scientific reports]. Iss. 5. Moscow, 2012, pp. 156–169.
59. Larina T. V. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsij* [Category of courtesy and style of communication: A comparison of British and Russian linguocultural traditions]. Moscow, 2009. 510 p.
60. Risinzon S. A. *Obshhee i ehtnokul'turnoe v russkom i anglijskom rechevom ehtikete* [General and ethnocultural in Russian and English speech etiquette. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2010. 40 p.
61. Demytyev V. V. Nepryamaya kommunikatsiya i ehtiketnye smysly [Indirect communication and etiquette meanings]. *Problemy rechevoj kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: collection of scientific works. Ed. by O. B. Sirotnina, M. A. Kormilitsyna]. Iss. 5. Saratov, 2005, pp. 196–204.
62. Tannen D. Indirectness at Work. *Language in Action: New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy*. Ed. by J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, NJ, 2000, pp. 189–212.
63. Tannen D. *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. New York, 2007. 352 p.
64. Tannen D. *I Only Say This Because I Love You: Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults*. New York, 2001. 368 p.
65. Tannen D. Abduction and Identity in Family Interaction: Ventriloquizing as Indirectness. *Special issue of Journal of Pragmatics*. Ed. by S. Kiesling, 2009, no. 10 (1016), pp. 50–75.
66. Tannen D. Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style. *Discourse Processes*, 1981, no. 4, pt. 3, pp. 221–238.
67. Tannen D. Introducing Constructed Dialogue in Greek and American Conversational and Literary Narratives. *Direct and Indirect Speech*. Ed. by F. Coulmas. Berlin, 1986, pp. 311–322.
68. Tannen D. *That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships*. New York, 1986. 224 p.
69. Bezuglaya L. R. Implitsitnye smysly v diskurse: kognitivno-kommunikativnyj podkhod [Implicit meanings in the discourse: cognitive-communicative approach]. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* [Cognition, communication, discourse], 2010, no. 1, pp. 5–19.
70. Bezuglaya L. R. Ponyatiya «znachenie» i «smysl» v pragmalingvistike [The concepts of «meaning» and «sense» in pragmalinguistics]. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs* [Cognition, communication, discourse], 2012, no. 4, pp. 14–27.
71. Tarasova I. A. *Poeticheskij idiosstil' v kognitivnom aspekte (na materiale poehzii G. Ivanova i I. Anenskogo)* [Poetic idiosstyle in the cognitive aspect (based on poetry by G. Ivanov and I. Anensky). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2004. 40 p.
72. Tataru L. V. *Tochka zreniya i ritm kompozitsii narrativnogo teksta (na materiale proizvedenij Dzh. Dzhosha i V. Vulf)* [Point of view and narrative rhythm

of the composition of the text (based on the works of J. Joyce and V. Wolfe). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2009. 40 p.

73. Ermakova E. V. *Implitsitnost' v khudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoj russkoyazychnoj i angloyazychnoj prozy psikhologicheskogo i fantasticheskogo realizma)* [Implicitity in a literary text (based on modern Russian and English prose fiction and psychological realism). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2010. 40 p.

74. Gogotishvili L. A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow, 2006. 720 p.

75. Kostomarov V. G. *Nash yazyk v dejstvii: Ocherki sovremennoj russkoj stilistiki* [Our language in action: Essays on modern Russian stylistics]. Moscow, 2005. 287 p.

76. Sternin I. A. *Mozhno li uprostit' stilisticheskuyu paradigmatu dlya ryadovogo nositelya yazyka?* [Is it possible to simplify the stylistic paradigm for the average native speaker?]. *Yazyk khudozhestvennoj literatury. Literaturnyj yazyk: sb. st.* [Language of literature. Literary language: collection of articles]. Saratov, 2006, pp. 64–81.

77. Karasik V. I. *Kommunikativnaya tonal'nost'* [Communicative Tonicity]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 81–94.

78. Bagdasaryan T. O. *Tonal'nyj komponent modal'nosti v kommunikatsii (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov)* [Tonal component in the communication modality (in the English and Russian language). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Krasnodar, 2000. 20 p.

79. Bryzhina T. S. *Parodijnaya tonal'nost': diskursivnyj status i funkcional'nye tipy* [Parody tonality: discursive status and functional types. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2009. 20 p.

80. Mogilevskaya O. A. *Dinamika ideologicheskoy tonal'nosti v rossijskikh i amerikanskikh publitsisticheskikh stat'yakh* [The dynamics of the ideological tonality in the Russian and American journalistic articles. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2011. 20 p.

81. Smirnova M. P. *Famil'yarnaya tonal'nost' v tekstakh tabloidnykh izdaniy* [Tonality of familiarity in the texts of tabloid publications. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2009. 20 p.

82. Tupikova S. E. *Kategoriya tonal'nosti i urovni ee reprezentatsii v zhanre svetskoy khroniki* [Category of tonality and level of its representation in the society column genre]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Problems of cognitive linguistics], 2011, no. 4, pp. 68–73.

83. Sedov K. F. *Diskurs kak suggestiya: Irratsional'noe vozdejstvie v mezhluchnostnom obshhenii* [Discourse as a suggestion: Irrational impact in interpersonal communication]. Moscow, 2011. 336 p.

84. Sheroziya A. E. *Psikhika. Soznanie. Bessoznatel'noe* [The psyche. Consciousness. Unconscious]. Tbilisi, 1979. 172 p.

85. Jacobson R. K. *Yazykovedcheskoj problematike soznaniya i bessoznatel'nosti* [To linguistic problems of

consciousness and unconsciousness]. *Bessoznatel'noe: priroda, funktsii, metody, issledovaniya* [Unconscious: nature, functions, methods, research: in 4 vol. Ed. by A. S. Prangishvili, A. E. Sheroziya, F. B. Bassina]. Vol. III. Tbilisi, 1978, pp. 156–167.

86. Lutovinova O. V. *Yazykovaya lichnost' v virtual'nom diskurse* [Linguistic identity in the virtual discourse. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2013. 40 p.

87. Weiss D. *Deputaty lyubyat tsitata: ssylki na ksenoteksty v Gosdume* [Senators love quotes: references to the State Duma xenotexts]. *Russkij yazyk segodnya: sb. nauch. tr.* [Russian language today: collection of scientific works]. Iss. 5. Moscow, 2012, pp. 64–75.

88. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, 2006. 376 p.

89. Brinev K. I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ehkspertiza* [Theoretical linguistics and judicial linguistic expertise. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Kemerovo, 2010. 40 p.

90. Sirotnina O. B. *Obshhenie v zone riskov i tendentsiya k diffuznosti znachenij* [Communication in the area of risks and the tendency to diffusivity of meanings]. *Problemy rechevoj kommunikatsii: sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: collection of scientific works. Ed. by O. B. Sirotnina, M. A. Kormilitsyna]. Iss. 12. Saratov, 2012, pp. 5–13.

91. Sirotnina O. B. *Russkij yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [Russian language: system, language usage and the risks they create]. Saratov, 2013. 116 p.

92. Osetrova E. V. *O «rechevoj zhizni» zhanra: nekotorye nablyudeniya i idei* [On the «Speech Life» of genre: some observations and ideas]. *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost': materially mezhdunar. nauch. konf.* [Communication. Thinking. Personality: proceedings of international scientific conference]. Saratov, 2012, pp. 448–456.

93. Karasik V. I. *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Language crystallization of sense]. Volgograd, 2010. 448 p.

94. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

95. Parshina O. N. *Strategii i taktiki rechevoj povedeniya sovremennoj politicheskoy ehliny Rossii* [Strategies and tactics of verbal behavior of modern Russian political elite. Dr. philol. sci. thesis. diss.]. Saratov, 2005. 40 p.

96. Fenina V. V. *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turakh* [Speech genres 'small talk' and 'svetskaya beseda' in the Anglo-American and Russian cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2005. 20 p.

97. Bul'ina Y. V. *Yazykovaya igra v rechi studentov i prepodavatelej kak sposob sozdaniya smekhovogo prostranstva v obshhenii* [Language game in the speech of students and teachers as a way to create the comic space in dialogue. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2011. 20 p.

98. Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl* [Sound and meaning]. Moscow, 1991. 190 p.

99. Balashova L. V. Politicheskij 2012 god v zerkale kontseptual'noj metafory [Political 2012 in the mirror of conceptual metaphors]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2013, no. 2 (44), pp. 11–22.

100. Klyuev E. V. *Ritorika (Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya)* [Rhetoric (Invention. Disposition. Elocution)]. Moscow, 1999. 110 p.

101. Lyuders T. M., Bartashova O. A. *Small talk for business purposes*. St.-Petersburg, 2009. 38 p.

102. Kupina N. A. Sovetizmy: k opredeleniyu ponyatiya [Sovietisms: to the definition]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2009, no. 2 (28), pp. 35–40.

103. Dementyev V. V. Russkij novoyaz v svete teorii kommunikativnykh tsennostej (na materiale politicheskoy rechi) [Russian Newspeak in the light of the theory of communicative values (on the basis of political speech)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2010, no. 4 (34), pp. 24–40.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

**ЖУРНАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС
В АСПЕКТЕ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ**

**SPEECH GENRES OF THE JOURNALISTIC
DISCOURSE**

Аннотация. В статье описана классификация журналистских речевых жанров, осуществленная на едином основании – коммуникативной интенции – по двум направлениям: принимая во внимание ведущие мотивы осуществления журналистской речевой деятельности, речевые жанры разделены на информирующие, оценочные и побудительные; с учетом предметной составляющей целеустановок осуществлена жанровая дифференциация внутри групп. В качестве примера реализации жанрового стиля дан стилистический анализ информационно-содержательной структуры РЖ «Сообщение о ситуации».

Ключевые слова: публицистический функциональный стиль, жанровая интенция, речевой жанр, жанровый стиль.

Abstract. The article describes the classification of journalistic speech genres, which is based on communicative intentions. Genres were classified twice: taking into account the leading motives of journalistic activity, informing, assessment, and incentive genres were separated firstly; the subsequent genre differentiation was made within the groups in view of the subject component of the purposes. As an example of stylistic realization of genre the author analyzes the substantive structure of the "Message on the situation" speech genre.

Key words: publicistic functional style, genre intention, speech genre, genre style.

Сведения об авторе: Дускаева Лилия Рашидовна, доктор филологических наук, зав. кафедрой речевой коммуникации.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций».

E-mail: lrd2005@yandex.ru

About the author: Duskajeva Liliya Rashidovna, Head of the Department of Speech Communication, Doctor of Philology

Place of employment: Saint-Petersburg State University, Institute «Higher School of Journalism and Mass Communication».

Функционально-стилистические основания типологии газетных речевых жанров (РЖ).

Сегодня становится все более очевидным, что поиски РЖ – разноплановых репродуктивных форм текстовой деятельности как образцов эффективного речевого взаимодействия в журналистском дискурсе – одна из актуальных медиалингвистических проблем. В научной литературе различаются подходы к выделению признаков РЖ. В исследованиях А. Вежбицкой, Т. В. Шмелевой, М. Ю. Федосюка и др. с этой целью выявляется совокупность смысловых параметров речевых жанров, существенных в прагмалингвистическом плане для отличия одного РЖ от другого. В этом случае жанр рассматривается речевой проекцией той или иной коммуникативной ситуации. В других работах представление о жанре уточняется через создание типологии жанровых форм [1–3], её оснований и, определяются факторы, детерминирующие формирование речевых жанров. В поисках оснований для создания такой классификации мы обратились к типологическому – функционально-стилистическому методу, уже показавше-

му продуктивность в исследованиях речевых разновидностей в разных сферах общения. Вполне правомерно речевые жанры журналистского дискурса рассматривать как устойчивые формы публицистической информационно-воздействующей речевой деятельности. При таком, функционально-стилистическом понимании публицистического стиля¹ самым общим критерием для его выделения среди других становится его способность репрезентировать один из видов социальной духовной деятельности. Действительно, если тексты, вслед за М. М. Бахтиным, рассматривать как «идеологическое преломление бытия», как реализацию идеологического творчества и духовной социокультурной деятельности коммуникантов, то нельзя не согласиться с тем, что «языковые, или функциональные, стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения» [4: 254]. Эти идеи М. М. Бахтина явились одним из важнейших методологических оснований

¹ Термины «публицистический стиль» и «публицистика» употребляются как синонимы.

функциональной стилистики [4 ; 6]. Не случайно была признана идея о том, что функциональный стиль задает и жанровое своеобразие, а именно «общую установку использования языковых средств и способ речевой организации» [7 : 7] для отдельных жанров. Поэтому дальнейшие классификационные подразделения речевых жанров было плодотворно проводить на основе внутренней дифференциации видов духовной социокультурной деятельности с учетом ее разновидностей и целей [8]. По мнению исследователя, основные виды духовной социокультурной деятельности, выступающие экстралингвистической основой соответствующих функциональных стилей, должны рассматриваться как иерархически организованные системы частных деятельностей и образующих их типовых действий, лежащих в основе групп речевых жанров и отдельных жанров [8].

Исходя из сказанного, систему жанровых форм газетной публицистики можно представить как материализацию «иерархически организованной системы частных *деятельностей и образующих их типовых действий*» [8] в политико-идеологической сфере общения. При этом каждая частная деятельность осуществляется тем или иным способом ради достижения какой-то коммуникативной *цели* (интенции). Учитывая, что речевой жанр является при таком понимании моделью реализации коммуникативной цели, систему жанровых форм газетной публицистики закономерно представить реализацией в данной сфере *коммуникативных целей* журналиста. Так мы оказались перед проблемой выделения типовых коммуникативных целеустановок в журналистике. Какие же из них являются типовыми в журналистском творчестве?

Учитывая, что журналистика и политика глубоко взаимосвязаны, вполне обоснованно в качестве экстралингвистической основы публицистического стиля рассматривать политико-идеологическую деятельность² общающая цель которой достигается, по мнению психологов, по крайней мере в три этапа: а) сбор информации, б) её обработка для формирования мнения о собранных фактах действительности с целью в) обеспечения управленческого, политического решения и его применения [9 : 547]. Иными словами, журналист вступает в коммуникацию, стре-

мясь сообщить о результатах отбора информации, ее обработки и формулирования на этой основе управленческих решений, руководствуясь потребностью общества в таком информировании, при котором у аудитории вырабатываются, с одной стороны, «умение разбираться в окружающей обстановке, понимать и оценивать социальные явления, выявлять их значимость для себя и влияние на протекающие процессы и, с другой стороны, в соответствии с этим определять свое к ним отношение, вырабатывать цели и направления деятельности [10: 51]. В связи с этим закономерно вести речь о трех направляющих деятельность журналиста мотивах: 1) информировать о происходящем в мире, 2) дать «диагностирующую» оценку полученной информации, 3) выработать и обосновать управленческое решение, сформулировав волеизъявление. **Сообщениями** в СМИ о динамике в социальной жизни и **оценке** этой динамики осуществляется ориентирование аудитории в окружающей обстановке. **Обоснованием** важных **векторов и способов** социальной **деятельности** осуществляется в журналистике ориентирование на какие-либо действия.

Информирование о мире событий и людей и ориентирование аудитории на действия представлены в свою очередь рядом стадий, которые репрезентируются разными классами текстов (речевыми жанрами), при этом тексты, эксплицирующие один и тот же фрагмент социального ориентирования, типологически сближаются тем, что они представляют один и тот же способ достижения коммуникативной интенции, а следовательно, имеют общую логику её достижения. Тем самым социальное ориентирование в журналистике осуществляется в совокупности речевых жанров газетно-публицистического стиля. Таким образом, если функциональный стиль рассматривать как «определенный принцип, способ прохождения деятельности» [11], то публицистический стиль предстает способом речевого выражения политической деятельности, которая осуществляется в журналистике информированием, оценкой и волеизъявлением, осуществляемыми с разных идеологических позиций.

Таким образом, исходя из предлагаемой концепции публицистической речи и ее экстралингвистических оснований, с учетом особенностей типовых коммуникативных мотивов профессиональной деятельности журналиста, система речевых жанров журна-

² Ср. также квалификацию публицистических текстов в зарубежной лингвистике как явлений политического дискурса.

листского дискурса представляет собой совокупность форм реализации разных способов информирования, оценивания и волеизъявления. Каждое из направлений социального ориентирования эксплицируется в своих группах журналистских жанров, т.е. тематических, композиционных и стилистических единствах [4]. Две первые группы – **информационные и оценочные (диагностирующие)** – *ориентируют в мире событий и людей*. Создавая тексты в этих жанрах, журналисты помогают ответить на вопрос, в каком обществе мы живем, и способствуют созданию идеологической ценностно-познавательной картины мира. Создавая публикации в **побудительных** жанрах, журналисты *способствуют выработке какой-либо формы поведения у аудитории*³, поскольку в этих жанрах определяется система требований, выдвигаемых к различным политическим институтам и социальным силам, и передаются представления о системе политических акций, ведущих к достижению поставленных целей.

Оказываясь перед необходимостью уточнения состава речевых жанров каждой из выделенных групп, мы обратимся к определению более частных коммуникативных целеустановок журналистской деятельности. Выше мы показали, что в своей профессиональной деятельности журналист руководствуется тремя важнейшими мотивами вступления в коммуникацию – информировать, оценивать и побуждать. Принимая во внимание, что содержание цели включает не только мотивационную, но и предметную стороны [14], попытаемся установить, какова «предметная» сторона информирования, оценивания и побуждения: о ЧЕМ информируют журналисты, ЧТО оценивают и к чему побуждают. Дальнейшую классификацию РЖ осуществляем на основе предметных составляющих содержания коммуникативной интенции.

Классификация журналистских речевых жанров.

Понятно, что в разных классах текстов информационное, оценочное и побудительное начала проявляются в разной степени и неодинаковы по стилистико-речевым сред-

ствам. Определяя предметный аспект в содержании, мы исходим из идеи о жанроформирующем свойстве диалогичности (более подробно см. [15]) и предметный аспект типовых коммуникативных целеустановок устанавливаем с учетом типовых информационных запросов и коммуникативных интересов аудитории, которые принимает во внимание журналист. Типовой авторский замысел, лежащий в основе создания речевого жанра, с одной стороны, входит в структуру журналистской деятельности, а с другой – под влиянием представлений автора о типовых информационных запросах аудитории вырабатывается как ответ на высказанное ранее суждение о предмете речи. Фактор адресата (Н. Д. Арутюнова) в газетных текстах проявляется в удовлетворении информационных запросов и приведении композиционно-тематических и стилистических свойств текста в соответствие с вариантами гипотез об информационных ожиданиях читателя. Значит, журналист в процессе информационного воздействия осуществляет взаимодействие с адресатом по крайней мере по трем типам «сценариев».

В первой группе жанров, информирующих, речевые жанры подразделены на основе «содержательных ожиданий адресата», т.е. в зависимости от того, о ЧЕМ предполагается информировать. В силу принципиально диалогического характера журналистского творчества [16] совершенно правомерно сообщения в СМИ представить как удовлетворение информационных потребностей аудитории, которые формулируются в виде набора жанрообразующих вопросов: 1) какое событие произошло и каков его результат? 2) что и как сложилось? 3) кто действующие лица в событиях, каковы их действия, каковы их мнения и позиции, каковы они? В ответ на имплицитно (в монологах) и эксплицитно (в диалогах) выраженные вопросы адресата сообщаются новости (1) о событиях и происшествиях; 2) о сложившихся ситуациях и наблюдаемых явлениях; 3) о персонажах – их действиях, характеристиках и высказываниях. На основе перечисленных жанровых вопросов нами выделяются такие жанры, как «Сообщение о происшествии», «Сообщение о ситуации», «Сообщение о чужом высказывании», «Информационный портрет». Вычленение важнейших событий, ситуаций и действующих лиц позволяет знакомить аудиторию с основными изменениями в социальной действительности.

Вторая группа – оценочных жанров – дифференцировалась с учетом того, на осно-

³ Данная классификация перекликается с классификацией жанров Н. Д. Арутюновой [12], Т. В. Шмелевой [13], в исследованиях которых выделяются информационные, оценочные, побудительные (прескриптивные) группы жанров. Однако речевая репрезентация каждого из выделенных классов в политической сфере общения специфична.

ве ЧЕГО предполагается согласовать оценки с адресатом: «Оценка события», «Оценка ситуации», «Оценка чужих высказываний» и «Оценка персонажей». Третья группа жанров – побудительных – дифференцируется в зависимости от того, какой характер волеизъявления в жанре выражается: при необходимости постановки проблемы формируется «Предупреждение об опасности бездействия», при осознании цели деятельности – «Призыв к действию», обоснование модели деятельности осуществляется через реализацию РЖ «Предложение способов решения проблемы», «Рекомендация к выбору алгоритма возможных действий», в случае обнаружения журналистом опасности ошибок в управленческой деятельности «Предотвращение ошибок» и т.д. Все названия жанрам были даны по той доминирующей коммуникативной интенции взаимодействия автора и читателя, которая определяет формирование жанра. Мы пошли в наименовании жанров по такому пути, опираясь на традицию, сложившуюся в лингвистическом жанроведении, где деление жанров осуществляется на основе ведущей коммуникативной целеустановки, например в работах Н. Д. Арутюновой, Т. В. Шмелевой, М. Ю. Федосюка и мн. др. жанры называются приветствием, благодарностью, извинением, комплиментом, советом, шуткой и т.д.

Таким образом, дифференциация газетных речевых жанров осуществлена на едином основании – коммуникативной целеустановке – по двум направлениям: «по вертикали», с учетом ведущих мотивов осуществления журналистской деятельности, когда жанры делятся на информирующие, оценочные и побудительные, и «по горизонтали», с учетом предметной составляющей целеустановок, когда жанры делятся внутри установленных групп. Выше мы представили рассуждение, в ходе которого были выделены типовые иллокутивные целеустановки – жанровые интенции, значимые для журналистики, и на этой основе названы газетные речевые жанры. Далее, в силу ограниченности объема статьи, выделим устойчивые композиционно-стилистические особенности только одного РЖ – «Сообщение о ситуации».

Выражение композиционной структуры речевого жанра «Сообщение о ситуации».

Устойчивая тема этого речевого жанра – ситуация как длящийся в определенном месте процесс или сложившееся в определенном

месте состояние. Чтобы журналисту сообщить о ситуации, т.е. ответить на вопрос, что происходит в мире, необходимо информировать о состоянии дел в мире, о целостных фактах, обладающих временной, пространственной, причинной и целевой определенностью. Композиция указанного жанра в журналистском дискурсе (который, вслед за Н. Д. Арутюновой, мы рассматриваем как «речь, погруженную в жизнь») предстает устойчивой последовательностью трех коммуникативных интеракций – вопросо-ответных комплексов (ВОК), вопросы в которых чаще всего не отражаются в тексте, остаются гипотетическими: а) каковы пространственно-временные характеристики ситуации? – сообщение о месте, времени ситуации, действующих лицах и расстановке сил; б) как ситуация проявляется? – информирование о последовательности действий сторон или развитии их противостояния; в) каковы возможные последствия ситуации? – прогноз дальнейшего развития ситуации. Центральным является второй ВОК. В целом, эта последовательность составляет композиционное единство жанра. Как видим, композиция жанровой модели отражает алгоритм познания той или иной стороны действительности. Перечисленные гипотетические вопросы, не всегда репрезентированные в текстах, существуют в журналистском дискурсе, демонстрируя сложившиеся в этой сфере традиции информирования о положении дел в той или иной сфере.

Важным для политико-идеологической сферы общения является агональное начало в текстах, которое проявляется в речевой структуре текста выражением противостояния, несогласия с кем-то, протеста против действий власти, сильных мира сего.

Обратимся к анализу публикаций, написанных в указанном жанре: а) «Мемориал» пойдет в Европу (Новая газета, 22.01.2010); б) Оппозиция, стараясь избежать прошлых ошибок, делает новые (Известия, 17.01.2010). В первом тексте сообщается о ситуации судебного конфликта, не имеющего завершения, во втором – о расстановке политических сил перед выборами. Агональность проявляется уже в том, как представлена ситуация: в публикациях демонстрируется, что стабильность положения дел на протяжении длительного периода, их длительность и значительная устойчивость во времени тревожны и небезопасны для общества. Иными словами, их стабильность поддерживается чьей-то волей и чьими-то усилиями.

Первая коммуникативная интеракция в рассматриваемом речевом жанре – знаком-

ство с ситуацией – осуществляется благодаря указанию на ее параметры: места, времени, действующих субъектов, повода к взаимодействию сторон. В первом тексте начало сообщение – демонстрация того, как неразумными, с точки зрения журналиста, решениями суда поддерживается конфликт между сторонами: *В деле «Кадыров против Орлова» возможности национального правосудия исчерпаны. Вчера Мосгорсуд отклонил кассацию председателя правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова на решение Тверского районного суда города Москвы. Впрочем, также суд отклонил и противоположную кассацию, поданную Рамзаном Кадыровым.* Начало второго текста – сообщение причин для обсуждения расстановки политических сил в стране: *14 марта будут избираться региональные парламенты в Республике Алтай, Воронежской, Калужской... В регионах будут избираться мэры пяти столиц и депутаты законодательных органов восьми административных центров. Всего в стране состоится 3,5 тысячи избирательных кампаний.*

Как видно из представленных фрагментов, пространство развития ситуации обозначается прежде всего географическими наименованиями (*город Москва, Республика Алтай, Воронежская, Калужская и др. области*), время – темпоральной лексикой (*вчера, 14 марта*) и формами акциональных глаголов, которыми названы информационные поводы в обеих заметках: в первом тексте употреблены глаголы прошедшего времени (*отклонил кассацию; впрочем, также суд отклонил и противоположную кассацию*), во втором тексте глаголы будущего времени (*будут избираться региональные парламенты, ... мэры*). Субъекты процессов обозначаются номинационной цепочкой *должность+имя+фамилия*.

Центральная коммуникативная интеракция, отражаемая в жанре, – демонстрация основных характеристик ситуации. В первом тексте суть противостояния передается указанием на сами акты противодействия и их субъектов. Фрагменты текстов, представляющих этот компонент жанра, дадим в купюрах: *из текста 1. Ранее, 6 октября 2009 года Тверской суд частично удовлетворил иск о защите чести и достоинства, поданный Кадыровым против «Мемориала», против его главы О. Орлова... честь и достоинство президента Чечни были задеты несправедливыми, по его мнению, словами <...> о том, что президент республики несет прямую от-*

ветственность за случившееся <...>, что трагедия напрямую связана с политикой властей республики. <...> Решением Тверского суда остались недовольны обе стороны. Орлова оно не устраивало по существу, Кадырова – по сумме выплаты. <...> И вот вчера Мосгорсуд нашел позицию обеих сторон безопасительной. «Мемориал» должен опубликовать опровержение того самого заявления, президенту Чечни должны быть выплачены деньги. В решении суда сказано, что стороны вправе <...> обжаловать судебные акты <...> Олег Орлов, однако, полагает, что <...> в этом нет смысла...Национальные возможности правосудия исчерпаны, что позволяет ему обратиться с жалобой в Европейский суд по правам человека.

В цитируемом фрагменте характерное для жанра значение процессности выражено демонстрацией продолжительности конфликтного взаимодействия, причина которого – злонамеренная задержка в принятии решения. Так транслируется позиция редакции газеты и автора заметки. Длительность описываемой ситуации показана маркерами времени: текст опубликован в январе, заключительное решение суда, как явствует из предыдущего фрагмента, принято накануне (*вчера*), однако конфликт продолжается давно (*еще 6 октября* было принято первое решение) и не завершается (*участник намерен обращаться с жалобой в вышестоящую инстанцию*). Характеристика ситуации как неоправданная задержка в разрешении конфликта дается эмоционально-оценочными лексемами, отрицательными конструкциями, вводным словом со значением противопоставления: *Решением Тверского суда остались недовольны обе стороны. Орлова оно не устраивало по существу, Кадырова – по сумме выплаты.* – и в продолжение текста: *Олег Орлов, однако, полагает, что <...> в этом нет смысла...* Благодаря ироничной оценочной рамке, в которой передано решение суда, становится очевидным, на чьей стороне газета: *Руководителя «Мемориала» обязали компенсировать страдания чеченского президента, выплатив ему 20 тысяч рублей. С «Мемориала» взыскали 50 тысяч.*

Во втором тексте параметры ситуации отображены глаголами и глагольными формами со значением процессности, а также цифровыми процентными показателями. Носители этого состояния – противоборствующие политические партии, их противоборствующий характер демонстрируется

отбором соответствующих глаголов: **из текста 2. Последние данные социологических опросов от 9 января 2010 года, обнародованные ВЦИОМом, показывают:** за «Единую Россию» – 55% опрошенных. КПРФ пользуется поддержкой 7%, ЛДПР – 4%, «Справедливая Россия» – 3%, что **находится** в пределах статистической погрешности (3,4%). «Яблоко», **пытающееся** **обратно вкатиться на политическое поле**, пока на уровне 1% поддержки. <...> Проблема с кадрами и у КПРФ. **Странно**, что партия, которая **критикует** технологию «паровозов», сама **на более примитивном уровне эту технологию во всю использует, устраивая настоящий «чёрс»** своих политиков, которые пользуются хоть какой-то узнаваемостью <...> Все это свидетельствует о **короткой «скамейке запасных» коммунистов, вынужденных устраивать гастроли одних и тех же узнаваемых лиц** <...> Им приходится **заполнять списки «варягами», чтобы скрыть провал местных коммунистов, которых, похоже, мало кто знает и мало кто будет за них голосовать.** Как видим, характеристика ситуации выстраивается с помощью метафор, средств эмоциональной и прагматической оценки. Ироничное отношение к методам действий в момент избирательных кампаний, в частности, демонстрирует следующая метафора: «Яблоко», **пытающееся** **обратно вкатиться на политическое поле**, пока на уровне 1% поддержки. ...

В заключительном, третьем ВОК рассматриваемого РЖ (ответ на гипотетический вопрос о возможных последствиях ситуации) демонстрируются итоги, прогнозируются последствия сложившейся ситуации: **В решении суда сказано, что стороны вправе ...обжаловать судебные акты ... Национальные возможности правосудия исчерпаны, что позволяет ему обратиться с жалобой в Европейский суд по правам человека.** Итог в этом фрагменте передают глагольные формы совершенного действия (в решении... сказано, возможности исчерпаны), которые вместе с тем указывают на окончание этапа в развитии конфликта, но не на его исчерпанность, делается прогноз последующих действий его участников. Конфликт представлен уже противостоянием не судебных оппонентов, а российской судебной власти и действующих лиц.

Во втором тексте результат действий показан как прогноз. Это передается формами глаголов будущего времени со значением гипотетичности: **Вполне можно ожидать,**

что и на Алтае история повторится, а Харитонов проследует в другой субъект федерации – вытаскивать тамошних коммунистов «паровозиком». Прогноз объясняется отражением причинно-следственных связей:... **Партии, представляющие разные, зачастую враждебные друг другу идеи и политические позиции (как, например, КПРФ и ЛДПР), попросту сливаются в общую массу.** Пользуясь одними и теми же словами, выдвигая одни и те же обвинения, **в глазах избирателя они теперь совершенно неразличимы.** Как результат – **оппозиционные партии на выборах уже давно отбирают голоса не у правящей партии, а друг у друга.** Так было... По всей видимости, **так же будет и в марте, если оппозиционные партии не изменят свою тактику.** В придаточном условия последнего предложения звучит косвенно выраженное побуждение.

Как видим, разноуровневые языковые средства, участвующие в воплощении композиционной структуры жанра, взаимодействуют на основе выполнения ими общей коммуникативной задачи – сообщить о ситуациях, сложившихся в общественной жизни. В первой интеракции языковые средства передают информацию о времени, месте, характере взаимодействия и действующих лицах. С этой целью используются маркеры пространства, времени, глаголы, передающие значение процессности. Во второй интеракции взаимодействие языковых средств со значением процессности, образа действия призвано продемонстрировать особенности проявления ситуации (состояние дел в той или иной сфере), в завершение разноуровневые средства со значением гипотетичности показывают предполагаемое продолжение, развитие ситуации. Так складывается тематическое, композиционное и стилистическое единство РЖ.

Итоги. В статье представлена классификация жанров газетной публицистики, осуществленная на основе тех типовых творческих интенций, которые формируются в процессе осуществляемого журналистикой⁴ информирования. Выделенные жанрообразующие интенции взаимодействуют друг с другом и представляют систему, в которой реализуется социальное ориентирование в журналистике. Благодаря этому журналистские тексты предстают как отражение особого вида коммуникации с присущими ему специфическими функ-

⁴ Более подробно об этом см. [14].

циями, выполняемые в устойчивых жанровых схемах. Каждая целеустановка субъекта речи корректируется жанровой гипотезой адресата (в информационных жанрах эта гипотеза представлена как последовательность моделируемых информационных запросов аудитории) и воплощается во взаимодействии с ней – в этом проявляется диалогическая природа жанровых моделей. В результате речевой жанр предстает как отражение алгоритма познания (способа) журналистом окружающей действительности. РЖ – это устойчивая последовательность коммуникативных интеракций, каждая из которых выражается взаимодействием разнородных языковых средств.

Думается, что описанная типология РЖ открывает новые ракурсы видения природы журналистского текста, который предстает не только как результат творческой деятельности, но и как процесс. Тем самым уточняются и обогащаются представления об особенностях выражения традиционно выделяемых в журналистике жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайда С. Проблемы жанра // Функциональная стилистика : теория стилей и их языковая реализация. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1986. С. 22–28.
2. Гайда С. Стилистика и генология // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1992. С. 26–33.
3. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 2. Саратов : Колледж, 1999. С. 103–112.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 249–298.
5. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1968. 251 с.
6. Кожина М. Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 253 с.
7. Солганик Г. Я. Введение // Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. М. : Высш. шк., 1978. С. 3–17.
8. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
9. Психология : учебник для вузов / под ред. А. А. Крылова. М. : Проспект, 1999. 584 с.
10. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М. : РИП-холдинг, 1998. 208 с.
11. Гаузенблас К. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 69–75.
12. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки славянских культур, 1999. 896 с.
13. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 88–99.
14. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожиной : изд. 2-е, доп., испр. СПб. : СПбГУ : Филол. факультет, 2012. 274 с.
15. Берков В. Ф., Яскевич Я. С., Павлюкевич В. И. Логика. Минск : НТООО «ТетраСистемс», 1997. 416 с.
16. Дускаева Л. Р. Выражение диалогичности в газетных текстах 1981–1991 гг. : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1995. 167 с.

REFERENCES

1. Gajda S. Problemy zhanra [Problems of the Genre]. *Funkcionalnaya stilistika: teorija stilej i ih jazykovaja realizaciya* [Functional stylistics: Theory of styles and their linguistic realization]. Perm', 1986, pp. 22–28.
2. Gajda S. Stilistika i genologiya [Stylistics and genologiya]. *Status stilistiki v sovremennom jazykoznanii* [Status of Stylistics in the modern linguistics]. Perm, 1992, pp. 26–33.
3. Gajda S. Zhanry razgovornyh vyskazyvaniy [Genres of spoken utterances]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 2. Saratov, 1999, pp. 103–112.
4. Bakhtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [The problem of speech genres]. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk* [Author and Hero. To the philosophical foundations of human sciences]. St.-Petersburg, 2000, pp. 249–298.
5. Kozhina M. N. *K osnovaniyam funkcionalnoj stilistiki* [On the foundations of functional stylistics]. Perm, 1968. 251 p.
6. Kozhina M. N. *Problema specifiki i sistemnosti funkcionalnyh stiley rechi* [The specifics and system of functional speech styles. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. 253 p.
7. Solganik G. Ya. Vvedenie [Introduction]. *Vakurov V. N., Kokhtev N. N., Solganik G. Ya. Stilistika gazetnyh ganrov* [Stylistics of newspaper's genres]. Moscow, 1978, pp. 3–17.
8. Salimovsky V. A. *Rechevyje zhanry v funkcionalno-stilisticheskom osvechenii (nauchnyi akademicheskij tekst)* [Speech genres in the functional and stylistic lighting (scientific academic text)]. Perm, 2002. 236 p.
9. *Psihologiya: uchebnik dlya vuzov* [Psychology: Textbook for high schools. Ed. by A. A. Krylov]. Moscow, 1999. 584 p.
10. Prokhorov E. P. *Vvedenije v teoriu zhurnalistiki* [Introduction to the theory of journalism]. Moscow, 1998. 208 p.
11. Gauzenblas K. K utocnieniu ponyatiya «stil'» i k voprosu ob objome stiliusticheskogo issledovaniya [The clarification of the concept of «style» and the question of the amount of stylistic research]. *Voprosy jazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. 1967, no. 5, pp. 69–75.
12. Arutyunova N. D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow, 1999. 896 p.

13. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–99.

14. Duskajeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnyh rechevyh zhanrov* [Dialogic nature of the newspaper speech genres. Ed. by M. N. Kozhina]. St.-Petersburg, 2012. 274 p.

15. Berkov V. F., Yaskevich Ya. S., Pavlukevich V. I. *Logika* [Logic]. Minsk, 1997. 416 p.

16. Duskayeva L. R. *Vyrazheniye dialogichnosti v gazetnyh textah in 1981–1991 gg.* [Expression of the dialogic in newspaper texts in 1981–1991's. Cand. philol. sci. diss.]. Perm', 1995. 167 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 81'27
ББК 81

Дебора Таннен
Джорджтаун, США

Deborah Tannen
Georgetown, USA

**ОТВЕДЕНИЕ И ИДЕНТИЧНОСТЬ
В СЕМЕЙНОЙ ИНТЕРАКЦИИ:
ЧРЕВОВЕЩАНИЕ КАК КОСВЕННОСТЬ**

Аннотация. С целью достижения более широкого понимания косвенности во взаимодействии автор возвращается к понятию отведения Бейтсона (психический процесс, при котором значение создается по аналогии) и трем соответствующим теоретическим концепциям: политропии Фридриха, языковой деятельности Беккера и диалогичности Бахтина – все они входят в общую теорию интертекстуальности. Для того чтобы показать, как эти понятия помогают понять механизмы косвенности в диалогическом общении, автор приводит примеры семейных диалогов, в которых один из членов семьи говорит от имени и голосом другого (автор называет это чревовещанием). Чревовещание создает смысл путем отведения, когда говорящий заимствует идентичности других и тем самым временно присваивает себе характеристики, ассоциированные с теми, чьи голоса он изображает. Таким образом, отведение понимается как тип косвенности, широко распространенный в речевом общении.

Ключевые слова: косвенность, идентичность, семейный дискурс, интертекстуальность, чревовещание, диалог, отведение, диалогичность, оформление.

Оригинал: Tannen D. Abduction and identity in family interaction : Ventriloquizing as indirectness // *Journal of Pragmatics*. 2010. № 42. P. 307–316.

Сведения об авторе: Таннен Дебора, профессор департамента лингвистики университета в Джорджтауне.

Контактная информация: <http://www9.georgetown.edu/faculty/tannend/>
E-mail: tannend1@georgetown.edu

**ABDUCTION AND IDENTITY IN FAMILY
INTERACTION: VENTRILOQUIZING
AS INDIRECTNESS**

Abstract. With a view toward developing a more inclusive understanding of indirectness in interaction, author returns to Bateson's notion of abduction (a mental process by which meaning is created by analogy) and three related theoretical frameworks: Friedrich's polytrophy, Becker's prior text, and Bakhtin's dialogicality – all theories of intertextuality. In order to show how these concepts help us understand the workings of indirectness in interaction author considers examples of family interaction in which one family member speaks in the voice of another, a phenomenon she calls ventriloquizing. Ventriloquizing creates meaning by abduction, as speakers borrow others' identities and thereby temporarily assign to themselves characteristics associated with those whose voices they borrow. Abduction can therefore be understood as a type of indirectness – one that is pervasive in interaction.

Key words: indirectness, identity, family discourse, intertextuality, ventriloquizing, dialogue, reported speech, abduction, dialogicality, framing.

About the author: Tannen Deborah, Georgetown University, Linguistics Department, Professor.

1. Введение: косвенность в дискурсе

Косвенность была в центре внимания лингвистической теории начиная с самых ранних работ по дискурсивному анализу. Например, Робин Лакофф [1–3] отмечает, что говорящие редко выражают свои мысли буквально, предпочитая косвенность для достижения коммуникативных целей защищенности и гармонизации. Защищенность, которую Лакофф характеризует как дистан-

цирующую стратегию вежливости, позволяет говорящему снять с себя ответственность, если высказывание вызывает негативную реакцию. То есть некто может впоследствии утверждать: «Я этого не говорил». Гармонизация, в соответствии с «товарищеским» стилем вежливости, означает приятное чувство единения в результате того, что ты был понят или твои желания были исполнены без выражения твоего смысла в словах.

© Tannen D., 2010

© Дементьев В.В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский государственный университет, 2014

В моей ранней работе [4] я показала, что семейные ссоры могут проистекать из-за несоответствия стилей вежливости, в рамках которых один из супругов использует и интерпретирует косвенность в тех контекстах, где другой этого не делает. Так, например, муж интерпретирует информативные вопросы своей жены как косвенные побуждения и любезно их выполняет. Он также выражает свои собственные пожелания косвенно и сердится, когда жена игнорирует их. Другими словами, он делал намеки, а его жена не поняла их: намеки были прозрачны для него, но непрозрачны для нее.

Сделать намек, не понять намек – общеупотребительные выражения, которые отражают широко распространенное представление, что разговор часто заходит в тупик, потому что говорящие по-разному понимают вежливость и, следовательно, косвенность. Например, в более поздней работе [5] я анализировала обмен репликами между мужем и женой, сидящими за столиком в ресторане. Муж, просматривая меню, заявляет: «Я буду стейк». Его жена отвечает: «Ты видел, у них есть лосось? Ты же любишь лосося». На это муж протестует: «Ты не могла бы прекратить критиковать, что я ем?».

Его жена протестует, в свою очередь: «Я не критикую. Я просто обращаю внимание на то, что тебе понравилось бы».

Косвенностью отмечен каждый шаг этого разговора. В жалобе мужа содержится предположение, что вопрос жены: «Ты видел, у них есть лосось?» косвенно указывает на то, что она не согласна с его высказанным выбором: она думает, что он не должен был есть стейк. Хотя жена отрицает, что она подразумевала критику выбора мужа, ее объяснение смысла ее реплики также предполагает косвенность. Она признает, что ее вопрос не был в буквальном смысле вопросом о том, как внимательно он читал меню, но, скорее, предположением, что он изменит свой заказ. Тем не менее она утверждает, что ее мотивация была не в критике, а в том, чтобы принести пользу мужу, обращая его внимание на что-то, что ему понравилось бы. Большинство читателей (и сама жена, когда мы обсуждали с ней это) интерпретировали предположение, что он изменит свое мнение о том, что заказать, как косвенную критику, хотя они также признают (как это сделал муж, когда мы обсуждали с ним это), что ее мотивацией была забота о его здоровье. Я подчеркиваю в своем анализе, что обе интерпретации являются верными и сосуществуют. Вопрос жены косвенно подразумевает критику выбора мужем стейка, и он также кос-

венно подразумевает заботу о его благополучии.

Хотя такие исследования косвенности в разговорной интеракции были и являются широко распространенными в области дискурсивного анализа, в последние годы я склонна считать косвенность еще более сложным, интригующим, а также центральным языковым механизмом в общении. В последнее время [6] я рассматриваю ее с точки зрения интертекстуальности (продолжение моего давнего интереса к повторам) и, более терминологично, с точки зрения того, что Бейтсон [7] называет *отведением* (*abduction*): фундаментальный ментальный процесс, при котором значение формируется по аналогии или по ассоциации – «шаг в сторону» – в отличие от дедукции и индукции, которые являются линейными. Эти проблемы находятся в центре внимания в настоящей статье.

1.1. Краткий обзор

Этот параграф я начну с описания понятия *отведения* (*abduction*) Бейтсона, затем, приняв это как базу, трех взаимосвязанных теоретических концепций: *политропии* (*polytropy*) Фридриха, *языковой деятельности* (*linguaging*) Беккера и *диалогичности* Бахтина. Все четыре концепции попадают в поле интертекстуальности, поскольку исходят из того, что текущий случай дискурса получает смысл путем отнесения к предыдущим экземплярам дискурса. После формулирования теоретической базы я обращусь к анализу семейной интеракции. Взяв материал из исследования, в котором участники записывали свои собственные частные беседы, я представляю примеры явления, которое называю *чревоуещанием* (*ventriloquizing*) – случаи, когда члены семьи строят свои высказывания, изображая голоса других. Я утверждаю, что при чревоуещании говорящий заимствует аспекты чужой идентичности с целью присвоить себе характеристики, ассоциированные с этими другими людьми. Чревоуещение осуществляется путем отведения, поскольку оно формирует значение по ассоциации. Поскольку это значение скорее имплицитно, чем эксплицитно, это тоже косвенность.

1.2. Отведение

В работе «Мышление и природа» [7] Бейтсон настаивает на том, что мышление является неотъемлемым от мира природы. И природа, и мышление, показывает он, понимаются через «образцы, которые связывают» – фраза, которая занимает центральное место в его логике и которую он считает

«вторым возможным названием для этой книги» [7 : 8]. Бейтсон предлагает термин *отведение*, чтобы описать, как мы понимаем мир природы и самих себя по отношению к миру. Он определяет *отведение* как «осуществляющееся по принципу “шаг в сторону” расширение абстрактных компонентов» [7 : 157] и определяет его как способность:

«...описывать некоторые события или вещи (например, человека, бредущего перед зеркалом), а затем искать по всему миру другие случаи, соответствующие тем же правилам, которые мы сформулировали для нашего описания. Мы можем посмотреть на анатомию лягушки, а затем посмотреть вокруг, чтобы найти другие примеры тех же абстрактных отношений, повторяющихся в других существах, включая, в данном случае, самих себя» [7 : 157].

Проиллюстрирую этот процесс моим собственным примером: если я скажу: «Мой начальник – змея»¹, я присваиваю своему начальнику определенные абстрактные компоненты, такие как подлость и злоба, которые обычно ассоциируются со змеей.

Согласно Бейтсону, «...любые мысли были бы совершенно невозможны в мире, в котором не существовало бы отведение. Метафора, мечты, притча, аллегория, всё искусство, вся наука, вся религия, вся поэзия, мифология..., организация фактов в сравнительной анатомии – всё это случаи или механизмы отведения...» [7 : 158].

Иными словами, мы понимаем идеи и мир природы, узнавая «образцы, которые связывают» их с другими идеями, вещами или природными явлениями. Бейтсон предложил термин *отведение* для этого фундаментального когнитивного процесса².

¹ По всей видимости, по-русски в такой фразе более уместна была бы начальница, а не начальник. – *Прим. перев.*

² Бейтсон [8 : 186] цитирует использование термина «*отведение*» Пирсом [9], который отмечает, что позаимствовал этот термин из формальной логики. Пирс, который также понимает отведение как фундаментальное для человеческого сознания, использует этот термин для обозначения «инференционного шага» в формировании «гипотез» о мире, основанных на наблюдении – то есть «человеческую способность умного угадывания» [9 : 151]. Бейтсон использует его для утверждения метафорического характера как разума, так и природы, где, таким образом, и находятся «образцы, которые связывают». Именно в этом смысле *отведение* интересует меня здесь, и именно у Бейтсона я заимствую это понятие. (Я благодарна Питу Беккеру, Полу Фридриху и Майклу Силверстайну за полезные обсуждения отношений между пониманием отведения Бейтсоном и Пирсом и за знакомство с ключе-

1.3. Политропия (polytropy)

В своем очерке «Политропия» [11] и в своей книге «Языковой параллакс» [12] Фридрих также предлагает теоретическую базу для понимания того, как язык «работает». Как указано в подзаголовке книги «Лингвистическая относительность и поэтическая недетерминированность», Фридрих исследует «лежащий в основе всего хаос» и «поэзию, которая есть в каждом говорящем» [11 : 153]. Стремясь «улучшить» [11 : 6] наше понимание лингвистической относительности, он подчеркивает индивидуальное воображение. Как и Бейтсон, Фридрих считает центральным в создании и восприятии смысла на языке «...более мощный и всеобъемлющий процесс аналогии, а говоря языком психологии – ассоциации, который включает метафоры и многие другие тропы...» [11 : 30]. В более позднем очерке Фридрих выделяет «основанные на аналогии тропы» (analogically-based tropes), такие как метафоры и сравнения, и «тропы смежности» (contiguity tropes), такие как метонимия и синекдоха.

Метафора, наиболее широко известный троп, который Фридрих [12] называет «главным тропом» (master trope) (в действительности многие говорящие используют термин «*метафора*» в широком смысле для обозначения любого образного использования языка), имеет место, когда об одном говорят в терминах другого. Пример, который я привела выше: «*мой начальник – змея*», – метафора. Об одном предмете – человеке – говорят в терминах другого предмета – рептилии. Сравнение, напротив, есть эксплицитная фиксация сходства одной вещи с другой; указанием на то, что «работает» сравнение, а не метафора, является сравнительное слово «*как/словно*», как в фразе «*Моя любовь словно красная-красная роза*». Это утверждение эксплицитно сравнивает один предмет – человека – с другим предметом – цветком, а не говорит о человеке в терминах цветов. При метонимии смысл передается через ассоциированное понятие, как в поговорке: «*He who lives by the sword, dies by the sword*» 'Тот, кто живет с мечом, умрет от меча'. Здесь слово «меч» понимается в значении «война» или «бой», деятельность, с которой ассоциировано оружие. Синекдоха является тропом,

выими местами в текстах Пирса. То, которое я цитирую здесь, было найдено Фридрихом.) Анонимный рецензент отметил, что примерно в то же время, когда Бейтсон разрабатывал свою концепцию отведения, Брунер [10] разрабатывал близкую концепцию, что аналогия имеет фундаментальное значение для познания.

где часть обозначает целое или наоборот. Так, «седебородый» (*graybeard*) может означать «старик», и «закон» может означать «полицейский».

Эти (и многие другие) тропы «работают» путем отведения, потому что их значение вытекает из отношений между одним предметом и другим. Иными словами, они передают значение по ассоциации, посредством «шага в сторону», или, в терминологии Бейтсона, по «образцам, которые связывают». Фридрих показывает, что эти тропы не ограничены эксплицитными поэтическими языковыми контекстами, но широко распространены в повседневной речи и имеют фундаментальное значение для человеческого воображения.

1.3.1. Языковая деятельность (linguaging)

В книге «За пределами перевода» Беккер [13 : 185] утверждает, что «Все случаи языковой деятельности есть то, что в языке ява называется *jarwa dhosok*, когда берут старый язык (*jarwa*) и помещают (*dhosok*) его в новые контексты». Ключевым здесь является термин «языковая деятельность» (*linguaging*), который Беккер предпочитает более статичному «языку» (*language*):

«Язык, таким образом, является системой правил и структур, которые, в сосюрсовском смысле, соотносят значения и звуки, где оба – вне его. Язык, по сути, это словарь и грамматика.

Языковая деятельность, в свою очередь, это контекстное образование... Языковую деятельность можно понимать как взятие из памяти старых текстов и переформирование их в текущих контекстах» [13 : 9].

По мнению Беккера, слова в текущем контексте формируют значения по ассоциации с их прежними контекстами – то есть путем отведения. Важно отметить, что контекст не является ранее существовавшим, а создается при использовании языка. Таким образом, «языковая деятельность... является контекстным образованием».

Беккер описывает способы, которыми язык создает контекст, выделяя шесть типов контекстных отношений, которые «работают» как ограничения на текст. Это:

- 1) структурные отношения (частей к целому);
- 2) родовые отношения (текста к предшествующему тексту);
- 3) медиальные отношения (текста к средствам);
- 4) межличностные отношения (текста к участникам в текстовом акте);
- 5) референционные отношения (текста к природе и «к миру, который, как верят, лежит вне языка»);

б. отношения молчания (текста к несказанному и неизъяснимому) [13 : 186].

Такое понимание языка как ряда контекстуальных отношений лежит в основе беккеровской концепции «лингвистики особенностей», где языковые модели не существуют предварительно как абстракция, а возникают в дискурсе из переформирования предшествующих случаев использования языка или «предшествующего текста».

1.4. Диалогичность

Еще один ученый, чья теория языка, по моему мнению, близка Бейтсону, Фридриху и Беккеру, – русский семиотик Бахтин, а именно: его труды по «диалогичности». Это понятие относится не к буквальному созданию диалога, а к «диалогу» между текущим использованием языка, с одной стороны, и предшествующими использованиями языка, с другой, подобно *jarwa dhosok* у Беккера.

Бахтин [14 : 87] (1952–1953) объясняет: «Когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, мы далеко не всегда берем их из системы языка в их нейтральной, словарной форме». (Это будет «языковая деятельность» Беккера, словарь и грамматика.) Вместо этого, продолжает Бахтин, «Мы берем их обычно из других высказываний, и прежде всего из высказываний, родственных нашему по жанру, то есть по теме, по композиции, по стилю». (То есть, по Беккеру, «предшествующий текст» и «родовые отношения».) Затем, как и Беккер, Бахтин объясняет, что смысл формируется не столько из словарных определений слова и декодирования грамматики, сколько из ассоциаций с предшествующими случаями использования языка, которые были пережиты говорящим ранее. То есть в том смысле, в каком текущее высказывание находится в «диалоге» с предшествующими высказываниями.

Для всех этих теоретиков языка смысл, который говорящий передает или избирает через посредство слов в интеракции, обусловлен тем, как эти слова были использованы ранее. Поскольку это значение передается скорее имплицитно, чем эксплицитно, оно косвенное. В настоящей статье я расширяю эти понятия значения по ассоциации – отведения Бейтсона, политропии Фридриха, языковой деятельности Беккера и диалогичности Бахтина, предположив, что значение в интеракции формируется не только из ассоциации со словами других людей, но и из ассоциаций с идентичностями других людей, предположительно, не только этими словами, но и голосами, которые эти слова создают.

Я проиллюстрирую это примерами из типа диалога, который я называю *чревовещанием*, – искусственно построенного диалога. Я покажу, что говорящие, которые чревовещают, тем самым принимают на себя, в результате процесса отведения, характеристики, ассоциированные с теми, чьи голоса они изображают. Другими словами, они заимствуют идентичности других людей.

2. Голоса в интеракции

Я использую термин «чревовещание» для обозначения случаев, в которых говорящий строит свои высказывания как изображающие голоса других. Я полагаю, что тем самым говорящие заимствуют идентичности, временно присвоив себе характеристики, ассоциированные с теми, кого они изображают. Таким образом, как я уже подробно говорила в другом месте [15], хотя высказывания принимают форму того, что часто называют «прямой речью», они ни в коей мере не являются «передачей» речи, которая была произнесена ранее. Напротив: построение высказывания как диалога является для говорящих способом передать их собственные идеи. В двух следующих примерах будет очевидно, что те, чьи голоса таким образом изображались, на самом деле ранее не произносили эти слова, поданные как их диалог, потому что они не способны говорить. В одном случае «процитированный» говорящий – это ребенок, который еще не родился, а в другом – собака. Чревовещающая говорящая точно не передает слова, ранее произнесенные эмбрионом или собакой, а, скорее, заимствует идентичность будущего ребенка или животного, чтобы выразить свои собственные мысли. Почему и как говорящий делает это, и является предметом моего анализа.

За рамки данной статьи выходит глубокое теоретизирование, как и подробный обзор исследований, связанных с данной проблемой, о моем понимании искусственно построенного диалога (как я делаю в [15]) и чревовещания (как я делаю в [16]). Отмечу кратко только, что многие антропологи и лингвисты описывали практики говорения взрослыми за неговорящего ребенка, включая Бейтсона и Мида [17] в их классическом исследовании характера жителя Бали, Шиффелина [18] о народе калули Папуа-Новой Гвинеи и Сколлона [19] о повседневных разговорах представителей американского среднего класса³.

³ Я благодарна Сколлону за привлечение моего внимания к работе Бейтсона и Мида. Дополнительную информацию о предшествующих исследовани-

Моя цель здесь состоит не в том, чтобы развивать и обсуждать концепцию чревовещания, а скорее в том, чтобы проиллюстрировать конкретное использование отведения в интеракции и продемонстрировать, что оно является одним из видов косвенности.

Приведенные ниже примеры взяты из масштабного исследования семейного дискурса, где оба родителя в каждой из четырех семей носили небольшие цифровые магнитофоны в течение, по крайней мере, недели, записывая все, что они сказали, и все, что было сказано в их присутствии (то есть все, что они могли комфортно записать). Впоследствии записи были расшифрованы и транскрибированы участниками проекта совместно с родителями. (Более полное описание исследования и семей см. в [20]).

2.1. Пример 1: изображение отсутствующей жены / матери

В примере 1 отец и его дочь студенческого возраста вместе готовят обед на семейной кухне. Когда дочь готовит салат, ее отец просит, чтобы она положила больше салатных листьев. Но вместо того, чтобы попросить или скомандовать прямо наподобие: «Положи больше салатных листьев в салат», он строит свою реплику как изображающую голос жены. Вот как идет разговор⁴:

ях и дальнейшее теоретическое обсуждение проблемы чревовещания см. в [16].

⁴ Правила транскрипции :

((слова)) Двойные скобки заключают комментарии исследователя

/слова/ Слэши заключают неразборчивую транскрипцию

- Дефис указывает усеченное слово или гортанный взрыв, т.е. резкое прерывание дыхания

. Точка указывает понижение интонации на конце высказывания

, Запятые – финальную интонацию фразы (еще не все)

? Знак вопроса – восходящую интонацию

! Восклицательный знак – анимированный тон (под кого-то)

СЛОВА Заглавные буквы – эмфатическое выделение

<смеется> Угловые скобки заключают описания вокальных шумов. Они также заключают описания того, в какой манере высказывание было произнесено, до закрытого правой угловой скобкой > слова

[слова][слова] В квадратных скобках даны одновременные разговоры. Перекрывающие друг друга разговоры также выстроены вертикально на странице

: Двоеточие указывает на удлиненные гласные

: : Дополнительные двоеточия указывают на дальнейшее удлинение.

<p>Father : Oo! And olives, oh. Now your mom would say, “Oh, you need more lettuce!” Daughter : Yeah, I was just gonna put more lettuce into it.</p>	<p>Отец : О-о! И маслины, о. Теперь твоя мама бы сказала : «О, надо больше салатных листьев!» Дочь : Да, я как раз собиралась положить больше салатных листьев.</p>
--	---

Замечание «О, надо больше салатных листьев!» является примером чревоуважения, потому что отец строит свою реплику – побуждение – как то, что «мама бы сказала». Согласно схеме Гоффмана [21], он позиционирует себя в качестве передатчика мнения жены, а не автора собственного. Он ведет себя здесь как актер, который произносит свои реплики в пьесе⁵. Иными словами, он использует способность изображать жену в качестве ресурса в разговоре. В дополнение к вводу своего высказывания с «мама сказала бы», а также эксплицитному оформлению своего побуждения как реплики жены, он также косвенно помечает его как построенный искусственный диалог, начав с дискурсивного маркера «oh». (Трестер [23], опираясь на положение Шиффрин [24] о том, что «oh» маркирует изменение в ориентации на информацию, отмечает, что «oh» часто функционирует как маркер высказывания как построенного искусственного диалога и, как правило, как диалога, который в некотором роде вступает в конфликт с замыслом предшествующего дискурса, как это происходит здесь).

Процесс, в результате которого слова отца передают смысл, есть косвенность, а также отведение. Его команда косвенная, поскольку, согласно словарным дефинициям его слов и правил синтаксиса, он не говорит дочери, что делать, а просто цитирует, что

⁵ Может быть, стоит отметить, если нашей целью является понимание косвенности в интеракции, что многих людей раздражают косвенные директивы, подобные этим. Это проявляется и в примере косвенности, который я обсуждаю в другом месте [22], которая также была в разговоре о приготовлении салата. В том примере молодая женщина, придя домой из колледжа, готовит салат, а ее мать спрашивает: «Ты собиралась резать эти помидоры на четыре части?» Дочь отвечает: «Что-то не так с ними?» – «Нет, нет, – отвечает ей мать, – просто лично я нарезала бы их кольцами». Дочь продолжает резать помидоры, но потом она сообщила, что подумала про себя: «Я не могу ничего сделать без того, чтобы мама не сказала, что она сделала бы это по-другому?»

сказала бы ее мать. Более того, это было бы косвенным, даже если бы он сделал это заявление своим голосом, а не жены, потому что он и в этом случае будет не произносить команду, а описывать требуемое (больше салатных листьев), оставив на усмотрение дочери, будет ли она исполнять это требуемое и как. Используя косвенность, он избегает того, чтобы производить впечатление, что отдает команду. Тут нет, конечно, никакой двусмысленности: совершенно очевидно, что он говорит дочери, чтобы она положила больше салатных листьев в салат. Из ее ответа («Да, я как раз собиралась положить больше салатных листьев») становится ясно, что она интерпретирует его высказывание именно так⁶.

То, что эта интеракция представляет собой пример косвенности, достаточно очевидно. Я полагаю, однако, что понятие отведения свидетельствует о большей «работе», проделанной отцом, говорящим голосом жены, чем свидетельствовала бы одна лишь констатация косвенности. Строя свое косвенное побуждение как высказывание жены, он не только дистанцируется от побуждения, но и заимствует характеристики, ассоциированные с женой: опыт, чтобы решить, сколько салатных листьев требует салат, и авторитет, потому что обед обычно готовит она, чтобы руководить действиями их дочери, новичка в кулинарии. Поскольку эти характеристики ассоциированы с идентичностью жены, мы можем говорить о процессе, в результате которого он заимствует их, как об отведении, и понимать отведение как средство заимствования чужой идентичности.

2.2. Пример 2: изображение собаки

В следующем примере мать заимствует идентичность домашнего животного для того, чтобы похвалить сына за то, что тот убрал игрушки, а затем преподать ему урок морали.

Семья, из дискурса которой взят этот

⁶ Я поддерживаю связь с семьями, в которых был записан их разговор для данного исследования в 2000 г. При написании этой статьи я послала матери в этой семье электронное письмо, спросив ее об этом разговоре. Она ответила по электронной почте от 30 мая 2007 г., что во время записи на пленку она выполнила большую часть подготовки для семьи, но ее муж часто готовил салат. Интересно, она отметила, что он был склонен класть больше ингредиентов, чем она сама, так что вполне возможно, что он действительно был склонен блюсти ее предпочтения, а не свои собственные, когда предложил больше салатных листьев. Мнение матери было, что он, скорее всего, сообщал о предпочтениях их обоих.

пример, держит двух собак, мопсов, которые часто бывают включены в разговор. Мать, Клара, в частности, часто говорит либо с собаками, либо за собак высоким голосом, который безошибочно маркирует ее реплики как изображающие голоса собак. В более раннем исследовании, посвященном чревоуещанию собак [16], я приводила пример, где Клара обращалась к одной из собак этим высоким голосом, чтобы отчитать своего сына Джейсона, ребенка около пяти лет, за то, что тот не убрал игрушки. В том примере Клара сказала: «Мы непослушные, но мы не такие непослушные, как Джейсон. Он непослушнее». Таким образом, она смягчила свою критику путем введения нотки юмора.

В настоящем примере Джейсон не был непослушным вообще. Напротив, он убрал не только свои собственные игрушки, но и вещи, которыми семья пользуется, чтобы играть с собаками. По аналогии с объектами, которыми играет Джейсон, эти предметы называются в семье «игрушки собак» – что само по себе процесс означивания по ассоциации, или отведения. Клара хвалит Джейсона за его хорошее поведение, обращаясь сначала к Джейсону, а затем – к собаке, Тейтеру, чьи игрушки мальчик убирает. После похвалы Джейсона голосом Тейтера Клара заимствует идентичность Тейтера, чтобы преподать сыну урок правил общежития. Она высмеивает собаку как члена семьи, который ожидает, что другие сделают для него вещи, которые он должен делать для себя сам: морально ущербная идентичность, которую она противопоставляет идентичности Джейсона и имплицитно учит Джейсона не делать так. Вот как идет разговор:

((short pause, dogs barking))

Jason : I'm gonna put some of Tater's toys in there.

Mother : <exhales>

Jason : Where's Tater's [toys]

Mother : [Put] your shoes on.

((short pause))

Good job!

Jason : /I'm putting his/

Mother : <high-pitched> Tater,

he's even puttin' your toys away!

Tater says,

<funny voice> "Yes, I never put them away.

I consider my family to be a sl- a slew of maids,

((небольшая пауза, лай собак))

Джейсон : Я хочу положить игрушки Тейтера сюда.

Мать : <выдыхает>

Джейсон : Где [игрушки] Тейтера

Мать : [Положи] свои ботиночки.

((небольшая пауза))

Молодец!

Джейсон : /Я кладу его/

Мать : <высоким голосом> Тейтер,

он убирает даже твои игрушки!

Тейтер говорит :

<смешным голосом>

«Да,

я никогда их не убираю.

Я считаю, моя семья

servants?.>>
((short pause))

должна быть то- толпой горничных, слуг». >>
((небольшая пауза)).

Высокий «смешной» голос маркирует высказывания Клары как ориентированные на собаку, как будто она разговаривает с ней («Тейтер, он убирает даже твои игрушки!») или как она («Да, я никогда их не убираю»). Падение «g» в «puttin'» является еще одной характеристикой регистра, который Клара часто использует, строя свои высказывания как юмористические и неофициальные. Обращаясь сначала к собаке, а затем – говоря как собака, она превращает диалог в своеобразное представление, в котором утверждение и ответ драматизируют ее точку зрения.

Клара адресует похвалу Джейсону прямо: «Молодец!». Но урок правил общежития она дает ему косвенно. Она не говорит Джейсону: «Ты хороший, потому что ты не ожидаешь от других, что они сделают что-то за тебя, как если бы твои родители были твоими слугами». Она передает этот смысл, говоря как Тейтер, используя его воображаемый голос, чтобы охарактеризовать его как противоположность Джейсона: член семьи, который никогда не убирает свои игрушки, тем самым заставляя других делать его работу. Чтобы донести эту точку зрения, Клара заимствует аспекты идентичности собаки, такие как отсутствие личной ответственности и высокомерие в ожидании от других, чтобы ему прислуживали. Помимо того, что они косвенные, высказывания Клары передают смысл путем отведения. Если Джейсон не станет убирать свои игрушки, эти характеристики перейдут к нему.

2.3. Пример 3: изображение ребенка, который еще не родился

В следующем примере, взятом из дискурса третьей семьи, говорящий также заимствует идентичность того, кто не может говорить, для того чтобы выразить неодобрение в адрес другого члена семьи. Мать заимствует идентичность ребенка, рождения которого супружеская пара ожидает, для того чтобы побудить ее мужа что-то сделать и охарактеризовать его бездействие как пренебрежение своими обязанностями.

Жена в этом примере, Джанет, беременна вторым ребенком, как уже известно, мальчиком. В этом разговоре она обвиняет мужа, Стива, в том, что тот не готовится должным образом к предстоящему рождению ребенка. «Запись» означает запись в журнале, в который будущие родители записывают свои мысли и эмоции о том, как они

ожидают рождения ребенка. «Твои книги» означает книги, в которых содержатся консультации и рекомендации по воспитанию детей. Вот этот разговор:

Mother : Now I have a bone to pick with you.
Father : Oh Christ, what now.
Mother : <brief laugh> Look, you haven't written one entry.
 ((short pause))
 When you say you have nothing to do You could write an ENTRY. You don't read your books, <chuckling> you don't do your entries>
 What will your SON think when he looks at that?
 He'll say,
 "What's up Dad?
 What about my- when I : was coming into the world,"
 And you'll have to say,
 "Son, I couldn't be bothered."

Мать : Теперь у меня есть свои счеты с тобой.
Отец : О Боже, что же теперь.
Мать : <короткий смех> Послушай, ты не сделал запись.
 ((небольшая пауза))
 Когда ты говоришь, что тебе нечего делать, ты мог бы сделать ЗАПИСЬ. Ты не читаешь твои книги,
 <усмехаясь> ты не делаешь твои записи>
 Что подумает твой СЫН, когда он посмотрит на это?
 Он скажет :
 «Чего это папа?
 А как же я- когда я : входил в мир»,
 И тебе придется сказать:
 «Сынок, я не мог заботиться».

Джанет, как и Клара в предыдущем примере, драматизирует диалог, который представляет собой как бы сценку в пьесе. Сначала она говорит голосом ребенка, который еще не родился («Он скажет: «Чего это папа? А как же я- когда я: входил в мир»»). Таким образом, она заимствует аспекты идентичности ребенка: его невинность, уязвимость и потребность во внимании отца. Другой аспект личности ребенка, который она заимствует, – его прогнозируемое соперничество с сестрой. Растягивая «я» («когда я: входил в мир»), она имплицитно противопоставляет отсутствие записей в журнале, предшествующих его рождению, многочисленным записям, которые Стив делал в журнале, когда родители ожидали рождения их первенца, старшей сестры ребенка, ожидаемого сейчас.

Джанет продолжает говорить голосом Стива, высмеивая его поведение и тем самым характеризуюя его отрицательно. Когда она говорит: ««Сынок, я не мог заботиться»», она постулирует равнодушие в качестве причины отсутствия заботы Стива, а не, скажем, переутомление. (В то время Стив поддерживал семью, работая на трех работах). Инициальная жалоба Джанет прямая: «Теперь у меня есть свои счеты с тобой», «ты не сделал запись». Однако ее обвинение в пренебрежении своими обя-

занностями является косвенным: оно имплицитно позицией, которую она выражает чрезовещанием, изображая сначала их ожидаемого ребенка, а потом самого Стива. Это обвинение «работает» путем отведения, потому что самая резкая критика выводится из личностных характеристик, создаваемых ее диалогом: уязвимость ребенка и равнодушие Стива к своему ребенку. Чрезовещание позволяет ей заимствовать эти идентичности, чтобы высказать свою точку зрения.

2.4. Пример 4: изображение самого себя

Пример 4 также взят из разговора с участием Джанет и Стива. Здесь чрезовещающий говорящий – их дочь, Натали, необычайно словоохотливая девочка в возрасте около трех лет. Синтия Гордон [25] показала, что эта семья часто играет в ролевые игры, особенно со сменой ролей, когда Натали играет роль мамы, а маме присваивает роль Натали. Часто Натали разыгрывает таким образом интеракции, в которых она плохо себя вела, а мать наказывала ее. Гордон показала, что эти ролевые игры выполняют много функций, в том числе: дают Натали возможность пересмотреть свое поведение; позволяют матери высмеять поведение Натали способом, который драматизирует его абсурдность; а также дают Натали и ее матери возможность приятной совместной деятельности. Ролевая игра также часто для Натали выполняет функцию способа продлить общение с матерью или отложить деятельность, которой она хочет избежать, например, отправиться спать. Диалог в Примере 4 является достаточно типичным в том смысле, что он воспроизводит реальную интеракцию и иницируется Натали, которая распределяет роли. Но он немного отличается от других тем, что Натали играет роль папы, а роль Натали присваивает своей кукле. Это составляет Джанет в ее реальной роли мамы (что может объяснить ее инициальное временное недоумение). Джанет, тем не менее, принимает участие в ролевой игре, говоря «игрушечным голосом», а не своим реальным голосом и говоря так, как будто бы кукла была Натали.

Джанет и Стив купают Натали, что она любит, и вымыли ей голову, чего она не любит. Особенно она не любит, когда вода попадает на лицо, когда ее льют на голову, чтобы прополоскать волосы. Интеракцию, которая имела место непосредственно перед этим событием, можно увидеть в следующей ролевой игре с Натали, приписывающей кукле слова, которые она сама сказала, и ее матерью, воспроизводящей «иг-

рушечным голосом» слова, которые говорят родители Натали.

Natalie : You're Mommy,
Mother : I'm Mommy?
Natalie : I'm Daddy and you're Mommy. Yeah.
Mother : And she : :s
 Natalie.
Natalie : <play voice>
 Natalie,
Mother : do you wanna hold a wash cloth over your face when we rinse?>
 She says "No!"
Natalie : <play voice>
 But Natalie
Mother : the water will get in your face!
 Daddy what should we do?>
 Why she doesn't want the wash cloth?
Natalie : <play voice> I don't know Daddy.
Mother : Maybe you can ask her.>
 (She's-) Natalie,
Natalie : do you want the wash cloth?
 <play voice> What did she say?>
Mother : She said "No!"
Natalie : <play voice>
 Well how are we gonna rinse, Daddy?>
Mother : I asked her and she said "No!"
Natalie : <play voice>
 Oh boy!
Mother : Well I guess you just have to get water in your face Natalie! Here comes the buckets.
 Help Daddy count the buckets.
 One, [twooo, three,>]
 [twooo, three].
Natalie : Do you want the wash cloth?
 I asked her and she said, "Yes!"

Натали : Ты мама,
Мать : Я мама?
Натали : Я папа, а ты мамочка. Да.
Мать : А она : : Натали.
Натали : <игрушечным голосом> Натали,
Мать : ты хочешь мочалку на лицо, когда мы полощем?>
 Она говорит : «Нет!»
Натали : <игрушечным голосом> Но Натали
Мать : вода попадет тебе на лицо!
 Папа, что же нам делать?>
 Почему она не хочет мочалку?
Натали : <игрушечным голосом> Я не знаю, папа.
Мать : Может быть, ты спросишь ее.>
 (Она-) Натали,
Натали : хочешь мочалку? <игрушечным голосом>
 Что она сказала?>
Мать : Она сказала: «Нет!»
Натали : <игрушечным голосом> Ну, и как же мы будем полоскать, папа?>
Мать : Я спросила ее, и она сказала : «Нет!»
Натали : <игрушечным голосом> О!
Мать : Ну, я думаю, ты просто хочешь воду себе на лицо, Натали! А вот и ведра.
 Помоги папе сосчитать ведра.
 Раз, [двааа, три,>]
 [двааа, три].
Натали : Ты хочешь мочалку?
 Я спросила ее, и она сказала : «Да!»

Этот пример забавный, потому что говорящему, который так искусно чревоуещает, всего три года. Пример интересен также тем, что членом семьи, которого изображает Натали, является она сама: она изображает свой собственный голос, но подает его так, как будто бы он был голосом куклы, позицио-

нируя себя не как субъекта своего настроения, а как передатчика настроения куклы.

Этот пример ролевой игры, как и многие другие подобные случаи, которые проанализировала Гордон [25, 26], выполняет несколько функций. Я остановлюсь только на чревоуещании Натали. Говоря за свою куклу, Натали заимствует идентичность куклы, чтобы дистанцироваться от своего первоначального отказа и последующего согласия взять мочалку, чтобы вода не попала в глаза. Возможно, более точно было бы сказать, что она проецирует себя на куклу путем заимствования ее идентичности. В любом случае, Натали косвенно сообщает, что она знает, что вела себя глупо, отказываясь от мочалки. Через отведение чревоуещание позволяет Натали пересмотреть свое поведение и проанализировать его со своей собственной точки зрения, как и с точки зрения своих родителей. (Это также позволяет ей получить удовольствие от времяпрепровождения с родителями и продлить игру в ванне).

3. Дискуссия

Во всех четырех примерах говорящие транслируют свои идеи путем оформления их как диалога, подобно тому как драматург транслирует идеи, вкладывая их в уста персонажей, чьи голоса драматурги придумывают. Изображенные таким образом члены семьи используются в качестве ресурсов в интеракциях говорящих. Чревоуещание голосов других (а в последнем примере – своего собственного голоса) позволяет говорящим дистанцироваться от слов, которые они произносят. В примере 1 отец дистанцирует себя от команды, которую он дал дочери относительно приготовления салата, как бы говоря: «Это не я говорю тебе, как готовить салат, а твоя мать». Мать в примере 2, говоря за собаку, дистанцирует себя от нравушения, которое она преподносит сыну: «Я не имею в виду, что ты иногда не убираешь свои игрушки, это собака совершает такой плохой поступок». Мать в примере 3 дистанцирует себя от критики, которую она выражает мужу: «Я не та, кто страдает от твоего пренебрежения своими обязанностями: это твой сын, который родится». И ребенок в примере 4 дистанцирует себя от своего первоначального отказа следовать совету родителей, а затем от своей перемены решения: «Я знаю, что было глупо не соглашаться класть мочалку на лицо, так как я все равно собиралась в конце концов согласиться».

В дополнение к дистанцированию себя от потенциально грозящих потерей лица аспектов своих высказываний (или, в случае На-

тали, ее действий) говорящие, которые чрево вещают, заимствуют идентичности тех, чьи голоса они изображают, для того чтобы присвоить себе характеристики тех, кого они представляют: в примере 1 – авторитет жены как хорошего кулинара; в примере 2 – высокомерие собаки в нежелании убирать «ее игрушки»; а в примере 3 – уязвимость ребенка, который вот-вот родится. Во всех этих примерах говорящие не принимают эксплицитно эти характеристики – они заимствуют их, говоря голосами тех, у кого они есть. Пример 4 немного отличается от остальных. Хотя Натали говорит за куклу, идентичность, которую она представляет голосом куклы, ее собственная. Я полагаю, что она заимствует «идентичность» куклы, чтобы дистанцироваться от самой себя и пересмотреть свое собственное поведение: во-первых, ее неповиновение в сопротивлении советам родителей накрыть лицо молчалкой, а во-вторых, ее изменчивые настроения. Во всех примерах говорящие используют чрево вещание, чтобы создать смысл косвенно, путем отведения.

4. Заключение

Я предположила, что обращение к понятию *отведения* Бейтсона углубляет наше понимание косвенности и что *отведение*, процесс формирования значения по аналогии, также лежит в основе понятия *политропии* Фридриха, *языковой деятельности* Беккера и *диалогичности* Бахтина. С помощью этих теоретических положений, как фона, я описала и проиллюстрировала дискурсивную стратегию, которую называю *чрево вещанием*: путем представления своего высказывания как голосов других, говорящие заимствуют идентичности этих других, для того чтобы временно присвоить себе характеристики, ассоциированные с этими другими. Я показала, что члены семьи используют чрево вещание в качестве ресурса в интеракции: отец – чтобы сказать своей дочери, как готовить салат; мать – чтобы призвать своего ребенка убирать за собой игрушки; жена – чтобы призвать ее мужа быть более внимательным будущим отцом; и ребенок – чтобы задуматься над своим непосредственно предшествующим поведением и чтобы продлить удовольствие от интеракции с родителями. Я утверждаю, наконец, что такое понимание чрево вещания как случая отведения обеспечивает более глубокое понимание косвенности в интеракции.

REFERENCES

1. Lakoff R. The logic of politeness, or minding your p's and q's. *Papers from the Ninth Regional Meeting of*

the Chicago Linguistics Society. Eds. C. Corum, T. C. Smith-Stark, A. Weiser. Chicago, 1973, pp. 292–305.

2. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York, 1975. 83 p.

3. Lakoff R. T. Why you can't say what you mean [Review of: Newman E. Strictly speaking]. *Centrum*, 1976, no. 4, pt. 2, pp. 151–170.

4. Tannen D. Communication mix and mixup, or how linguistics can ruin a marriage. *San Jose State Occasional Papers in Linguistics*. Ed. M. Noonan. Iss. 1. San Jose, 1975, pp. 205–211.

5. Tannen D. *I Only Say This Because I Love You: Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults*. New York, 2001. 368 p.

6. Tannen D. Introduction to Revised Edition. *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Cambridge, 2007, pp. 3–20.

7. Bateson G. *Mind and Nature: A Necessary Unity*. New York, 1979. 220 p.

8. Bateson G. *A Sacred Unity: Further Steps to an Ecology of Mind*. Ed. R. E. Donaldson. New York, 1991, pp. 60–102.

9. Peirce C. R. Abduction and induction. *Philosophical Writings of Peirce*. Ed. J. Buchler. New York, 1955, pp. 150–156.

10. Bruner J. S. *Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing*. New York, 1973. 528 p.

11. Friedrich P. Polytrophy. *Beyond Metaphor: The Theory of Tropes in Anthropology*. Ed. J. W. Fernandez. Stanford, 1991, pp. 17–55.

12. Friedrich P. *The Language Parallax: Linguistic Relativism and Poetic Indeterminacy*. Austin, 1986. 206 p.

13. Becker A.L. *Beyond Translation: Essays Toward a Modern Philology*. Ann Arbor, 1995. 456 p.

14. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Speech Genres and Other Late Essays*. Eds. C. Emerson, M. Holquist. Vern W. McGee (Trans.). Austin, 1986, pp. 60–102.

15. Tannen D. *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Revised edition, Cambridge, 2007. 244 p.

16. Tannen D. Talking the dog: framing pets as interactional resources in family discourse. *Research on Language and Social Interaction*, 2004, no. 37, pt. 4, pp. 399–420. Reprinted in: *Family Talk: Discourse and Identity in Four American Families*. Eds. D. Tannen, S. Kendall, C. Gordon. New York, 2007, pp. 49–69.

17. Bateson G., Mead M. *Balinese Character: A Photographic Analysis*. New York, 1942. 277 p.

18. Schieffelin B. B. *The Give and Take of Everyday Life: Language Socialization of Kaluli Children*. Cambridge, 1990. 278 p.

19. Scollon R. On the ontogenesis of a social actor. From object to agency in babytalk. *Mediated Discourse: The Nexus of Practice*. London, 2001, pp. 86–112.

20. *Family Talk: Discourse and Identity in Four American Families*. Eds. D. Tannen, S. Kendall, C. Gordon. New York, 2007. 344 p.

21. Goffman E. *Forms of Talk*. Philadelphia, 1981. 335 p.

Переводы

---

22. Tannen D. *You're Wearing THAT?: Understanding Mothers and Daughters in Conversation*. New York, 2006. 304 p.

23. Trester A. M. *Oh-prefacing in quotatives: Implications for speaker stance, alignment, and style*. Paper presented at the annual meeting of the Linguistic Society of America, January 4–7, Anaheim, 2007 (unpublished).

24. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge, 1987. 376 p.

25. Gordon C. «I'm Mommy and You're Natalie»: role-reversal and embedded frames in mother-child discourse. *Language in Society*, 2002, no. 31, pt. 5, pp. 679–720.

26. Gordon C. Repetition and identity experimentation: one child's use of repetition as a resource for «trying on» maternal identities. *Selves and Identities in Narrative Discourse*. Eds. M. Bamberg, A. De Fina, D. Schiffrin. Philadelphia, 2007, pp. 133–157.

Статья получила положительные анонимные отзывы от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 81'27
ББК 81

Робин Т. Лакофф
Беркли, США

Robin T. Lakoff
Berkeley, USA

**ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ VS.
ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ**

**VERBAL AGGRESSION VS.
POLITICAL CORRECTNESS**

Аннотация. Перформативная теория речевых актов имела важные последствия для нескольких научных областей: философии и лингвистики (естественно), а также теории литературы, антропологии и образования. В последние годы теория речевых актов была включена в американский политический дискурс как усилиями юристов, так и ученых-социолингвистов. Но нигде в теории речевых актов нет таких конкретных и далеко идущих последствий, как в определении «языка ненависти» и его правовом статусе.

Ключевые слова: теория речевых актов, политический дискурс, «язык ненависти», политкорректность.

Abstract. The theory of performative speech acts has had important consequences for several academic fields: philosophy and linguistics (naturally), as well as literary theory, anthropology, and education. In recent years, it has been incorporated into the discourse of the law, by both legal scholars and sociolinguists. But nowhere does speech act theory have such concrete and far-reaching consequences as in the definitions of hate speech and its legal status.

Key words: theory of speech acts, discourse of the law, hate speech, political correctness.

Оригинал: Lakoff R. Hate speech : how the right came to love free speech. // Lakoff R. The Language war. Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 2001. P. 100–108.

Сведения об авторе: Лакофф Робин Т., эмерит-профессор департамента лингвистики Калифорнийского университета, Беркли.

About the author: Lakoff Robin T., University of California, Berkeley Linguistics Department, Professor Emerita.

Контактная информация: rlakoff@berkeley.edu

Язык вражды¹: как закон полюбил свободу слова

Жемчужиной в короне анти-политкорректности стала Первая Поправка к Конституции США². Исторически Первая Поправка была сильнейшим раздражителем для консерваторов: она защищала взгляды меньшинств, маргиналов и бесправных – не имея в виду, конечно, коммунистов и чего-нибудь еще хуже. Начиная от Закона о подстрекательстве, разработанного администрацией Адамса, до постоянных попыток принять конституционную поправку об осквернении

флага, консерваторы всегда пытались обуздать свободное выражение идей, в то время как либералы стремились сохранить рынок идей открытым для всех. На протяжении большей части этого века именно либеральное крыло Верховного суда отменило ограничения на выражение идей: от нацистских маршей до антивоенных протестов; а консервативное крыло пыталось их удержать. Но, когда положение дел решительно меняется и языковой контроль уходит от консерваторов, они пересматривают свои позиции. Если политкорректность может быть подана как попытка отнять у нас наше историческое право использовать любой язык, какой мы хотим, когда мы хотим, с кем мы хотим, ее сторонники могут быть выставлены противниками свободы слова и – вуаля! – мы все превратились в американских патриотических защитников Первой Поправки от всяких маргиналов (или политкорректной профессуры).

Никто прямо не потребует для себя права на использование оскорблений со значени-ем вражды. Как отмечает Мэри Мацуда, те, кто имеет доступ к массмедиа, – образован-

¹ Hate speech ‘Язык вражды / разжигание ненависти’ – в США: противозаконные действия, состоящие в оскорблении человека или группы, основанном на дискриминации в отношении этого лица или группы. – Прим. перев.

² Первая Поправка к Конституции США запрещает принятие любых законов, ограничивающих свободу вероисповедания, свободу слова, свободу прессы, право на мирные демонстрации. Она была принята 15 декабря 1791 года, как одна из десяти поправок, составляющих Билль о правах. – Прим. перев.

ный высший класс, – не нуждаются в том, чтобы опускаться так низко: «Разные орудия расизма находят свой путь в руки разных членов доминирующих групп. Белые мужчины низшего и среднего класса могли бы использовать и насилие в отношении цветных, в то время как белые высшего класса будут использовать частные клубы или праведное негодование против “разнообразия” и “обратной дискриминации”» (в [1 : 23]). Так, представитель высшей касты на самом деле никогда не может использовать одиозные расистские или сексистские языки среди своих соратников и, следовательно, мог бы утверждать, что всего этого уже не существует более или что это не нужно воспринимать всерьез (потому что у нас нет нужды сталкиваться с этим в более неприятной форме). И хотя существуют оскорбительные эпитеты, которыми награждают мужчин и белых («*phallocrat*» ‘фаллократ’, «*honky*» ‘≈беложопый’), им не хватает «жала оскорбления» в отношении женщин, негров, латиноамериканцев и азиатов. Это потому, что, согласно Мацуда, «расистские высказывания провозглашают расовую неполноценность и отрицают личность у членов группы. Все члены группы провозглашаются одинаковыми и низшими» [1 : 36].

Но провозглашение неполноценности имеет смысл или даже возможно, только если оно эксплуатирует какой-либо старый стереотип восприятия одной расы (или пола) как неполноценных: это «Правило Снарка» (фантастическое животное в стихах Л. Кэрролла. – *Прим. перев.*), в котором говорится, что повторение делает заявление «правдой». Джудит Батлер определяет язык вражды как работающий через повторение одинаковых безапелляционных речевых актов: «язык вражды является актом своих прежних актов, требующих повторения в будущем, чтобы их терпели» [2: 20]. Так что если ваша группа или вы, как индивидуальный представитель этой группы, никогда раньше не подвергались таким оскорблениям, не встречались с эпитетами, направленными прямо на вас (хотя они и раздражают сами по себе), то вы не можете полностью оценить вредоносное воздействие истинного языка вражды. То есть нельзя сказать, что такой язык является доброкачественным. Но если вы не являетесь членом исторически спаянной группы, «вы просто не получаете этого», так как у вас нет элементарного понимания вреда, который такая речь может нанести. Так что вы довольно легко можете увидеть в расистских и сексистских языке и поведении «шутку» или «детские игры», а не требовать судебной защиты от них.

Те, кто не имеет личных причин чувствовать, что эпитеты вражды наносят вред, и кто в то же время чувствует, что любое оспаривание права использовать такие слова является серьезной угрозой для Первой Поправки, склонны чувствовать, что им не только разрешено, но они обязаны, как священный долг, противостоять любым попыткам законодательно утвердить контроль над языком, по крайней мере, тем попыткам, которые идут с противоположной стороны и пытаются ограничить наши лингвистические привычки и предпочтения. С законами, которые могут ограничить эти последние, по-прежнему нет никаких проблем. Отсюда и продолжающиеся попытки запретить на правовом уровне сжигание флага, и громкие перепалки, последовавшие за решением Верховного суда Техаса «1989-5-4» (В. Джонсон), что сжигание флага есть допустимая форма выражения в соответствии с Первой Поправкой. Отсюда и довольно сложные телодвижения конгрессмена Генри Хайда.

Хайд, стойкий консервативный адвокат, выступающий против аборт, был возмущен спич-кодами в одном университетском кампусе, как нарушением Первой Поправки. В 1991 году, в разгар этой истерии, Хайд сотрудничает с Американским союзом гражданских свобод (ACLU), чтобы протолкнуть законопроект об ограничении спич-кодов в кампусах через расширение сферы действия Первой Поправки на частные университеты (она уже действовала в общественных). Тем не менее практически в это же время Хайд с энтузиазмом поддержал майское (1991) решение Верховного Суда (Руст против Салливана), которое запрещало медицинскому персоналу в больницах и клиниках, получающих государственную поддержку, очень многое: от простого упоминания аборта в разговоре с пациентами до утвердительного ответа на вопрос, разрешены ли аборты законом. В 1996 году Хайд был решительным сторонником Закона о пристойности коммуникаций (*Communications Decency Act*), который блокировал бы информацию о таких «неприличных» темах, как рак молочной железы, контроль за рождаемостью и аборты, от появления в Интернете.

Право на язык вражды

Чтобы благосклонно воспринимать идеи некоторых новоиспеченных защитников Первой Поправки, вам надо верить, что гарантия свободы слова есть и всегда была абсолютной. Но это далеко не так. Суды всегда признавали правомерность конкурирующих претензий: «прямая и явная угроза»,

«ложные выкрики “огонь” в переполненном театре», непосредственная угроза, «вербальная агрессия», национальный интерес, клевета, угрозы, подкуп, лжесвидетельство, клятвопреступление и т.д. Даже некоторые речевые права, которые мы считаем бесспорными сегодня, в том числе право на предоставление информации о противозачаточных средствах или право на протест против участия правительства в войне, были гарантированы только после трудной борьбы. Даже если контроль за языком вражды будет осуществляться в полном виде, это может не быть первым ограничением абсолютного права говорить нечто в любых обстоятельствах. Обдумывая необходимость принятия закона против языка вражды, первым мы ставим вопрос об обоснованности конкурирующих интересов. Перевешивает ли право пользоваться речью, свободной настолько, насколько это возможно, право на «равную защиту законом», гарантированное каждому из нас Четырнадцатой Поправкой³, и наоборот?

Этот аргумент восстанавливает сторонников Четырнадцатой Поправки (критиков расовой теории и борющихся с порнографией феминисток, таких как Кэтрин Маккиннон) против странной пары субъектов, состоящей из ярых либералов из ACLU и консервативных сторонников Первой Поправки. Все согласны с тем, что язык вражды отвратителен и ни один разумный человек никогда не будет использовать какую-либо форму его. Но стороны расходятся в том, что должно быть сделано, и в оценке последствий того, что сделано. Является ли расизм настолько распространенным по всей стране и в университетских кампусах, а другие средства защиты столь неэффективны, что спич-коды должны соблюдаться, чтобы гарантировать всем равную защиту в соответствии с Четырнадцатой Поправкой? Или же проблема преувеличена – существуют и другие способы борьбы с этим, и перевешивает ли потребность в сохранении Первой Поправки ответственность за соблюдение Четырнадцатой?

Как активный член ACLU, который также является членом пары исторически сложившихся социальных групп, и как представитель профессии, которая не терпит безого-

ворочных заявлений, я, естественно, не примыкаю ни к одной из сторон. Другие настроены более решительно. Так, приверженцы CRT (Critical Race Theory) склонны считать язык вражды широко распространенным явлением, разросшимся до «эпидемии», которая может быть остановлена только путем вакцинации спич-кодами. В предисловии к книге «Слова, которые ранят» ее четыре автора утверждают, что «О случаях языковой вражды и расового преследования сообщается все чаще и регулярнее, в частности, в американских колледжах, где это достигло масштабов эпидемии» [1 : 1].

Поскольку никакие цифры не приводятся, трудно оценить справедливость этого заявления. Даже сообщения о росте числа актов языка вражды в университетских кампусах не обязательно показывают, что язык вражды достиг масштаба «эпидемии», – и может даже не быть однозначно плохим признаком. Во-первых, большее количество может быть просто результатом того, что о таких актах больше сообщается, а это – знак того, что к меньшинствам прислушиваются больше и серьезнее, чем раньше, и что они сейчас чувствуют себя в достаточной безопасности, чтобы жаловаться. Даже если там на самом деле совершается больше таких деяний, это может просто означать, что присутствие большего количества меньшинств и женщин в местах, куда они ранее не были допущены, превращает их в более доступные мишени, и вызывает больше обид. Но если даже авторы «Слов, которые ранят» считают эндемический расизм и сексизм в Америке реальной угрозой, средства борьбы до сих пор неочевидны: для некоторых даже неочевидно, что любое средство необходимо, не говоря уже о том, что средства могут обернуться вмешательством в свободу слова.

Речевые акты: «только теория» или реальность?

Здесь уместно вспомнить положение теории перформативных речевых актов Дж. Остина. Остин сделал вывод, что язык эквивалентен действию, в том смысле, что все высказывания перформативны и все перформативы изменяют мир, то есть являются действиями. Эта теория имела важные последствия для нескольких научных областей: философии и лингвистики (естественно), а также теории литературы, антропологии и образования. Пока она безопасно локализована в академических сферах, это просто теория, которая применяется только к идеям, с небольшим количеством практических приложений. Но в последние годы она была включена в дискурс закона силами

³ Четырнадцатая Поправка к Конституции США была принята 9 июля 1868 года. Она устанавливает гражданские права и равную защиту законом, первоначально – для бывших рабов после Гражданской войны в США. Поправка многократно оспаривалась, особенно в южных штатах. – *Прим. перев.*

как ученых-юристов (как в ряде работ Питера Тирсмы [3, 4]), так и социолингвистов (см., например, [5]). Но нигде у теории речевых актов нет таких конкретных и далеко идущих последствий, как в определении языка вражды и его правового статуса.

Те, кто верит в формулировку Остина, вероятно, согласятся последовать ей до логического конца: что языковое недостойное поведение является одним из видов плохих поступков и должно рассматриваться в качестве такового законом – уголовным и гражданско-правовым. Последовательный остинианец, вероятно, поддержит спич-коды. Если проблемы с исполнением возникнут в связи с неопределенностью или двусмысленностью языка, это работа кодификаторов – переписать свои уставы достаточно ясно, чтобы решить эту проблему. Те, кто не согласен с Остином, склонны рассматривать слова как нечто очень иное, чем действия, находящееся за пределами досягаемости средств правовой защиты в большинстве или даже во всех случаях.

Есть много промежуточных позиций и лазеек, в зависимости от способности к проведению различий между теми видами языка, которые эквивалентны действиям, и другими, которые ближе к эквивалентам мыслей. Добавленный к Первой Поправке параграф 192.0 разделяет высказывания на этом основании: язык, который представляет собой «выражение» и получает высокую степень защиты в соответствии с Первой Поправкой, и язык, который представляет собой «поведение» и не получает этого. Политические лозунги, такие как «*Республиканцы достойны победы*», будут отнесены к первой категории и будут защищены, в то время как угроза (даже в косвенной форме) наподобие: «*У меня есть пистолет, и я знаю, как его использовать*» будет при прочих равных условиях рассматриваться как «поведение» и квалифицирована как уголовное преступление.

Важным понятием является «*вербальная агрессия*» (*fighting words*), согласно решению Верховного суда (процесс В. Чаплинского против Нью-Гемпшира, 1942), который определил категорию «вербальная агрессия» как незащищаемый законом эквивалент действия. Чаплинский, Свидетель Иеговы, вступил в словесную перепалку с начальником полицейского участка Рочестера, штат Нью-Гемпшир, в ходе которой использовал язык, считающийся в то время очень шокирующим, назвав начальника полицейского участка «*проклятый рэкети́р*» и «*проклятый фашист*». Он был арестован и признан виновным по спич-коду города,

который запрещает «вербальную агрессию». Дело было обжаловано в Верховном суде США, который принял решение в пользу штата. Суд единогласно принял определение «вербальной агрессии»: «Есть определенные четко ограниченные формы речи, предупреждение и наказание за которые никогда не составляло конституционной проблемы. К ним относятся скабрёзные, непристойные, грубые, клеветнические, оскорбительные слова или «вербальная агрессия» – те, которые в силу своего произнесения наносят травму или подстрекают к нарушению мира».

В то же время Чаплинский, как и последующие решения суда, цитирующие эту формулировку как прецедент, находят оправдание для «вербальной агрессии» в обязанностях правительства по предотвращению травмирования граждан и сохранению мира. Первое было, по сути, сведено на нет более поздними событиями, тогда как второе открыло для апелляционных судов настоящий ящик Пандоры. Если опасность «вербальной агрессии» в том, что адресат склонен к потере контроля и нарушению мира («нарушение» будет сделано, с этой точки зрения, только через действия, а не через оскорбительные высказывания как таковые), почему бы не применить к нарушителю (не говорящему) санкции? Суд исходит из той посылки, что некоторые слова так плохи, что, услышав их, обычный человек должен отместить их рефлекторно (как, когда врач постукивает ваше колено молотком, вы должны дернуть ногой). Никакого другого психологического или иного доказательства в поддержку этого предложения не приводится.

Чаплинский, казалось бы, убеждает, что вербальные агрессоры должны выбирать свои цели тщательно. Лица с меньшим количеством тестостерона, как известно, намного реже, чем с большим, физически реагируют на провокации. Так что, по-видимому, оскорбление женщин более соответствует характеру Чаплинского, чем оскорбление мужчин, и, по-видимому, лучше оскорбить кого-то меньшего, чем вы (у кого будет меньше шансов «нарушить мир»), чем кого-то большего. Ученые, которые пытаются оправдать спич-коды в наши дни, как и авторы «Слов, которые ранят», выходят из положения, рассуждая в терминах психологической, а не физической травмы. Но возможная допустимость «вербальной агрессии» не оправдывается излечением психологических ран, и, даже если бы так и было, определение, имела ли место психологическая травма (если это вообще возможно), не дело суда и присяжных.

Как бы мы, лингвисты, ни любили остинскую концепцию (если слова являются действиями, значит, то, что мы, лингвисты, делаем, важно!), мы должны признать, что на самом деле слова – не то же самое, что действия. Большинство людей при выборе между отвратительным эпитетом и ударом в нос выбрало бы первое. Возможно, это потому, что второе имеет непосредственные и очевидные болезненные последствия, в то время как эффекты первого занимают больше времени, чтобы проявиться, и их труднее напрямую связать с действием. Если, как сказал судья, впусив Улисса в страну, ни одна женщина не была когда-либо соблазнена книгой, то никто и не был убит словом. Если язык изменит мир, то, как он работает, отличается от прямого действия – и менее доступно для судебного-правового разбирательства.

Франклин Хайман в работе «Речевые акты» и Первая Поправка» [6] указывает, что язык является «опосредованным» действием. Остин не совсем прав, полагает он, в приравнивании перформативности к действию. Когда я отдаю приказ, вы должны осуществить ментальный акт принятия решения или желания подчиниться мне. Даже в случае четкого отвода или изгнания адресат должен определить, что соответствующие условия выполнены, и решить, как вести себя, будучи изгнанным, в будущем, для того чтобы добиться успеха. Одни лишь слова, указывает Хайман, не имеют смысла: они получают силу через согласие всех участников о характере реальных обстоятельств, в которых они находятся.

Но Хайман не совсем прав, отрицая теорию слов-действий полностью. В то время как слова не являются в такой же степени непосредственно изменяющими мир, как

действия, они являются изменяющими мир косвенно или психологически. Если я дам вам *обещание*, это высказывание навсегда изменит наши отношения и способ, каким я думаю о вас и веду себя по отношению к вам, как и вы ко мне, в будущем. Сказать, что речь не действие, значит совершить логическую ошибку слишком резкого противопоставления разума и тела.

То, как мы относимся к языку вражды и Первой Поправке, отражает нашу точку зрения о самом языке. Если мы считаем, что слова не изменяют мир, мы склонны чувствовать себя комфортно с интерпретацией Первой Поправки, которая позволяет гораздо больше свободы слова, чем это нужно в реальной практике. Но эта свобода дается ценой, по иронии судьбы, девальвации языка – он рассматривается как бездействие, как, в сущности, безобидный.

REFERENCES

1. Matsuda M., Charles R. L., Delgado R., Kimberlé W. K. *Words That Wound: Critical Race Theory, Assaultive Speech, and the First Amendment*. San Francisco; Oxford, 1993. 168 p.
2. Butler J. *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. New York, 1997. 200 p.
3. Tiersma P. The Language of Offer and Acceptance: Speech Acts and the Question of Intent. *California Law Review*. 1986, vol. 74, iss. 1, pp. 189–232.
4. Tiersma P. The Language of Defamation. *Texas Law Review*. 1987, vol. 66, pp. 303–335.
5. Shuy R. *Language Crimes: The Use and Abuse of Language Evidence in the Courtroom*. Oxford, 1993. 232 p.
6. Haiman F. *«Speech Acts» and the First Amendment*. Carbondale and Edwardsville, 1993. 120 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81-7
ББК 83

О. П. Ермакова
Калуга, Россия

O. P. Ermakova
Kaluga, Russia

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИРОНИЯ РЕЧЕВЫМ ЖАНРОМ?

(еще раз о некоторых особенностях иронии)

Аннотация. В статье автор рассматривает разные точки зрения на популярный в современной теории речевых жанров вопрос, является ли ирония речевым жанром.

Обсуждаются разные понимания сущности иронии, а также место иронии по отношению к более или менее смежным коммуникативно-речевым феноменам: отношение иронии к юмору (в том числе к различным жанрам комического, таким как шутка, анекдот, издевка), возможность грубости в иронических текстах (агрессия иронии может проявляться не только в виде тонкой насмешки, но и в грубой форме), ирония и самоирония во внутренней речи (ирония, не высказанная по этическим, дипломатическим и другим причинам: ироническое согласие или насмешливая реакция на речь лица, с которым у иронизирующего нет диалога, а также цитирование самого себя). Подробно рассматриваются несколько конкретных приемов «тонкой иронии» (сильное преуменьшение степени отрицательной оценки лица или ситуации, особенно типичное для английской и американской литературы).

Ключевые слова: ирония, юмор, самоирония, диалог, косвенные ответы, анекдот, внутренняя речь, грубость, издевательство.

IS IRONY A SPEECH GENRE? (once again, about some features of irony)

Abstract. In the article the author examines the different points of view on a popular question of current theory of speech genres: whether irony is a speech genre. The author discusses different ways to understand the essence of irony, and the place of irony in the more or less related communicative speech phenomena: the relation between irony and humor (including the various genres of humor, such as jokes, anecdotes, mockery), the possibility of rudeness in ironic texts (ironic aggression can manifest itself not only in the form of a thin ridicule, but in rough shape), irony and self-irony in internal speech (the irony is not expressed due to ethical, diplomatic or other reasons: ironic or sarcastic consent reaction to the speech of the person with whom there is no dialogue, and the ironic citation itself). Some specific methods of “subtle irony” are considered in detail (strong underestimation of the negative evaluation of the person or situation, especially typical for English and American literature).

Key words: irony, anecdote, dialogue, humour, speech, internal speech, rudeness, mockery.

Сведения об авторе: Ермакова Ольга Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Калужский государственный университет, филологический факультет, кафедра русского языка.

E-mail: Liter@kspu.kaluga.ru; ermakowa_olga@mail.ru

About the author: Ermakova Olga Pavlovna, Doctor of Philology, Professor of Russian language Department.

Place of employment: Kaluga State University, Faculty of Philology, Department of Russian Language.

Не подлежит сомнению, что ирония – явление чрезвычайно многоликое, это отражается и в разнообразии подходов к её изучению, и в понимании разными исследователями сущности иронии.

В этой статье, не касаясь всего комплекса вопросов, рассмотренных ранее [1], остановлюсь лишь на отдельных, требующих, на мой взгляд, некоторых уточнений и разъяснений.

Ирония и юмор

Как вид (или жанр) юмора рассматривают иронию так много ученых [2–7 и мн. др.], что

невольно хочется присоединиться к ним, понимая, как трудно этому противостоять. Но я продолжаю держаться мнения, что ирония не может рассматриваться только как вид юмора. Конечно, многие иронические тексты вызывают улыбку, а часто и смех. И все же юмор не обязательный и не главный признак иронии. Напомню мнение К. Чапека, который был и замечательным юмористом, и не менее замечательным иронистом. Устанавливая социальные различия юмора и иронии, он писал: «Шутка чаще всего рождается в коллективе, будь то мальчишки в классе или рабочие в мастерской. Юмор – продукт соци-

альный; индивидуализм способен в лучшем случае на иронию. Смех в сущности своей демократичен. Юмор явление по преимуществу народное, как жаргон – язык народа. Давно известен тот факт, что способность весело и беззаботно шутить – привилегия социальных низов» [8 : 28].

Приведу еще одну точку зрения, автор которой категорически не допускает совместности иронии и юмора. «Юмор не просто не совместим с иронией; он способен активно её атаковать. Реплика Моцарта (*Чудо!*) в сущности представляет собой пародию на иронию [имеется в виду реакция Моцарта на исполнение трактирным музыкантом арии из Дон Жуана в трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери». Перед восклицанием «Чудо!» Моцарт хохочет. – О. Е.]» [9 : 245]. Эта остроумная мысль представляется мне все же слишком категоричной. Многие иронические тексты, например романы Ч. Диккенса, полны юмора.

Можно предположить, что в основе такого утверждения лежит то обстоятельство, что часто ирония содержит насмешку или даже издевательство. Но такой бесспорный жанр юмора, как анекдот, тоже нередко заключает в себе прямое издевательство. Таковы, в частности, антисоветские анекдоты. Ср., например:

– *Как мы узнаем, что мы построили коммунизм?*

– *Из закрытого письма ЦК.*

Главное, на мой взгляд, то, что содержание иронии гораздо более многолико: ирония может быть горькой, выражать раздражение, гнев и, напротив, сочувствие. Приведу некоторые примеры из ранее цитированных текстов:

1. *Первого апреля приятель сообщил Анне, что она уволена по сокращению штатов. Какая милая шутка!*

2. *Остроумные люди часто так шутят – подsunут какую-нибудь свою вещь, а потом говорят: «А ну-ка, где мой портсигар или часы? А ну-ка обыщем-ка Ивана Семеновича». Найдут и хохочут. Это очень смешно (Н. Тэффи. Брошечка).*

3. *Мартин: (на пароходе, плывущем в Америку о женщине, оказавшейся в бедственном положении): О чем же, черт возьми, эта женщина думала, когда садилась на пароход?*

Марк: Да! В самом деле, о чем? На родине она жила бедно, очень одиноко и только ждала, когда снова увидится с мужем [муж уехал в Америку. – О. Е.]. Очень странно, как это сюда она попала! Рехнулась, должно быть! Другого объяснения, пожалуй, не подберешь (Ч. Диккенс. Жизнь и

приключения Мартина Чезлвита. Пер. Н. Дарузес). Вряд ли в этих иронических текстах можно увидеть юмор.

Хотела бы высказать мысль, что подобно тому, как ирония может проникать во все виды тропов, сплошь и рядом образуя ироническую метафору, ироническую метонимию, гиперболу, литоту и сравнение, что, очевидно, одно из проявлений взаимопроникновения тропов вообще, ирония способна проникать во все речевые акты и почти во все речевые жанры. По этому вопросу существует и другое мнение.

Ссылаясь на мое утверждение «практически каждый речевой акт при определенных условиях может быть ироническим», И. Б. Шатуновский считает, что здесь есть ряд ограничений. Так, по его мнению, «Трудно представить себе иронический приказ или требование и даже ироническую стандартную, прямую просьбу с каким-то противоположным или просто иным, отличающимся от буквального пропозициональным содержанием» [10 : 365].

Разумеется, если иметь в виду жанры официально-деловой речи: заявление, приказ, договор, докладную и т.п., то иронии ни в одном из них не предполагается, так сказать по определению. Сферы иронии – естественная речь, художественная литература, публицистика. Что касается просьбы, то тут, на мой взгляд, дело обстоит иначе. Как истолковать «просьбы» подобного рода: *Не соблаговолите ли вы убраться из моего дома и больше здесь не появляться?*

Ирония не находится в одном ряду с шуткой и анекдотом [см. 1 : 13–28]. Я бы скорее согласилась (с большой натяжкой!) назвать иронию тропом, отчасти близким к метафоре, тем более что они отлично совмещаются, образуя ироническую метафору, но все же по-прежнему солидаризируюсь с точкой зрения Д. Кауфера: «Ирония называет такие разнородные явления (саркастичные, трагичные, комичные, романтические, сентиментальные и т.д.), что трудно надеяться на нахождение какого-то единого определения этого понятия» [11 : 145].

В определенных случаях ирония проникает и в юмористические жанры, иногда и в анекдоты, но чаще всего – как отдельные словесные вкрапления.

Сопоставление языковых механизмов анекдота и иронии требует особого рассмотрения (об особенностях жанра анекдота см. [7]; о языковых механизмах анекдота [5, 12]), отмечу только, что в составе анекдота иногда употребляются лексические иронизмы. Прежде всего иронические оценки – замечательный, блестящий, потрясающий и т.п.

Ср.: «Мюллер придумал **замечательный** способ узнать, какой же всё-таки Штирлиц национальности...»;

– *Специалисты говорят, что наш народ стал жить лучше.*

– *А люди утверждают, что ничего не ощущают.*

– *Но ведь они же не специалисты;*

– *Оля почему-то ушла от Петра, хотя я сам слышал, как он её уверял: «Лена, я люблю только тебя».* Но лексические иронизмы в текстах анекдотов – не очень частое явление, в основном у анекдотов существуют свои механизмы комического, обычно не свойственные иронии.

Так, большая группа анекдотов достигает эффекта за счет сокрытия пресуппозиции. Некоторые примеры:

– *Фирма ищет нового бухгалтера! И старого тоже!*

Игра на разных употреблении глагола *искать* выявляет то, что старый бухгалтер сбежал.

– *Здравствуйте. У меня лопнул стеклопакет*

– *По какой причине?*

– *Увернулся от чашки.*

Внуки 120-летней бабушки психанули и сами купили квартиру.

Сопоставление иронических текстов с анекдотами, возможно, представляет интерес, потому что как в иронии, так и в анекдоте, что отмечалось не раз, часто содержится насмешка и даже издевательство. Поэтому некоторые анекдоты, хотя и не содержат манипуляции словом, близки к ироническим высказываниям, а отдельные иронические тексты могут восприниматься как анекдот. Два примера от «армянского радио».

– *Должен ли коммунист платить партийные взносы со взятки?*

– *Должен, если он настоящий коммунист [7 : 102].*

Один пример из книги А.Ж. Малышевой «При попытке выйти замуж», почти сплошь состоящей из иронических текстов:

Хороший стукач – большая редкость в наше время. Сейчас люди сильно равнодушные стали, ни до кого дела нет.

В заключение рассуждений об иронии и юморе должна сказать, что я вовсе не отрицаю связь этих явлений, она несомненна. Повторю, что ирония, вызывающая улыбку, иногда даже смех, – особенность и достоинство многих художественных произведений и других сфер речи. Но совсем не всегда юмор является неотъемлемой частью иронии.

Ирония и грубость

Возвращаясь к некоторым особенностям иронии, замечу, что в ранее высказанное мною утверждение о том, что иронии в отличие от шутки и анекдота не свойственна грубость, приходится внести некоторые уточнения. В разговорной речи второй половины XX в. (не исключено, что и раньше) в иронических издевательских ответах нередко наблюдается не только проявление невежливости, но и прямая грубость.

Ср.:

– *Его в тюрьму посадили? – Нет, на курорт отправили.*

Оба участника диалога знают, что «он» – жестокий убийца.

Разговор двух заключенных:

– *Крал, что ли?*

– *Олифу-то?*

– *Ну.*

– *А потом её куда? На базар?*

– *Нет, пил вместо лимонада* (С. Довлатов. Зона).

– *Откуда это вам известно?*

– *Я на дереве сидела. Видела.*

– *Подглядывали?!*

– *Нет, в нарды играла* (Д. Бош. Разносчик пиццы).

Здесь наблюдается под видом отрицания (оно бывает выраженным словом «нет», предшествующим ответу, а может заключаться в самом содержании ответа, – как правило, абсурдном) подтверждение того, что предполагает спрашивающий: «да, ясное дело, в тюрьму», «разумеется, на базар», «конечно, подглядывала» и т.д.

От степени раздражения одного из участников диалога и его склонности к употреблению грубых слов зависит и степень грубости иронического ответа: Ср. разговор о переезде из Петербурга в Москву Т. Образцовой и Иры: Т.: – *Ира, как ты смотришь на то, чтобы уехать со мной?*

И.: – *Куда? В Москву?*

Т.: – *Нет, в Зажопинские выселки.* (А. Маринина. Имя потерпевшего – никто).

В других случаях подобные издевательские ответы могут быть спровоцированы вопросами, не содержащими предположения, которые собеседник подтверждает отрицая. Ср.:

Женщины оказались в подвале. Не знают, как выбраться. Неожиданно появляется мужчина, чтобы их спасти:

– *Тише ты, – прошептал Ивушкин. – Это я.*

– *О господи! Ты что тут делаешь?*

– *Трамвая жду, – зло ответил Ивушкин* (Н. Александрова. Убийство на троих).

В поезде:

– *Поднимайся, – говорю, – нас же встретить будут.*

– *Сейчас бы чего-нибудь горячего, – размечтался Жбанков.*

Я взял полотенце, мыло, щётку. Вытащил бритву.

– *Ты куда?*

– *Барана резать, – отвечаю, – ты же горячего хотел...* (С. Довлатов. Компромисс).

Приведу еще один пример утверждения под видом отрицания, также не отличающегося изяществом.

– *Кто у меня ночью последнюю бутылку пива стащил?*

– *Скажешь, я?*

– *Нет, Пушкин* (Е. и А. Грановские. Отель на краю ночи).

Ответ *Нет, Пушкин* представляет собой стереотипную реакцию в стереотипной ситуации обвинения в мелком «преступлении» (чаще всего), подобном приведённому, выражает уверенность в правильности подозрения и раздражение нежеланием подозреваемого признаться. В сущности, вопрос «кто?» является вопросом чисто формально, это уже обвинение, так как нередко адресуется именно подозреваемому.

Все приведённые примеры объединяются тем, что отвечающему вопрос на фоне ситуации-диалога представляется глупым и вызывает раздражение. Но часто абсурдным вопрос является только с точки зрения отвечающего. Так, убийцу могли и оправдать, и дать ему условный срок, олифу можно использовать и по-другому, на дереве сидеть не только с целью подглядывания и т.д.

Конечно, косвенные ответы могут быть грубыми и без иронии. Таков, например, распространенный в просторечии (если его признавать за особую сферу нелитературной речи и не объединять с разговорной) ответ на вопрос *Кто? – Конь в пальто*.

И, разумеется, ироническими без грубости. Ср.: *Она [студентка. – О. Е.] сначала объясняла месяц пропусков смертью бабушки, потом дяди, а теперь уж и мать «похоронила».*

– *И что же мать, когда узнала?*

– *Думаю, обрадовалась.*

Но, как показывают наблюдения, ответ на высказанное в вопросе предположение, начинающийся словом «нет», как правило, является если не явно грубым, то по крайней мере невежливым.

Про рыбок в аквариуме, причудливо раскрашенных:

– *Они, по-твоему, живые?*

– *Нет, заводные.*

Несомненно грубыми являются некоторые клишированные формы отказа под видом согласия: *сейчас, побежал; спешу и падаю; всю жизнь мечтал; сплю и вижу*.

Всё это показывает, что агрессия иронии может проявляться не только в виде тонкой насмешки, но и в грубой форме, и уже тем более не «под видом похвалы». И очевидно, что некоторые типы иронических ответов отражают общее огрубление современной русской разговорной речи.

Об одном приеме тонкой иронии

Наряду с проникновением грубости в некоторые виды иронических текстов, продолжает жить и активизироваться прием сильного преуменьшения степени отрицательной оценки признака, явления, ситуации.

В свое время было отмечено, что некоторые приемы выражения иронии могут быть по-разному представлены в русском и английском языках [1 : 106 и др.]. В частности, для выражения иронии в русском языке не очень характерно сильное преуменьшение степени отрицательной оценки лица или ситуации, что очень типично для английской и американской литературы. Такого рода примеров много в текстах Ч. Диккенса, Д. Джерома, Д. Голсуорси, Р. Стаута и др. Вот несколько примеров.

– *Кстати, – заметил я, – последние слова мисс Фосс я бы не назвал совершенно гёпёреух. Скорее их можно было бы отнести к разряду обидных* [Она назвала Н. Вульфа дерьмом собачьим, чванливым ничтожеством и разбухшим комом сала. – О. Е.] (Р. Стаут, *Убийство – не шутка*, пер. А. Савина); *Элайн Ашер, как-никак, была у нас в гостях, и то, что хозяин лягнул ее в подбородок, а посетительница ударила по лицу, было не вполне гостеприимно* (Р. Стаут. Бокал шампанского, пер. Т. Блябина).

Взгляд Френсиса Уилмота... остановился на «Белой обезьяне».

– *Знаете, – сказал он тихо, – вот это изумительная вещь. Нельзя ли устроить, чтобы этот художник написал мне картину, я бы отвёз её Энн и Джону.*

– *Боюсь, это будет несколько затруднительно. Видите ли, он был китаец, и уже лет пятьсот, как отправился к праотцам* (Д. Голсуорси. Сага о Форсайтах, пер. Р. Райт).

В то же время в современной художественной литературе и в прессе у склонных к иронии авторов можно найти немало аналогичных приведенным примерам. Вот некоторые.

– Нет! Только не журналистом! – с жаром воскликнул старший оперуполномоченный.

– Почему? – с интересом спросил генеральный.

– Терпеть их не могу. – пояснил Василий. – Дрянные людишки. Мелкие пакостники. И вам не советую с ними дела иметь.

– Для меня **весьма затруднительно** не иметь дел с журналистами, если учесть, что я работаю в газете, – генеральный виновато улыбнулся (А. Малышева. Бессмертный грех);

– Ты-то чему радуешься? Тебе, Петюня, как менту, положено болеть за «Динамо».

– Я вообще-то за ЦСКА болею. Разумно. Правда, когда играют «Спартак» и «Динамо», **вероятность выигрыша ЦСКА не велика**. Зато и риска проиграть почти никакого (А. Малышева. При попытке выйти замуж);

... Моя бывшая жена взяла себе в мужа **не самого светлого человека**. Долго не верила, что он убийца (АиФ, 2013, № 37);

Музыкант написал о благоверной песню «Киш», в которой отзывался о ней **не самым лучшим образом** и вытатуировал пожелание «Чтоб ты сдохла, Киш!» (Мир нов., 2006, № 23).

Насчет многоголосья – хорошо бы уточнить, что имеется в виду, потому что когда рота по команде старшины заводит в сто глоток строевую песню, это, конечно, тоже многоголосье, но (как бы помягче выразиться) **не вполне Верди...** (Нов. газ., 2004, № 10, 11–13).

Не исключено, что некоторая активизация этого вида иронии в последние десятилетия произошла не без влияния английского языка (и надо надеяться, литературы), наблюдающегося во всех сферах нашей жизни.

Ирония и внутренняя речь

Одной из особенностей иронии является возможность быть невысказанной, оставаться во *внутренней речи*. Примеры иронии в мыслях можно найти в художественной литературе, в разных видах публицистики, где автор текста сообщает о мыслях героя или о своих. Ср.:

Урбан страшно оживился:

– Знаете, интересная рукопись побуждает к высоким требованиям.

– **Ясно, думаю**. Бездарная рукопись побуждает к низким, требованиям. В силу этих требований её надо одобрить, издать. Интересная – побуждает к высоким требованиям. С высоты этих требований её надлежит уничтожить (С. Довлатов. Ремесло);

«А отпуск удался, – подумал Василий. – Ноябрь, холод, грязь, труп электрика, бессонные ночи. Именно так я мечтал отдохнуть» (А. Малышева. Бессмертный грех).

В естественном диалоге нередко один из партнеров может рассказать о посетившей его некогда иронии по поводу. В таком случае это становится цитированием самого себя.

«С некоторых пор люди стали желать друг другу **«большого человеческого счастья»**. Однажды мне тоже так пожелали. Я подумал: **«Уж лучше бы «нечеловеческого»**. Хотя это, наверное, нескромно». Хотел даже сказать поздравлявшему, но удержался (Из разговоров с одним филологом).

Обычно ирония во внутренней речи остается невысказанный по этическим, дипломатическим и другим причинам.

– Об актерах, которым было сильно за 50 лет, он сказал: **«Они еще молодые»**. – **«Совсем еще мальчики»**, – хотела сказать я, но, вспомнив, что ему уже 80, прикусила язык.

Нередко во внутренней речи наблюдается и *самоирония*. При этом она становится обычным видом иронии, насмешкой над собой, утрачивает свою функцию – самозащиты.

Ср.: Александра о поведении человека, активно ухаживающего за ней:

«Я с самого начала, еще с букета на сиденье автомобиля, была уверена, что грубости никакой, никакой навязчивости с его стороны не будет. Но не до такой же степени! Не до **«спокойной ночи»** – и все (А. Малышева. При попытке выйти замуж).

Самоирония во внутренней речи широко используется в художественной литературе. Она не всегда четко отграничивается от собственно-прямой речи, где на основе взаимопроникновения речи автора и речи (мысли) героя выражается (более или менее явно) ироническое отношение автора к своему герою. Именно это, например, содержится в иронической аргументации Л. Толстым того, почему Степан Аркадьевич был сторонником либеральной партии: *«Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и действительно, у Степана Аркадьевича долгов было много, а денег решительно не доставало»* (Л. Толстой. Анна Каренина).

К самоиронии героя это не имеет отношения. Но нередко мы имеем дело с текстом, который можно толковать как несобственно-прямую речь с ироническим отношением автора к герою или самоиронии героя.

Ср. размышления героя, приехавшего в довольно далекую от Москвы деревню,

чтобы скрыться от привычной городской жизни.

«Как он собирался тут жить? Картинок себе напридумывал в духе комсомольской прозы шестидесятых... деревенские ребяташки потянутся к нему, чтобы выучиться грамоте и всякой алгебраической премудрости, бабы будут обращаться с жалобами на пьющих мужиков, мужики же с вопросами про агротехнику. Он станет частью жизни народа, и крестьяне со временем признают его своим, **хотя, разумеется неизмеримо выше себя.** Тут Плетнев вдруг засмеялся, тоскливо и ненатурально. Он ничего не понимает в загородной жизни, и уже тем более в деревенской... В этой деревне нет никаких крестьян, одни только состоятельные московские дачники. Учить кого бы то ни было чему бы то ни было он не способен в принципе, дети его раздражают»... (Т. Устинова. Сразу после сотворения мира).

После того, как вымочил джинсы (у соседки насос сорвался) и наколот босую ногу, герой мысленно оценивает ситуацию: **«Хорошо в деревне летом!»** (Там же).

Во внутренней речи могут быть самые разные виды иронии, но особенно часто – ироническое согласие или насмешливая реакция на речь лица, с которым у иронизирующего нет диалога. Ср.:

«Тише, друзья! – крикнул Кирилл. – Сейчас нам Мишка будет рассказывать о Севере. Расскажи нам, Миша, про медвежье мясо, про торосы, про самородки, про бандитов и про чистый спирт».

– **Спешу и падаю,** – подумал Михаил (В. Аксенов. Сюрпризы);

Разговор после выступления нового ректора университета:

А: Ну, как тебе он?

Б: (объективируя свою внутреннюю речь) **Я все время думала: «Какая гениальная способность говорить так, что нельзя передать того, что он сказал»** (частично цитируется предложение из Анны Карениной Л. Толстого – «Ей попробовали рассказать, что говорил доктор, но оказалось, что, хотя доктор говорил очень складно и долго, никак нельзя было передать того, что он сказал».).

Естественно, что во внутренней речи несколько видоизменяется субъектно-объектная структура иронии: иронизирующий – «жертва» – наблюдатель. Иронизирующий и наблюдатель соединяются в одном лице, а жертва иронии находится где-то во внешнем по отношению к ним мире.

Надо заметить, однако, что такое соединение в одном лице иронизирующего и на-

блюдателя нередко встречается в диалоге, когда при разговоре двух людей никто не присутствует.

Ср. разговор опера с сутенером:

– **Так ты врач, Мелкий?** – изумился Леонид. – **По первоначальной специальности, я имею в виду.**

– **Был, был. Так-то работа хорошая, благородная, но не для меня. Дрянь то есть работа... с больными людьми приходилось общаться.**

– **Кошмар!** – согласился Леонид. – **Не для того тебя учили на доктора, чтоб к больным и убогим приставить** (А. Малышева. При попытке выйти замуж)¹.

Леонид развлекается, издеваясь над сутенером, но оценить и разделить с ним это развлечение некому. Конечно, поскольку этот диалог в художественном произведении, в роли наблюдателя выступает читатель, но в естественной речи двух людей, без третьего, это не так.

При самоиронии происходит слияние всех трех лиц. Это бывает и не только во внутренней речи. Ср.: *Я от большого ума высказала его руководителю свое впечатление о диссертации Н. Ясное дело – нажила врага.* Но здесь, как уже отмечалось, у самоиронии функция самозащиты: *«Хотите надо мной посмеяться? Не торопитесь! Я сама понимаю, что поступила, как идиотка».*

Своеобразным видом иронии во внутренней речи является «чтение мыслей животного», прежде всего кота. Известно, что способность иронизировать, по общему мнению людей, общающихся с животными, – свойство кота, а не собаки (собаки простодушны и бесхитростны). Один пример.

Кот, которому надоело, что хозяин что-то пишет, вскакивает на стол и укладывается на книги и бумаги.

Хозяин: Рыська, уйди с моей работы!

Кот, глядя насмешливо и разваливаясь: «Сейчас, побежал! Занимаешься глупостями!» Хозяин начинает «подлизываться», почесывать кота.

Такое «чтение мыслей» редко наблюдается и наедине с котом, и в присутствии кого-то. Вербализовать иронию кота может сам хозяин или присутствующий.

Я рассмотрела лишь отдельные вопросы из большого круга проблем – ирония в языке. Проблематика эта неисчерпаема и, конечно, требует новых подходов и наблюдений.

¹ Приводятся примеры из нескольких романов Анны Ивановны Малышевой, а не Анны Витальевны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермакова О. П. Ирония и её роль в жизни языка. Калуга : Изд-во КГПУ, 2005. 202 с.
2. Боров Ю. Б. О комическом. М. : Искусство, 1957. 241 с.
3. Николаев Д. П. Смех – оружие сатиры. М. : Искусство, 1962. 249 с.
4. Эльзберг Я. Е. Вопросы теории сатиры. М. : Сов. писатель, 1957. 427 с.
5. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 144–153.
6. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.
7. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
8. Чапек К. Несколько заметок о народном юморе // Чапек К. Соч. : в 5 т. Т. 2. М. : ГИХЛ, 1959. С. 103–158.
9. Козинцев А. Г. Юмор : до и после иронии // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Индрик, 2007. С. 238–253.
10. Шатуновский И. Б. Ирония и её виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Индрик, 2007. С. 340–372.
11. Kaufer D. S. Ironia, forma interpretacyjna i teoria znaczenia // Archiwum przekładów «Pamiętnika Literackiego» / pod red. Michała Głowińskiego. Gdańsk : Słowo/obraz terytoria, 2002. S. 67–85.
12. Седов К. Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М. : Лабиринт, 1998. 64 с.

REFERENCES

1. Ermakova O. P. *Ironiya i eyo rol' v zhizni yazyka*. [Irony and its role in the life of language]. Kaluga, 2005. 202 p.

2. Borev Yu. B. *O komicheskom* [On the Comic]. Moscow, 1957. 271 p.
3. Nikolaev D. P. *Smekh – oruzhie satiry* [Laughter – the weapon of satire]. Moscow, 1962. 249 p.
4. Elzberg Ya. E. *Voprosyi teorii satiryi* [Problems of the theory of satire]. Moscow, 1957. 427 p.
5. Karasik V. I. Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya [Anecdote as an object of linguistic study]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 144–153.
6. Dementyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragsmaticheskiy aspekt teorii rechevyih zhanrov* [Sociopragmatic aspect of the speech genres theory]. Saratov, 1998. 107 p.
7. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr* [Russian anecdote. Text and speech genre]. Moscow, 2002. 144 p.
8. Čapek K. Neskolko zametok o narodnom yumore [A few notes about the people's humor]. *Čapek K. Collected works: in 5 vol. Vol. 2.* Moscow, 1959, pp. 103–158.
9. Kozintsev A. G. Yumor: do i posle ironii [Humor: before and after the irony]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovyye mehanizmy komizma* [A logical analysis of language. Language mechanisms of comism]. Moscow, 2007, pp. 238–253.
10. Shatunovskiy I. B. Ironiya i eyo vidy [Irony and its types]. *Logicheskiy analiz yazyka. Yazykovyye mehanizmy komizma* [A logical analysis of language. Language mechanisms of comism]. Moscow, 2007, pp. 340–372.
11. Kaufer D. S. Irony, form of interpretation and the theory of meaning. *Collection of translations «Literary memoires»*. Ed. by M. Głowiński. Gdańsk, 2002, pp. 67–85.
12. Sedov K. F. *Osnovy psikholingvistiki v anekdotakh* [Fundamentals of psycholinguistics in anecdotes]. Moscow, 1998. 64 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 81'38
ББК 81

Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия

T. I. Steksova
Novosibirsk, Russia

КОММЕНТАРИЙ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР И ЕГО ВАРИАТИВНОСТЬ

COMMENT AS A SPEECH GENRE AND ITS VARIABILITY

Аннотация. Работа выполнена в рамках теории речевых жанров. В статье ставится проблема разграничения вариативности речевых жанров и их омонимичности. На примере разных текстов комментариев делается попытка определения вариантов и одноименных жанров. Отмечаются случаи использования «масок» жанра для воплощения текстов других жанров. В качестве критерия для разграничения используются жанрообразующие признаки.

Ключевые слова: речевые жанры, вариативность, жанрообразующие признаки, комментарий.

Abstract. This work is done within the framework of the theory of speech genres. The article raises the problem of differentiation of variability of speech genres and homonymy. In the example of different texts comments seeks to identify variants and of similar genres. There are cases of the use of "masks" of the genre for the realizing the texts of other genres. As a criterion for distinguishing, use the parameters of genres.

Key words: speech genres, variability, the parameters of genre, comment.

Сведения об авторе: Стексова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка.

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

Контактная информация: г. Новосибирск, Красный проспект, д. 87/1, кв.3.

E-mail: steksova@inbox.ru

About the author: Steksova Tatiana Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Modern Russian Language.

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

Проблема речевых жанров активно исследуется современной лингвистикой. Свидетельством этому является, в частности, и востребованность восьми выпусков сборника «Жанры речи», и обилие статей, посвященных жанрам, но не вошедших в указанный сборник, и наличие диссертационных исследований по жанроведению. Но, по мнению Т. В. Шмелевой, прошло время декларативных статей и описаний отдельных жанров, на современном этапе нужны обобщающие работы и фундаментальные описания. Она предлагает выходить за пределы повседневного общения, в рамках которого сложилась теория речевых жанров, и рассматривать жанры в разных сферах функционирования, которые и предопределяют жанровые трансформации [1]. И попытки подобного подхода уже предпринимались и на уровне статей [2–4 и др.], и на уровне работ более серьезного монографического формата. Так, в частности, отношения между жанрами рассматриваются в диссертации М. А. Кантуровой, где образование и преобразование жанров исследуются как деривационные процессы; описываются способы преобразования первичного жанра во вторичный, анализируются изменения внутри жанра и дальнейшее преобразование жанра, выявляются факторы, обуславливающие эти

процессы; вводится понятие деривационной цепочки речевых жанров [5].

И тем не менее вопрос о границах жанра, его вариантах и одноименных жанрах остается актуальным и всякий раз возникает при попытке описать какой-либо жанр в разных сферах его употребления. С этой проблемой пришлось столкнуться и в связи с жанром комментария.

Наблюдения показывают, что под комментарием зачастую понимают совершенно разные тексты. Закономерно возникает вопрос: они представляют собой один и тот же жанр в разных вариантах или же этим именем называют разные жанры речи? Задачей статьи является попытка сопоставить разные комментарии по набору жанрообразующих признаков, предложенных Т. В. Шмелевой [6, 7], чтобы понять их соотношение.

По данным толковых словарей С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой, МАС, слово «комментарий» имеет два значения:

1) объяснение, толкование к какому-н. тексту;

2) рассуждения, пояснения и критические замечания о чем-н.

Рассмотрим разные виды комментариев.

Научный комментарий. В «Справочнике издателя и автора» А. Э. Мильчина комментарии определяются как часть аппарата из-

дания, вспомогательные тексты, которые содержат толкование и оценку произведения (в целом или отдельных мест) и тем помогают читателю глубоко понять его [8]. Уже из этого определения можно вывести научный характер комментария.

Комментарии могут представлять собой отдельный самостоятельный текст. Примером может послужить комментарий Ю. М. Лотмана к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (Л., «Просвещение», 1983).

Определение М. А. Гаспарова (комментарий – искусство перевода) [9] М. Майофис уточняет следующим образом: комментарий – «это перевод произведения с языка автора на тот язык, который комментатор считает релевантным для своей аудитории» [10 : 68]. В целом, коммуникативную цель такого речевого жанра можно определить как информативную. По замечанию Ю. М. Лотмана, комментарий выполняет исследовательские и просветительские задачи [11].

Образ автора в таких комментариях всегда характеризуется большей осведомленностью в проблеме, чем у адресата. Автор – авторитетный специалист. Адресат менее осведомлен, но заинтересован в получении дополнительной информации. Можно говорить о том, что комментарий пишется в пользу адресата. Уже упомянутый комментарий к «Евгению Онегину» адресован учителям.

Диктумное содержание полностью сосредоточено на одном объекте – романе, хотя комментируются его отдельные фрагменты, строки, даже лексемы.

Языковое воплощение комментария выдержано в научном стиле.

Комментарий-примечание. Частным случаем научного комментария является комментарий-примечание: *Наката тихо проработал в мастерской тридцать семь лет, ни на день не уходил в отпуск, так что на его счете в местном почтовом отделении накопились кое-какие деньги.* – Примечание: *почтовые отделения в Японии выполняют и функции сберегательных касс* (Харуки Мураками «Кафка на пляже» в переводе И. и С. Логачевых). Автором подобных комментариев могут быть либо сами авторы произведений, либо редакторы, либо переводчики. Они комментируют отдельные лексемы, исторические факты, имена собственные, то есть то, что, по их мнению, может быть непонятно адресатом. Комментатор более осведомлен, чем адресат. Поэтому функцию данного типа комментариев я бы назвала функцией выравнивания фоновых знаний автора и адресата. Совпадая по всем параметрам с научным комментарием, комментарий-примечание характеризуется меньшим объемом и

позицией в тексте (может быть постраничный комментарий и затекстовый).

Комментарий в печатных СМИ. В современных СМИ популярна рубрика «комментарии»: «комментарий психолога Дарьи Энгель», «комментарий нумеролога Михаила Калужного», «комментарий АиФ», «комментарий специалистов» и под. Обратимся к комментарию, опубликованному в газете «Аргументы и факты»: *Говорят, ученые Академгородка подарили зоопарку двух лисят. Комментарий «АиФ на Оби»: Двух одомашненных лисят подарили детскому контактному зоопарку «Теремок» в наукограде «Кольцово» сотрудники Новосибирского института цитологии и генетики СО РАН. Как сообщает пресс-служба СО РАН, лисята (рыжий Адам и чернобурый Алу) выведены на ферме института. Они любят детей, практически ручные. Сейчас Адам и Алу живут в клетках, едят специально приготовленный фарш, который им привозят из института. Ученые обещают, что скоро они привыкнут к новому месту и окружению. Зоопарк «Теремок» будет работать до первых серьезных холодов. Потом его жителей переведут в зимние квартиры. Лисята планируют устроить на зиму в Центре детского творчества «Созвездие» (АиФ, № 40, 2013).*

Энциклопедический словарь-справочник «Культура русской речи» в отличие от толковых словарей выделяет три значения интересующей нас лексемы: 1) жанр аналитической журналистики; 2) как синоним объяснения или подробного сообщения/рассказа о чем-либо; 3) объяснение, пояснение, примечание в разных сферах деятельности [12 : 250–251].

Несмотря на то, что подобные комментарии функционируют в СМИ, вряд ли их можно отнести к аналитике. Обычно в подобного рода текстах подтверждается упомянутый факт и дается более подробное сообщение по его поводу. Другими словами, этот комментарий соответствует второму значению данного слова, выделенному в словаре-справочнике «Культура русской речи». И, следовательно, коммуникативная цель подобного комментария, как и научного комментария, информативная.

Этот комментарий также принадлежит более осведомленному автору, который делится сведениями с широким кругом читателей. Причем имя автора либо может быть неважно, либо специально подчеркивается для придания большего веса комментарию («комментарий психолога Дарьи Энгель»), т.к. содержит в себе указание на компетентность автора.

Адресатом такого комментария становится широкий круг читателей, которых заинтересует данная тема.

По параметру коммуникативного прошлого этот вид комментария ничем не отличается от предыдущих, т.е. это реактивный жанр, но обычно это реакция на вербально выраженный запрос информации, который, как представляется, может отсутствовать или быть инициирован самими журналистами. Думается, что форма «вопрос – комментарий (ответ)» – это лишь средство актуализации информации.

Комментарий СМИ не подразумевает продолжения коммуникации по данной теме, следовательно, он не обладает коммуникативным будущим.

Если анализировать диктумное содержание, то интересно обратить внимание на объект комментариев. Как правило, здесь дается информация о каком-либо одном событии, вызвавшем интерес у читателей.

С точки зрения языкового воплощения этот комментарий обычно пишется нейтральным публицистическим стилем, без особого проявления эмоциональности и экспрессивности.

Аналитический комментарий. По мнению А. А. Грабельникова, «комментарий может иметь пропагандистскую, критическую, сатирическую, полемическую окраску в зависимости от конкретного повода» [13 : 224]. В. И. Коньков отмечает, что основные речевые намерения автора комментария направлены на выражение своего мнения, своего отношения, своих оценок [14 : 90 и сл.]. Существенной особенностью комментария он называет полемичность. Следовательно, коммуникативная цель может быть определена как воздействующая. Объектом комментария может стать любой элемент жизни общества, который воспринимается этим обществом неоднозначно. Авторами подобных комментариев обычно становятся журналисты-публицисты, известные общественные и политические деятели. В качестве примера рассмотрим комментарий Дмитрия Быкова «Красный день календаря» (http://www.trud.ru/article/06-11-2008/135115_krasnyj_den.html). Автор высказывает свою точку зрения, которая заведомо отличается от точки зрения других: *И если кто-то скажет, что революция с ее террором страшней, я уже позволю себе в этом несколько усомниться, что бы ни думали обо мне друзья-интеллигенты.<...> И как хотите – все, кто верит в способность народа самостоятельно брать власть и распоряжаться страной, на словах принадлежащей нам, а на деле давно экспро-*

приорованной, будут этот день отмечать.

В отличие от научного комментария и комментария-примечания этот жанр обычно имеет не коммуникативное прошлое, а событийное, другими словами, он – реакция не на текст, а на событие. Так, автор комментария посвящает свои рассуждения политическому событию – отмене празднования годовщины революции: *Честно говоря, долгая общегосударственная борьба с праздником Октябрьской революции всегда вызвала у меня недоумение.* Аналитический комментарий не предполагает коммуникативного будущего, хотя и может послужить стимулом для других текстов.

Говоря о языковом воплощении, необходимо подчеркнуть два обязательных момента. Во-первых, аналитичность жанра диктует ему форму не повествования, как в предыдущих примерах, а рассуждения (риторические вопросы; *Авторитаризма меньше? Не думаю. Законности больше? Вряд ли*). Во-вторых, аналитический комментарий имеет ярко выраженный личностный характер (текст от первого лица: *я, меня*; выражение субъективного восприятия: *я уже позволю себе в этом несколько усомниться, в чем я, честно говоря, сомневаюсь*). Текст адресатно направлен, автор комментария апеллирует к мнению читателя (*И тогда я, знаете, понял*; местоимение *мы* в значении *я и вы*, т.е. разделяющие ту же точку зрения; противники же маркируются неопределенным местоимением: *И если кто-то скажет, что...*).

Протестный комментарий. Н. Б. Руженцева [15] выделяет протестный комментарий, широко распространенный в сети Интернет (в колонках колумнистов, в блогах), который она считает разновидностью аналитического комментария. По ее наблюдениям, протестный комментарий также имеет ярко выраженный воздействующий характер через выражение собственной точки зрения на события с участием властных структур.

Автор протестного комментария – «человек, абсолютно не приемлющий действия как законодательной, так и исполнительной власти» [15 : 268]. Автор – конкретен, это может быть известный журналист, общественный деятель, медийное лицо, мнение которого интересно другим людям. В примере комментария «Сквозь разбитые очки. О смешных и неисполнимых законах» автор Иван Давыдов – литератор (<http://lenta.ru/columns/2013/06/19/glass/>). Адресат – пользователи Интернета, разделяющие взгляды и убеждения автора. Другими словами, автор и адресаты – единомышленники, неслу-

чайно в тексте местоимения *мы* и *вы* употреблены синонимично: ***Вы (мы) можете (можем) продолжать свое веселье, но вот уже школьник в Ставрополе обнаружил в пособии по литературе пропаганду гомосексуализма.*** Люди, не разделяющие взглядов автора комментария, противопоставлены, они не включены в *мы(вы)*, для их обозначения используется местоимение 3-го л.: *Государство навязывает им стандарты поведения, способы осмысления реальности и варианты действий по итогам осмысления.*

Жанр протестного комментария реактивен, всегда появляется по поводу какого-либо устного или письменного текста (заявления властей, принятого закона, выдвинутых инициатив и под.). Объектом протестного комментария может быть и событийное прошлое. Комментарий И. Давыдова касается законов, принимаемых Государственной Думой: *Государственная Дума в спешке, перед уходом на каникулы, продолжает штамповать безумные свои законы, а отдельные члены Думы (кстати, интересно, законно ли теперь употребление слова «член» в подобном контексте и вообще?) высказывают еще более безумные предложения.* По параметру коммуникативного будущего он может спровоцировать дальнейшую коммуникацию (обсуждение затронутой проблемы) и даже ее предполагает (см. на сайте «обсудить»).

Языковое воплощение: те же особенности публицистического стиля, что и в аналитическом комментарии, но с большим включением разговорных элементов: *законодательных извращений, зубоскалов, идиотизм, раздухарившуюся накупь, оскотинившейся Европы.* Отличается повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, которые проявляются в употреблении оценочной лексики, различных средств словесной образности (ирония: *законодательная мудрость*), экспрессивных синтаксических конструкций. Как и аналитический, протестный комментарий адресатно направлен, автор комментария апеллирует к читателю: *А вы вспомните, что законы — они невероятно смешные и неисполнимые, когда какой-нибудь особенно рьяный общественник разобьет вам очки за чтение в метро книги с непатриотичным названием.* По своему объему этот комментарий – развернутый текст.

Интернет-комментарий. Но не только ведущие колонок, блогов могут оставлять свои комментарии в интернете. По верному замечанию О. В. Балясниковой, интернет как открытое информационное пространство

предоставляет возможности непосредственного участия читателей в диалоге, который строится вокруг события, вызывающего противоположные или неоднозначные реакции [16: 169].

Многие информационные сайты намеренно программируют возможность для читателей выразить свое мнение о прочитанном материале, вводя форму «комментарии». Это одна из форм проявления общественного мнения наряду с блогами, интернет-чатами и под. Слово «комментарии» в данном случае используется во втором значении, как «рассуждения, пояснительные и критические замечания о чем-н.».

В качестве примеров взяты комментарии, размещенные на Российском коммуникационном портале Mail.ru (в примерах сохраняются авторские орфография, пунктуация, грамматика). Тематика комментируемых материалов разнообразна: светские новости, городские события, события всероссийского масштаба, происшествия, криминал.

Как представляется, основная коммуникативная цель этих комментариев – выразить отношение, чаще всего негативное, к комментируемому событию или его герою. Таким образом, комментарий уже становится не информативным жанром, а оценочным и даже в некоторых случаях императивным. Пример прямых призывов: *лучше бы путина посадили, вместо четвертого срока на нары! Рабочего пытать, пока не сдаст хозяина. А хозяина под расстрел. Раз 10 такое проверить, больше никто не захочет бодяжить молочко. в нашем мире отстреливать вместо собак людей надо.... Да-аа...надо вводить смертную казнь ...в первую очередь смертная казнь – педофилам , чиновникам , берущим взятки...*

По параметру соотношения образа автора (комментатора) и адресата также наблюдаются различия. Автором комментариев может стать любой пользователь интернета, причем чаще всего анонимным. В силу этого невозможно однозначно судить о его компетентности, осведомленности. Очевидно только, что автор комментария заинтересован в обнародовании своего мнения. В зависимости от того, каков характер реакции (эмоциональный, рациональный, игровой, прагматический) и какая речевая стратегия выбирается (конфликтная, агрессивная, ироничная, сотрудничества и др.), комментаторы предстают как разные языковые личности. При этом в отличие от первых двух комментариев этот комментарий не всегда в пользу адресата. Адресатами этого вида комментариев становятся также все заинтересованные пользователи интернета.

Жанр реактивный, ориентированный на дальнейшую коммуникацию, т.к. сам комментарий может стать объектом следующего комментария.

Объекты интернет-комментариев различны:

Пропозитивное содержание текста-стимула. Большая часть комментариев – это реакции на сам факт, событие, лежащие в основе электронной статьи. Так, в статье «Экспертов привлекли к делу ЮКОСа» говорится о том, что «Ведомостям» стали известны причины отъезда из России Сергея Гуриева. Он давал отрицательное заключение на второй приговор Михаилу Ходорковскому. Теперь эксперт может быть обвинен в противодействии правосудию, а бывшему олигарху грозит третий срок. Комментаторы реагируют на событийное содержание статьи: *Ну, теперь у власти есть "более лучшие" эксперты, зарекомендовавшие себя в деле Pussy Riot; Жесть, конечно. Скоро начнут привлекать тех, кто покупал бензин на АЗС Юкоса.*

Персонаж / герой текста-стимула. Нередко объектом комментария становится не само событие, а лицо, упомянутое в публикации. Читатели выражают свое личное отношение к данному лицу, чаще всего негативное, и тем самым выражают свое критичное отношение и ко всей статье: *Охх ты бедный, горемычный "мэр"!!! Стоит он несчастный как все, ай-я-яй! Да из-за этого барана как раз и пробки!*

Пропозитивное содержание другого комментария. Интерактивность электронной коммуникации позволяет читателям реагировать не только на саму публикацию, но и на уже появившиеся комментарии к ней. И в таком случае комментарии перерастают в дискуссию с четким противопоставлением разных позиций, как, например, это произошло после публикации о животных, больных бешенством: *Собак бродячих надо почаще отстреливать. Не дай бог такая укусит, потом весь год лечится + последствия от лекарств.* Этот комментарий вызвал активную ответную реакцию: *такие как вы гораздо хуже бродячих собак... Тебя отстрелить надо. Дай хоть один достоверный случай того, что собака, больная бешенством, покусала кого-либо?*

Автор / журналист текста-стимула. Комментаторы не только реагируют на содержание статьи, с которым они не всегда согласны, но и выявляют логические нестыковки в тексте, считают, что журналисты обнаруживают непроверенную информацию: *на выборной тоже отключили, зачем писать неправду; Эй, Майлру, ты гонишь как всегда; не пойму, зачем писать такие новости,*

которые вообще не отражают реальной обстановки?! или автор дурак или совсем не о чем писать стало или хотят выяснить мнение читателей о ценах!!! Глупая статья.и к ней такие же отзывы....Наши журналисты такого понапишут!!!! Как то не в тему, заголовок, как высказались то? Ничего не сказано. Часто, по мнению комментаторов, информационный повод для статьи слишком мелок, ничтожен. Ну и пусть проходит совещание, зачем это в новостях писать? Пряма такая важная новость? При обрушении грунта, надо не совещание МЧС проводить, а строителям лопатой работать.... Специально замануху-заголовок выставили, чтобы привлечь внимание к статье, которая, в общем-то, ни о чем. Вот и доверяй после этого журналистам mail.ru! Опять журнальщики хотят липовую сенсацию!!!

В других случаях мотивом, побудившим написать комментарий, становятся опечатки, неудачные обороты речи и другие собственно лингвистические причины. *"Движение груза не связано с гидравлическими испытаниями,..." – Движение ГРУНТА! Ув. журналисты! Вы читаете то, что пишете?* Языковые ляпы журналистов очень часто становятся причиной коммуникативных неудач. Так, в соответствии с правилами тематического членения порядок слов в заголовке статьи «Тонированные авто ловили полицейские на Мочищенском шоссе» должен быть другим: «Полицейские на Мочищенском шоссе ловили тонированные авто». Журналисты же в сильную позицию поставили обстоятельство места, а не объект внимания полицейских. Это сразу замечают критически настроенные читатели: *Опять идиотский заголовок в стили мейлпрушек? Тонированные авто ловили полицейских, да.*

Автор другого комментария. Очень часто, выражая несогласие с каким-либо комментарием, читатели «переходят на личности» и уже оценивают не содержание комментария, а его автора: *Слышь ты, Али, не совался бы ты и не мешался, когда люди разговаривают. Тебе разве давали слово?* В таком случае несогласие с точкой зрения комментатора подменяется выражением негативного отношения к способу выражения мысли: *Научись, для начала, по русски писать, а то читать противно.* Казалось бы, критика имеет лингвистическую причину, но по сути оказывается, что подобного рода замечания вызывают только те комментарии, с которыми автор не согласен. Другие записи, так же неграмотно оформленные, не вызывают негативной реакции. Более того,

иногда критикующий сам не отличается большой грамотностью. В других случаях негативную оценку провоцирует именно употребление комментирующим какого-либо слова.

Ассоциации. Нередко электронная статья становится лишь формальным поводом, породившим комментарии. Представляется, что их авторами являются люди, имеющие «идею фикс», готовые высказывать ее при любом удобном случае. При этом ведущей интенцией автора становится интенция самопрезентации. Как таковой обратной связи в таких случаях нет, комментарий написан не по поводу статьи, а в ответ на ассоциацию, появившуюся при ее прочтении. Так, стимулом для ассоциации является упоминание имен известных чиновников, политических деятелей, звезд шоу-бизнеса и под. К примеру, статья «Виктор Толоконский вручил государст-

венные награды жителям Новосибирской области» вызвала реакции не только на само событие. Упоминание имени В.Толоконского породило комментарии, выражающие отношение к персоналиям, а не к событию: *Толоконского в Губернаторы, васю в зашей; в тюрьму толоконского. и городецкого в придачу!*

Языковое воплощение – разговорно-бытовой стиль с обилием просторечных выражений, экспрессивно-окрашенных лексем, бранной лексики, часто на «границе фола». Интернет-комментарии грешат орфографическими, пунктуационными и грамматическими ошибками, что еще раз свидетельствует о том, что автором интернет-комментария может быть любой пользователь интернета.

Попытаемся сопоставление разных комментариев представить в виде таблицы.

	Научный комментарий	Комментарий-примечание	Комментарий в СМИ	Аналитический комментарий	Протестный комментарий	Интернет-комментарий
Коммуникативная цель	Информативно-просветительская	Информативная, выравнивание фоновых знаний	Информативная	Воздействующая	Воздействующая	Оценочно-императивная
Образ автора	Ученый, специалист в определенной области знаний	Осведомленный специалист	Обладающий информацией	Журналист, общественный или политический деятель	Журналист, общественный или политический деятель, оппозиционер	Любой пользователь интернета
Образ адресата	Заинтересованный, изучающий данную проблему	Заинтересованный в получении информации	Широкий круг читателей	Заинтересованный читатель	Читатели-единомышленники	Другие пользователи интернета
Коммуникативное прошлое	Реакция на текст	Реакция на отдельную лексему.	Реакция на запрос информации.	Реакция на текст или событие	Реакция на текст или событие	Реакция на текст
Коммуникативное будущее	Не предполагает дальнейшей коммуникации, хотя может быть стимулом для другого текста	Не предполагает дальнейшей коммуникации	Не предполагает дальнейшей коммуникации	Не предполагает дальнейшей коммуникации, хотя может быть стимулом для другого текста	Предполагает возможное обсуждение	Ориентирован на дальнейшую коммуникацию
Языковое воплощение	Научный стиль	Научный или научно-популярный стиль	Публицистический стиль	Публицистический стиль в форме рассуждения	Публицистический стиль в форме рассуждения с обильным включением разговорных элементов	Разговорно-бытовой стиль с использованием просторечья и ненормативной лексики, повышенная эмоциональность и экспрессивность

Таким образом, вероятно, можно говорить о трех видах комментариев: комментарий₁ с информативной коммуникативной целью, с автором, обладающим информацией, и адресатом, заинтересованным в получении информации. Этот комментарий представлен двумя разновидностями: научный комментарий, комментарий-примечание. Комментарий в СМИ, как представляется, только использует жанровую форму комментария, по сути оставаясь новостной заметкой. Комментарий₂ реализует воздействующую функцию, авторы его – журналисты, общественные или политические деятели, медийные лица. Это аналитический комментарий. Протестный комментарий не перестает быть аналитическим комментарием, это его разновидность с точки зрения характеристики позиции автора. Разновидностью комментария₂ могут быть и политический комментарий, и спортивный комментарий, и др., различающиеся по типу диктумного содержания. Комментарий₃ стоит особняком, так как его главная цель – выразить свое субъективное мнение по какому-либо вопросу, это оценочно-императивный жанр. Автор – любой пользователь интернета, чаще всего анонимный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 26–37.
2. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка» : к вопросу о соотношении стиля и жанра // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 51–56.
3. Руссинова Т. В. К проблеме варьирования жанров (на материале текстов директивного жанра) // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов : Колледж, 2005. С. 399–407.
4. Стексова Т. И. Функционально-стилистические варианты речевого жанра просьбы // *Проблемы интерпретационной лингвистики : Интерпретаторы и типы интерпретации* : сб. науч. ст. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2004. С. 89–99.
5. Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 26 с.
6. Шмелева Т. В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) // *Russistik. Русистика* : науч. журн. актуальных проблем преподавания рус. языка. Berlin, 1990. № 2. С. 24–41.
7. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 88–98.
8. Мильчин А. Э. Справочник издателя и автора.

М. : ОЛМА-Пресс, 2003. 800 с.

9. Гаспаров. М. А. Ю. М. Лотман и проблемы комментирования // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 66. С. 70–74.

10. Майофис М. Комментарий : Социальная и историко-культурная рефлексия // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 66. С. 67–69.

11. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб. : Искусство-СПБ, 1995. 847 с.

12. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева и др. М. : Флинта ; Наука. 2003. 840 с.

13. Грабельников А. А. Работа журналиста в прессе М. : Рип-Холдинг, 2004. 274 с.

14. Коньков В. И. Речевая структура газетных жанров. СПб. : Роза мира, 2004. 221 с.

15. Руженцева Н. Б. Протестный комментарий как жанр политического дискурса // *Политическая коммуникация : материалы междунар. науч. конф.* Екатеринбург, 2013. С. 267–272.

16. Балясникова О. В. Психосемантика конфликта в интернет-текстах // *Материалы X междунар. конгресса международного общества по прикладной психолингвистике*. М., 2013. С. 169–169.

REFERENCES

1. Shmeleva T. V. Zhanr v sovremennoy mediasfere. [Genre in contemporary media sphere] *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 26–37.
2. Orlova N. V. Zhanry razgovornoj rechi i ikh «stilisticheskaya obrabotka»: k voprosu o sootnoshenii stilya i zhanra [Genres speaking and their "stylistic treatment": the question of the relationship of style and genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 51–56.
3. Russinova T. V. K probleme var'irovaniya zhanrov (na materiale tekstov direktivnogo zhanra) [The problem of varying genres (on the basis texts of directive genres)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 399–407.
4. Steksova T. I. Funktsional'no-stilisticheskiye varianty rechevogo zhanra pros'by. [Functional and stylistic variations of the speech genre request]. *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: Interpretatory i tipy interpretatsii: sb. nauch. st.* [Interpretational problems of linguistics: Interpreters and types of interpretations: collection of scientific works]. Novosibirsk, 2004, pp. 89–99.
5. Kanturova M. A. *Derivatsionnyye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsept)* [Derivational processes in the speech genres (for example, the speech genre of cooking recipe). Cand. philol. sci. thesis diss]. Novosibirsk, 2012. 26 p.
6. Shmeleva T. V. Rechevoy zhanr (Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka) [Speech genre (Features description and use in the

teaching of the language)]. *Russistik*. Berlin, 1990, no. 2, pp. 24–41.

7. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demyanov]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–98.

8. Mil'chin A. E. *Spravochnik izdatelya i avtora* [Handbook publisher and author]. Moscow, 2003. 800 p.

9. Gasparov M. A. Yu. M. Lotman i problemy kommentirovaniya [Yu. M. Lotman and problems comments]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. Moscow, 2004. № 66, pp. 70–74.

10. Mayofis M. Kommentariy: Sotsial'naya i istoriko-kul'turnaya refleksiya [Comment: A Social and Cultural History and reflection]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review]. Moscow, 2004. № 66, pp. 67–69.

11. Lotman Yu. M. *Pushkin*. St.-Petersburg, 1995. 847 p.

12. Kul'tura russkoy rechi. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik [Culture of Russian speech. Encyclopedic dictionary. Ed. by L.Yu. Ivanov,

A. P. Skovorodnikov, E.N. Chiryayev, et al.]. Moscow, 2003. 840 p.

13. Grabel'nikov A. A. *Rabota zhurnalista v presse* [A journalist in the press]. Moscow, 2004. 274 p.

14. Kon'kov V. I. *Rechevaya struktura gazetnykh zhanrov* [Speech structure of newspaper genres]. St.-Petersburg, 2004. 221 p.

15. Ruzhentseva N. B. Protestnyy kommentariy kak zhanr politicheskogo diskursa [Protest comment as a genre of political discourse]. *Politicheskaya kommunikatsiya: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Political communication: materials of the International scientific conference]. Ekaterinburg, 2013, pp. 267–272.

16. Balyasnikova O. V. Psikhosemantika konflikta v internet-tekstakh [Psychosemantics conflict in online texts]. *Materialy X Mezhdunarodnogo kongressa mezhdunarodnogo obshchestva po prikladnoy psikholingvistike* [Materials of the X International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics]. Moscow, 2013, pp. 169–169.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 811.161.1'38-053.9
ББК 81.2Рус-5

Л. Б. Никитина
Омск, Россия

L. B. Nikitina
Omsk, Russia

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЦЕНОЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

THE LANGUAGE IMAGE OF THE ELDERLY PERSON IN THE LIGHT OF EVALUATING SPEECH GENRES

Аннотация. Современная лингвоантропология, для которой характерна интеграция методов и приемов исследования отображенных в языке представлений о мире и человеке, использует инструментальные возможности жанрологии с целью семантического моделирования языкового образа человека.

В статье содержится обоснование исследования языкового образа человека в речевом жанре: в речевом жанре фокусируются смыслы, репрезентируемые языковыми единицами разных уровней, а также отражается коммуникативно-прагматическая обусловленность функционирования этих единиц; обращение к речевым жанрам позволяет представить субъектно-объектную природу языкового образа человека и описать этот образ комплексно.

На примере исследования образа пожилого человека в русской языковой картине мира проанализированы типичные для него смысловые оппозиции, репрезентированные в оценочных речевых жанрах «одобрение» и «порицание». Выявлены стереотипные оценки возраста старости, отраженные в речевом жанре «сентенция».

Ключевые слова: языковой образ человека, речевой жанр, оценка, одобрение, порицание.

Abstract. Modern linguistic anthropology is characterized by the integration of methods and means of the research reflected in the language of knowledge about the world and the person. It uses instrumental opportunities of the genre theory for semantic modelling of the language image of the person.

The substantiation of the research of the language image of the person in the speech genre aspect is given in the article. Meanings, represented by language units of different levels, are focused in the speech genre. The communicative and pragmatic conditionality of these units functioning is also reflected in the present paper. Addressing the speech genres allows to represent the subject-object nature of the language image of the person and describe this image fully.

By the example of the research of the image of the elderly person in the Russian language picture of the world, sense oppositions, represented in evaluating speech genres “approval” and “punishment”, typical for the Russian language, are analyzed. The stereotype evaluation of the age of getting old, reflected in the speech genre “maxim”, are revealed.

Key words: language image of the person, speech genre, evaluation, approval, punishment.

Сведения об авторе: Никитина Лариса Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингводидактики.

Место работы: Омский государственный педагогический университет.

E-mail: laribn@rambler.ru

About the author: Nikitina Larissa Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Russian Language and Linguodidactics.

Place of employment: Omsk State Pedagogical University.

Методологическим принципом современной лингвоантропологии, изучающей язык «по мерке человека», является интегративность, заключающаяся в объединении идей, достижений, методов разных отраслей лингвистической мысли. Особенно ярко интегративная сущность антропоцентрической лингвистики проявилась в работах, посвященных семантическому моделированию языкового образа человека, для которых характерны обращение к разноуровневому языковому материалу, внимание к функциональному аспекту семантики языковых единиц, комплементаризм практических изысканий и выводов.

Разные подходы к изучению образа человека в языке (когнитивно-семантический, психолингвистический, социолингвистический и

др.) базируются на признании субъектно-объектной сущности данного языкового феномена: в одних исследованиях внимание ученых сосредоточено на субъектных языковых ипостасях человека (языковые реалии рассматриваются через призму речевой деятельности субъекта, познающего мир и отражающего результаты этого познания в языке), в других – образ человека предстает как фрагмент языковой картины мира, результат деятельности субъекта речи/мысли (лингвистическому описанию подвергаются языковые репрезентации человека как объекта языковой концептуализации) (например, исследования представителей Омской лингвоантропологической школы [1]).

Субъектно-объектная природа языкового образа человека, корреляция смыслов «че-

ловек в языке» и «язык в человеке» сформировала широкий взгляд на проблему семантической реконструкции данного языкового образа: ученые обращаются к содержательно ориентированным единицам языка разных уровней, а также к речевым жанрам, признавая тот факт, что они «составляют важную часть тех смыслов, которые включаются в концепт» [2 : 9].

Исследование образа-концепта «человек» в речевом аспекте – это та «точка», в которой пересекаются названные смыслы: описать языковой образ человека через призму речевого жанра – значит соотносить речевую (субъектную) языковую ипостась человека с результатом речевой активности человека (с объективно существующим языковым образованием – языковым образом человека-объекта).

Среди работ, активно пополняющих багаж современной жанрологии, – комплексные исследования языкового образа человека, для которых тот или иной речевой жанр становится инструментом лингвистического описания, позволяющим представить исследуемый феномен в коммуникативно-прагматическом аспекте: это работы омских лингвистов О. В. Коротун, Е. В. Лобковой, Н. А. Седовой, Н. Д. Федяевой и др., в которых образ человека в языке рассматривается через призму речевых жанров «одобрение», «порицание», «портретирование», «сентенция», «признание в любви», «объявление о знакомстве» и др. [1].

В данной статье обратимся к языковому образу человека в его возрастной ипостаси, соотносимой с разными периодами человеческой жизни, в частности, с таким временным отрезком, как старость (пожилой возраст), и представим образ пожилого человека (далее – ПЧ) через призму оценочных речевых жанров.

Признавая историческую изменчивость понятий «возраст старости» и «пожилой человек», обусловленность определения соответствующих феноменов рядом объективных и субъективных факторов, мы сконцентрировали внимание на типичных для оценочных речевых жанров смыслах, формирующих образ человека, находящегося на таком этапе жизни, который современными носителями языка воспринимается как завершающий отрезок возрастной градационной шкалы. Использование хронологически широкого и разностилевого материала мотивируется относительной устойчивостью восприятия ПЧ и возраста старости представителями русской культуры и отмеченной выше ориентацией на выявление

типичных для языкового образа ПЧ смыслов.

Вплощая в себе наивысшую ценностную предметность, человек постоянно оценивается говорящими, а сама оценка как семантическая категория является универсальной для его языкового образа. Оценка имеет и статус гипержанра, разновидностями которого являются речевые жанры одобрения и порицания, соотносимые с противоположными оценочными полюсами.

Применительно к языковому образу ПЧ выделяется два объекта оценки: человек на соответствующем возрастном этапе своего существования (собственно ПЧ) и возрастной этап, именуемый старостью. Оба названных объекта регулярно оцениваются говорящими, при этом старость получает оценочную характеристику со стороны говорящего безотносительно к конкретному лицу: оценка возраста старости носит обобщающий, стереотипный характер и потому тяготеет к речевому жанру «сентенция».

Итак, в основе речевых жанров одобрения и порицания лежит коммуникативное намерение автора (говорящего) выразить оценку (положительную или отрицательную) действия, поступка, поведения адресата или лица, не участвующего в общении (реже – собственного действия, поступка, поведения); для речевого жанра «сентенция» характерно коммуникативное намерение автора (говорящего) выразить общеизвестную истину (часто поучающего свойства).

Нами установлено, что типичными способами выражения одобрения/порицания действий, поступков, поведения ПЧ являются высказывания с семантикой противопоставления и следствия.

Для высказываний-одобрений характерны следующие случаи противопоставлений:

А. Пожилой возраст противопоставляется внешним данным: *Замечательно выглядишь! В наши-то годы так выглядишь! Законсервировалась, наверно?* (из разговора); *В марафоне участвовали наши заслуженные ветераны. Даже не верится, что этим по-спортивному подтянутым людям уже за семьдесят* («Ваш Ореол», 2010); *Смотри, как стильно одевается. И каблучок всегда. А ей ведь уже к восьмидесяти* (из разговора). Говорящие положительно оценивают внешность ПЧ, отмечая ее нестандартность на фоне возраста.

Б. Пожилой возраст противопоставляется конкретным поступкам или действиям: *Ну ты, отец, даешь! Молодец! Есть еще порох в пороховницах! Этим молодым оболтусам еще расти и расти; Казалось бы, старая, еле ноги носит, а дома все выли-*

жет до блеска: чистота, порядочек; Уж если дед взялся за дело, все будет как надо. Даром что старик (из разговоров). Положительная оценка разнообразных проявлений ПЧ контрастирует с указаниями на возраст, который в картине мира часто ассоциируется с иными проявлениями.

В отмеченных выше случаях (семантико-синтаксических конструкциях типа «*хотя ... , но (а) ...*» и их вариантах) пожилой возраст объекта оценки приобретает слабо выраженную отрицательно-оценочную коннотацию: то, что человек пребывает в пожилом возрасте, не является предметом положительной оценки говорящего (старость сама по себе отнюдь не вызывает восхищения); на фоне этой условно отрицательной оценки старого возраста происходит интенсификация положительной оценки несвойственных старости проявлений.

Семантика следствия характерна в первую очередь для одобрений интеллектуальных проявлений ПЧ, сопровождающихся указаниями на его жизненный опыт: *Еще бы ты не понял! До седых волос уж дожил – как не понять; Она почти пятьдесят лет в этом отделе сидит, ветеран. В чертежах прекрасно разбирается; Вы-то уж жизнь прожили – знаете что почем* (из разговоров). Кроме того, причинно-следственная связь устанавливается между возрастом старости и такими нравственными качествами человека, как доброта, заботливость (например, бабушка традиционно ассоциируется с заботой о внуках, с домашним теплом и уютом; соответственно первопричиной такого положения дел, как и похвал в ее адрес, является почтенный возраст).

Типичными для порицаний ПЧ являются следующие противопоставления.

А. Пожилой возраст противопоставляется интеллектуальным проявлениям (при этом первый приобретает положительно-оценочную коннотацию, а вторые резко отрицательную): *Вы же пожилой человек, а таких элементарных вещей не понимаете!* (из разговора); *Удивительно, что почтенные пожилые люди позволяют себя обманывать и не делают ровным счетом ничего для того, чтобы понять элементарные вещи* («Известия», 2010); *Ты, старый, жизнь прожил, а ума не нашёл* (из разговора).

Отметим частотность употребления словосочетания *старый дурак* для негативной оценки разнообразных проявлений ПЧ (о десемантизации и экспансии в другие сферы предиката *дурак*, а также других предикатов интеллектуальной сферы см. [3 : 192–202]): *Было бы мне, старому дураку, выждать, постоять в сторонке, не примолвливать*

поначалу Александра Анисимовича (М. Шолохов); *Так передай ей: старый дурак, мол, кончил отступать и наступает обратно к дому, не чаёт, когда до печки доберется* (М. Шолохов); *Очумел, старый дурак! Будешь ерепениться – свезем и бросим на задворки* (Ф. Абрамов).

Б. Пожилой возраст противопоставляется внешности (отрицательная оценка внешнего вида человека контрастирует с указанием на почтенный возраст): *Тебе уж за семьдесят, а вырядилась – смотреть противно; Ей шестьдесят где-то, а накрутила как молодуха! Думает, никто не видит, что штучатурка сплошная; Кончай молодиться: старый уже шорты носить* (из разговоров). Основанием для данных порицаний являются, с одной стороны, традиционные для носителей языка представления о характерной для пожилых людей сдержанности в одежде и сопровождающих ПЧ внешних атрибутах в целом; с другой – расходящееся с этими представлениями реальное положение дел.

В. Пожилой возраст противопоставляется нравственным проявлениям (отрицательная оценка конкретных поступков усиливается в контексте возраста): *Хоть ты и старик, а брешешь, как сивый мерин!* (М. Шолохов); *Вот вы едете со мной вместе, например, а деньги спрятали... аж вон куда! Пожилой человек. Не стыдно?* (В. Шукшин); *Ну, ты там молчи, старый хрен. Ногами еле двигает, черт в таратайке переехал, а на селе трех баб содержит. Одной ему мало* (Л. Андреев). (В последнем высказывании указание на пожилой возраст сопровождается нелестной характеристикой внешних данных).

Наиболее частотны в порицаниях ПЧ следующие причинно-следственные отношения:

А. Пожилой возраст – глупость: *Ты, бабка, чем ни больше стареешь, тем больше дуреешь. Неужели ты такую простую штуку сама не сообразишь?* (М. Шолохов); *Беда у всех одна: потемнел разум у нашего царя. Стар становится он. Неразумен в своих поступках* (В. Костылев); *Стар старичок, вот и дурит! Ему ведь восемь десятков* (М. Горький).

Следствием пожилого возраста выступают различные опосредованные интеллектом проявления человека, получающие негативную оценку (например, плохая память, невнимательность, отсутствие сосредоточенности, неумение оценивать ситуацию): *Годы идут, старею, память уже не та* (К. Симонов); *Бабушка, вы что, не видите, что они вас обманывают! Думать надо, кому дверь открываете* (из разговора о

мошенниках, обманом отнимающих у стариков пенсии); *Чего ждать от старой необразованной женщины? Неудивительно, что она и внука-то проглядела* (из телепередачи).

Со старческой глупостью часто связываются речевые проявления ПЧ: *От старости, видимо, из ума выжил. Шутка ли чего сказал...* (В. Короленко); *Старый черт – ерунду порешь! Соображаешь, чего не сешь?* (из разговора).

Старость в представлениях говорящих часто становится причиной нелогичных, странных поступков и действий, чудачеств человека: *Вот это сдурел, старый! ... Ей-богу, сдурел! Дети приехали домой, больше году не видели их, а он задумал бог знает что: биться на кулачки* (Н. Гоголь); *Дурак, вот старый дурак чего надумал! Молитвы на старости лет начал сочинять. Мало ему божественных книг!* (Ф. Абрамов).

Б. Пожилой возраст – брюзжание, ворчание, осуждение молодых, излишняя назидательность и т.п. речевые проявления: *Старушки на улице – это одно, но в автобусе – это ужас! Бурчат вечно: хоть уступишь место, хоть нет* (из разговора); *У подъезда сидят старушки, у которых нет более интересного занятия, чем помыть кости пробегающим мимо молодым девчонкам* (www.lovehate.ru/Old-age/2); *Старый ты, ворчун, все б тебе ворчать* (А. Ремизов).

Отметим характерную для порицаний активную сочетаемость определения *старый* (*старая*) с отрицательно-оценочными словами, характеризующими человека (например: *старый черт, старая собака, старая ведьма, старая кляча, старый кобель, старый осел, старый плут, старая кикимора* и т.д.): *Следователь, старый осел, вызывал вас, но я прекратил эту процедуру* (М. Горький); *А ты уже хлебнул, кобель старый!* (М. Шолохов); *Что этот старый ловелас делает рядом с моей дочерью?!* (из кинофильма).

Преобладание отрицательно-оценочных наименований ПЧ в сравнении с положительно-оценочными свидетельствует как об общепризнанном преимуществе выхода в речь отрицательных оценок объектов действительности, так и о частотности отрицательных оценок ПЧ в сравнении с положительными. В то же время отрицательно-оценочные наименования ПЧ могут под влиянием ситуативных факторов частично или полностью утрачивать семантику негатива и становиться средством выражения иронии, насмешки, а иногда и приветливого обращения: *Бедовая у меня старуха! Чего, говорит, людей-то смешишь, старый*

черт? Портфельщиком захотел? Иль на старости лет хвосты у кобыл крутить разучился? (М. Шолохов) – в высказывании содержится иронично-снисходительное обращение жены к мужу; *Я, кляча старая, тащила за тридцать земель. Знала бы – с места не двинулась* (из разговора) – ироничная самооценка; *Ну что, старые перчатки, за встречу?* (из разговора) – приветливо-ироничное обращение к близким людям.

Типичными для порицаний ПЧ являются обороты *в такие-то годы, в вашем-то возрасте, в столь солидном возрасте, в твои лета* и *на старости лет*. Например: *в ваши-то годы так одеваться; в столь солидном возрасте и так себя вести; в твои лета это некрасиво; очуметь на старости лет; на старости лет такое вытворять* и т.д.

В целом говорящие остро реагируют на отступления от нормы – сложившихся стереотипных представлений о внешних и внутренних проявлениях ПЧ: как правило, положительную оценку получают те проявления, которые традиционно присущи молодым людям: физическая и интеллектуальная активность, понимание современной жизни (исключение составляет искусственное стремление казаться моложе своих лет, например, одеваться по-молодежному, что в лучшем случае вызывает ироничную насмешку); отрицательную – те, что расходятся с традиционными представлениями о преимуществах старости: наличие жизненного опыта, житейской мудрости. При этом в одобрениях/порицаниях ПЧ «спорят» два противоречащих друг другу стереотипа: «с годами человек ума набирается, становится мудрее» и «старый человек из ума выживает, утрачивает умственные способности».

В высказываниях о ПЧ всегда (в эксплицитном или имплицитном виде) присутствует сравнение ПЧ с молодым; и это сравнение не обязательно в пользу молодости. Более того, часто при порицании молодых людей используются отрицательно-оценочные наименования ПЧ или сравнения (например, *старая кляча, ворчать как старик, одеваться по-старушечьи* и т.д.). Иными словами, человек в любом возрасте может характеризоваться как старый, и это неестественное положение дел свидетельствует об отрицательной оценке: *Молодые совсем, а расти не хотите. Как старики, сидите...* (из разговора); *А вы вот – жидкой крови людишки! Еще не выросли, а уж себя переросли и дряблые живете, как старая редька... И то, что жизнь все краше становится, – недоступно вам...* (М. Горький); *Вам еще*

только двадцать лет, но уж вы стары и рассудительны, как ваш отец и дядя Жорж (А. Чехов).

Основанием оценки возраста старости являются следующие параметры: физиологический, духовный, социальный, философский.

Физиологический аспект оценки возраста старости связан с изменениями, которые происходят в человеческом организме на закате жизни. Старость является результатом процесса старения и характеризуется тем, что организм изнашивается, увядает, что, естественно, не вызывает положительных эмоций.

Отрицательная оценка старости с физиологической точки зрения представлена смысловой структурой «старость есть болезнь»: *Старость – это ухудшение здоровья* (Е. Белоглазова); *Старость сама по себе болезнь* («Комсомольская правда», 2011); *Что поделаешь... Старость – это букет заболеваний* (из разговора).

Самым неутешительным среди множества диагнозов старости является утрата умственных способностей (*глупость, маразм, недопонимание, отсутствие памяти* и т.д.). Ср.: *мудрость, жизненный опыт* как атрибуты старости, не имеющие прямого отношения к физиологии ПЧ, являются основанием ее положительной оценки: такая оценка представлена смысловой структурой «старость есть мудрость (опыт)».

Духовный аспект оценки завершающего этапа человеческой жизни связан с внутренним состоянием ПЧ, ощущающего душевную (как правило, вкупе с физической) усталость, внутренний дискомфорт, вызванный ощущением своей «негодности», приближением конца жизни.

Отрицательная оценка старости с точки зрения внутреннего состояния человека представлена смысловой структурой «старость есть негативные эмоции». В следующих примерах, иллюстрирующих стереотипную оценку «старость не радость», содержатся указатели отрицательных эмоций, сопровождающих возраст старости: *Старость – это щемящая тоска по прошлому* (из кинофильма); *Закат жизни... Что кроется за этим понятием? Страх, приводящий в замешательство. Страх навсегда проститься с тем, что до сей поры составляло смысл жизни и делало ее интересной* («Пенсионерская правда», 2009); *Старость не радость. Сплошная грусть* (из разговора).

Положительная оценка эмоционального фона возраста старости связана с представлением о характерном для этого этапа жизни состоянии эмоционального покоя, сопря-

женного с достижением вершин мудрости: *Старость – это счастливое время, когда не надо суетиться, куда-то бежать. Это состояние душевного покоя, оттого что все уже открыто и познано* («Пенсионерская правда», 2009); *Сейчас очень подозреваю – старым людям вовсе не так плохо живется, как мы это себе представляем в молодости. Есть сладость в том, как, наученный опытом долгих лет, вызываешь в своей памяти прошлое и расставляешь по своему все на места* (М. Пришвин); *Пенсионный возраст – это возможность отдохнуть от накопившихся проблем, пофилософствовать, порадоваться тому, на что раньше не хватало времени* (из телепередачи). Однако нельзя не отметить, что семантика радости в высказываниях носителей русского языка о завершающем этапе человеческой жизни присутствует крайне редко и по преимуществу в ироническом контексте: пожилые люди нередко иронизируют по поводу своего возраста, шутливо называя его периодом безмятежного покоя и отсутствия душевных волнений, испытывая при этом прямо противоположные чувства.

Социальный аспект оценки возраста старости связан с отношением общества к пожилым людям. В современной русской языковой картине мира можно найти как свидетельства уважительного отношения к старости (*старикам везде у нас почет*), так и образцы равнодушия к людям старшего поколения со стороны общества и государства (*старость – возраст доживания; пенсионеры – обуза государства*).

Отметим типичные смысловые модели оценки старости в связи с ее социальной стороной.

А. «Старость – это одиночество»: *Старость – всегда одинокая и больная, даже в окружении детей* (В. Токарева); *Старость – это когда становишься беспомощным и одиноким* (из кинофильма); *Старость – это, как правило, одинокое существование* («Пенсионерская правда», 2010).

Б. «Старость – это бедность»: *Старость у нас в стране – это борьба за выживание* («Московский комсомолец», 2009); *Неужели наши старики заслужили такую жизнь? Неужели нищета – это удел старости?* («Жизнь», 2010).

Отмеченные социальные атрибуты старости (одиночество, материальные проблемы), характерные для современной действительности, в картине мира говорящих оцениваются негативно. Противоположные по знаку оценки социальные характеристики старости (например, уважение и почитание, моральная и материальная

поддержка) по преимуществу находят отражение в высказываниях с семантикой должностования или в описаниях ситуаций, воспринимающихся современными носителями языка как образцовые или идеальные. Сказанное не означает, что в нашем обществе происходит дискриминация старости и традиционные, уходящие в глубь веков принципы поклонения старшему поколению утрачиваются. Речь идет об обусловленном экстралингвистическими факторами (в первую очередь социально-экономическим состоянием государства) представлении людей о старости как социальном явлении и типичных для наших современников оценках старости в ее социальном аспекте. К сожалению, сегодня трудно говорить о социальном благополучии старости – отсюда преобладание ее отрицательных оценок и грустно-ироничные замечания по этому поводу: *За старость счастливую нашу спасибо, родная страна!* («Комсомольская правда», 2010); *Только в России безбедная старость означает, что ты еще где-то подрабатываешь* (А. Калинин); *– Как называют людей, которые не едят мясо? – Пенсионеры* (анекдот).

По данным высказываний-сентенций выход на пенсию, который часто ассоциируется с началом старости, несет в себе массу социальных проблем, в первую очередь материальных: *Ждет нас в старости заслуженный отдых да незаслуженно маленькая пенсия* («Комсомольская правда», 2011); *Выход на пенсию в нашей стране – это материальная катастрофа* (из телепередачи); *На пенсии не зажиреешь* (из разговора). Участившиеся в последнее время разговоры о возможном повышении пенсионного возраста породили всплеск речевой активности всех, кому грозит перспектива выживания в старости. Например, в следующем отрывке газетного текста отрицательная оценка старости в ее социальном аспекте завуалирована авторской иронией (обеспокоенность своим будущим говорящий выражает через преувеличение, введение далеких от реальности картин): *А я все разговоры о повышении пенсионного возраста воспринимаю как личное оскорбление, с нервной реакцией: сразу начинает подергиваться глаз, кожа покрывается мурашками, волосы на голове шевелятся, а рука тянется к пистолету, а пистолета нету. А все потому, что с тех пор как я перешагнул пятидесятилетний рубеж, меня этот вопрос стал слегка волновать. Через каких-то пару-тройку лет я сам планирую легитимно уйти от мирской суеты в затвор деревенской жизни, чтоб на всю*

огромную пенсию (на все пять тысяч рублей, наверное) сибаритствовать, наслаждаясь заслуженной свободой: рыбалкой на рассвете, вечерним, вдумчивым чтением журнала Playboy у камина в теплых офицерских кальсонах с очаровательной крошкой на коленях, ноги в тазу с горячей водичей, в дрожащей руке чашка горячего глинтвейна, сигара в поредевших зубах. А когда мне сегодня намекают, что, возможно, мне придется подождать с рыбалкой, сигарой и тазом до тех пор, пока мне не стукнет 65, я думаю, что я могу и не дожить до этого глинтвейнового рая («Комсомольская правда», 2011).

Философский аспект оценки старости связан с осмыслением жизненного пути, переоценкой ценностей, размышлениями о смысле жизни, которые часто приводят к раздумьям о смерти: *На закате жизни, когда большая часть этой дороги уже пройдена, ты оглядываешься назад и видишь, что годы пролетели, словно один миг. Осознаешь, что времени у тебя было не так уж много, а осталось совсем мало* (<http://webweek.ru>); *Старость – это тиран, который под страхом смерти запрещает нам все наслаждения юности* (Ф. Ларошфуко); *Старики более живут воспоминанием, чем надеждой, потому что для них остающаяся жизнь коротка, прошедшая длинна* (Аристотель).

В высказываниях-сентенциях старость предстает как неизбежность (чаще трагическая) и одновременно неожиданность, как тот период жизни, который вызывает отрицательные эмоции своей приближенностью к концу жизни: *Старость – это, конечно, страшная неизбежность* (<http://www.lovehate.ru/Old-age>); *А от смерти да старости – спасенья нет* (И. Бунин); *Старость – редкая гадость. Господу Богу все хорошо удалось – и рождение человека, и юность, и зрелость. А вот старость – нет* (из интервью с Б. Ступкой).

С философской точки зрения старость – это конгломерат знаний, настроений и чувств, которые сопровождают время подведения итогов; это некая вершина, с высоты которой человек оценивает себя и выводит формулу смысла своей жизни: *Когда человек приближается к концу своего жизненного пути, он с грустью задает себе вопрос, суждено ли ему увидеть те манящие горизонты, которые расстилаются там, впереди? Утешением ему является то, что за ним идут молодые, сильные, что старость и юность сливаются в непрерывной работе для исследования истины* (Н. Жуковский).

Сентенции фиксируют традиционные представления о потерях и приобретениях, свойственных возрасту старости, и противопоставление минусов и плюсов этого периода жизни делает его оценку неоднозначной: *С годами утрачивается интерес к себе. И странно: именно тогда мы и открываем в себе самое духовное и сокровенное* (Е. Погат); *Старость забирает одно: молодое тело, вихри волос, выносливость, но дарит другое: мудрость, опыт, рассудительность, спокойствие* («Пенсионер России», 2010). Ср. противоположные по знаку оценки высказывания о старости: *Безоблачная старость – это миф* (И. Губерман); *Старость – это когда не можешь самостоятельно за собой следить, тебе ничего не интересно, ты ни к чему не стремишься* (И. Бабушкин); *Старость – это радость! Это возможность заниматься любимым хобби. Это счастье видеть продолжение себя в детях и внуках, воспитание которых приносит теперь только удовольствие. Это новый взгляд на мир – через линзу прожитых лет. Умение видеть прекрасное, лучшее понимание человеческих отношений* (О. Филимонова). В целом очевидно преобладание негативных оценок старости, что обусловлено «соседством» старости со смертью, которое практически не дает этому возрастному периоду шансов на однозначно положительную оценку.

Таким образом, исследование языкового образа ПЧ через призму оценочных речевых жанров показало, что для него характерны неоднозначность и противоречивость оценок, преобладание отрицательно-оценочных смыслов и разнообразие их лексико-семантических представлений, а также регулярность эксплицитного или имплицитного

присутствия смысловой оппозиции «молодой – старый».

В заключение отметим несомненную перспективность исследования языкового образа человека в речезанровом аспекте: разные ипостаси человека, находящие свое отражение в языке, характеризуются своим репертуаром речевых жанров, высвечивающих типичные для соответствующих суббразов смыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лингвистика человека : антология / под ред. Л. Б. Никитиной, Н. Д. Федяевой. Омск : Вариант-Омск, 2012. 360 с.
2. Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генристика : внутрикультурные речезанровые ценности // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов : Колледж, 2005. С. 5–34.
3. Никитина Л. Б. Антропоцентрическая семантика : образ homo sapiens по данным русского языка : учеб. пособие. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. 256 с.

REFERENCES

1. *Lingvistika cheloveka: antologija*. Eds. L. B. Nikitina, N. D. Fedyaeva [Linguistics of the person: anthology. Eds. L. B. Nikitina, N. D. Fedyaeva]. Omsk, 2012. 360 p.
2. Dementyev V. V., Fenina V. V. Kognitivnaja genristika: vnutrikul'turnye rechezhanrovye tsennosti [Cognitive Genristics: innercultural speech genres values]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 5–34.
3. Nikitina L. B. *Antropotsentristskaya semantika: obraz homo sapiens po dannym russkogo yazyka* [Anthropocentric semantics: image “homo sapiens” according to the Russian language]. Omsk, 2007. 256 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

А. П. Сквородников, Г. А. Копнина
Красноярск, Россия

**ФИГУРАЛЬНАЯ ОСНОВА КОМИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ МИНИМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ)**

Аннотация. В статье демонстрируется разнообразие речевых фигур, составляющих релевантную стилистическую основу газетных комических жанров минимальной текстовой структуры; прослеживаются тенденции в составе доминирующих фигуративных средств в наиболее распространенных жанрах; предлагаются наименования для фигур, не имеющих общепринятых терминологических обозначений. Тем самым решается проблема системного описания малоформатных газетных жанров комической природы и расширяется представление о жанрообразующем потенциале стилистических фигур. Статья вносит вклад в развитие жанроведения и теории элокуции.

Ключевые слова: речевой жанр, текст минимальной структуры, стилистическая фигура, прием, комический эффект.

Сведения об авторах: Сквородников Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор-консультант кафедры русского языка и речевой коммуникации.

Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и речевой коммуникации.

Место работы: Сибирский федеральный университет (г. Красноярск).

E-mail: skapnat@mail.ru

Исследования речевых жанров в отечественной лингвистике получили широкое распространение, в том числе и прежде всего благодаря плодотворной работе Саратовской лингвистической школы. К настоящему времени изучен большой спектр речевых жанров, о чем свидетельствуют статьи в сборнике «Жанры речи» (вып. 1–8, 1997-2012), опыт создания антологии жанров [1], другие многочисленные публикации, а также защищенные диссертации (система «Поиск» на официальном сайте РГБ на 03.06.2013 выдает 228 диссертационных исследований, посвященных тем или иным жанрам).

Особую группу составляют малоформатные комические жанры современной газеты, объем которых обычно не превышает восьми – десяти предложений. Однако некоторые из этих жанров могут иметь минимальную структуру – структуру грамматического

A. P. Skovorodnikov, G. A. Koptina
Krasnoyarsk, Russia

**FIGURAL BASIS OF COMICAL TEXTS
OF MINIMAL STRUCTURE (ON THE BASIS
OF RUSSIAN NEWSPAPERS)**

Abstract. The article demonstrates various speech figures forming the relevant stylistical basis of newspaper comic genres of a minimal text structure. It also shows the existing tendencies in dominant figurative means in the most widely spread genres; names of figures are suggested that have no acceptional terminological designation. Thus the problem of systematic description of small-size newspaper genres of comical nature may be settled, and the notion of potential formation of stylistical figures may be broadened. The article contributes to the development of genre studies and the development of elocution.

Key words: speech genres, text of minimal structure, stylistical figure, means, comic effect.

About the authors: Skovorodnikov Alexander Petrovich, Doctor of Philology, Professor-Consultant of Russian and Speech Communication Department.

Koptina Galina Anatolyevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Manager of Russian and Speech Communication Department.

Place of employment: Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

предложения и даже устойчивого сочетания слов или одного слова, выполняющих функцию самостоятельного высказывания. Тексты таких жанров не получили еще всестороннего описания в научной и учебной литературе.

Отнесение текстов минимальной структуры к тем или иным жанрам не противоречит традиционному пониманию речевых жанров как «определенных, относительно устойчивых тематических, композиционных и стилистических типов высказываний» [2 : 164], поскольку тематическое единство таких текстов выражается в однотипности их интенции, композиция – в сходстве синтаксической структуры, а стиль – в фигуральности, понимаемой широко – как стилистически значимое отклонение от какой-либо нормы (стандарта). Рассмотрим тексты таких комических жанров в порядке убывающей частотности.

Наиболее распространенными на страницах современных российских газет являются **комические афоризмы** (под афоризмом понимаем «устойчивое изречение, в котором в краткой, лаконичной, образной и легко запоминающейся форме высказывается обобщенная и законченная мысль» [3 : 76]). Они представлены тремя разновидностями:

- **констатирующие афоризмы**, предикаты которых выражены глаголами реальной модальности: *Хвост у человека отпал, а необходимость им вилить осталась* (ТЕВЕ неделя, 11-17.04.2005); *Женщина непобедима в умении сдаваться* (ТЕВЕ неделя, 19-25.02.2007);

- **максимы** как афоризмы побудительной модальности: *Подсунь свою мечту врагам – пусть они погибнут при ее реализации!* (ТЕВЕ неделя, 14-20.04.2003); *Не надрывайтесь, поднимая свой жизненный уровень* (АиФ. 2001. № 26);

- **сентенции** как афоризмы с модальностью возможности или долженствования: *Увитый лаврами не может расправить крылья* (ЛГ, 05-11.12.2001)¹; *Молчание женщины еще надо заслужить* (ТЕВЕ неделя, 19-25.02.2007).

Для многих констатирующих комических афоризмов характерен намек, который вслед за В. В. Дементьевым мы считаем разновидностью не прямой коммуникации [4]. Намеком называем стилистический прием, состоящий в такой организации текста, которая предполагает имплицитное выражение информации, извлекаемой адресатом благодаря фоновым знаниям, в том числе аллюзиям и реминисценциям, например: *Мужчина любит женщину глазами, а ненавидит ушами* (ТЕВЕ неделя, 27.01.2007); *И какой гаишник не любит любителей быстрой езды!* (ЛГ. 2009. № 29).

Не менее характерны для констатирующих комических афоризмов паралогизмы (приемы, основанные на отклонении от законов формальной логики): *Главный недостаток ума – его отсутствие* (ТЕВЕ неделя. 2005. № 15); *Самые смелые – лыдые, у них волосы дыбом не встают* (Телевизор. 2003. № 32). В первом высказывании наблюдается отклонение от закона непротиворечия, во втором – от закона достаточного основания. К этой группе примыкают выска-

зывания, представляющие собой комические парадоксы, алогизм которых разрешается благодаря возможности их переосмысления: *С женщинами трудно согласиться, но еще трудней не согласиться* (ТЕВЕ неделя. 20-26.11.2006); *Русский человек болезненнее всего переносит здоровый образ жизни* (Телевизор. 2003. № 53).

Типичными и частотными для констатирующих комических афоризмов являются такие стилистические приемы, которые основаны на игре со значениями слов:

- полисемический каламбур как одновременная реализация в одном слове двух значений: *В основе нашей политики лежит человек, и никто не позволит ему подняться* (ЛГ. 2011. № 49); *Петух пробуждается рано, а налоговый инспектор вообще не дремлет* (ЛГ. 2001. № 48);

- буквализация метафоры как нарочитое осмысление метафорического выражения в прямом, т.е. буквальном, значении: *Встреча без галстуков уже тем хороша, что легче закладывать за воротник* (ЛГ. 2003. № 28); *Ничто не освежает так, как снег на голову* (ТЕВЕ неделя, 21-27.01.2008).

Сравнительно малочастотными являются следующие приемы, связанные с семантикой слова:

- диафора как повтор одного и того же слова в разных лексических значениях: *Одних интересуют летающие тарелки, других – что в тарелке* (АиФ. 2003. № 46); *Чтобы делать ошибки, совсем не обязательно вообще что-нибудь делать* (ТЕВЕ неделя, 21-27.08.2006);

- паронимазия: *Страна расколота на обывателей и обувателей, а глас народа в России – молчание ягнят* (Завтра. 2011. № 5); *Сегодня классовая борьба превратилась в кассовую борьбу* (АиФ. 2012. № 7);

- прием ложной этимологизации: *Плотские удовольствия получают, проводя отпуск на плоту* (ЛГ. 2002. № 31); *Если в милиции часто били по лицу, то в полиции само название обязывает* (АиФ. 2010. № 44).

Реже в констатирующих афоризмах встречаются приемы:

- хиазм разных типов: *Только русский человек может отдыхать на работе и работать на отдыхе* (ТЕВЕ неделя, 21-27.08.2006); *В организме человека все взаимосвязано: промочишь ноги – откажет горло, промочишь горло – откажут ноги* (ТЕВЕ программа. 2005. № 15);

- трансформация прецедентных текстов, пословиц: *Лучше синица в руках, чем утка под кроватью* (КП. 2001. № 24-25) – ср.: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе;*

¹ В названиях источников речевых иллюстраций используются следующие сокращения: ЛГ – «Литературная газета», АиФ – «Аргументы и факты», КП – «Комсомольская правда», ТД – «Твой Додыр», СГ – «Сегодняшняя газета», КР – «Красноярский рабочий».

- прием эвфемизации: *С возрастом все труднее отдавать супружеский долг без реструктуризации* (ЛГ. 2003. № 37);

- прием окказионального словотворчества: *Если есть бой-бабы, то не стоит удивляться тому, что есть и гёрл-мужики* (ЛГ. 2003. № 18);

- стилистическая антитеза: *Шампанское из туфельки – это вам не водку из кирзача* (Телевизор. 2003. № 53).

В максимах и сентенциях функционируют те же приемы, что и в констатирующих афоризмах. Специфическим для максим и сентенций является использование приема обманутого ожидания, представляющего собой бинарную структуру, первая часть которой прогнозирует продолжение, не осуществленное во второй части: *Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую – челюсть на место и встанет* (КП. 2004. № 129); *Первое автомобильное правило: не пейте за рулем: вы можете ударить бутылку и пролить пиво* (TEVE программа. 06.07.2003); *В постели можно делать все, что доставляет удовольствие обоим. Даже читать* (ТД. 2001. № 16).

И в максимах, и в сентенциях встречаются случаи конвергенции (взаимодействия) приемов: *...Хочешь – женись, не хочешь – не женись, долго не хочешь – лечись* (ТД. 2001. № 19); *В бизнесмене все должно быть прекрасно – и 600-й мерс, и дача на Канарах, и контрольный выстрел в голову...* (Телевизор. 2003. № 35); *Женщина должна одеваться так, чтобы мужчине хотелось ее раздеть* (TEVE неделя, 22.01.2007). В первом высказывании сочетаются синтаксический параллелизм, грация и лексический повтор; во втором – прием трансформации прецедентного текста, силлепсис, полисиндетон; в третьем – антитеза и паронимия.

Особым, хотя и редким, случаем является использование в комических афоризмах приема, который можно назвать параэтологическим (построенным на отклонении от норм поведения в той или иной ситуации): *Не стоит убежать от снайпера, умрешь уставшим* (Телевизор. 2003. № 23); *...Мужчине следует жениться только на очень хорошенькой женщине, если он хочет, чтоб когда-нибудь ее забрал другой мужчина* (ТД. 2001. № 21).

Прикол – комический речевой жанр, который, в отличие от комических афоризмов, не несет в себе обобщения, т.е. не обладает жанровым признаком генерализации; это комическое высказывание о конкретных фактах, ситуациях, личностях и т.д.: *Веду двойную жизнь, чтоб хоть одна удалась*

(АиФ. 2007. № 27); *В письме назвал вещи своими именами, а подписался чужим* (ЛГ. 2009. № 21); *Вчера прихожу домой – а у меня в ванной страус, а потом присмотрелся: все нормально – жена стирает!* (АиФ. 2006. № 34); *Парень с девушкой на скамейке среди бела дня занимались дружбой* (ЛГ. 2008. № 29).

В жанре прикола количественно преобладают приемы:

- прием намека: *Чем больше я узнаю таможенников, тем больше мне нравятся гаишники* (Аревера. 2007. № 5); *Если на экран выдавать показания детектора лжи, тогда трансляции выступлений депутатов будут намного интереснее* (АиФ. 2010. № 14);

- паралогизмы: *В прошлом году у меня было раздвоение личности, но в этом году у нас уже все нормально* (АиФ. 2005. № 43); *Спад экономики пошел на подъем* (АиФ. 2011. № 26);

- буквализация метафоры: *Да, это правда, что я обещал тебе золотые горы, – но разговора о стиральной машине не было!* (TEVE неделя, 30.01-05.02.2006); *В ней была изюминка, но уже побывавшая в компоте* (ЛГ. 2006. № 30–31).

В отличие от комических афоризмов, в приколах используется прием языковой игры с именами собственными: *Теперь Белый дом будет называться «Барак Обамы»* (АиФ. 2009. № 5); *Ох, и противоречивый же характер у нашего начальника Мохаммеда Израильевича Москаленко* (TEVE неделя, 06–12.02.2006). Можно встретить также разные случаи приема оживления (заимословия): *Долго, надменно и с презрением смотрели друг на друга презерватив и воздушный шарик...* (Шанс. 2007. № 26); *Одни мои похороны дали мне денег больше, чем вся предыдущая жизнь* (Телевизор, 13.08.2003).

Комическая новость и **комическое объявление** с точки зрения наличия фигуральных средств однотипны. В отличие от рассматриваемых выше жанров, типичным и специфическим для них является использование приемов неправдоподобия (по аналогии с паралогизмами они могут быть названы параонтологизмами). В основном эти приемы представляют собой высказывания, описывающие ненормативные артефакты, явления, поступки людей и т.п.:

- комическая новость: *Минобороны РФ объявило набор призывников в плоскостопные войска для несения службы на идеально ровной поверхности* (КП, 7–14.06.2007); *Из зоопарка сбежал голодный слон, просунувшись сквозь прутья клетки* (ТД. 2001.

№ 28); По причине недостаточности улик известный преступник Петров прямо из зала суда был отправлен на дозавершение преступления (ТД. 2002. № 1);

- комическое объявление: Во время кризиса из зарплаты кондукторов и водителей будет вычитаться плата за проезд во время работы (АиФ. 2009. № 13); Скоро в нашем магазине появится в продаже детское шампанское, а также детская водка, детская закуска и детский рассол против детского похмелья (КП, 12.02.2004).

Возможно совмещение параонтологизмов с приемом намека:

- комическая новость: Выведена новая порода собак: «Эстонская Борзая» для охоты на раненых улиток и черепах (КП. 17.07.2001); Кондолиза Райс отозвала посла Грузии из России (АиФ. 2008. № 31); «Воры в законе» объявили операцию «чистые руки» и изгнали из своих рядов работников МВД (Завтра. 1997. № 9);

- комическое объявление: Уважаемые налогоплательщики! Убедительно просим Вас стирать последнюю рубашку (Труд. 29.03–04.04.2001); В Совете Федерации продается пепел для волос (Завтра. 2000 № 27); Племя каннибалов Центрально-Африканской республики с радостью примет беженцев из любой страны (АиФ. 2007. № 1–2).

Из приемов, ранее упоминавшихся применительно к другим жанрам, в комических новостях и объявлениях встречаются с малой частотностью паралогизмы, полисемический каламбур, прием окказионального словообразования, прием буквализации метафоры, прием языковой игры с именами собственными, хиазм, параномазия и диафора.

Комическое определение – жанр, имеющий форму дефиниции, в смысловом отношении представляющий собой необычную интерпретацию значения того или иного слова-понятия. Комическое определение может быть как обобщающего, так и необобщающего (единичного) характера, ср.: *Демократия – это возможность самим выбирать себе рабовладельцев* (Телевизор. 2003. № 53); *Котлета – дачный кот* (АиФ. 2004. № 30).

Комическая интерпретация осуществляется на основе разных стилистических приемов, в том числе диалогии, антиметаболы, намека, оксюморона, трансформаций прецедентных текстов, параонтологизмов.

Для комических определений характерно использование амплификации (фигуры речи, у которой, в отличие от тропа, названы оба сопоставляемых компонента), иногда ос-

ложненной другими приемами: *Ципко – пылинка на пиджаке Горбачева* (Завтра. 2001. № 37); *Любовь – это роман: сначала фантастический, потом семейный, потом детективный, потом военный, потом исторический* (ТЕВЕ неделя, 11–17.12.2006); *Афоризм – прожиточный минимум мудрости* (ЛГ. 2004. № 2). Во втором примере амплификация осложнена аккумуляцией, в третьем – ненормативной сочетаемостью термина *прожиточный минимум* с существительным *мудрость*.

По модели амплификации строятся нетропеические дефиниции, комизм которых определяется тем, что дефинируемое понятие используется применительно к необычной для него ситуации: *Зануда – это мужчина, которому легче отдалиться, чем объяснить, почему ты этого не хочешь* (Всё для дома! 2007. № 14); *«Любимый» – распространенная форма обращения женщины к представителю мужского пола, чье имя в настоящий момент выпало из памяти* (Телевидение. 07–13.07.2008).

Не менее частотен в комических определениях прием ложной этимологии: *Душегуб – плохой сантехник* (Телевизор. 2003. № 32); *Фетишизм – направление чистого искусства, во главе которого стоял Фет* (ТД. 26.02–04.03.2001). Близким к приему ложной этимологии является прием ложной интерпретации не через переосмысление внутренней формы слова, а через описание ассоциативно возникающего с определяемым словом ненормативного поведения, ситуации, обычно с помощью фразеологизмов: *Районный врач «ухо-горло-нос» – это врач, который на твои жалобы и ухом не ведет, который орет на тебя во все горло и который от тебя нос воротит* (АиФ. 2009. № 32).

К редко используемым стилистическим приемам в комических определениях относится прием ложной пресуппозиции: *Детство – это время, когда не думаешь матом* (КП, 16–23.08.2007). В пресуппозиции – утверждение о том, что взрослый человек думает матом.

Комический эффект от использования комических определений усиливается, если такие определения объединяются жанром комического словаря (см. опыт создания такого словаря в [5 : 283–337]), например:

ТЭС (Толковый этимологический словарь)

◇ *Папайя* – добровольное принятие отцовства.

◇ *Тирада* – потеха для чертей.

◇ *Паркет* – сауна для кошек.

◇ *Росток* – скачки напряжения.

◇ *Тотем – непостоянство.*

◇ *Дерюга – дантист* (ЛГ, 10–16.07.2002).

Фрашка – комический стихотворный речевой жанр небольшой объема, иногда представляющий собой одно предложение. Во фрашках используются каламбуры разного типа (полисемические, омонимические, паронимические), амплификация и прием обманутого ожидания (в указанных выше значениях), развернутое сравнение, антитеза, хиазм, прием окказионального словотворчества, паралогизмы. Как и в других комических жанрах минимальной структуры, во фрашках часто встречаются намеки (умолчания), например: *Имеющий к выпивке давнюю склонность, / Я вскоре постиг, посещая пивные: / У тех, кто отчаянно верит в законность, / Обычно передние зубы – вставные* (ЛГ. 2004. № 2). Характерны для фрашек реминисценции и цитаты (в том числе трансформированные): *Во глубине сибирских руд / Хранят терпение, но мрут!* (ЛГ. 2001. № 38); *Какое дикое коварство – / Лечить больного без лекарства* (ЛГ. 2001. № 36); *Ах, как же мы непобедимы: / Опять несется над страной / «Народ и мафия едины! Спасибо мафии родной!»* (ЛГ. 2002. № 10).

К редким, но специфичным для фрашек приемам относятся:

- гомеология: *Подтвердилось мое опасение – / Я профукал свое воскресение: / Рекламации к реанимации / Надлежит предъявлять до кремации* (ЛГ. 2001. № 30);

- прием овеществления: *Как обманчиво свежи / чуть подмерзшие бомжи!* (ЛГ. 2002. № 8);

- мимезис: *Триллер, брокер, дилер, / Хилер, спикер, киллер, / Машен промокашен – / Спикаем по рашен!* (ЛГ. 2001. № 46);

- антифразис: *Хочу, чтоб частный капитал / меня почаще угнетал!* (ЛГ. 2002. № 10).

Комический совет – жанр, по форме близкий комической максиме, но, в отличие от нее, имеющий не всегда моралистическое содержание. В комических советах преобладают паразтологизмы – приемы, нарушающие поведенческие стандарты, например: *Если вы проснулись утром и у вас есть ощущение, что вы проспали на работу, то подремлите еще часок, чтобы ощущение переросло в уверенность* (АиФ. 2006. № 52); *Съешьте с утра живую жабу, и ничего худшего в этот день с вами не случится* (ТД. 2001. № 35); *Если дым стелется по земле – вернитесь и выключите утюг, если поднимается столбом – можете уже не возвращаться* (ТД. 2001. № 51).

Достаточно частотны также примеры, связанные с намеком: *Если хочешь узнать*

недостатки девушки – похвали ее перед подругами (ТД. 2001. № 21); *Если Ваш муж ночью страстно повторяет чужое имя, откликнетесь – не пожалеете!* (КП, 05.04.2002); *Если у вас в машине подвозимая вами девушка оставила сумку с приличной суммой, отдавать которую жалко, а вы человек совестливый, то все же дайте объявление в газету, но в основных приметах пассажирки укажите, что она была кривоногая* (Всё в дом! 2007. № 14).

В комических советах встречаются также буквализация метафоры и паралогизмы.

Для **комической пословицы** (а) и **комического лозунга-призыва** (б) характерен прием трансформации фразеологизмов и прецедентных текстов: а) *Будешь тише – дольше будешь* (Телевизор. 2005. № 15); *Назвался груздем – лечись дальше* (Телевизор. 2004. № 33); б) *Ударим платонической любовью по венерическим заболеваниям!* (АиФ. 2001. № 12); *Привет участникам естественного отбора!* (Телевизор. 2003. № 35).

В **комической рекламе** используются параонтологизмы разных типов, наиболее часто – конструирование артефактов: *В нашей клинике при вставке двух силиконовых имплантантов в груди третий вам вставят совершенно бесплатно* (АиФ. 2007. № 20); *Новинка в магазинах Лондона – чайный набор «Луговой» с экстрактом полония* (Всё для дома! 2007. № 28).

В **комических вопросах** используется, хотя и редко, временной сдвиг (хронотезия): *Что могла знать Ева о стриптизе?* (TEVE неделя, 11–17.08.2008).

Редкими комическими жанрами минимальной структуры в газетах являются, например, такие жанры, как **комическая эпитафия**: *Эпитафия: заплатил налоги и спит спокойно* (Телевизор. 07–13.07.2003); **комическая аннотация**: *Краткая аннотация к «Преступлению и наказанию»: «Роман о том, как Родион Раскольников нарубил бабок»* (КП, 15–22.06.2001); **комические надписи**: *Надпись на калитке: «Стучите громче – глухая собака!»* (СГ. 21.07.2004); **комическое экспертное заключение**: *Заключение медицинской экспертизы: «Больной нуждается в уходе врача, и чем дальше врач уйдет, тем лучше для больного»* (КР, 22.08.1998). В этих жанрах используются те же приемы, что и в охарактеризованных выше.

Особую группу составляют комические речевые жанры, представляющие собой с формально-грамматической точки зрения словосочетания и даже отдельные слова, созданные путем семантического и/или структурного переосмысления. Как правило,

они маркируются разными формами графического выделения (звездочками, ромбиками, точками, стрелочками и т.п.) и помещаются под заголовками типа «Очепятки», «Де Садные опечатки», «Упечатки», «Обговорки», «Недослышки», «Оборотни речи» и т.д.:

- *Индпаршив*;
- *Кобельеро* (ЛГ. 2003. № 18);
- *Женщина ловкого поведения*;
- *Пенсионный финт* (ЛГ. 2003. № 19–20).

Таким образом, можно констатировать, что, во-первых, комические тексты минимальной структуры на страницах российских газет отличаются жанровым разнообразием, во-вторых, их релевантным признаком является стилистическая фигуральность, причем в создании комического эффекта участвуют фигуры, являющиеся прагматически мотивированными отклонениями от норм не только языковых, но и речевых, включая постулаты речевого общения. Представленное жанрово-стилистическое описание комических текстов минимальной структуры может быть использовано при составлении антологии речевых жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология речевых жанров : повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. 320 с.

2. *Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров // М. М. Бахтин. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Языки славянской культуры, 1997. С. 159–206.

3. *Стариченок В. Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 810 с.

4. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 560 с.

5. *Норман Б. Ю.* Игра на гранях языка М. : Флинта ; Наука, 2006. 344 с.

REFERENCES

1. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication. Ed. by K. F. Sedov]. Moscow, 2007. 320 p.

2. *Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov. [Problem of speech genres]. M. M. Bakhtin. Sobraniye sochineniy. T. 5. Raboty 1940 – nachala 1960-kh godov* [Works. Vol. 5. Works of 1940 – beginning of 1960]. Moscow, 1997, pp. 159–206.

3. *Starichenok V. D. Bol'shoy lingvisticheskiy slovar' [Large linguistic dictionary].* Rostov-on-Don, 2008. 810 p.

4. *Dementyev V. V. Nepryamaya kommunikatsiya. [Indirect communication].* Moscow, 2006. 560 p.

5. *Norman B. Yu. Igra na granyakh yazyka [Playing on the faces of the language].* Moscow, 2006. 344 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

А. А. Юнаковская
Омск, Россия

A. A. Yunakovskaja
Omsk, Russia

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖАНРА
«ПИСЬМЕННОЕ ПРОШЕНИЕ»
(НА МАТЕРИАЛЕ СИБИРСКИХ АРХИВОВ)**

**THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE GENRE «WRITTEN REQUEST»
(ON THE MATERIAL OF THE SIBERIAN
ARCHIVES)**

Аннотация. В статье рассматривается история прошения в русском делопроизводстве как жанра. Для иллюстрации их состава XVIII – начала XX в. используются документы сибирских архивов.

Анализ просительных документов показал, что они ориентированы на диалог между адресантом (нижестоящим) и адресатом (вышестоящими лицами), что отражает характер отношений власти и подчиненных и их языковую форму.

Первоначально рассматриваемые документы имеют менее стандартизированную форму, включают локальные показатели разных уровней.

Прошения начала XX в. уже являются стандартизированными образованиями, имеющими общерусскую форму.

Прошения разных периодов образуют сектор делопроизводства, отражающего непрерывность коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: просительные документы, челобитная, промемория, прошения.

Abstract. In the article is devoted the history of petition in Russian office management as a genre. For illustration of their composition in XVIII – the beginning of the XX centuries use the documents of the Siberian archives.

Analysis of the pleading documents showed that they are focused on the dialogue between the addressee (downstream) and the recipient (parent entities), which reflects the nature of the relationship authorities and subordinates and their linguistic form. Initially, the documents in question are less standardized, include local indicators of different levels. Initially, the instruments are less standardized, include local indicators at different levels.

The petitions of the early twentieth century. are already standardized entities with an all-Russian form. The petitions of the from different periods form office sector, reflecting the continuity communicative activity.

Key words: requestings documents, the petitions, promemoria.

Сведения об авторе: Юнаковская Алла Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Контактная информация: г. Омск, ул. Блюхера, д. 8, кв.85.

E-mail: a.yunakovskaja@mail.ru

About the author: Yunakovskaja Alla Anatolevna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of Historical Linguistics.

Place of employment: Omsk State University

Вопрос о процессе формирования русского делопроизводства с исторической точки зрения не является актуальным в современной научной литературе, в том числе изучение делового языка в аспекте образования репертуара жанров и их дальнейшего развития. Его часть составляют просительные документы (термин С. В. Русановой), которые требуют теоретического осмысления и практического исследования прежде всего как типовых моделей построения речевого целого. Данный подход позволяет проследить этапы их создания.

Для этого на первом этапе необходимо решить вопрос о достоверности архивного материала, который может относиться к 1) документальному типу (точно передающему свершившийся факт) либо 2) интерпретированному типу (излагающему события субъективно, сокращенно и т.д.). Однако данная классификация не является исчер-

пывающей, так как ряд источников совмещает признаки обоих типов.

Следует также определить такие понятия, как «**исторический текст**» и «**лингвистический источник**». Первый отражает языковыми средствами историческую картину и ее составляющие. Под вторым понимается единица опосредованного запечатления (закрепления) «языкового материала в виде слов или их элементов, обладающего определенным внутренним единством...» [1: 7]. При этом каждый архивный источник входит в систему документов, которая отражает эпохальное коммуникативное поле, включающее общерусские черты и региональные особенности.

В дальнейшем для рассмотрения исторического документа важным является понимание архивной единицы как лингвистического источника с точки зрения текстового устройства. При данном подходе необходи-

мо учитывать, что архивная единица может состоять как из одного документа, имеющего несколько зон, так и из нескольких документов, каждый из которых создан по определенным правилам. Поэтому в первом случае речь идет о **тексте**, во втором случае допустимо введение понятия **«текстовый фрагмент»**.

Архивные документы также отражают «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» [2 : 412].

Одним из подходов рассмотрения такого действия является «тематическое» исследование архивных источников. Так, работа с документами позволила выделить корпус источников, отражающих письменное взаимодействие власти и подчиненных, организованных согласно эпохальным правилам речевого поведения. Часть из них составляют прошения конкретных лиц или группы лиц к представителям власти различных уровней. Это «форма, которая исполняется содержанием диалогических отношений» [3 : 281], так как предполагает ответ-решение на подаваемую просьбу. Причем их основу составляют событийные данные, обрабатываемые профессиональными составителями деловых бумаг.

Подобные отношения отражают «просительные» документы. Наиболее распространенным среди них в русском делопроизводстве является **челобитная (челобитня, челобитье)**. Данный термин появился в последней четверти XVI в., заменив **жалобницу**, имевшую более узкое значение («акт, содержащий жалобу» [4 : 11]), а также **слезницу** (письмо со слезной просьбой, жалобой [5 : 648]). При этом какие-либо другие разновидности прошений неизвестны.

Появление новой разновидности вызвано изменением отношений внутри общества: от «домашних» между князем и его членами «княжеского дома» до «официально-иерархических» между царем и его подчиненными [6, 7].

В XVII в. данный документ приобрел несколько видов: это **исковая, явочная, изветная, повинная, мировая, отсрочная, ставочная, собственно челобитная** и др. Неподписанные челобитные назывались **подметными письмами**. В научной литературе отмечается, что составлялись они по определенной форме, являющейся практически единой по всей стране. Структура документа состоит из трех частей: **начальной клаузулы, основной части и конечной клаузулы**. (Под **клаузулой** понимается устойчивый, трафаретный отрезок текста). С

челобитной обращались как отдельные лица, так и социальная группа, т.е. адресант был «единичный» и «массовый».

Верх листа именовался **головой**, а площадь под текстом – **исподом**. Тексты лицевой и оборотной сторон имели четкие различия. В начале первой указывался царский титул («титла царская малая»), далее представлялся автор челобитья, перечислялись заслуги челобитчика. В заголовочной части челобитья формула **«бьет (бьют) челом»** (или **бьет челом и извещает, бьет челом и являет**) всегда располагалась между адресатом и сведениями о челобитчике. Отражение информации о событиях не имело четкого образца, а содержание просьбы писалось согласно принятым в делопроизводстве рекомендациям. На оборотной стороне представлялись те или иные пометы.

В дальнейшем в XVIII в. часть структуры челобитных по сравнению с предшествующим периодом подвергается модификации. Так, 1) меняется начальная формула, отражающая обращение к монарху (в случае написания челобитных на высочайшее имя): **Всепресветлейшему державнейшему есдру императору и самодержцу Всероссийскому есдру всемлстивейшему**; 2) вместо слова **сирота**, которое употреблялось в целях самоуничижения адресанта, стало использоваться слово **нижайший** или словосочетание **нижайший раб твой**. Очень важным является тот факт, что челобитные XVIII в. всегда подписывались [8].

В их структуре сохраняются 1) представление о собственных социальных характеристиках; 2) изложение обстоятельств дела и самой просьбы, которое производится по пунктам: (а) казусная часть с перечислением признаков правонарушений, (б) просительная часть с указанием на желательные действия. Переход от начальной формулы (начального протокола) к основной части осуществляется при помощи конструкции **(а в чем мое прошение, тому следуют пункты)**.

Наряду с челобитными в XVIII в. появляются новые виды просительных документов – **(всепокорнейшее) доношение** частного лица, **объявление, (покорнейшее) прошение, просьба, промемория/премемория**, которые имеют как общие, так и специфические признаки для каждой разновидности.

В данных документах отражены адресат (представители местных властей) и обращающийся/говорящий, исполняющий конкретные социальные роли и функции. Их иллюкативная цель проявляется в назначении документов, типе обращения, используемых языковых средствах (в том числе иллюкативных и перформативных глаголов,

лексических единиц, синтаксических конструкций).

Из перечисленных просительных документов одним из подтипов является **промемория/премемория** (от лат. *pro memoria* 'для памяти') – официальная бумага, докладная или памятная записка, просьба, прошение, подаваемая одним юридическим лицом другому, имеющая предшествующую историю, что составляет ее специфику. Данный документ, возникнув в конце XVII в., получил широкое распространение в XVIII в. и вышел из употребления к началу XIX в., что позволяет относить его к «краткосрочному» подтипу.

Промемория, доношение, прошение являются **текстовым фрагментом**, образующим наряду с опросами, рассказами свидетелей, различными опросами по делу, реестрами имущества, царским указом и т.п. единый документ.

Можно привести пример просительного фрагмента как части общего.

Великому Господину Преосвященному Антонию митрополиту Тобольскому и Сибирскому

Бьет челом Тобольского посацкого Ивана Григорьева сына Соболева жена Федосья Иванова на оного мужа своего Соболева, а в чем мое прошение о том значатся следующие пункты.

1.

В прошлых годах назад тому четвертой год вышла я нижайшая заоного Соболева втором браком женившиася вдовою замужество ...

2.

Оный муж Соболев сначала бытия моего за ним замужете пьет всегда безобразно и в том пьянстве... Иногда бывает временем трезвой. Бьет меня нижайшую без всякой моей вины безчеловечными побой напрасно каковыя претерпевала чрез вечную силу ...

3.

Сего марта 5 числа ввечеру, означенной муж мой Соболев бывши подхмелями бил меня нижайшую безвинно палкою и топтал ногами и искусал всю зубами ... и более претерпевать таковых побой воного мужа моего ... немочно ...

4.

... О том ведают : ставшия на квартире солдаты Иван Никифоров с товарищи. Всего четыре человека. В том числе один урядник ...

5.

...Ктому же все мое платье приданое пропивает ... Того ради Преосвященству Вашему слезно и всепокорнейше прошу дать благоволено ... вышепереченного мужа моего Соболева ... сыскать и противу моего прошения допросить и о всегдашних безчеловечных его побоях ... и о том учинить ... разсмотрительную резолюцию 1744 год марта 9.

Ивановой ее прошение к консистории копист Савва Трофимов руку приложил». (ГУ «ГА в г.Тобольске» Ф. 156. Д. 251. Л. 1-1 об.).

Данный документ состоит из нескольких частей. Это: 1) обращение к духовному лицу (к кому *челом бьют*); 2) информация о просителе, размер которой зависел от положения в социальной иерархии (кто *бьет челом*); 3) суть просьбы; 4) заключительная формула (*руку приложил*); личная подпись. Переход от начального протокола к основной части осуществляется при помощи определенной конструкции (*а в чем мое прошение о том значатся следующие пункты*). Затем отражаются оцениваемые читающим события, которые формируют специфическую часть документа.

Местный судья (читающий первой инстанции) рассматривал события, вызывающие конфликт (муж объяснил, что бьет «за прекословье, за бранье, за домашнее ослушание»). В «Заключительном царском указе» по делу, представляющем читающего второй (окончательной) инстанции, поведение посадского Соболева названо «непотребством» (избиение подтвердили свидетели), а Федосье «повелено жить с ним, ...жители в законном браке... по жизни своей»: представлено частное исполнительное решение по конкретному делу. В данном случае отражена двухступенчатая система рассмотрения вопроса и вынесения решения, а также двухуровневый адресат. Несмотря на «отрицательное» решение для обращающейся с просьбой, можно говорить о том, что диалог на официальной основе состоялся.

Со 2-й половины XVIII в. в делопроизводстве закрепляется название «**прошение**». Данный документ адресовался первому лицу, в местные органы (земской суд, городской магистрат и т.п.) с просьбой о решении личных или мелких общественных дел. Он представлен в архивах в нескольких видах: как а) часть общего дела с делением на пункты (*о чем следующий пункт*); б) часть общего дела без деления на пункты; в) единый текст (самостоятельный документ с перечнем всех лиц, обращающихся с просьбой, с указанием положения в социальной иерархии в конце документа).

В 1786 году 19 февраля выходит «Указ ея ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА... самодержицы Всероссийской, из Правительствующего Сената ... Об отмене употребления слов и речений в прошениях на высочайшее имя и в присутственные места подаваемых челобитен». В нем говорится о том, что «...от ныне впредь вместо подаваемых... **челобитень** ... писать **жалобницы** или **прошения**, в коих после титула ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА вместо **бьет челом** ставить **приносил жалобу**, или **просит имя рекъ**... в

присылаемых же ... письмах и реляциях или донесениях по окончании оных вместо всеподданнейшего раба подписывать просто **всеподданнейший** или **верный подданный**...». В данном случае можно говорить о возврате термина **жалобница**, связанного с демонстрацией политики об отеческой заботе о подчиненных (в том числе и служилых). Однако исследователи сибирских архивов отмечают, что данное название документа встречается крайне редко.

В дальнейшем продолжается работа по регламентации делопроизводства. Так, начиная с XVIII в., появляются сборники образцов документов – письмовники, цель которых – дать полное руководство о порядке производства дел в присутственных местах с описанием «обряда делопроизводства» и приложением форм документов. (Вышло более 100 сборников до 1917 г.) В начале XIX в. М. М. Сперанским была осуществлена реформа ведения дел. В 1832, 1842, 1857 гг. и последующие годы издаются своды законов, регулирующие делопроизводство. В результате сформировалась общероссийская система составления и обращения документов.

Важную роль в делопроизводстве сыграло появление пишущих машинок: сократился объем дел, время создание текстов, появилась возможность для создания копий документов и т.п. Можно привести пример печатного оформления документа начала XX в.

***В Омскую Духовную Консисторию**
крестьянки Самарской губернии
Ново-Изюмского уезда, Куриловской
волости, живущей в г.Омске по
Екатерининской улице дом 45
по Делу*

*с мужем моим крестьянином Самарской
губернии Федором Минаевым, живущем
на Атаманском хуторе Телятниковская
дом № 6-81 Халаимова*

Пршение.

Въ 1908 году я вышла замужъ за Федора Афанасьева, но между мужем и мной пошли нелады, и я стала замечать, что муж мой живет с другой женщиной. Мои подозрения оправдались: мужь мой сошелся съ девицей Наталіей Ивановной Кручениць. И вотъ уже восьмой годъ, какъ проживааетъ с ней совместно жизнью. О нарушении супружеской верности моимъ мужемъ могутъ подтвердить свидетели: Елизавета Васильевна Филиппова, жит. в городе Омске Вокзальная ул. Дом № 179, Иван Петрович Симбирский и жена его Анна Федотьевна жит. в г.Омске Вокзальная ул. д.№ 179, – а также прошу вызвать в присутствии консистории кроме упомянутых свидетелей и прикосновенную к делу Наталію Кручениць жит. на Атаманском хуторе Телятниковская дом № 81/6 Халаимо-

ва, от увещания я отказываюсь, а также прошу допросить свидетелей без моего присутствия.

При сем прилагаю метрику о браке, справки адресного стола о месте жительства моего мужа и его сожительницы Кручениць.

*9 августа 1917 г. Анна Афанасьева (ГИАОО.
Ф. 16. Д. 224. Л. 1).*

Хранящиеся в архивах подобные прошения состоят из нескольких частей: 1) обращение к духовному ведомству; 2) социальная информация о просителе (с упором на законнорожденность и занимаемое положение); 3) суть прошения (повествовательная и просительные части); 4) число и личные данные о просителе (имя и фамилия). В ряде аналогичных документов делается пометка о неграмотности подающего просительную бумагу. Пршение наряду с выпиской из Омской духовной консистории, обыском брачного, метрикой о браке, показаниями свидетелей и т.п. образует единый документ.

В начале XX в. прошения имеют форму, отличную от предшествующих периодов. Это: 1) адресатом является не конкретный представитель власти, а учреждение; 2) данные, включающие указание места рождения, адрес проживания просителя, располагаются в правом верхнем углу; 3) в деле отражаются адреса проживания участников конфликта и свидетелей; 4) не указывается составитель документа; 5) личные данные просителя располагаются в конце документа.

Для данного документа характерны: 1) точность изложения информации, которая не допускает различных толкований; 2) использование определенной клише при передаче информации и языковых единиц, отражающих функционально-стилистическую направленность: а) разные слою юридической терминологии (*свидетели, метрика о браке, присутствие консистории* и т.п.); б) книжные слова, имеющие юридическую «окраску» (*нарушение супружеской верности, сойтись съ девицей, сожительница, прикосновенная к делу, увещания* и т.п.); в) глаголы с семантикой долженствования / необходимости (*прошу вызвать, прошу допросить* и т.п.). Однако при составлении прошений, несмотря на его устоявшуюся форму, проявляются навыки и способности чиновника как языковой личности, отражающей ту или иную ситуацию. Это подтверждается анализом хранящихся в архивах документов.

Несмотря на тот факт, что после событий 1917 г. возникает делопроизводство на принципиально новых основах, работа с архивными документами показала, что существует определенная преемственность в использо-

вании просительных документов. Так, **челобитная** является предшественницей современных **заявлений** (в том числе **исковых**), **жалоб**, **писем-просьб**, **ходатайств**, **обращений** к руководителям разных уровней и т.п.

Итак, рассмотрение сибирских архивных источников позволяет проследить тенденцию развития просительных документов: от существования в нескольких подвидах до единой стандартизированной формы.

Первоначально особенностью подобных обращений к представителям власти является совмещение речи обиженного (первичного высказывания о рассматриваемых в ней событиях), «облагораживаемой» мелким подьячим, и канцелярской формы, имеющей определенную организацию с возможностью вариативности при изложении сути конкретного дела. В результате в документе наблюдается совмещение различных лексических групп: это а) книжные слова и обороты, б) разные слои юридической терминологии, в) слова и словосочетания обиходно-разговорной речи, г) локализмы.

К началу XX в. прошение как частно-деловой жанр приобретает типовую модель построения с набором жанрово-стилистических средств, фондом единиц терминологического характера, исключающим использование локализмов. Тем не менее не исключается влияние канцеляриста при создании документа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М. : Наука, 1964. 312 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
4. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 164 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1983. 816 с.
6. Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи : в 2 ч. Ч. II. Филологический метод анализа документов. М. : Изд-во МГУ, 1988. 120 с.
7. Русанова С. В. Челобитная в кругу региональных документов XVIII века // История регионального текста : жанр – стиль – язык / под ред. Т. П. Рогожниковой. Омск : Вариант-Омск, 2012. С. 56–73.
8. Копосов Л. Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности: учеб.

пособие к спецкурсу. М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1991. 83 с.

ИСТОЧНИКИ

ГУ «ГА в г. Тобольске» – ГУ «Государственный архив в г.Тобольске». Ф. 156. Д. 251. Оп. 1. «Дело о несогласном житье жены посадского Соболева со своим мужем» (1747 г., 45 л.).

ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области. Ф. 16. Д. 224. «Дело о расторжении брака Анны Ивановны Афанасьевой с мужем Федором Минаевым по его прелюбодеянию» (1917 г., 25 л.).

REFERENCES

1. Kotkov S. I., Pankratova N. P. *Istochniki po istorii russkogo narodno-razgovornogo jazyka XVII – nachala XVIII veka* [Sources on the history of the Russian people's spoken language of the 17th – early 18th century]. Moscow, 1964. 312 p.
2. *Lingvisticheskiy jenciklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedia]. Moscow, 1990. 685 p.
3. Bakhtin M. M. *Aestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 423 p.
4. Volkov S. S. *Leksika russkih chelobitnyh XVII veka. Formuljar, tradicionnyye aetiketnyye i stilevye sredstva* [Vocabulary of Russian petitions of the 17th century. Form, traditional etiquette and style means]. Leningrad, 1974. 164 p.
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language. Ed. by N. U. Shvedova]. Moscow, 1983. 816 p.
6. Kachalkin A. N. *Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoj jepohi: v 2 ch. Chast' II. Filologicheskij metod analiza dokumentov* [Genres of Russian document of the pre-Petrine era: in 2 pt. Pt. II. Philological analysis of documents]. Moscow, 1988. 120 p.
7. Rusanova S. V. *Chelobitnaja v krugu regional'nyh dokumentov XVIII veka* [Petition with your regional instruments of the 18th century]. *Istorija regional'nogo teksta: zhanr – stil' – jazyk* [Regional text: genre – style – language. Ed. by T. P. Rogozhnikova]. Omsk, 2012, pp. 56–73.
8. Kopusov L. F. *Izuchenie istorii russkogo jazyka po pamjatnikam delovoj pis'mennosti: Uchebnoe posobie k speckursu* [History of the Russian language on the monuments of business writing]. Moscow, 1991. 83 p.

SOURCES

SE «SA in Tobolsk» – «The State archive in Tobolsk». F. 156. C. 251. «The thing about dissentient life wife Posad Soboleva with her husband» (1747, 45 sh.).

SHAOR – «The State historical archive of the Omsk region». F.16. C. 224. «Divorce proceedings Anna Ivanovna Afanasyeva and her husband, Fyodor Minayev in his adultery» (1917, 25 sh.)

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 398.23(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)

С. Г. Воркачев
Краснодар, Россия

S. G. Vorkachev
Krasnodar, Russia

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ
ЛИНГВОИДЕОЛОГЕМЫ «НАРОД»
В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ
РУССКОГО АНЕКДОТА

IDEOLOGICAL WORD “PEOPLE”
AS CARNIVALIZATION
IN RUSSIAN ANECDOTES

Аннотация. Описывается вербализация идеологического концепта «народ» в текстах русского анекдота, исследуются автостереотипы русского этноса в смеховом контексте, делается вывод о том, что национальный характер по данным речевого жанра анекдота совпадает с национальным характером в целом.

Ключевые слова: народ, анекдот, лингвоидеологема, менталитет, национальный характер, карнавализация.

Abstract. The verbalization of the ideological word “people” in Russian anecdote texts is described, and the Russian ethnic self-stereotypes in humoristic context are studied. It is concluded that the Russian national character after anecdote data corresponds to the Russian national character as a whole.

Key words: people, anecdote, ideological word, mentality, national character, carnivalization.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры научно-технического перевод.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

E-mail: svork@mail.ru; svork@kubstu.ru

About the author: Vorkachev Sergey Grigorievich, Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of Science-tech Translation Department.

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

Понятие «народ» на протяжении, как минимум, ста лет русской истории отличается особой «пафосностью» и демагогическим потенциалом – именно к его благу обращается любая российская власть для оправдания своих деяний, как добрых, так и злых.

Слово «народ» крайне двусмысленно и в силу этой двусмысленности в политическом дискурсе активно используется в манипулятивных целях.

Все это не могло не вызвать в массовом обыденном сознании желания как-то снять пафосное напыление с этого понятия и спустить его с идеологического Олимпа на грешную землю, что и осуществляется путем его карнавализации: временного отступление от высоких и общепринятых идеалов, инверсии социальных структур. В «карнавальных метаморфозах» присутствуют практически все виды комического и используются почти все приёмы его создания: ирония и самоирония, насмешка и насмешка над собой, сарказм, гротеск, парадокс (о карнавализации универсалий духовной культуры – счастья, любви, родины, справедливости см. [1 : 169–180; 2 : 217–240; 3 : 191–201, 223–229]).

Материалом для описания «смехового» подхода к лингвоидеологеме «народ» послужили тексты бытового анекдота, взятые из соответствующих сборников и Интернета¹.

Российской анекдот в последнее время был объектом пристального внимания лингвистов (см. [4–11 и пр.]), уже изучены его речевые свойства и выделены предметные области его бытования, задаваемые не в последнюю очередь действующими в нем персонажами: анекдоты о Вовочке, Чапаеве, Штирлице, поручике Ржевском, политических деятелях, представителях национальностей, сумасшедших, дистрофиках, наркоманах и пр.

Анекдоты о народе, естественно, лучше всего вписываются в рубрику этнических анекдотов, в которых карикатуризируются как отрицательные, так и положительные свойства национального характера, взятого как самого по себе, так и на фоне другого народа. Русский народ в них чаще всего фигурирует в образе своих отдельных представителей: просто русских, «новых русских», му жиков, работяг и пр., а речь идет об их отношениях с властью, друг с другом и с представителями других национальностей.

В анекдотах высмеиваются тупость, холостство, показушность и невежество вла-

¹ Рубис О. Г. Анекдоты. Сборник : А вас... я попрошу остаться. М., 1997 ; Гитин В. Г. Корабль дураков, или Афоризмы житейской мудрости : От А до М. М., 2004; а также сайты Рунета wikiquote.org/wiki, anekdot.ru, youfrase.ru, libreria.ru, liveinternet.ru.

стей, а также податливость подвластного народа: «*Рабочий* каждый день приносит с собой на завод завтрак – бутерброд с килькой. Однажды к нему подошел *секретарь парткома*: – Завтра завод посетит иностранная делегация, так что ты, Иванов, возьми из дому что-нибудь получше! Назавтра Иванов на глазах иностранцев развернул и съел бутерброд с черной икрой! – Молодец, не подкачал! – говорит ему потом секретарь. – Как это тебе удалось достать черную икру? – Всю ночь не спал, глаза из килек выковыривал».

В анекдотах о самом себе русский народ иронизирует над собственной простотой, которая, как известно, хуже воровства, ленью, тягой к зеленому змию, завистливостью, бедностью, бесхозяйственностью и невежеством: «Как повысить цены так, чтобы *народ* одобрил? – Очень просто. Сначала нужно объявить, что цены будут повышены в три раза. *Народ* станет возмущаться. Затем нужно повысить цены на 50 процентов. *Народ* вздохнет с облегчением и скажет: “Как хорошо!”»; «Встречаются два *мужика*: – Иван, а что это у вас пшаница не растет? – Дык не содим ведь! – А че не содите? – Дык не растет!»; «А вы тоже лежите на гвоздях? – допытываются корреспонденты у *российского* йога. – А то! Как выпьешь, так на чем только не валяешься: на гвоздях, на битых бутылках, под забором, в луже»; «Простите, вы *русский*? – Судя по зарплате – да»; «Что такое *русский* бизнес? – Украсть ящик водки, водку продать, деньги пропить».

Само собой разумеется, в этих анекдотах в полном соответствии с жанром речь идет исключительно об отрицательных чертах русского национального характера.

Значительный пласт современного русского фольклора представлен соревновательными, «агональными» анекдотами: «Встретились как-то русский, американец, англичанин, француз, поляк и пр...». Русский протагонист этих встреч, достойный наследник сказочного Ивана-дурака, выигрывает в любом споре и побеждает в любом соревновании, проявляя удаль молодецкую и русскую смекалку, но в победах этих ощущается явная самоирония: «Три солдата соревнуются в меткости стрельбы. *Англичанин* попал из винтовки в спичечный коробок на расстоянии 200 метров. *Француз* попросил подбросить две монеты и двумя выстрелами попал в них. *Русский* стоял, смотрел по сторонам, потом поднял голову: – Слышите, комар летит? – Слышим. Русский выстрелил, но комариный писк продолжался. – Не попал, летает! – радостно закричали все. – Летать-то он будет, а вот размножаться –

никогда!»; «Спорят *француз, англичанин и русский*, у кого жена стройнее. *Француз*: – Я покупаю галстук, а жена из него делает себе платье. *Англичанин*: – А моя жена недавно мылась в ванне и случайно открыла пробку, так ее чуть не утянуло в трубу. *Русский*: – А я вот уйду на работу, хлопну свою жену по задку, а когда прихожу домой – зад еще колыхнется. – А к чему вы это рассказали? – К тому, что в нашей стране самый короткий рабочий день!»; «Поймали дикари *немца, француза, русского и американца*. Говорят пленникам: “Прежде, чем вас сожрать, мы исполним ваши последние желания”. *Немец* захотел пива. Дикари обшарили все джунгли – принесли ему кружку баварского пива. Потом его съели. *Француз* захотел женщину. Короче, тоже было исполнено. И потом тоже был съеден. Настала очередь *русского*. – Твое последнее желание? – Дайте мне пинка под зад. – И больше ничего?!?! – Только пинка под зад... Вождь дал Ваньке пинка под зад. Ванька из-под полы достает “Калашникова” и все племя косит... Американец спрашивает у русского: мол, почему же ты не вступился, когда убивали немца и француза. На что русский ответил: – *Русские люди* – мирные люди. Нас не трогают – и мы не трогаем».

«Россия – Родина приоритета» – в этих анекдотах высмеивается стремление русского этноса первенствовать во всем: «Кто изобрел рентген? – В XXII веке его уже знал русский приказный Иван Пушкив. Согласно летописи, он говаривал своей жене Марфе: “я тебя, стерва, насквозь вижу!”»; «В зарубежной печати можно встретить утверждения, будто закон всемирного тяготения изобрел англичанин Ньютон, – говорит лектор. – Однако еще задолго до Ньютона закон этот действовал на Руси»; «Англичанин: “У нас в раскопках XVIII века нашли кусок проволоки, что говорит о существовании проволочного телеграфа”. Русский: “А у нас ничего не нашли, что говорит о существовании беспроволочного телеграфа”».

В агональных анекдотах наблюдается своего рода этическая конверсия – «родные пороки» (тяга к зеленому змию, «раскрепощенное» отношение к чужой собственности») превращаются чуть ли не в достоинства: «Поймали туземцы на острове русского, француза и американца. Говорят: тот из вас будет жить, кто выпьет наше зелье, выколет глаз дракону, живущему в пещере; и изнасилует нашу женщину. Глотнул американец зелья – загнулся. Француз выпил этой дряни и пошел к дракону – тот его и сожрал. Выпил русский ведро их зелья, пьянувший залез в пещеру – оттуда вой, грохот, крики. Через

полчаса выходит и говорит: «Ну, где та баба, которой надо глаз выколоть?»; «Поспорили русские, англичане и французы, кто дольше в холодильнике просидит. Англичане взяли с собой карты, виски и залезли. Просидели день – не выдержали и вылезли. Французы взяли вино и баб. Просидели два дня и тоже вылезли. Русские взяли самогон и закуску. Неделю сидят, вторую. Думают, замерзли они там, надо посмотреть. Открывает человек дверь, а ему пинок по морде и дверь снова закрывается. Голос из рефрижератора: – Ваня, за что ты его? – Тут и так холодно, а он еще дверь открывает!»

Недостатки родного быта здесь сказочным образом превращаются в преимущества: «Американец, англичанин и русский хвалятся прочностью своей резины. – У нас один упал с 100-го этажа, – говорит американец. – К счастью, он приземлился на ноги, подошвы спружинили, и он снова взлетел на 100-й этаж. – У нас один отплыл на корабле, – говорит англичанин. – Когда корабль отошел от порта на 100 миль, его потянуло назад и притащило обратно в порт. Оказалось, что наш путешественник зацепился подтяжкой за причал. – А у нас один в лифт свалился. Сам – вдребезги, а галоши целы».

В конце XX в. от бывшего «советского народа» путем партеногенеза отделилась еще одна нетрадиционная часть: «новые русские (украинцы, казахи и пр.)», и русский народ «обновился».

«Новые русские» – нувориши, внезапно разбогатевшие и прыгнувшие из грязи в князи представители собственно народа (не-элиты), породили на сегодняшний день, пожалуй, наиболее объемный цикл анекдотов. Вчерашний «собственно народ», в одночасье ставший экономической элитой и сохранивший отнюдь не-элитные привычки и черты характера, у «старых русских» вызывает смешанные чувства: зависть, гордость, одобрение и осуждение – ведь все это мы, которым повезло.

Высмеиваются их опереточный «прикид»: малиновый пиджак, золотая цепь на шее, кольца («гайки»), сотовый телефон: «Приезжает *новый русский* с Ривьеры и рассказывает браткам: – Думал я, думал, как на народ впечатление произвести, ну и решил с аквалангом поплавать. Ну одел я акваланг, поплавал, вышел на берег, и тут все от меня просто притащились!!! – А чего так? – Ну, вы же знаете мой прикид: малиновый пиджак, зеркальные очки, сотовый телефон»; «Умер *новый русский*. Лежит в гробу. Пальцы в кольцах, на шее цепь – сенбернара удержит, ну и все остальное в

том же духе. Проходит мимо старушка, смотрит на него и говорит: – Живут же люди»; «Какой компьютер у *нового русского*? – 600-й Pentium, малиновый монитор и клавиатура на два пальца».

Высмеиваются бескультурие, бездуховность и невежество «новых русских»: «*Новый русский* достал плошку, туда налил воды, ароматических масел, лепестки розы положил, травы разные. Час держал там руки, полоскал. Потом достал пилку, поточил ногти со всех сторон. Тоже около часа. После этого стал покрывать ногти бесцветным лаком, чтоб блестели. Еще час угробил. Потом, после 3-х часового маникюра, лег спать. Утром встает – под ногтями грязь и воняют пальцы. Посмотрел он на это дело и говорит: – Мля!!! Опять во сне чесался!!!»; «Привел *новый русский* к себе в особняк другого нового русского и чтобы как-то его развлечь, решил показать свою картинную галерею. – Слышь, братан, а кто автор этой картины? – Пикассо или Паджеро, не помню. – А чего ж ты покупаешь и автора не помнишь? – Да так замотался, купил в один день эту картину и джип»; «*Новый русский* приходит в книжный магазин: – Мне, пожалуйста, книжку, “30 щенков”. – Что, что? – Книжка, называется, “30 щенков”, дочка просила очень... – У нас нет, наверное, что-то я не знаю такой, а кто автор? – Да вот тут дочка написала что-то такое... Смотрят – написано “ЗОЩЕНКО”»; «Сидят двое *новых русских* в концертном зале, слушают. – Слышь, это Бах или Бетховен? – Не знаю, он к нам спиной стоит»; «Летит *новый русский* на самолете в Германию. Стюардесса объявляет: – Наш самолет через несколько минут приземлится в городе Баден-Баден. *Новый русский* (недовольный голос, распальцовка): – Ну, в натуре, что два раза-то повторять? Не лохи же летят»; «*Новый русский* покупает Рембрандта и спрашивает: – А гарантия есть, что это не поддельный Рембрандт? – Да, есть, три года!!!».

Высмеиваются их тупоумие, жадность и алчность, пресыщенность, толстокожесть, бездушность и показушность: «Какие десять лет жизни *нового русского* самые трудные? – С первого по пятый класс»; «*Новый русский* купил телевизор. Привозит домой, включает... Телевизор не налажен и показывает в черно-белом изображении. Новый русский стучит по нему кулаком и орет: – Ну, в натуре, кругом жулье! Вчера в мерс бензин недозаправили, сегодня в телевизор краски не налили!»; «Приходит как-то *новый русский* к себе на фирму и обращается к своему коммерческому директору: – Ты знаешь, Федя, а я ведь гений!!! – С чего это ты взял? –

Да вот конструктор себе купил. На нем написано “От 3-х до 7-и лет”, а я всего за месяц собрал!»; «Сидят значит два *новых русских* за столом в ресторане, ну один другому и говорит: – Люблю, когда цветы на столе стоят. – Ты че, вегетарианец?»; «*Новый русский* сидит на банкете. Все сожрал, из глотки лезет, но все равно, давится, но ест. Рядом англичанин вилкой что-то ковыряет. Русский: – А что это вы не едите ничего? Англичанин, надменно: – А я ем, когда мне хочется. – Как скотина, что ли?»; «Встречаются двое *новых русских*: – Слушай, в натуре, такой “Мерседес” себе на заказ сделал – отпад! Колеса платиновые, корпус золотой, руль алмазами инкрустирован, сиденья – из крокодиловой кожи, панелька изумрудная... – Класс! И скорость, наверно, офигительная? – А я не езжу – бензина много жрет, собака!»; «Купил *новый русский* золотой телевизор. Приходят к нему его дружки, тоже новые русские, посмотрели на это дело и спрашивают: – Слушай, так как этот телевизор смотреть? Он им отвечает: – Э, братки, этот телевизор не смотреть, а показывать надо!»; «Как-то раз въехал *новый русский* на своем “Мерседесе” в столб на скорости 100 км/ч. Сидит: – Емое, мой новый “Мерседес”, о-о-о, мой новый “Мерседес”, о-о-о... Друг ему: – Вась, глянь, у тебя ж руки нет!!! – О-о-о, мой новый “Ролекс”!»; «*Новый русский*, пресытившийся жизнью, все видевший и все имеющий, загорает на пляже и вдруг видит в воде золотую рыбку, цап ее и говорит: – А ну-ка, придумай мне три желания!».

Конечно, себе мы все прощаем и к некоторым «слабостям», созвучным нашей широкой душе, – купеческому размаху, неумению и нежеланию считать деньги и прочим проявлениям русского максимализма – относимся вполне снисходительно: «*Новый русский* с дамой заходит в ювелирный салон. Пока дама выбирает украшения, *новый русский*, скучая, стоит в сторонке – вертит на пальце ключи от “Мерседеса”. Проходит полчаса. Дама бежит от витрины к витрине, выбирая себе драгоценности. Новый русский (обращаясь к продавцу): – Слышь, ты, мужик, давай заверни мне вот ту витрину, еще ту, и эту – пусть дома разбирается, а то меня, блин, братаны в казине ждут»; «*Новый русский* посидел в ресторане, неплохо набрался, решил ехать домой. Свой джип жалко по пьяни бить – ловит тачку. Поймал первую попавшуюся – троллейбус и говорит водителю: – Гони домой! – Куда? – В Зеленоград! – Дык как я туда доеду – проводов туда нет? – На тебе тысячу баксов и вези: Водитель быстро нашел где-то аккумуляторов, присобачил, едут. Подъезжают к Зеленогра-

ду. Водитель: – Дальше ехать не могу – видал, как все перекопано. Новый русский мутными глазами смотрит в окошко, бьет себя по лбу: – Блин! Это же я вчера домой на метро возвращался!»; «Два *новых русских* приходят в автосалон, выбирают себе “Мерседесы”. – Мне вот этот, этот, этот... И вот этот... Надо расплачиваться. Один достает пачку денег, а другой ему и говорит: – Слушай, братан, ты же за такси платил»; «Один *новый русский* другому: – Я себе шестисотый “Мерседес” взял. – А ну покажи. Заходят в гараж. – Первый, второй, ... 600!»; «Приезжает *новый русский* на роскошный курорт. Выходит из поезда... на лыжах! Тут ему и говорят: – Вы что, у нас же здесь снега отродясь не было, даже в ледниковый период! – Фигня, снег приезжает следующим поездом».

Высмеиваются занудство и доверчивость «новых русских»: «Приходит *новый русский* в магазин и спрашивает у продавщицы: – А это у вас что? – Яблоки. – Дайте мне 10 кг и каждое в отдельности заверните. – Но мы так не делаем, и плюс это будет дорожке стоить. – Я заплачу. Бедная продавщица выполняет заказ. – А что это там у вас еще? – Апельсины. – Взвесьте мне 10 кг и заверните каждый отдельно. – Но это же будет дорожке! – Ничего, я заплачу. Действия повторяются. – А чего это там у вас еще? – Изюм, но он не продается»; «*Новый русский* входит в магазин и спрашивает красной материи, очень четко выраженного красного цвета, чтобы была не слишком толстая, не слишком тонкая. Одну за другой продавщица приносит ткани, перечисляет цены, расхваливает качество; все прилавки завалены горами тканей. Прошел час, наконец, *новый русский* нашел то, что искал. – Сколько метров? – спрашивает продавщица. – Вы знаете, я привез из-за бугра куклу, так у нее язычок куда-то потерялся».

Высмеиваются даже редкие приступы милосердия нового русского: «*Новый русский* выходит из тачки и идет к офису. Навстречу ему – старушка. Согнулась, старая, в три погубели, еле ноги волочит, а в вытянутой руке – кружка. В голове нового русского мгновенно проносится: “Одинокая старость... инфляция... рыночные цены... нищенская пенсия...” Ему вдруг становится жалко старушку, он нащупывает в кармане завалившийся металлический столовый прибор, вынимает его и бросает в кружку. И неожиданно слышит истошный вопль старушки: – Иро-о-о-од! Ты мне что в сметану кинул?!?».

Высмеивается и факт самоуничтожения нового русского: «*Новый русский* в Испании

на отдыхе ужрался и отправился смотреть корриду. Естественно, купил места на первый ряд. В середине представления от выпитого и жары уснул и свалился на арену. Очнулся – бык прет прямо на него. Быстро снимает пиджак, золото и зарывается в песок. Бык брезгливо обнюхивает его и уходит. После представления нового русского спрашивают: – Как вы так быстро догадались, что надо снять красный пиджак и все остальное? – Так ведь бык умный, он на людей не кидается».

Происхождение достатка, билет на вход в экономический элитный клуб нового русского жестко связывается с криминалом: «Журналист берет интервью у *нового русского*, крупного бизнесмена: – Как к вам пришли первые деньги? – Как вам сказать... Кстати, это ваш кошелек?»; «*Новый русский* покупает квартиру и спрашивает: – А это тихая квартира? – Очень тихая! Предыдущего владельца пристрелили, так никто и не услышал!»; «Два *новых русских* встречаются после долгой разлуки. – Ты кем работаешь? – Да вот, понимаешь, киллером. А ты? – А я банкир теперь. – Хм... Ну, тогда еще встретимся!»; «Приходит *новый русский* в туристическое бюро. Как положено, раскатал пальцы, сделал скучную рожу, все дела... Ну, к нему тут же подбегает менеджер: – Чего изволите? – Отдохнуть я собрался. Хочется чего-нибудь крутого. – Может быть, желаете на Багамы? – Не-е. Это уже было. Хочу что-нибудь особое. Сам понимаешь, братишка, надо отвлечься от проблем, от работы. – Да, да, понимаю. Ну... хотите в Альпы? – Да не-е. Тоже было! – Я знаю, что вам нужно – САФАРИ. – А это как? – На джипе покатаетесь, постреляете... – Это как на работе, что ли?!»; «Пасха, встречаются два *новых русских*: – Христос воскрес! – Мля, базара нет, что делать будем?! Снова шлепнем или пока на бабки поставим?».

Основным средством создания комического эффекта в анекдотах о «новых русских» выступает игра слов, основанная на полисемии: «*Новый русский*, с трудом осилив книгу “Анна Каренина”, понял, что на богатых *наезжали* еще в XIX веке»; «В чем сходство *нового русского* и картофеля? – Или весной *посадят*, или осенью *уберут!*»; «Изготовлен специальный конструктор для детей *новых русских*: “Разборки”»; «Один *новый русский* разговаривает с другим: – Ты че, правда что-ли взял дом престарелых под крышу? – Ну. – А с какой стати-то? – А мне сказали, там *бабок* немеряно»; «Жил *новый русский* на девятом этаже и все время пешком ходил. На вопрос, почему он

лифтом не пользуется, отвечал: – Ага, чтобы эта *деревяшка* меня каждый день *опускала!*»; «Идут двое *новых русских* к третьему на день рождения. Тут один из них вспоминает, что именинник ему звонил и просил купить петрушки, укропа и прочей *зелени* для салата. – Погоди, – говорит, – Серега просил ему *зелени* купить. – Нет проблем! Сейчас в ближайшей обменке курс глянем»; «Звонит *новый русский* домой: – Але, тетя Катя, мне б с мамой поговорить! – Да она по хозяйству вышла – с топором на *крышу* полезла. – С топором! На *крышу!* Ну у вас и беспредел!»; «Встречаются два бывших одноклассника. Один *новый русский*, другой кроликовод. Новый русский: – Здорово, Вася, как дела, чем занимаешься? – Да ничего, вот кроликов *разводим*. – Ну ваще! Надо братве рассказать! Кроликов мы еще не *разводили!*»; «Заходит мужик к соседу – *новому русскому*, и говорит: – Слушай, почему твой *козел* в моем огороде капусту нюхает? – Потому что *козел*. Не знает, что деньги не пахнут»; «Подходит раз спортсмен к *новому русскому* и говорит: – Вот вы, например, *за сколько* пробежите 100 метров? Тот думал, думал и говорит: – Баксов за пятьсот, не меньше!».

Если внимательно всмотреться в образ нового русского народа, создаваемый в анекдотах о новых русских, то, по большому счету, можно убедиться в сермяжной правоте соответствующего анекдота: «Знаешь, чем отличаются *новые русские* от старых? – Старые в носу пальцем ковырялись, а новые антенной мобильного телефона» – за исключением малинового пиджака и прочих внешних атрибутов менталитет нового русского по отношению к менталитету русского вообще («старого») особых изменений не претерпел: это все тот же купеческий размах («максимализм»), вороватость, любовь к халяве и выпивке, доверчивость, низкий уровень общей культуры, любовь к пусканию пыли в глаза, противоречивость характера – щедрость и жадность, тупость и сообразительность и пр. Что называется, новые русские от ворон отстали, а к павам не пристали.

Таким образом, наблюдения над функционированием лингвоидеологемы «народ» в российском анекдоте позволяют прийти к следующим выводам.

Анекдоты о народе, естественно, лучше всего вписываются в рубрику этнических анекдотов, в которых карикатуризируются как отрицательные, так и положительные свойства национального характера, взятого как самого по себе, так и на фоне другого народа.

В анекдотах о самом себе русский народ иронизирует над собственной простотой, ленью, тягой к зеленому змию, завистливостью, бедностью, бесхозяйственностью и невежеством.

Значительный пласт современного русского фольклора представлен соревновательными, «агональными» анекдотами, где высмеивается стремление русского этноса первенствовать во всем, где наблюдается своего рода этическая конверсия – «родные пороки» превращаются чуть ли не в достоинства, а недостатки родного быта здесь сказочным образом превращаются в преимущества

В конце XX в. от бывшего «советского народа» отделилась еще одна нетрадиционная часть: «новые русские» – нувориши, внезапно разбогатевшие представители собственно народа. Вчерашний «собственно народ», в одночасье ставший экономической элитой и сохранивший отнюдь не-элитные привычки и черты характера, у «старых русских» вызывает смешанные чувства: зависть, гордость, одобрение и осуждение – ведь все это мы, которым повезло.

Высмеиваются их опереточный «прикид»: малиновый пиджак, золотая цепь на шее, кольца, сотовый телефон; высмеиваются бескультурье, бездуховность и невежество; высмеиваются их тупоумие, жадность и алчность, пресыщенность, толстокожесть, бездушность и показушность; высмеиваются их занудство и доверчивость; высмеиваются даже редкие приступы милосердия новых русских. Тем не менее к некоторым «слабостям», созвучным нашей широкой душе, – купеческому размаху, неумению и нежеланию считать деньги и прочим проявлениям русского максимализма – мы относимся вполне снисходительно.

Если внимательно всмотреться в образ нового русского народа, создаваемый в анекдотах о «новых русских», то, по большому счету, можно убедиться в том, что за исключением внешних атрибутов менталитет нового русского по отношению к менталитету русского вообще («старого») особых изменений не претерпел: это все тот же купеческий размах («максимализм»), вороватость, любовь к халяве и выпивке, доверчивость, низкий уровень общей культуры, любовь к пусканию пыли в глаза, противоречивость характера – щедрость и жадность, тупость и сообразительность и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 192 с.

2. Воркачев С. Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2007. 288 с.

3. Воркачев С. Г. Родина, правда, смысл жизни : опыт русской лингвоидеологии. Saarbrücken : LAP, 2011. 584 с.

4. Белоусов А. Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор. М. : Изд-во РГГУ, 2003. С. 581–598.

5. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 144–153.

6. Курганов Е. Я. Анекдот как жанр. СПб. : Академический проект, 1997. 123 с.

7. Хруль В. М. Анекдот как форма массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 19 с.

8. Чиркова О. А. Поэтика современного народного анекдота : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 20 с.

9. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

10. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра) // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов : ИЦ Наука, 2005. С. 296–301.

11. Dementyev V. V. Russian Anekdoty of 1970s : On the Material of the Soviet Humorous Magazine «Krokodil» // Russian Journal of Communication. 2009. Vol. 2. № 3–4. P. 185–198.

REFERENCES

1. Vorkachev S. G. *Schast'e kak lingvokul'turnyj kontsept* [Happiness as Lingvocultural concept]. Moscow, 2004. 192 p.

2. Vorkachev S. G. *Lyubov' kak lingvokul'turnyj kontsept* [Love as Lingvocultural concept]. Moscow, 2007. 288 p.

3. Vorkachev S.G. *Rodina, pravda, smysl zhizni: opyt russkoj lingvoideologii* [Birthplace, truth, the sense of life: the experience of Russian linguo-ideology]. Saarbrücken, 2011. 584 p.

4. Belousov A. F. *Sovremennyj anekdot* [Modern anecdote]. *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* [Modern urban folklore]. Moscow, 2003, pp. 581–598.

5. Karasik V. I. *Anekdot kak predmet lingvisticheskogo izucheniya* [Anecdote as an object of linguistic study]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demen-tyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 144–153.

6. Kurganov E. Ya. *Anekdot kak zhanr* [Anecdote as a genre]. St.-Petersburg, 1997. 123 p.

7. Khru' V. M. *Anekdot kak forma massovoj kommunikatsii* [Anecdote as a form of mass communication. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1993. 19 p.

8. Chirkova O. A. *Poetika sovremennogo narodnogo anekdota* [The poetics of contemporary folk anecdote. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1997. 20 p.

9. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkij anekdot. Tekst i rechevoj zhanr* [Russian anecdote . Text and speech genre]. Moscow, 2002. 144 p.

10. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkij anekdot v dvadtsat' pervom veke (transformatsii rechevogo zhanra)* [Russian anecdote in the twenty-first century (the transformation of the speech genre)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection

of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 296–301.

11. Demytyev V. V. Russian Anekdots of 1970s: On the Material of the Soviet Humorous Magazine «Krokodil». *Russian Journal of Communication*, 2009, vol. 2, no. 3–4, pp. 185–198.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 82.0
ББК 83

В. П. Москвин
Волгоград, Россия

V. P. Moskvina
Volgograd, Russia

К ОБОСНОВАНИЮ ПОНЯТИЯ «ФИГУРАТИВНЫЙ ЖАНР» (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТОНА)

Аннотация. Рассмотрены исторические истоки центона и его соотношение со смежными феноменами, составлен свод правил производства центона как компилятивного жанра, проанализированы условия его успеха, изучен вопрос об отношении центона к стихотворной и прозаической формам речи. Разработаны инструментальная (по приемам производства центона), функциональная (по целям, с которыми данный жанр используется), количественная (по числу привлекаемых авторов и текстов) и интенциональная типология центонов (по мотивам, с которыми тексты-источники центона привлекаются его составителем).

Ключевые слова: жанр, центон, стихотворная речь, цитирование, аппликация, интертекстуальность, прецедентность.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов»).

Сведения об авторе: Москвин Василий Павлович, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, кафедра русского языка и методики его преподавания.

E-mail: vasmoskvina@yandex.ru, vasily-ms@yandex.ru

ON THE PROOF OF THE CONCEPT OF 'FIGURATIVE GENRE' (FOR EXAMPLE TSENTON)

Abstract. The historical origins of cento and its correlation with adjacent phenomena are examined. The code of rules of production of cento as a compilative genre is arranged. The conditions of its success are analysed. The question of the relationship of cento to verse and prosaic forms of speech is scrutinized. The instrumental (according to cento production devices), functional (according to the purposes for which given genre is used), quantitative (according to the number of authors and texts used) and intentional typology of centos (according to the motives for which the texts-sources of the cento are used by the compiler) are worked out.

Key words: genre, cento, verse speech, citation, application, intertextuality, precedentity.

The work was completed with support of Russian Humanitarian Scientific Foundation (project no. 13-04-00381 «Intertextuality and intertext figures in different types of discourses»)

About the author: Moskvina Vasily Pavlovich, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Volgograd State Socio-Pedagogical University, Department of Russian Language and Methods of Teaching.

В свое время (см. [1]) мы назвали фигуративными жанры, построенные на основе определенного конструирующего приема по формуле «прием → жанр»: аллегория / хрия → басня и притча; перифразирование → загадка; звуковая анафора → тавтограмма; подхват (связующий сонеты в «венке») и аппликация (на которой строится магистральный сонет) → венок сонетов; графическая зевгма → акротекст, синтетон etc.; инверсия → перевертыш; фигура ложного этимологизирования → логогриф; антитеза → антитетон («речь, из противоположностей составленная» [2 : 282], где «слова воюют меж собою, равенства с равенствами спорят» [3 : 29]); дигрессия → цилиндрический текст; вопросно-ответный ход → катехизис и др. Ж. Женетт отмечает: «Фигура речи – это эмбрион, или, если хотите, эскиз художествен-

ного произведения» [4 : 17]; на тесную связь речевых жанров и «каких-то осязаемых приемов» указал еще Б. В. Томашевский [5 : 206].

С понятием фигуративного жанра сближается понятие фигуративного стиля. Последний строится по следующим двум формулам:

1) «отдельный прием → стиль», в частности: антифразис → антифразисный стиль; фигура нагнетания эпитетов → эпитетный стиль; повтор → итеративный стиль, ср.:

Всё непрочное в мире родит и ведёт и крушит Рок,
Рок, неверный и зыбкий; но манит нас лъстивых надежд рой,
Рой, что с нами всю жизнь и с кем разлучит нас одна смерть,

Смерть ненасытная, кою адская кроет в свой мрак ночь.

Ночь в свой черед умирает. Едва воссияет золотой свет,
Свет, этот дар богов, пред кем впереди предлетит Феб.

Авсоний

2) «ряд приемов одного класса → стиль»: фигуры двусмысленной речи → эзопов язык, фигуры неправдоподобия → гротескный стиль (см.: [6]) и др. Еще Аристид отметил «связь композиции (τάξις) и предсказуемости речи» [7 : 443]; в этом свете становится понятно, почему тексты, построенные по первой формуле, не должны быть пространны: «Такая речь будет надоедлива (προσκορή), ибо ее однообразие вызывает пресыщение (κόρον)» [8 : 492].

Заметим, что системообразующим началом для любого стиля является либо отдельный прием, либо набор или даже система приемов и средств; чем внушительнее и разветвленнее такой набор, тем сложнее стиль: таковы, например, функциональные стили, группирующие вокруг системообразующих функций и доминант наборы приемов и средств, служащих их реализации.

В чем состоит различие между стилем и жанром? Определим стиль как *технику* (т. е. прием или набор приемов) построения речи или речевого произведения (текста); жанр принято трактовать как *типовую модель* текста, т. е. как «относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания» [9 : 164]. Под композицией [лат. *compositio verborum et orationis* 'составление слов и речи', калька греч. *σύνθεσις*] обычно понимают членение (рубрикацию) речи и порядок следования выделенных частей. Квинтилиан относил к сфере композиции сочетаемость и порядок следования: а) звуков как источник благозвучия и неблагозвучия; б) ударных и безударных слогов как источник изотонического ритма; в) колонов в составе периода как источник синтаксического ритма, ибо «аритмия – знак невежества или варварства, ритмичность же поэтична и служит композиции» [10 : 134]. По Цицерону, «слова должны так сочетаться (*collocabuntur*), чтобы концовки предыдущих лучшим образом подходили к началам следующих инаиболее сладостные (*suavissimis*) созвучия создавали; чтобы форма и аранжировка (*concinntas*) слов оптимально соответствовали их течению (*orbem*, букв. круговращению. – *В.М.*); и чтобы весь период (“оборот”) был ритмичен» [11 : 459]. Порядок следования звуков, слогов, слов и колонов в составе периода образует *м и к р о к о м п о з и ц и ю* речи (*collocatio, iunctura verborum, compositio verborum*), порядок следования более крупных, тематиче-

ски релевантных текстовых блоков – *ее м а к р о к о м п о з и ц и ю* (*compositio orationis*).

Рассмотрим с точки зрения сказанного выше один из жанров интертекста – центон. Под центоном принято понимать стихотворный коллаж, составленный из фрагментов одного или ряда текстов. В соответствии с предписаниями античной поэтики, в роли таких фрагментов могут выступить: а) полустишие, б) стих, в) полустрастишие. Децим Магн Авсоний (IV в. н. э.), сформулировавший это правило, полагал, что поскольку сочинение центона представляет собой игру («*ludus*»), соревнование («*aemulatio*», «*contentio*»), то использование фрагментов, превышающих размеры полустрастишия, делает задачу автора слишком простой для выполнения, и составление центона теряет смысл: «взять два стиха сряду будет неловкостью, три – непозволительным промахом (*merae pugae*)» [12 : 569–570]. В том, что данное правило не всегда соблюдается, убеждает следующий приводимый А.П. Квятковским «анонимный центон, составленный из стихов разных басен Крылова» [13 : 332]:

В июне, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками в гору, («Обоз»)
Из дальних странствий возвратясь, («Лжец»)
По улицам слона водили,
Как видно, напоказ, –
Известно, что слоны в диковинку у нас, –
Так за слоном толпы зевак ходили...

(«Слон и Моська»)

Инструментами производства центона служат две фигуры интертекста (см. разделы «Аппликация» и «Цитирование» в [14 : 81–96].

Аппликация – прием, состоящий в воспроизведении фрагментов какого-либо текста без указания на источник. Пример аппликативного центона – следующие стихи, составленные на основе текстов Е. А. Баратынского (ср.: «Её лица необщим выраженьем»), Б. Пастернака и А. С. Пушкина:

С необщим выраженьем рожи
Я скромно кланяюсь прохожим.
Но сложное понятней им.
А мы... Ничем мы не блещим.

Тимур Кибиров. Вступительный центон

Центон данного инструментального типа подобен аллюзии или намеку, расшифровка («отгадка») которых, предполагающая прецедентную компетентность адресата, «приносит немалое удовольствие» [15 : iii].

Цитирование – прием, состоящий в воспроизведении фрагмента какого-либо текста, сопровождаемом ссылкой на источник. В цитатном центоне указаны источники заимствований – либо в скобках справа, либо, как в старинных изданиях, маргинальными аббревиатурами, или сиглами (ср. лат. *siglum* ‘аббревиатура’), либо иным способом:

Державин: Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный

Ломоносов: Превыше пирамид и крепче меди

Державин: А мой металлов твёрже он и выше пирамид

Ломоносов: Взгордися праведной заслугой, муза

Державин: А ты, моя, гордись заслугой справедливой

Ломоносов: И увенчай главу дельфийским лавром

Державин: Нет, ты чело венчай зарёй бессмертья

Мих. Сухотин. Литературные памятники

Определение центона связывает его с заимствованиями «у памятных поэтов (*roëtarum monumentis*)» [16: ij]. Однако источники таких заимствований не всегда «памятны» для адресата, что делает интерпретацию текста менее адекватной. Цитатный центон снимает эту проблему, ср.:

Доля печальная, жизнь (Апухтин)
одинокая,

Сумерки бледные сердца (Фофанов)
ца мятежного...

Вырыта заступом яма (Никитин)
глубокая,

Небо нависло – уныло- (Брюсов)
безбрежное.

Что же находим мы? В (Апухтин)
чувствах – страдания,

Сжавшие сердце мне (Северянин)
многолюбивое.

Как ещё можешь сдерж- (Некрасов)
жать ты рыдания!

Жизнь бесприютная, (Никитин)
жизнь терпеливая...

... можно продолжить
так до бесконечности.

Ирина Розенблюм. Дактилический
жалобный центон

Центон представляет собой демонстративно открытое заимствование, ибо: 1) «его форма нам знакома, поскольку состоит полностью или почти полностью из стихов или полустихий, заимствованных у известных поэтов» [17 : 153]; 2) в цитатном центоне указаны источники заимствований. С учетом данных двух немаловажных фактов нецелесообразно рассматривать центон как «вид невинного плагиата» [18 : 12], жанр плагиата,

«примитивный способ дословного использования чужой собственности» [19 : 193], «скрытый плагиат», результат «неадекватного копирования» [20 : 271]. Заметим: еще Сенека Старший (ок. 54 до н. э. – 39 н. э.) указал на то, что в подобных случаях заимствование производится «*non surripiendi causa, sed palam imitandi*» ‘не хищения, но открытой [курсив наш. – В. М.] имитации ради’ [21 : 28].

Сложен вопрос о таксономическом статусе центона. Существует мнение, что «центон – это не жанр, а литературная техника, которая может быть использована в различных жанрах: поэме, эпиграме» [22 : 117] etc. С этой точки зрения можно было бы различать: 1) центонный стиль (лат. *mos centonarius*, англ. *cento style*, нем. *Centostil* или *Centostil*); 2) центон – текст определенного жанра, составленный в данном стиле. В тематическом и макрокомпозиционном отношении центоны слишком разнородны, чтобы подходить под приведенную выше дефиницию жанра. Вместе с тем, если полагать, что жанрообразующей силой может обладать и отдельный стилистический прием, а предписания Авсония относятся к микрокомпозиции центона, то это вполне оправдывает традиционную трактовку центона как жанра.

Центонный стиль восходит к греческой поэтике, о чем, в частности, свидетельствует этимология термина *центон*, ср. греч. *κέντρων* ‘игла, шитьё’, перен. ‘центон’. По одной версии, от разговорного варианта *κέντων* [23 : 1930], по другой – «через заимствование с отбрасыванием *p*» [24 : 187] появилось латинское слово *cento*, род. *centonis* ‘одежда, одеяло, попона, сшитые из обносков’ (ср. *mimi centuculus* ‘платье шута’), перен. ‘центон’. Последний похож на одежду, сшитую из разнородных кусков ткани; «в силу этого сходства центоном называют стихотворный жанр (*carminis genus*), который скроен из разных стихотворений и стихотворных фрагментов, извлеченных из разных контекстов» [25 : 1109]. Первое употребление термина *cento* находим в тексте латиноязычного богослова Квинта Тертуллиана (II – III в. н. э.). Рассуждая о «еретическом искажении Библии вергилиоцентонами и гомероцентонами», он пишет: «Гомероцентонами именовать должно собственные произведения, из песен Гомера центонным способом (*more centonario*) в единое целое из множества частей скроенные» [26 : 90]. Известно, что «практика “центонов” более характерна для латиноязычной, нежели для грекоязычной поэзии» [27 : 152]: одних только вергилианских центонов III – VI вв. до нас дошло 16; тем не менее, латинский центон,

через вергилиоцентон, жанровым образцом для которого послужил гомеровцентон, восходит к древнегреческому [28 : XV–XVI]. В подтверждение данного тезиса приводят:

1. Анализируемое александрийским грамматиком Дионисием Фракийским (170 – 90 до н. э.) шестистишие о нимфе Эхо и Пане, строки которого «извлечены из разных мест (διαφόρων τόπων) песен Гомера» [29 : 316]:

Од. 8 : 306 Зевс, наш родитель, и все вы, блаженные, вечные боги,

Од. 8 : 307 Вот посмотрите на это смешное и гнусное дело :

Ил. 6 : 165 Он насладиться любовью со мной захотел, с нехотящей,

Ил. 4 : 109 Роги его от главы на шестнадцать ладоней вздымались;

Ил. 5 : 429 Он, занимаясь делами приятными сладостных браков,

Ил. 15 : 271 Гонит упорно меня,* словно рога-тую лань или дикую козу. Ил. 15 : 270.

2. Критикуемый епископом лионским св. Ирением (II в. н. э.) древнегреческий центон, «составленный из гомеровских стихов» и повествующий «о приключениях Геракла, спустившегося в Аид» [30 : 114].

Малочисленность древнегреческих центонов объясняется тем, что в эпоху Солона (640 – 559 до н. э.) был принят закон («lex Soloni»), «запрещающий менять порядок следования стихов в песнях Гомера, после чего рапсоды уже не сочиняли центонов» [31 : 356]; до этого рапсоды, «по случаю свадьбы или иного праздника», «сшивали (συρράπτουτες) части гомеровских поэм так, как им было угодно» [32 : 6]. Здесь отметим, что рапсодов и центонистов, даже вслед за Евстафием Фессалоникийским и Дионисием Фракийским, который именует приведенный им текст сначала «рапсодией», а затем «центоном (κέντρον)», не следует отождествлять: рапсоды («сшиватели песен», ср. *ράπτειν* ‘сшивать’ и *ὠδή* ‘песнь’) комбинировали песни и, как правило, крупные тематические фрагменты («последовательности эпизодов»), центонисты же – преимущественно мелкие: «стихи и полустихия» [33 : 4].

Центон нередко ограничивают сферой комического, трактуя как род литературной игры и помещая в один ряд с акростихом, эхо-стихом, фигурными, макароническими, протейческими стихами, буриме и прочими «сложными безделушками» и «литературными фривольностями» [34 : 4]. Считается, что центон, «с одной стороны, подчиняется некой норме, с другой – нарушает ее через комическое осмеяние» [35 : 21]. Вместе с тем известно, что в эпоху античности и средне-

вековья были распространены весьма далекие от игровой речи погребальные (*cento funebris*), а также дидактические центоны, в частности этические (*cento ethicus*) и христианские (*cento christianus*). Пример последнего – поэма «*Aeneis sacra*» ‘Священная Энеида’ о жизни Иисуса и деяниях великомучеников, составленная каноником Этьеном де Плёрре из стихов и полустихий поэм Вергилия «Энеида» и «Георгики» [36: 12]:

Предательство Иуды

6 Эн. 621 Этот над родиной власть продал за злато тирану,

5 Эн. 130 Мету воздвиг,* и молвит с сердцем суровым : 12 Эн. 888

1 Эн. 691 Только обнимет тебя, поцелуй тебе сладкий подарит, –

2 Эн. 377 Поторопитесь, друзья*, и сжимает в объятьях. 6 Эн. 700

4 Эн. 136 Вот собираются черни великие толпы 12 Эн. 278 Эти руками сжимают мечи, те – ко- пий железо...

С учетом указанного факта вряд ли целесообразно сводить все разнообразие функций центона к одной – игровой или комической.

По числу привлекаемых авторов центоны подразделяются на два типа: 1) включающие фрагменты произведений разных авторов; 2) составляемые с привлечением текстов одного автора; таковыми, в частности, являются гомеровцентоны, вергилиоцентоны, овидиоцентоны. По числу используемых произведений второй тип делится на два подтипа: а) составляемые на основе «рекомпозиции» одного произведения данного автора, например «Илиады» Гомера или «Энеиды» Вергилия; б) составляемые на основе ряда текстов одного автора. Таким, в частности, является состоящий из 2343 стихов «Илиады» и «Одиссеи» гомеровцентон византийской императрицы Евдокии Августы [37 : 1]:

Слушайте, сонмы несметные наших друзей и соседей! 17 Ил. 220

Смертный, себя насыщающий хлебом, сравниться не может 8 Од. 222

Всем, как живущим к востоку, где Эос и Гелиос всходят, 13 Од. 240

Так и живущим на запад, где область туманная ночи, 13 Од. 241

Я вам поведаю, что мне в персях сердце внушает... 8 Ил. 6.

Поэма Евдокии Августы (401 – 449 н. э.) повествует о сотворении мира, искушении и падении человека, о рождении, жизни, смерти, воскресении и вознесении Христа, т. е.

«стихи Гомера подчинены Евдокией выражению библейской тематики» [38 : 10].

Античные и средневековые, а вслед за ними и многие ученые Нового времени ограничивают текстуальную основу центона произведениями Вергилия и Гомера. Так, испанский богослов Исидор Гиспалис (570 – 636) дает следующее определение: «Центоны, как их грамматики обыкновенно именуют, суть собственные произведения, из песен Гомера или Вергилия центонным способом (*morg centonario*) из множества частей, как из ткани, сшитые воедино». Трактовку центона как текста, «составленного из стихов конкретного автора», например «из строк Гомера или Вергилия» [39 : 53], трудно принять, поскольку она не учитывает тип (1); определение центона как «нового текста, составленного из сегментов, извлеченных из разных текстов» [40 : 283], требует согласования с типом (2а). Основой центона могут служить тексты не только поэтов прошлого, но и современных авторов, что делает неприемлемыми дефиниции центона как текста, составляемого «из стихов и полустихий одного или нескольких древних поэтов» [18 : 12] или «из произведений известных поэтов прошлого» [41 : 16].

Центон традиционно характеризуется как «жанр мозаичной поэзии», требующий от автора «большого терпения и мастерства» [18 : 12]. Терпения и мастерства хватает не всем; данный факт подпитывает мнение о том, что центоны «чрезвычайно примитивны по своей постройке» [42 : 38], связаны с «наклонностью к использованию готового материала» и «типичны для молодых писателей» [43 : 29]. По оценке Н. Буало, которую находим в одной из его сатир [44 : 398], центонисты

Нам предлагают, шитьём съединенны, обрывки стихов

То из творений Марона, то Флакка, то нашего часто Тибулла

Всуе изъятые, собственный выразить дабы

Лепет ребячий, речи пустые свои, без смысла и связи.

На вопрос, в чем состоят художественная ценность центона и оригинальность его автора, филолог и писатель-романтик Шарль Нодье (1780 – 1844) отвечает: «В центоне нет ничего нового, кроме компоновки (*agencement*)» [18 : 13]. Составитель центона «подобен ювелиру, который создает произведение искусства, подгоняя к оправе драгоценные камни разных цветов и форм» [34 : 15]. Авсоний, создатель знаменитого «Свадебного центона», составленного из стихов и полустихий Вергилиевой «Энеиды», пишет: «Различные по смыслу части центона

должны согласоваться так, как будто они объединились родственными узами». Составление центона поэт сравнивает с греческой «игрой в косточки» (*οτοματίων*), античным аналогом современного пазла: 14 косточек разной геометрической формы (треугольник, квадрат и др.) необходимо сложить так, чтобы получился «рисунок: исполинский слон, свирепый вепрь, летящий гусь, гладиатор в полном вооружении, притаившийся охотник, лающая собака etc.»; разнообразие и совершенство таких рисунков «зависят от мастерства игрока» [12 : 571 и 573]. Условиями успеха центона являются:

1. *Семантико-тематическая совместимость его составных частей*, т. е. их когерентность, подчиненность единой теме, аккомодация к «новому контексту, новой теме и новому содержанию» [27 : 266]. «Лексикон Суды» (X в.) гласит: «Центон есть нечто из многих частей сшитое, и сшитые так покрывала для выючных животных называют центонами. Подобным же образом именуют речения, у разных авторов собранные и *общею темою сочленённые*, как, например, гомецентоны» [45 : 592]. В христианском гомецентоне Евдокии Августы читаем:

Καί τό τ' ἀπ' ἀγγέλων ἦκεν, ὡς ἀγγεῖλεν γυναικί... [46 : 14].

Стих извлечен из 15-й песни «Одиссеи». Смысл его таков: «И тогда он послал гонца, который сообщил женщине...». Новый контекст придает стиху иное содержание: «И тогда Он послал *ангела*, который сообщил женщине...».

2. *Грамматическая совместимость частей*: «Строки центона должны быть подобраны таким образом, чтобы все “лоскутное” стихотворение было объединено каким-то общим смыслом или, по крайней мере, *стройностью синтаксического построения* [курсив наш. – В. М.], придающего ему вид законченного произведения» [13 : 332]. Рассмотрим с этой точки зрения центон, составленный из стихов С. Есенина, А. Блока, Н. Некрасова и С. Кирсанова:

Буду петь, буду петь, буду петь
Многоярусный корпус завода
И кобылок в просторе свободы,
Чтоб на блоке до Блока вскрипеть.

И. Сельвинский. Эпиграмма на А. Жарова

В стихотворении «Надрывается сердце от муки...» Н. А. Некрасова читаем: *Треск кобылок в просторе свободы*. Замена, произведенная И. Сельвинским, подгоняет структуру данного стиха к предтексту.

3. *Ритмо-мелодическая совместимость частей*. Так, все четыре фрагмента центона

И. Сельвинского основаны на анапесте, а значит согласуются ритмически; выстроены таким образом, что появляется хиастическая рифмовка. Т. Кибирову лексическая замена и инверсия обеспечили рифмовку: *Её лица необщим выраженьем* (Е. А. Баратынский) → *С необщим выраженьем рожи Я скромно кланяюсь прохожим*.

4. *Вносимые коррективы не должны искажать источник до неузнаваемости*: одно из правил составления центона гласит, что его части извлекаются из прецедентных текстов «interdū cum leui mutatione» [15 : ii], т. е. «дословно или только с незначительными изменениями» [47 : 107]. Такие изменения приспособляют части центона «нередко к стилю, чаще к смыслу и теме; иногда меняется ритм, иногда лицо, иногда падеж»; важность указанных взаимоприспособлений такова, что Генрих Стефанус, один из первых издателей «монахини <Евдокии> парафраза Евангелия от Иоанна», именует центониста «аккомодатором» [15 : iii].

По мнению З. Г. Минц, для центона как жанра характерен «эффект полигенетичности» [48 : 375]; еще Эразм Роттердамский сравнил центон с «кодеждой, сшитой из разноцветных заплат» [49 : 542]. И действительно: полной согласованности всех частей центона по всем указанным выше параметрам добиться трудно. Подчеркивая это обстоятельство, Иреней Лионский приводит (есть предположение, что составляет) следующий гомероцентон:

Так промолвивши, выгнал меня он, стенавшего
тяжко Од. 10 : 76

И соучастнику многих насилий, герою Гераклу,
Од. 21 : 26

Муж Эврисфей, Персеида Сфенела геройская
отрасль, Ил. 19 : 123

Пса увести из Эреба, от страшного бога Аида.
Ил. 8 : 368

Как в своей силе уверенный лев, горами
вскормлённый, Од. 6 : 120

Гнал через город; его провожали все близкие
сердцу... Ил. 24 : 327

«Разве не вызывает отвращенье сие “повествование”, состряпанное из стихов, попросту надёрганных из разных песен Гомера?» – восклицает Иреней [30 : 115]. По мысли Авсония, при всем старании составителя центон остается «связью бессвязного, единством различного, смешным из серьезного, своим из чужого» [12 : 568-569]. Согласовать части центона сложно, поэтому, по мнению Отто Крусиуса, «более или менее терпимы (genießbar) лишь пародийные центоны» [23 : 1932].

Техника центона может использоваться с целью парафраза, или метафразиса. Под

метафразисом [греч. *μετάφρασις* ‘парафраза’] принято понимать перевод текста на другой язык («in aliam linguam»), расширение или сокращение («nunc prolixiora, nunc breviora»), переделку в ином стиле, жанре или форме: возвышение либо снижение («nuncque efficere grandiora, nunc humiliora»), типографическую перелицовку, «изложение стихотворного текста в прозаической форме или наоборот, например переложение императрицей Евдокией Ветхого завета (Octateuchum) героическим стихом», и другие трансформации «с сохранением смысла (eamdem sententiam conservans)» [10 : 659-660; 50 : 15]. Центон традиционно трактуется как парафраз или «крайняя форма парафраза» [47 : 23], однако жестко увязывать центон с парафразом нецелесообразно, поскольку центон может представлять собой:

1. Пересказ прозаического текста в стихотворной форме, т. е. стихотворный парафраз (метафразис) прозаического текста; к этому разряду отнесем созданные Евдокией Августой, Фальтонией Пробой, Этьеном де Плёрре и др. центонные парафразы Библии, трактуемые как «звенья в длинной цепи попыток версификации еврейского и христианского Писания» [51 : 3].

2. Текст, «смонтированный» из других текстов, однако при этом не представляющий собою пересказ какого-либо произведения; таковы, например, приведенные выше центоны Тимура Кибирова, Мих. Сухотина, Ирины Розенблюм и др. Центоны данного типа с парафразами никак не связаны.

Обычно жанр центона ограничивают стихотворной формой речи. Вместе с тем, филологи говорят о прозаическом центоне [англ. *prose cento*], который «состоит из непоэтического материала» [17 : 155]. Казалось бы, прозаические извлечения, в отличие от стихотворных лишённые не только мнемонической силы, но и метрически закреплённой связи с прецедентными текстами, должны сделать прозаическую форму центона и менее возможной, и менее востребованной, чем стихотворная. Вспомним, однако:

Дорогой друг мой,
я рад, что здоровье твоё лучше; моё же здоровье... но в сторону наши здоровья : мы должны позабыть о них так же, как и о себе. Меня тут сильно встряхнули, после чего обнаружилось, что больше всего на свете мне хочется (и давно уже) умереть. В прошлом письме я написал : плакать хочется; нет, неправда, не хочется, глаза сухие и ум сухой. ...

Попав сюда, я следовал общей моде – блюди законы той страны, в которой вынужден жить. Нужно как можно лучше заучивать правила их рас-

суждений (и есть все основания браниться, когда оказывается, что правила эти расплывчаты), но не нужно угрызаться из-за того, что ты недостаточно в эти правила веришь.

А. Жолковский. Выбранные места. Центон

Ср.: *Я рад, что здоровье ваше лучше; моё же здоровье... но в сторону наши здоровья: мы должны позабыть о них, так же, как и о себе* (Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями); *Конечно, попал сюда, я следовал общей моде. Блюда законы той страны, в которой вынужден жить* (А. Терц. Пхенц). Строго говоря, применительно к данному случаю следует говорить скорее о цитатности, чем центонности, поскольку аппликации перемежаются здесь с авторскими словами, что противоречит пониманию центона либо как «стихотворения, целиком [курсив наш. – В. М.] составленного из строк других стихотворений» [52 : 1185], либо (ex analogia) как прозаического текста, целиком составленного из фрагментов других прозаических текстов. За понятием прозаического центона стоит старинная традиция. Мишель Монтень в эссе «О воспитании детей» пишет:

«Что до меня, то я не советую говорить чужими словами; ну, разве что лишь для того, чтобы самому лучше выразиться. Это не относится к центонам; в своё время я видел среди них несколько весьма хитроумных (tresingenieux), каков, например, один, написанный под именем Капилупи¹, не говоря уж о древних, коих остроумие (esprits) очевидно: таков, между прочим, Липсий², учёный и трудолюбивый автор “Политики”» [53 : 280–281].

В предисловии к своему трактату Липсий «характеризует “Политику” как центон и заявляет, что создал новый жанр – прозаический центон» [54 : 56]; некоторые современные ученые по сложившейся традиции также именуют «Политику» Липсия «прозаическим центоном» [55 : 118]. О. Делепьер не без основания полагает, что в данном случае «центон путают с цитированием» [34 : 28]; Энн Мосс вполне справедливо рассматривает трактат Липсия не как центон, а как книгу общих мест [56 : 421–422]. Книга общих мест (т. е. сборник цитат и афоризмов) не представляет со-

¹ Лелио Капилупи (Capilupus) – итальянский филолог, составитель вергилианских центонов. Монтень имеет в виду его «Cento ex Virgilio de vita monachorum» (1541).

² Юст Липсий (Lipsius) – голландский филолог, автор трактата «Politica, sive civillis doctrinae» (1589).

бой, во-первых, тематического, во-вторых, структурного единства, а потому центоном быть не может.

По мотивам (интенциям), с которыми центонист обращается к прецедентным текстам, подразделим центоны на два интенциональных типа:

1. Центоны, художественный эффект которых основан на живости и актуальности интертекстуальных ассоциаций, связывающих фрагменты центона с текстами, из которых эти фрагменты извлечены, ср.:

Я помню чудное мгновенье
Невы державное теченье
Люблю тебя Петра творенье

Кто написал стихотворенье
Я написал стихотворенье

Всеволод Некрасов

В центонах данного типа интертекстуальные коннотации играют роль выразительного средства.

2. Центоны, претендующие на самостоятельную художественную значимость, независимо от исходных текстов. Составитель такого центона использует фрагменты исходных текстов лишь как готовый строительный материал для собственного произведения. К данному типу отнесем христианские центоны, в частности состоящий из 685 строк текст «латинской Сафо» Фальтони Пробы (нач. V в. н. э.), в котором стихами, извлеченными из поэм Вергилия «Георгики», «Буколики» и «Энеида», изложены Ветхий и Новый Завет:

Fugit Virgo cum filio in Aegiptum
At mater gemitu non frustra exterrita tanto,
Ipsa manu prae se portans, turbante tumultu,
Infantem, fugiens plena ad praesepia tendit.
Hic natum angusti subter fastigia tecti
Nutribat teneris immulgens ubera labris
Haec tibi prima, puer, fundent cunabula flores
Mixtaque ridenti passim cum baccare tellus
Molli paulatim colocasia fundet acantho.

Перевод М. Л. Гаспарова : Бегство Марии с сыном в Египет. Мать между тем, не вотще таким встревожена стоном, В руки схвативши дитя, великой смятенное смутой, В бегство младенца берёт, у наполненных яслей слагает; Сыну она под низким навесом убогого крова К нежным подносит устам сосцы, обильные млеко. Отрок, в подарок себе сама колыбель расцветилась, Перемешавши с весёлым повсюду с баккаром почва С нежным уже понемногу аканфом взрастит колокасий...

С. Макгилл считает, что стихи Вергилия, бывшие постоянным предметом парафраз,

травестирования и прозаического пересказа (в школах риторике), цитирования (в дебатах) и центонирования, «стали в римском обществе чем-то вроде *lingua franca*» [28 : XXI]; по меткому сравнению М. Ашера, «гомеровы центоны относятся к “Илиаде” и “Одиссее” так, как речь относится к языку» [38 : 10]. Проба, как полагает Е. Г. Рузина, «ни о какой двуплановости не думала при составлении своего центона. Она стремилась использовать стихи лучшего поэта, минимально их изменяя. Пользуясь материалом Вергилия, вместо того чтобы сочинять свои стихи, из-за преклонения перед талантом классического римского поэта и преклонения перед верой она поступает так же, как средневековый строитель, который, сооружая храм, вставляет колонну или камни, сохранившиеся от античного храма» [57 : 63]. Недостатком центонов этого типа является то, что производный текст «напоминает по двусмыслию, коннотирует» («ambigat», «cognoscat», «commemoret») опорный текст: «хотя конкретные стихи мы не помним, нельзя не помнить материю текста в целом»; в результате сквозь лики святых «просвечивает физиономия Энея», за их словами «слышатся речи то Улисса, то Геракла, то Приама, то Менелая и Агамемнона» [30 : 114–117]. Иероним Стридонский (342 – 419), характеризуя христианские вергилиоцентоны некой «жены, которая мужей поучает», пишет, что «слова, с вольностью перенесенные и друг с другом несовместимые, искажают мысли Писания, ибо Вергилия, не знавшего Христа, нельзя заставить говорить так, как говорит христианин» [58 : 252–253]. Иными словами, интертекстуальная отягощенность фрагментов такого центона снижает его эстетическую ценность.

С учетом сказанного трудно принять без оговорок следующую мысль: «В центоне установка на узнавание конкретных реминисцированных стихов задана читателю с самого начала. Поэтому каждый стих и полустихие здесь рассчитаны на двойное восприятие: в контексте исходном и в контексте новом, центонном. То сближаясь, то расходясь, эти два контекста создают такое поле эстетического напряжения, в котором все время находится читатель центона» [58 : 208]; ср.: «Художественный эффект центона – в подобии или контрасте нового контекста и воспоминаний о прежнем контексте каждого фрагмента» [52 : 1185]. Здесь желательно обратить внимание на два обстоятельства:

1. Типовой адресат центона не всегда помнит каждый фрагмент его источников; применительно к данному компилятивному жанру целесообразно говорить скорее о

«необыкновенной памяти центониста» [34 : 25], чем читателя. Еще Авсоний отметил: «Те, кто играет в эту комбинаторную игру, именуют ее центоном. Собрать же разбросанное, соединить разорванное – задача только памяти» [12 : 565–566].

2. Для центона второго интенционального типа узнаваемость фрагментов опорного текста является источником скорее паразитарных ассоциаций, чем выразительности; для этого случая следует, видимо, признать справедливость приведенного выше мнения Е. Г. Рузиной.

Как показало проведенное исследование, в основе центона лежат две фигуры интертекста: аппликация и цитирование. Аппликативный центон, в противоположность цитатному: 1) подобен аллюзии, его расшифровка обязательно предполагает прецедентную компетентность адресата; 2) регулярно сближается с плагиатом, однако в отличие от него представляет собой заимствование: а) демонстративно открытое; б) извлеченное из текстов достаточно известных авторов; в) эстетически мотивированное.

В своих современных жанровых очертах и типовых предписаниях европейский центон восходит к латинскому вергилиоцентону, однако жанровым образцом для последнего послужил древнегреческий гомеровый центон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи : Тропы и фигуры. Терминологический словарь : 3-е изд. Ростов н/Д : Феникс, 2007. 944 с.
2. Cicero Ad. C. Herennium de ratione dicendi (Rhetorica ad Herennium). Cambridge : Harvard Univ. Press, 1977. 508 p.
3. *Aquiliae Romani*. De figuris sententiarum et elocutionis liber // Rhetores latini minores. Lipsiae, 1863. P. 106–181.
4. Genette G. Métalepse. De la figure à la fiction. Paris : Seuil, 2004. 144 p.
5. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М. : Аспект Пресс, 1996. 334 с.
6. Москвин В. П. Изучаем гротескный стиль // Русский язык в школе. 2011. № 6. С. 38–41.
7. Ἀριστοῦ τεχνῶν ρητορικῶν // Rhetores graeci / Em. Ch. Walz, iss. 9. Stuttgartiae, 1836. S. 26–58.
8. Φοῖβᾶμνωνος σχόλια περὶ σχημάτων ρητορικῶν // Rhetores graeci / Em. Ch. Walz, iss. 8. Stuttgartiae etc., 1835. S. 79–93.
9. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М. : Языки славянской культуры, 1996. С. 159–206.
10. *Marci Fabii Quintilianii*. De oratoria institutione libri XII. Parisiis, 1725. 859 p.
11. *M. Tullii Ciceronis*. Opera ad optimas editiones collata, iss. II. Biponti, 1780. 459 p.

12. *D. Magni Ausonii*. Burdigalensis opera omnia, iss. II. Londini, 1823. 529 p.
13. *Квятковский А.* Поэтический словарь. М. : Сов. энцикл., 1966. 376 с.
14. *Москвин В. П.* Интертекстуальность : Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили : 2-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2012. 168 с.
15. *Stephanus H.* Homeric Centones, à veteribus vocati Ὀμηρόκεντρα. Virgiliani Centones. Utrique in quædam historiae sacræ capita scripti. Nonni paraphrasis evangelii Joannis, Graecè & Latinè. Parisiis, 1578. 356 p.
16. *Damasus Blyenburgium*. Cento ethicus ex ducentis poetis hinc inde contextus. Dordraci, 1600. 428 p.
17. *Mansfeld J.* Heresiography in context. Leiden : Brill Academic Publ., 1992. 394 p.
18. *Nodier Ch.* Questions de littérature légale : Du plagiat, de la supposition d'auteurs, des supercherries qui ont rapport aux livres. Paris : Roret, 1828. 226 p.
19. *Stemplinger E.* Das Plagiat in der griechischen Literatur. Leipzig : B. G. Teubner, 1912. 293 p.
20. *Tucker G. H.* Mantua's «Second Virgil» // *Ut granum sinapis*. Essays on neo-latin literature / ed. G. Tournoy, D. Sacré. Leuven Univ. Press, 1997. P. 264–291.
21. *M. Annæi Senecæ rhetoris Opera*, quæ extant. T. III. Amstelodami, 1672. 454 p.
22. *Borresen K. E., Cabibbo S., Specht E.* Gender and religion. Carocci, 2001. 232 p.
23. *Crusius O.* Cento // *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft in alphabetischer Ordnung* : in XXIV Bd. / herausg. A. Pauly. Bd. III. Stuttgart, 1899. S. 1950–1950.
24. *Ἀτακτα ἤγουν παντοδαπὸν εἰς τὴν ἀρχαίαν καὶ τὴν νέαν ἐλληνικὴν γλώσσαν αὐτοσχεδίων σημειώσεων, καὶ τίνων ἄλλων υπομνημάτων, αὐτοσχέδιος συναγωγὴ* : 5 t. T. I. Crete : Παρισίους, 1828. 453 s.
25. *Thesaurus Graecae Linguae* ab H. Stephano constructus. Iss. V. Londini, 1823. 583 p.
26. *Quinti Septimii Florentis Tertulliani Presbyteri Carthaginensis Opera*. Lutetiae Parisiorum, 1641. 230 p.
27. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Языки славянской культуры, 1997. 480 с.
28. *McGill S.* Virgil recomposed : the mythological & secular centos in antiquity. Oxford Univ. Press, 2005. 260 p.
29. *Excerpta varia // Anecdota Græca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium* / descr. J. A. Cramer. Iss. IV. Oxonii, 1837. S. 17–36.
30. *Sancti Irenæi episcopi lugdunensis quæ supersunt omnia* : in 2 vol. / ed. A. Stieren. Vol. I. Lipsiae, 1853. 1116 p.
31. *Jo. Alberti Fabricii*. Bibliotheca graeca, sive notitia scriptorum veterum Graecorum. Hamburgi, 1708. 618 p.
32. *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem* : 5 t. T. I. Lipsiae, 1827. 365 p.
33. *Rondholz A.* The Versatile Needle : Hosidius Geta's Cento «Medea» and Its Tradition. Göttingen, 2012. 172 p.
34. *Delepierre O.* Revue analytique des ouvrages écrits en centons : depuis les temps anciens jusqu'au XIXième siècle. Londres : Trubner, 1868. 508 p.
35. *Verweyen Th., Witting G.* Der Cento. Eine Form der Intertextualität von der Zitatmontage zur Parodie // *Euphorion*. Iss. 87, № 1, 1993. S. 1–27.
36. *Æneis sacra continens acta Domini nostri Iesu Christi*. Collecta per Fr. St. Pleurreum. Parisiis, 1618. 111 p.
37. *Homero-centones Eudociae Augustae* / rec. M. Usher. Stuttgart : Teubner, 1999. 114 s.
38. *Usher M. D.* Homeric stitchings : the Homeric Centos of the Empress Eudocia. Oxford, 1998. 173 p.
39. *Mikics D.* A new handbook of literary terms. Yale Univ. Press, 2007. 368 p.
40. *Plett H.F.* Literary Rhetoric. Leiden, 2009. 217 p.
41. *Berg W.* Autorität und Schmuck. Über die Function des Zitates von der Antike bis zur Romantik // *Instrument Zitat* : über den literarhistorischen und institutionellen Nutzen von Zitaten und Zitieren / herausg. K. Beekman, R. Grüttemeier. Amsterdam, 2000. S. 16–28.
42. *Белецкий А. И.* Избранные труды по теории литературы. М. : Просвещение, 1964. 478 с.
43. *Шкловский В.* Тетива. О несходстве сходного. М. : Советский писатель, 1970. 477 с.
44. *Œuvres completes de Boileau Despréaux* : des 4 vol. Vol. II. Paris, 1825. 586 p.
45. *Suidae Lexicon* / ex recogn. I. Bekkeri. Berolini, 1854. 965 p.
46. *Poetae Graeci Christiani* : una cum Homericis centonibus, ex sanctorum Patrum operibus collecti. Lutetiae, 1609. 267 p.
47. *Sandnes K. O.* The Gospel 'According to Homer and Virgil' : Cento and Canon. Leiden, 2011. 280 p.
48. *Мицз З. Г.* Поэтика Александра Блока. СПб. : Искусство-СПб., 1999. 728 с.
49. *Desiderii Erasmi Roterodami Opera omnia* : in VII vol. Vol. II. Adagia. Lugduni Batavorum, 1703. 385 p.
50. *Capperonnerius C.* Notae // *Marci Fabii Quintilianus de oratoria institutione libri XII*. Parisiis, 1725. P. 232–246.
51. *Harris J. R.* The homeric centones and the acts of Pilate. L., 1898. 92 p.
52. *Гаспаров М. Л.* Центон // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / под ред. Н. Николюкина. М. : АСТ, 2003. С. 1185–1185.
53. *Essais de Michel de Montaigne* : des 6 vol. Vol. I. Paris, 1828. 422 p.
54. *Lipsius J.* Politica / ed. J. H. Waszink. The Hague, 2004. 839 p.
55. *Lafond J.* Le Centon et son usage dans la littérature morale et politique // *L'automne de la Renaissance* : 1580–1630 / éd. J. Lafond, A. Stegmann. Paris, 1981. P. 117–128.
56. *Moss A.* The Politics of Justus Lipsius & the Commonplace-Book // *Journal of the History of Ideas*. 1998. Iss. 59, № 3. P. 421–436.

57. Рузина Е. Г. «Центон» Фальтонию Пробы (вергилианские стихи на христианские темы) // Античный мир и археология : межвуз. науч. сб. / под ред. С. Ю. Монахова. Вып. 3. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1977. С. 46–63.

58. Divi Hieronymi Stridonensis Epistolæ aliquot selectæ. Matriti, 1829. 344 p.

59. Гаспаров М. Л., Рузина Е. Г. Вергилий и вергилианские центоны (Поэтика формул и поэтика реминисценций) // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности / под ред. Е. М. Мелетинского. М. : Наука, 1978. С. 190–211.

REFERENCES

1. Moskvin V. P. *Virazitelnije sredstva sovremennoj russkoj rechi: Tropi i figuri. Terminologičeskij slovar'* [Expressive means of the modern Russian language: Paths and shapes. Glossary]. Rostov-na-Donu, 2007. 944 p.

2. Cicero Ad. C. *Herennium de ratione dicendi (Rhetorica ad Herennium)*. Harvard Univ. Press, 1977. 508 p.

3. Aquilae Romani. De figuris sententiarum et elocutionis liber. *Rhetores latini minores*. Lipsiae, 1863, pp. 106–181.

4. Genette G. *Métalepse. De la figure à la fiction*. Paris, 2004. 144 p.

5. Tomashevskij B. V. *Teorija literaturi. Poetika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, 1996. 334 p.

6. Moskvin V. P. Izuchajem grotesknij stil' [Study the grotesque style]. *Russkij jazik v shkole* [Russian language in school]. 2011, no. 6, pp. 38–41.

7. Αρστείδου Τεχνων ρητορικων. *Rhetores graeci*. Em. Ch. Walz. Iss. 9. Stuttgartiae, 1836, ss. 26–58.

8. Φοιβάμμωνος σχόλια περί σχημάτων ρητορικων. *Rhetores graeci*. Em. Ch. Walz. Iss. 8. Stuttgartiae et al., 1835, ss. 79–93.

9. Bahtin M. M. Problema rečevih zsanrov [The problem of speech genres]. *Bahtin M. M. Collected works : in 7 vol.* Vol. 5. Moscow, 1996, pp. 159–206.

10. Marci Fabii Quinctiliani. *De oratoria institutione libri XII*. Parisiis, 1725. 859 p.

11. M. Tullii Ciceronis. *Opera ad optimas editiones collata*. Iss. II. Biponti, 1780. 459 p.

12. D. Magni Ausonii. *Burdigalensis opera omnia*. Iss. II. Londini, 1823. 529 p.

13. Kviatkovskij A. *Poeticheskij slovar'* [Poetic vocabulary]. Moscow, 1966. 376 p.

14. Moskvin V. P. *Intertekstualnost': Poniatijnij apparat. Figuri, zsanri, stili* [Intertextuality: conceptual apparatus. The figures, genres, styles]. Moscow, 2012. 168 p.

15. Stephanus H. *Homerici Centones, à veteribus vocati Ομηροκεντρα. Virgiliani Centones. Utrique in quaedam historiae sacrae capita scripti. Nonni paraphrasis evangelii Joannis, Graecè & Latinè*. Parisiis, 1578. 356 p.

16. Damasus Blyenburgium. *Cento ethicus ex ducentis poetis hinc inde contextus*. Dordraci, 1600. 428 p.

17. Mansfeld J. *Heresiography in context*. Leiden, 1992. 394 p.

18. Nodier Ch. *Questions de littérature légale: Du plagiat, de la supposition d'auteurs, des supercheres qui ont rapport aux livres*. Paris, 1828. 226 p.

19. Stemplinger E. *Das Plagiat in der griechischen Literatur*. Leipzig, 1912. 293 p.

20. Tucker G. H. Mantua's «Second Virgil». *Ut granum sinapis. Essays on neo-latin literature*. Ed. G. Tournoy, D. Sacré. Leuven Univ. Press, 1997, pp. 264–291.

21. M. Annæi Senecæ rhetoris Opera, quæ extant. T. III. Amstelodami, 1672. 454 p.

22. Børresen K. E., Cabibbo S., Specht E. *Gender and religion*. Carocci, 2001. 232 p.

23. Crusius O. Cento. *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft in alphabetischer Ordnung: in XXIV Bd.*. Herausg. A. Pauly. Bd. III. Stuttgart, 1899, ss. 1950–1950.

24. Ατακτα ἡγουν παντοδαπὸν εἰς τὴν ἀρχαίαν καὶ τὴν νέαν ἐλληνικὴν γλῶσσαν αυτοσχεδίων σημειώσεων, καὶ τίνων ἄλλων υπομνημάτων, αυτοσχεδίου συναγωγῆ: 5 t. T. I. Crete, 1828. 453 s.

25. *Thesaurus Graecae Linguae ab H. Stephano constructus*. Iss. V. Londini, 1823. 583 p.

26. Quinti Septimii Florentis Tertulliani Presbyteri Carthaginiensis Opera. Lutetiae Parisiorum, 1641. 230 p.

27. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantijskoj literaturi* [The poetics of early Byzantine literature]. Moscow, 1997. 480 p.

28. McGill S. *Virgil recomposed : the mythological & secular centos in antiquity*. Oxford Univ. Press, 2005. 260 p.

29. Excerpta varia. *Anecdota Græca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium*. Descr. J. A. Cramer. Iss. IV. Oxonii, 1837, ss. 17–36.

30. *Sancti Irenæi episcopi lugdunensis quæ supersunt omnia: in 2 vol.* Ed. A. Stieren. Vol. I. Lipsiae, 1853. 1116 s.

31. Jo. Alberti Fabricii Bibliotheca graeca, sive notitia scriptorum veterum Graecorum. Hamburgi, 1708. 618 p.

32. *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem: 5 t.* T. I. Lipsiae, 1827. 365 p.

33. Rondholz A. *The Versatile Needle: Hosidius Geta's Cento «Medea» and Its Tradition*. Göttingen, 2012. 172 p.

34. Delepierre O. *Revue analytique des ouvrages écrits en centons : depuis les temps anciens jusqu'au XIXième siècle*. Londres, 1868. 508 p.

35. Verweyen Th., Witting G. Der Cento. Eine Form der Intertextualität von der Zitatmontage zur Parodie. *Euphorion*, 1993, iss. 87, no. 1, ss. 1–27.

36. Æneis sacra continens acta Domini nostri Iesu Christi. Collecta per Fr. St. Pleurreum. Parisiis, 1618. 111 p.

37. *Homerocentones Eudociae Augustae*. Rec. M. Usher. Stuttgart, 1999. 114 s.

38. Usher M. D. *Homeric stitchings: the Homeric Centos of the Empress Eudocia*. Oxford, 1998. 173 p.

39. Mikics D. *A new handbook of literary terms*. Yale Univ. Press, 2007. 368 p.

40. Plett H.F. *Literary Rhetoric*. Leiden, 2009. 217 p.

41. Berg W. Autorität und Schmuck. Über die

Function des Zitates von der Antike bis zur Romantik. *Instrument Zitat: über den literarhistorischen und institutionellen Nutzen von Zitaten und Zitieren*. Herausg. K. Beekman, R. Grüttemeier. Amsterdam, 2000, ss. 16–28.

42. Beletskij A. I. *Izbrannije trudi po teorii literaturi* [Selected papers on literature]. Moscow, 1964. 478 p.

43. Schklovskij V. *Tetiva. O neshodstve shodnogo* [Bowstring. About dissimilarity similar]. Moscow, 1970. 477 p.

44. Œuvres complètes de Boileau Despréaux: des 4 vol. Vol. II. Paris, 1825. 586 p.

45. Suidae Lexicon. Ex recogn. I. Bekkeri. Berolini, 1854. 965 p.

46. *Poetae Graeci Christiani: una cum Homericis centonibus, ex sanctorum Patrum operibus collecti*. Lutetiae, 1609. 267 p.

47. Sandnes K. O. *The Gospel 'According to Homer and Virgil': Cento and Canon*. Leiden, 2011. 280 p.

48. Mints Z. G. *Poetika Aleksandra Bloka* [Poetics of Alexander Blok]. St.-Petersburg, 1999. 728 p.

49. *Desiderii Erasmi Roterodami Opera omnia: in 7 vol.* Vol. II. Adagia. Lugduni Batavorum, 1703. 385 p.

50. Capperonnerius C. *Notae. Marci Fabii Quintilianii de oratoria institutione libri XII*. Parisiis, 1725, pp. 232–246.

51. Harris J. R. *The homeric centones and the acts of Pilate*. London, 1898. 92 p.

52. Gasparov M. L. Tsenton. *Literaturnaja entsiklo-pedija terminov i poniatij* [Literary

Encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2003, pp. 1185–1185.

53. *Essais de Michel de Montaigne: des 6 vol.* Vol. I. Paris, 1828. 422 p.

54. Lipsius J. *Politica*. Ed. J. H. Waszink. The Hague, 2004. 839 p.

55. Lafond J. Le Centon et son usage dans la littérature morale et politique. *L'automne de la Renaissance: 1580–1630*. Ed. J. Lafond, A. Stegmann. Paris, 1981, pp. 117–128.

56. Moss A. The *Politica* of Justus Lipsius & the Commonplace-Book. *Journal of the History of Ideas*, 1998, iss. 59, no. 3, pp. 421–436.

57. Ruzina E. G. «Tsenton» Faltonii Probi (vergilianskije stihi na hristianskie temi) [«Tsenton» by Faltonii Probi (Vergilian poems on Christian themes)]. *Antichnij mir i arheologija: mezhvuz. nauch. sb.* [Archaeology and the Ancient World: interuniversity collection of scientific works. Ed. by S. Yu. Monahov]. Iss. 3. Saratov, 1977, pp. 46–63.

58. *Divi Hieronymi Stridonensis Epistolae aliquot selectae*. Matriti, 1829. 344 p.

59. Gasparov M. L., Ruzina E. G. Vergilij i vergilianskije tsentoni (Poetika formul i poetika reministsentsij) [Virgil and vergilian tsenton (Poetics of formulas and Poetics of reminiscences)]. *Pamiatniki kniznogo eposa. Stil' i tipologicheskie osobennosti* [Monuments of the book of the epic. Style and typological features. Ed. by E. M. Meletinskiy]. Moscow, 1978, pp. 190–211.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 821.161.1.09-1+929Цветаева
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8ЦветаеваМ.И.

В. А. Маслова
Витебск, Беларусь

V. A. Maslova
Vitebsk, Belarus

ЖАНР ЗАГОВОРА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. В статье рассматривается поэтическое творчество М. Цветаевой, в частности ее поэма «Переулочки», с позиций теории речевых жанров. Установлено, что заговор – это сложный вторичный жанр, который отвечает большинству признаков-характеристик речевого жанра. Ранее заговор исследовался как жанр устного народного творчества. В нашей статье заговор рассматривается как жанр поэтического текста М. Цветаевой, которая стремилась реализовать в своей поэзии форму «словесного колдовства», игру ритма, интонации, звука, она использовала также все богатство потенций смысла. В статье показано, что поэтическое слово имеет огромную власть над человеком. Эта власть сродни магической власти.

Ключевые слова: речевые жанры, заговор, поэтическое творчество, мистическое, суггестия, игра ритма и слова.

Сведения об авторе: Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор. Место работы: Витебский государственный университет имени П. Машиерова; кафедра общего и русского языкознания.

E-mail:mvavit@tut.by

THE GENRE OF INCANTATION IN M. TSVETAYEVA'S POEMS

Abstract. The article deals with the poetry of Marina Tsvetaeva, in particular with the poem «Lanes», from the standpoint of the theory of speech genres. It is established that the plot is a complex secondary genre that corresponds to most of the characteristics of the speech genres. Earlier, the incantation was considered a genre of folklore. In this article the incantation is a genre of Marina Tsvetaeva's poetic text. Tsvetaeva strived to implement the form of "verbal magic", a game of rhythm, intonation and sound in her poetry, and she also used the wealth of potentialities sense. The article shows that the poetic word has great power over man. This power is akin to magic power.

Key words: speech genres, the incantation, poetry, mystical, suggestion, the play of rhythm and words.

About the author: Maslova Valentina Avraamovna, Doctor of Philology, Professor. Place of employment: Vitebsk State University, Department of General and Russian Linguistics.

Теорения здравомысленных
затмятся творениями неистовых
Платон.

Языкознание второй половины XX в. ознаменовалось появлением нескольких новых оригинальных теорий коммуникации – теории речевых актов, теории речевых жанров, теории языковых игр, теории межкультурной коммуникации. Общим для них является деятельностный подход к коммуникации и языку в целом с его идеей единства коммуникативной и некоммуникативной человеческой деятельности, поскольку коммуникативная деятельность человека – это важнейшая составляющая его социального поведения. Но при этом каждая из данных теорий по-своему решает проблему общения личности в социальной среде, и у каждой из них – своя судьба. Например, судьба теории речевых жанров складывалась не столь удачно, как теории речевых актов. Созданная М. М. Бахтиным в 50-е годы (т.е. даже раньше ТРА), какое-то время она оставалась не востребовавшей. Но, начиная с 70-х, наблюдается всплеск инте-

реса к проблеме. В наши дни теория речевых жанров чрезвычайно популярна, и она имеет огромный потенциал.

В основу ТРЖ положен коммуникативно-деятельностный подход, в соответствии с которым за единицу речевой деятельности принимается текст, имеющий свои композиционные и стилистические особенности. Эти черты в соединении с речевым замыслом субъекта позволяют говорить о речевом жанре [1 : 237].

Исторически и идейно ТРЖ восходит к теории функциональных стилей (Н. М. Разинкина, М. П. Брандес и др.). Целый ряд современных лингвистов в понимании жанра на первый план выдвигают коммуникативную и прагматическую сторону. Так, Л. А. Кочетова под жанром понимает группу текстов, «которые используются для решения конкретной коммуникативной задачи в конкретных условиях общения» [2 : 58].

Итак, современная теория речевых жанров основывается на концепции М. М. Бахтина, который, сопоставляя речевые жанры с формой высказывания, рассматривает их

как единицу языкового общения: «...говорящему даны не только... формы общенародного языка..., но и обязательные для него формы высказывания, т. е. речевые жанры» [1 : 259], «мы отливаем нашу речь по определяемым жанровым формам. Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [1 : 257]; «... речевые жанры приходят в человеческое сознание вместе с языком. Научиться говорить значит научиться строить высказывание. Мы говорим высказываниями, а не отдельными словами и предложениями» [1 : 257]. Бахтин полагает, что речевые жанры строятся из высказываний – единиц речевого общения субъектов.

Важнейшими теоретическими положениями концепции Бахтина, на наш взгляд, являются:

- коммуникативный подход к описанию речевых жанров;
- тесная связь речевого жанра с текстом; наличие жанров не только в художественной литературе, но и в текстах иных сфер деятельности (научной, публицистической и др.);
- деление жанров на первичные (простые) и вторичные (сложные) и др.

На сегодняшний день нет единой концепции РЖ. Так, некоторые лингвисты соотносят термин «речевой жанр» с термином «речевой акт» (РА), считая их аналогами [3–5]. Нет и единой типологии жанров, потому что количество жанров велико, оно соответствует различным видам деятельности человека. Это и бытовой диалог, и деловые документы, и публицистические жанры, и научные жанры, и литературные жанры, а также такие жанры, как беседа, рассказ, извинение, приказ, благодарность, приветствие и т. д. Ученые не оставляют попыток систематизировать жанры речи [6]. Так, опираясь на теорию речевых жанров М. М. Бахтина, А. Г. Баранов предлагает следующие разновидности РЖ: первичные (простые) и первичные (сложные) речевые жанры; вторичные (простые) и вторичные (сложные) речевые жанры-тексты, включающие низшие речевые жанры в трансформированном виде [7 : 338–340].

Первичные простые жанры охватывают диалогические тексты, входящие в сферу межличностного общения. Предметные области могут быть самыми различными. Первичные сложные жанры представляют собой длящиеся диалоги, в которых можно выявить коммуникативные ходы, шаги и их композиционные схемы. Вторичные простые жанры есть вербальная реализация различных ситуаций, событий и их эмоциональная оценка. К данному виду жанров относятся тексты-описания, повествования, рассужде-

ния. Они характеризуются однородностью в когнитивном и модальном планах. Вторичные сложные жанры состоят из совокупности текстов первых трех видов, трансформированных по определенным схемам.

Но в живом общении часто происходит смешение жанров и образование их промежуточных форм, смешанных жанров. Думается, что по этой причине представляется невозможным построение полной и всеобъемлющей классификации типов жанров, которая учитывала бы абсолютно все характеристики жанра. Дело в том, что в процессе создания текста автор, в зависимости от коммуникативной ситуации, определяет тот или иной стереотип, канон, исходя из которого он осуществляет свой замысел. Речь идет о выборе стиля, в рамках которого речетворческий текст «отливается» в определенный жанр. Внутрижанровая вариативность предоставляет тексту возможность дальнейшего развития в пределах выбранного направления [8 : 188].

В. В. Дементьев называет речевыми жанрами ссоры, разговоры по душам, дискуссии. Т. С. Зотеева и Г. М. Ярмаркина изучают просьбу как РЖ и т.д.

Подводя итог сказанному, мы считаем, вслед за М. М. Бахтиным, что РЖ – это форма организации речи, которая дается индивиду почти так же, как ему дается родной язык. Индивид свободно владеет РЖ практически, не задумываясь над теоретической стороной. Знание жанровых форм настолько естественно для каждого субъекта, что «слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем (т.е. приблизительную длину речевого целого), определенное композиционное построение, предвидим конец, т.е. с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи» [1 : 257–258]. Когда субъект намеревается высказать что-то, у него в сознании возникает образ соответствующего жанра, и далее он следует его канонам, структуре.

Согласно классификации А. Г. Баранова, заговор – это сложный вторичный жанр. Как жанр речи он отвечает большинству признаков-характеристик речевого жанра. Ранее заговор исследовался как жанр устного народного творчества. Он является самым древним жанром фольклора (наряду с заклинаниями, загадками, поверьями, сказками и быличками) и уходит своими истоками в глубокую древность. Первые сведения о названных жанрах у восточных славян встречаются в летописных сводах X века, в договорах XI века русских с греками. Позднее

заговоры включаются в древнерусские памятки, а с XVI – XVII вв. о них есть сведения в судебных документах о колдовстве.

Точки зрения на происхождение заговоров различны. Ф. И. Буслаев и А. Н. Афанасьев, например, настаивали на их связи с мифом [9 ; 10]. А. А. Потебня усматривал в заговорах склад древнего поэтического мышления. По его определению, они – «словесное изображение пожелания через сравнение» [11 : 147]. Существуют мнения, что заговоры возникли на основе византийских апокрифов [12], на основе халдейских книг [13], на основе чернокнижия.

Урон, по Т. В. Цивьян, семантизируется как на-говор, т.е. вред, нанесенный словом. А заговор – это то, что может уменьшить урон или отвести его, т.е. возможность защититься. Отсюда интерес к данному жанру. Заговор в нашей работе рассматривается как специфический жанр речи, в том числе поэтической.

Ведовское знание, т.е. заговоры, колдовство, с точки зрения православия, – неистовство (см. эпиграф). В своем этимологическом значении *истъ* – «истинный, настоящий». Сейчас – это синоним слов *одержимый*, *исступленный*. Обретение тайного знания воспринималось древними как колдовство. Считалось, что обладание тайными знаниями для обычного человека может иметь самые плохие последствия – от сумасшествия и до смерти. Суеверный страх перед знаниями, возвышающимися над уровнем простой опытности, был одной из причин выделения особых людей у славян – волхвов. Поэт – это тоже волхв в каком-то смысле.

Как известно, поэтический текст – отличный полигон для обнаружения в нем многих явлений, потому что поэтический язык – очень динамическая система. Многие языковые новшества, прежде чем получить всеобщее признание и стать нормой языка, возникают и апробируются именно в поэзии. Но есть еще одна сторона поэзии. П. Флоренский считал, что, входя в поэтическую речь, мы застаем язык в его новорожденном состоянии. Поэтические смыслы (гораздо чаще, чем смыслы обыденного языка) принадлежат к сфере бессознательного и не имеют вербальных средств выражения, а потому они недоступны рациональным методам постижения, они требуют от читателя сопереживания поэту, вчувствования в текст, озарения. Поэтическое слово, как известно, полно глубокого оккультного смысла. Таково слово М. Цветаевой, которая знает даже Космос («Поэма Воздуха»), она создает свой

мир подобно демиургу через «единственно осмысленную стихию – слово» (М. Цветаева):

*Гора горевала (а горы глиной
Горькою горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.*

(«Поэма горы»).

Сталкивая сходнозвучащие слова (*гора – горе – горький*), поэт рисует нам разрывающую сердце картину горя расставания с любимым, когда вся природа сочувствует лирической героине, также впадая в тоску-горе.

Поскольку поэт – это пророк и ведун-волшебник, то любопытно посмотреть, как он достигает предела суггестии, превращая свой текст в заговор. Не случайно Г. Гауптман писал: «Быть поэтом – значит позволить, чтобы за словами прозвучало Пра-слово». А В. Набоков утверждал: «Любой писатель может рассматриваться с трех точек зрения: как рассказчик, как учитель и как чародей (волшебник). В большом писателе совмещаются все три, но великим его делает преобладание чародейства». И с этой точки зрения, Цветаева – великий поэт, поэтому совершенно обоснованно «величайшим поэтом XX века» ее назвал И. Бродский.

М. Цветаева использует слово *заговор* в прямом значении «тайное соглашение нескольких лиц о совместных действиях против кого-, чего-либо...» (СРЯ, Т.1, 1981, с. 509), например, в этом значении несколько раз используется *заговор* в «Червонном Валете», в цикле «Стихи к Пушкину» (*заговор равных...*), в цикле «Деревья» (*У деревьев – трелеты таинств / Это – заговор против века...*) и др. Но сама М. Цветаева активно использует *заговор* и во втором значении – как «набор слов, предназначенных для воздействия» (СРЯ, Т.1, 1981, с. 509): *Словно заговор – / Взгляд. Низших рас –/ Взгляд*. И это значение в ее творчестве используется намного чаще. Так в «Крысолове» она говорит о *тоне заговора*. В ее творчестве хорошо представлена мистическая лирика – «Берегись», «Бог», «Сивилла», «Когда же, Господин...», «Новогоднее», «С Моря», «На Красном коне», «Эвридика – Орфею» и т.д. Загадочным и суггестивным в них является зарисовка будущего, которое представлено двумя жанровыми разновидностями – будущее как дальний круг развития поля времени вообще и личное будущее – как формы выхода в иные формы существования («Поэма Воздуха»). Возносящаяся мысль в «Поэме Воздуха» переходит в звуковую вибрацию, т.е. тончайшую энергию. Эта поэма – акт ясновидения, выхода «Я» лирической героини

ни в другие формы бытия, из нашего поля пространства и времени.

Сама М. Цветаева писала: «Есть в стихах, кроме всего (а его много!), что можно учесть – неучтимо. Оно-то и есть стихи» (Марина Цветаева, 1997 : 198). Вот в этом «неучтимо» и спрятан заговор.

И в этом смысле большая часть ее поэмы «Переулочки» может быть рассмотрена как заговор:

*Свет до свету горит,
Должно, требу творит,
Богу жертву кадит,
С дуба требоваит.*

Здесь описаны действия, которые в древности сопровождали заговоры и заклинания. Много лет спустя в письме к Ю. Иваску М. Цветаева назвала ее «историей последнего обольщения». Колдунья Маринка создает свой собственный Рай, где уже собраны души 12 молодцов, последним в этом раю должен быть описанный в поэме молодец. Показательно, что героиня «переулочков» сулит молодцу истинную любовь только в ином мире, где нет земных соблазнов.

Заговор явлен нам здесь не столько в словах, сколько в музыке стиха, которая становится иррациональным началом, выражением Невидимого и Непознанного, при этом поэт жалуется на невозможность сказать многое из этой области:

*Дунет – костром загарит,
Плюнет – рублем подарит,
Ох, башковит-красовит,
Дальше – язык не велит!*

М. Цветаева писала о своей героине: «У меня – словами, болтовней, под шумок которой все и делается: уж полог не полог – а парус, а вот и речка, а вот и рыбка, и т.д. ... Она – морока и играет самым страшным». Чтобы донести это до читателя, М. Цветаева лишает Маринку конкретного лица и имени, т.е. образ из бытового плана переводит в мистический, символический [14]. Она, морока, как это и случается в мифах и сказках, то речкой смеется, то матушкой на лугу оборачивается, то конем-погоней оказывается. Конь-погоня – нераздельный образ в славянском менталитете:

*Красен тот конь,
Как на иконе.
Я же и конь,
Я ж и погоня.*

Часто у нее иррациональное глубоко запрятано в рациональном: реальная матушка парня стоит на берегу речки, но это видение, которое открывается заговоренному парню:

*Река – радужну
Широту струит.*

*Видишь – матушка
На лужку стоит...*

Демоническое начало в творчестве – из души самого поэта. М. Цветаева еще и чернокнижница, обладающая колдовской силой и властью, которую она чувствует в себе и боится ее. Она пишет А. Бахраху: «Я знаю это мимовольное наколдывание (почти всегда – бед! Но, слава богам, – себе!). Я не себя боюсь, я своих стихов боюсь». Следовательно, она знала об этой своей силе. Не случайно Б. Пастернака, близкого ей по духу поэта, она называла своим братом «в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении» (Цветаева, 1993, V : 319). Вероятно, через невидимое пятое измерение заволаживают ее непонятные стихи:

*Занавес-мой-занавес!
Мурзамецкий мой отрез!
Часть-рябь-слепь-резь!
Мне лица не занавесь!*

Или уж совсем загадочные, в которых работает лишь гармония ритма:

*А – и – рай!
А – и – вей!
О – би – рай!
Не – ро – бей!*

Понятные, поддающиеся дешифровке фразы перемежаются в поэме со словами заговора, сопровождаются приговором, присказкой. Их фонетическое оформление (*льни, льны, (смо)ляны, (зе)лены*) вкуче с ритмом создают картину «воркующего» заговора. Этот «говорок» в конце концов доведет добра молодца до беды. Морока затуманивает, ворожит, колдует, «забалтывает», обольщает юношу «словами, болтовней».

Вся поэма «Переулочки» полна колдовства и ритмичного пения; магия добра и зла наполняет текст и усиливает впечатление от него; речи ее смутные и смущающие одновременно. Кажется, что М. Цветаева сама вместе со своей лирической героиней «ворожит», играет со словом:

*Яблок ласть,
Яблок – ласть.
Рук за пазуху
Не класть...*

*Речка – зыбь,
Речка – рябь.
Рукой – рыбоньки
Не лапь.*

Здесь очень трудно разделить поэта и ее лирическую героиню, ибо колдовскую силу самой М. Цветаевой видели многие, кто тесно общался с нею. Так, В. Лосская приводит слова дочери М. Цветаевой – Ариадны Эфрон, которая ей сказала: «Марина Цветаева – колдунья. Она и вас заколдует» [15 : 23].

Еще будучи маленькой, Ариадна интуитивно почувствовала, что в ней что-то не так, как у всех. Перед крестинами Мура (брата Георгия) она сказала: «Мама, а вдруг, когда он (священник – Сергей Булгаков) скажет “дунь и плюнь”, Вы ... исчезнете». Позже, когда она священнику рассказывала о своих опасениях, то он слушал взволнованно: «Может быть, того же боялся?» – задает риторический вопрос Ариадна [16 : 236].

Благодаря лингвистической виртуозности (опора на ассоциативные связи, обогащающие текст, на дополнительные смысловые оттенки и интонационные нюансы, завораживающие «темноты» смысла) поэма становится загадочной и непонятной при поверхностном прочтении. Основной ее конфликт – соблазн, а сюжет – искушение молодца и покорение его злыми чарами. Цена искушения – загубленная душа. Задача колдуньи – заставить героя забыть, «отринуть» свою бывшую жизнь – «волеваныице», а главное – веру: *Смекай, мол, детинушка / Своя здесь святынюшка; Все Христы-то где ж? – Вышедши...* По мере того, как магия Мороки обретает силу, мир меняется на глазах у юноши и он сам отдается во власть чар. Колдунья завораживает молодца тремя соблазнами, тремя стихиями – одна перетекает в другую: земными («яблочками, яхонтами»), водными («реченька» и «рыбонька», которые ускользают) и небесными – огненными (*Проходи со мной / Муку огненну*), радужными, лазоревыми (*Два крыла, / Да в лазорь!*), «седьмыми небесами» – наслаждением. Преодолев три соблазна, молодец покорен четвертым. Морока покоряет его словом. Таково поэтическое слово самой М. Цветаевой. И здесь поэзия и магия оказываются идентичны: сначала они приводят в восторг, затем околдовывают. По мнению М. Цветаевой, слово еще изначально, до произнесения обладает магическими свойствами, и обретут ли они реальное воплощение, зависит только от того, при каких условиях, как и будет ли вообще произнесено слово: *Да разве я то говорю, что знала, пока не открыла рта...*

Написана поэма «Переулочки» народной «мольвью». «Заговорный» язык поэмы полон неологизмов (*волеваныице, сладкослюнчатый* и др.), окказиональных соединений слов (*Поклон-тот-непослан, Дурость така-соплячество*), видоизмененных пословиц (*Плюнет – рублем подарит*), типично фольклорных оборотов (*Знобь-Тумановна, Зорь-Лазаревна, Синь-Озеровна, Синь-Ладоновна, Синь-Савановна*), слов-символов (*Лазорь, Морока*) и др. Использование ею слов, имеющих давнюю традицию употребления в фольклоре,

дает расширение семантического пространства текста, который делается необъятным, именно о таком слове можно сказать словами Гоголя, что в нем «бездна пространства». Примером может служить четверостишие из поэмы «Переулочки» М. Цветаевой, где повествование выплескивается за пределы Игнатьевских переулочков в параллельный мир, по особому озвученный:

*А звоньба-то отколь? – Запястьица!
А урчба-то отколь? – Заклятьице!
Попытай молодецка счастьяца
В переулочках тех Игнатьевских!*

Еще одна особенность поэмы – ее полифоничность: в ней слышатся несколько голосов одновременно:

*С памяти!
С памяти! (голос Маринки-колдуньи);
Ой! – Молния!
Ой! – Жжет! (голос Молодца);
Не – молния:*

Конь – ржет! (голос нарратора-рассказчика)
В ней переплетаются голос колдуньи-Маринки, молодца, нарратора (рассказчика), коня и др. То рассказчик говорит с героем и читателем, то лирическая героиня беседует с героем и рассказчиком:

*А не видел ли, млад, не вемо-што,
А не слышал ли, млад, – не знамо-што...*
(Рассказчик).

*А звоньба-то отколь? – Запястьица!
А урчба-то отколь? – Заклятьице! (Читатель и рассказчик).*

*От моих горячих губ –
Лихоманочки идут (Маринка).
А на што мне креститися?*

Все Христы-то где ж? – Вышедши (Читатель и герой).

Основная часть ее – это диалог двух голосов: героини (Мороки) и богатырского коня (разумного, трезвого начала в поэме):

*Льни,
Льни,
Черны
Котлы смоляны!
Не лги: смоляны,
То льны зелены.*

В этих строках дано сложное сочетание каузальности мира с бытием не-здесь. Это сотворение новых отношений с миром реальным и миром потусторонним, с душой Другого. У автора поэтический и мистический мир не просто «рождаются друг возле друга», а переходят один в другой.

Сама М. Цветаева верила в магическую силу Слова, жила им и творила в нем и не раз подчеркивала его магический эффект: «Сами слова стонут, зывают. Вот она, здравому смыслу неподсудная, в победоносности своей бесспорная – Магия слова (заклина-

ния, причитания, заговоры, плачи)!» (Цветаева, 1993, V : 268). Благодаря заговорной риторике фольклорный план поэмы – соблазн добра молодца девицей из Игнатьевских переулочков – переходит в философско-символический, мистический план – соблазн человеческой души с помощью заговора и колдовства.

Вероятно, поэзия вообще, а не только анализируемая поэма – это речь, обладающая суггестивной силой, потому что именно поэтическое слово способно «схватить» и постичь несказанное. Оно позволяет называть отдельные образные признаки, лежащие за пределами языка и языкового сознания. Эти признаки, составляя основу метафорических переносов, выступают единицами особого кода, лишь отдаленно (ассоциативно) связанного со значениями слов в обыденном языке. Именно такова поэзия М. Цветаевой: она умна и насквозь стихийна, связана с интуицией, это поэзия потока сознания, призрачности: *Око зрит – невидимую даль, / Сердце зрит – невидимую связь... / Ухо пьет – неслыханнейшую моль...* (Цветаева, 1994, II : 98).

Чтобы поэтическому тексту обрести аналогичную силу, стать заговором, нужно сочетание разных векторов, так как дело не только в языке, но и в самом поэте, степени мистичности его души. Скорее всего, бессознательное структурировано как язык, т.е. функционирует оно не на символическом и не на инстинктивном уровне, а на уровне языка. Поэтическое слово имеет огромную власть над человеком. Эта власть сродни магической власти. «Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве», считает Н. Бердяев [17 : 301]. Не случайно В. П. Григорьев называл поэзию **эстетико-эвристическим измерением языка** [18]. Не только создание, но и восприятие поэзии – эвристический процесс. Только подготовленный читатель за темнотой смысла у Цветаевой увидит ее глубинный пласт, и все это происходит благодаря языку поэта – страстной, сбивчивой поэтической импровизации.

Итак, М. Цветаева стремилась реализовать в поэзии форму «словесного колдовства», игру ритма и интонации, звука и смысла, использовала все богатство потенций смысла. Ее поэтический текст связан со стихийными душевными импульсами, в большинстве своем – это текст, в котором отражена идея первичности потустороннего опыта в познании мира, такой текст создается не по законам рассудочной деятельности, а по особым законам

Невысказываемого, которые скрыты в глубине психики автора, но прорываются в ее стихах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Искусство, 1979. 363 с.
2. Кочетова Л. А. Жанровые характеристики рекламного дискурса // Языковая личность : системы, нормы, стиль : тезисы докл. науч. конф. Волгоград : Перемена, 1998. С. 58–59.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 597–597.
4. Шмелева Т. В. Речевой жанр : опыт общефилологического осмысления // Collegium. Киев : УИМО, 1995. № 1–2. С. 57–65.
5. Шмелева Т. В. Речеведение : в поисках теории // Stylistika. Vol. VI. Opole, 1997. S. 301–313.
6. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
7. Баранов А. Г. Когнитивность жанра // Stylistika. Vol. VI. Opole, 1997. S. 331–343.
8. Карасик В. И. О категория дискурса // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1998. С. 185–197.
9. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. Т. 1. СПб. : Общественная польза, 1861. 643 с.
10. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. Т. 1. М., 1866. 384 с.
11. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков : Мирный труд, 1914. 243 с.
12. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Высш. шк., 1989. 408 с.
13. Миллер В. Ф. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры // Русская мысль. М., 1896. Кн. 7. С. 66–89.
14. Маслова В. А. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой. М. : Флинта ; Наука, 2004. 256 с.
15. Лосская В. Марина Цветаева в жизни. М. : Дом Марины Цветаевой, 1992. 348 с.
16. Эфрон А. Страницы воспоминаний // Марина Цветаева в воспоминаниях современников : сб. мемуаров / под ред. Л. Мнухина. М. : Аграф, 2002. С. 193–247.
17. Бердяев Н. Судьбы России. М. : АСТ, 2004. 336 с.
18. Григорьев В. П. О четырехмерном пространстве языка (Блок и Хлебников : эвристика в парадигмальных экспрессемах) // Изв. РАН. Сер. ЯзЛ. 2004. Т. 63, № 4. С. 12–30.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, 1979. 363 p.
2. Kochetova L. A. Zhanrovyye harakteristiki reklamnoy diskursa [Genre characteristics of advertising

discourse]. *Yazykovaya lichnost: sistemy, normy, stil: tezisy dokl. nauch. konf.* [Linguistic Personality: systems, standards and style: materials of a scientific conference]. Volgograd, 1998, pp. 58–59.

3. Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990, pp. 597–597.

4. Shmeleva T. V. Rechevoy zhanr: opyt obschafilologicheskogo osmysleniya [Speech genre: the experience of philological interpretation]. *Collegium*, Kiev, 1995, no.1–2, pp. 57–65.

5. Shmeleva T. V. Rechevedenie: v poiskah teorii [Speech studies: In Search of the theory]. *Stylistika*, Opole, 1997, vol.VI, pp. 301–313.

6. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

7. Baranov A. G. Kogniotipichnost zhanra [Cogniotypicality of genre]. *Stylistika*, Opole, 1997, vol. VI, pp. 331–343.

8. Karasik V. I. O kategoriyakh diskursa [On the categories of discourse]. *Yazykovaya lichnost: sotsiolingvisticheskie i emotivnyie aspekty: sb. nauch. tr.* [Language personality: sociolinguistic and emotive aspects: collection of scientific works]. Volgograd, 1998, pp. 185–197.

9. Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva: v 2 t.* [Historical Essays of Russian folk literature and art: in 2 vol.]. Vol. 1. St.-Petersburg, 1861. 643 p.

10. Afanasev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t.* [Poetic views of the Slavs on the environment: in 3 vol.]. Vol. 1. Moscow, 1866. 384 p.

11. Potebnya A. A. *O nekotorykh simvolakh v slavyanskoj narodnoy poezii* [Some characters in Slavic folk poetry]. Harkov, 1914. 243 p.

12. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, 1989. 408 p.

13. Miller V. F. Assiriyskie zaklinaniya i russkie narodnyie zagovoryi [Assyrian spells and incantations]. *Russkaya mysl* [Russian thought]. Moscow, 1896, book 7, pp. 66–89

14. Maslova V. A. *Poet i kultura. Kontseptosfera Marinyi Tsvetaevoy* [Poet and culture. Conceptosphere of Marina Zvetaeva]. Moscow, 2004. 256 p.

15. Losskaya V. *Marina Tsvetaeva v zhizni* [Marina Zvetaeva in her life]. Moscow, 1992. 348 p.

16. Ehfron A. Stranitsy vospominanij [Pages of memories]. *Marina Tsvetaeva v vospominaniyakh sovremennikov: sb. memuarov* [Marina Zvetaeva in the memoirs of contemporaries: collection of memoirs. Ed. by L. Mnuhin]. Moscow, 2002, pp. 193–247.

17. Berdyaev N. *Sudby Rossii* [Destinies of Russia]. Moscow, 2004. 336 p.

18. Grigor'ev V. P. O chetyrehmernom prostranstve yazyika (Blok i Hlebnikov: evristika v paradigmalnykh ekspressemah) [About four-dimensional language space (Block and Khlebnikov: Heuristic in paradigmatic expresemas)]. *Izvestiya RAN* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences], 2004, vol. 63, no. 4, pp. 12–30.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 82'0
ББК 83

В. Д. Черняк, М. А. Черняк
Санкт-Петербург, Россия

V. D. Chernyak, M. A. Chernyak
St.-Petersburg, Russia

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «НАПОМИНАНИЕ»
В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

SPEECH GENRE “REMINDER”
IN CONTEMPORARY MASS LITERATURE

Аннотация. В статье рассматривается вторичный речевой жанр «напоминание», широко распространенный в современной массовой литературе. В диалоге с читателем авторы массовой литературы пытаются создать чувство интеллектуального комфорта.

Статус образованного человека соотносится со способностью хотя бы поверхностно ориентироваться в мире классической литературы. Жанр «напоминание» отражает ориентацию автора на ограниченный культурный багаж потенциального читателя и связан с игровыми интенциями при использовании прецедентных феноменов. Способность улавливать «интертекстуальное эхо» определяет уровень культурной и коммуникативной компетенции языковой личности, ее способность ориентироваться в игровом пространстве текста.

В статье показаны различные формы актуализации речевого жанра в тексте.

Ключевые слова: речевой жанр, массовая литература, автор, читатель, прецедентные феномены, интертекстуальность, лексикон, тезаурус, коммуникативная неудача, диалог.

Abstract. This article is devoted to the secondary speech genre “reminder”, which is widely used in contemporary mass literature. This genre reflects the author’s orientation on the limited store of knowledge of a potential reader. In a dialogue with the reader, the authors of mass literature try to create a feeling of intellectual comfort.

The status of a cultured person is correlated with the ability, at least superficially, to navigate the world of classic literature. The ability to capture the «intertextual echoes» defines the level of cultural and linguistic competence of language person and its ability to navigate the game space of the text. The “reminder” genre is connected with gaming allusions when using case phenomena.

The article shows different forms of actualization of the speech genre in texts.

Key words: speech genre, mass literature, author, reader, case phenomena, intertextuality, lexicon, thesaurus, communicative failure, dialogue.

Сведения об авторах: Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка.

Черняк Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: vdcher@yandex.ru; ma-cher@yandex.ru

About the authors: Chernyak Valentina Danilovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian Language,

Chernyak Mariya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Russian Literature

Place of employment: Herzen State Pedagogical University of Russia, St.-Petersburg.

Что в имени тебе моём?
А. С. Пушкин

Конец XX – начало XXI века ознаменовались снижением интереса к печатному слову, изменением характера чтения, которое стало более прагматичным и поверхностным; значительно сократилась доля чтения в структуре свободного времени – литература вытесняется на периферию. Социологи и культурологи отмечают тенденцию к усреднению и массовизации литературных предпочтений у современного читателя, понижение уровня его культурных притязаний, ориентацию на упрощение и развлечение. Выбранная в качестве эпиграфа к данной статье пушкинская строка (а

также скрывающаяся за ней аллюзия к Шекспиру) сегодня наполняется конкретным смыслом: многие ключевые имена и понятия отечественной культуры для современника оказываются содержательно опустошенными. Настоящая статья посвящена тому, как откликается на этот социокультурный феномен современная беллетристика.

У многих групп читателей, как показывают многочисленные социологические опросы, преобладают ориентации на наивно-адаптивный тип культурного поведения и потребления, наблюдаются отказ от анализа современности, склонность к развлечению и эскапизму, усреднению вкусов, ностальгия по «иной», либо прошлой, либо сказочной жизни [1]. Книги становятся инструментом первичной социализации, своеобразным

«учебником жизни» в принципиально новых социальных условиях.

Образованностью, компетентностью, вкусами и ожиданиями читателей во многом определяются судьбы литературных произведений и степень популярности их авторов, что не может не учитываться последними. Эстетический опыт В.Ф. Асмус называл «читательским прошлым»: «Два читателя перед одним и тем же произведением – все равно что два моряка, забрасывающие каждый свой лот в море. Каждый достигнет глубины не дальше своего лота» [2 : 119]. Дефицит читательской компетенции, масштабное отторжение классики современным читателем в значительной степени связаны с культурной аллергией на школьный курс литературы. Если общение языковой личности с классикой ограничивалось только рамками урока, во время которого тексты входили в сознание в лучшем случае без каких-либо усилий, приложенных для этого самой языковой личностью, в худшем – при ее внутреннем сопротивлении, вероятность того, что по прошествии достаточно большого отрезка времени «пройденные» по школьной программе произведения останутся в когнитивной базе в качестве полноценных прецедентных текстов, чрезвычайно мала.

В доступности текстов массовой литературы, ее клишированности и сиюминутности кроется очень серьезная опасность: читатель, выбирающий для чтения только подобную литературу, обрекает себя на полную утрату диалога с культурой, историей, большой литературой. Не случайно Б. Акунин постоянно повторяет, что мечтает о думающем читателе, а критики называют книги этого автора занимательным литературоведением.

В новой социокультурной ситуации авторы массовой литературы соотносят статус культурного человека со способностью хотя бы поверхностно ориентироваться в мире классической литературы.

В умении соответствовать «горизонту ожидания читателя» – залог успеха и писателя, и издателя. Поэтому столь часты довольно нарочитые, зачастую случайные, не связанные интертекстуальными маркерами, апелляции к классическому наследию. Строя диалог с читателем, авторы произведений массовой литературы стремятся создать у него чувство интеллектуального комфорта, которое достигается, в частности, общностью языкового кода и кода культуры автора и читателя. В то же время авторы, включенные в современный литературный контекст, склонны к литературным играм с читателем.

В когнитивную базу современной языковой личности входит достаточно объемный и разнообразный по содержанию корпус прецедентных текстов, текстов, которые по определению должны быть известны подавляющему большинству носителей языка. Количественный и качественный состав прецедентных феноменов (высказываний, имен, ситуаций), а также степень активизации их в речи конкретной языковой личности определяются многими факторами. Здесь большое значение имеют уровень образования личности, возраст, социальный статус, круг общения, круг чтения, сфера профессиональных интересов, личных увлечений и т. д. Все эти факторы определяют степень авторитетности для конкретного носителя языка определенных культурных, исторических, политических, общественных контекстов, а при обращении к литературе – готовность читателя воспринять посланный ему интертекстуальный сигнал.

Сам статус прецедентных текстов предполагает их наличие в тезаурусе рядового носителя языка. Р. М. Фрумкина отмечает: «В каждой культуре есть круг текстов, которые “положено” знать, и это “положено” распространяется на всех более или менее образованных или хотя бы просто грамотных представителей данной культуры. Мне трудно представить себе человека русской культуры, который не знает, кто такой Евгений Онегин. Пусть он и роман не читал, а из оперы слышал две арии. Наконец, пусть лишь слышал, что есть такая не то песня, не то просто музыка. Но именно “про Онегина”» [3 : 133]. На такое обязательное знание и ориентируются авторы массовой литературы. Показательны примеры из любовного романа А. Берсеновой «Ревнивая печаль»: *«Ты классику нашу читал? – улыбнулась Лера. – «Разве я – другие?» – так говорил один наш очень милый человек по имени Илья Ильич Обломов»; «Его [Мити, музыканта. – М. Ч., В. Ч.] одежда всегда оставляла ощущение изящества и благородства и была так же незаметна на нем, как платье на Анне Карениной».*

В современных текстах нередко обнаруживаются и примеры коммуникативных сбоев в культурном диалоге между героями. Ср.: *«У Чехова есть рассказ, – сказала она [тележурналистка Ольга. – М. Ч., В. Ч.], не открывая глаз. – Забыла, как называется. Про княжну Марусю, у нее была чахотка. Она умирала и знала об этом. И представляешь, она все время огорчалась не из-за того, что умирает, а из-за того, что весь день так и не напилась чаю. Бахрушин сидел рядом на корточках и рассматривал*

*синеву у нее на висках и у рта. «Цветы за-
поздалье», – буркнул Бахрушин. Так назы-
вается. И это не рассказ, а повесть»*
(Т. Устинова. Богиня прайм-тайма).

Далеко не всегда автор может быть уве-
рен в том, что читатель в состоянии адек-
ватно интерпретировать или идентифициро-
вать сигналы интертекстуальности. Воспри-
ятие интертекстуальных элементов, включе-
ние их в ментальное пространство слушаю-
щего «осуществляется подобно наведенной
в сознании <...> рефлекторной дуге, дуге
условного рефлекса: намек (цитата или имя)
– и вот уже определенное явление социаль-
но-психологического характера или какое-то
событие общественно-политического, исто-
рического значения оживает, активизируется
в сознании слушающего, прецедент вступает
в игру» [4 : 217]. Маркеры интертекстуально-
сти, помогающие «наивному» читателю ат-
рибутировать интертекстуальное включение,
могут быть подготовлены автором массовой
литературы в виде прямого указания на ис-
точник в сносках или словах кого-нибудь из
персонажей или в эпиграфах.

Интертекстуальность массовой литерату-
ры апеллирует к культурной памяти усред-
ненного читателя, к культурному полю, свя-
занному прежде всего с кинематографом и
телевидением, с общеизвестными литера-
турными текстами. Способность улавливать
«интертекстуальное эхо» определяет уро-
вень культурной и коммуникативной компе-
тенции языковой личности, ее способность
ориентироваться в игровом пространстве
текста.

Интертекстуальные включения в тексты
массовой литературы получают различную
мотивацию: это и осуществление весьма
типичной для массовой литературы просве-
тительской, обучающей функции, и языковая
игра – своеобразное подтрунивание над
наивным читателем и приглашение к игре
читателя более искушенного. Так, в иро-
ническом детективе игра с прецедентными
текстами, рассчитанная на более искушен-
ного читателя, становится тем вторым пла-
ном, который отражает авторское представ-
ление о разных типах читателя, об их куль-
турной памяти и возможности воспринять
подтекстовую информацию:

*На круглом столе высился двухкило-
граммовый торт, вернее, то, что от него
осталось.*

*– Дары данайцев? – спросила я, ткнув
пальцем в бисквитно-кремовые руины. –
Борзой щенок от кого?*

– Что? – не поняла Галя.

*Девушка не только не знала легенды
и мифы Древней Греции, она даже не*

*читала Гоголя. Пришлось спросить о том
же, но попроще (Д. Донцова. Три мешка
хитростей).*

В этом контексте в современной массо-
вой литературе получил распространение
вторичный речевой жанр «напоминание».
В это название мы вкладываем прин-
ципиально иной смысл, нежели в соответст-
вующий первичный речевой жанр («Не за-
будь!»). В данном случае мы имеем в виду
прежде всего коммуникативную установку
автора – напомнить читателю известное вы-
сказывание, название произведения, персо-
наж (литературный, кинематографический
или исторический). Жанр «напоминание» в
массовой литературе обнаруживается при
включении в текст различных прецедентных
феноменов. Признаки речевого жанра (ком-
муникативная цель, образ автора, образ ад-
ресата, факторы прошлого и будущего) вы-
являются в более или менее протяженных
текстовых фрагментах.

Авторы произведений массовой литера-
туры, четко улавливая низкий уровень чита-
тельской компетенции своего адресата (ср.:
*Попробуй-ка найди в этом зале – да что
там в зале, на всем Тверском бульваре! –
хоть одного человека, который с ходу
вспомнил бы, кто такой граф Илья Анд-
реевич Ростов, что там за обед он уст-
раивал, что за книжка такая «Война и мир»
и даже кто ее написал (Анна Берсенева.
Женщина из шелкового мира)), по-своему
наследуют «учительную» миссию русской
литературы, которая и находит своеобраз-
ное воплощение в названном речевом жан-
ре, при этом в тексте своеобразно реализуются
различные аспекты социального взаи-
модействия коммуникантов, их интенции,
различие уровня культуры, При этом можно
выделить различные способы бытования
названного речевого жанра в тексте.*

1. Включение прецедентных феноменов
со специальным комментарием или без него
в авторскую речь:

*Когда на русского человека сваливаются
всяческие напасти, он первым делом ози-
рается по сторонам. А по сторонам, как
известно, находятся «посторонние». И
тут уж кто под руку попадется («Ты ви-
новат уж тем, что хочется мне ку-
шать», как писал Крылов) (В. Беннигсен.
Раяд);*

*Лучше всего человек запоминает
незаконченное дело. А дело, которое
закончено, быстро стирается из памяти.
Это в середине двадцатого века написали.
Открыли якобы такую закономерность. А
еще в начале девятнадцатого века*

Александр Сергеевич Грибоедов написал: «Подписано – и с плеч долой». И правильно написал. О законченном деле что думать? Оно уже сделано. И весь разговор. А незаконченное все время на память приходит, грызет человека, покоя ему не дает, сомнения будит (А. Маринина. Имя потерпевшего – Никто);

Гордый тем, что он «важный участник», Алеша купил букет восхитительно черных роз, так и просившихся в бокал «золотого, как небо, ай» (Б. Акунин. Смерть на брудершафт. Младенец и черт);

В квартире, которую сняли для них, стояли только три обшарпанные деревянные кровати и два дачных табурета, крашенных голубой краской. И опять она подумала, глядя на эти невесты откуда взявшиеся и невесты как сохранившиеся табуреты: **земную жизнь пройдя до половины...** Все хорошо, так мне и надо... (Д. Рубина. Вот идет Мессия!..);

И вот я стою, смотрю на удаляющуюся в сторону Московского вокзала дородную фигуру Кольки Никонова в добротном пальто с бобровым, барским, серебрящимся морозной пылью воротником (Н. Сорбатская. Литературная рабыня: будни и праздники).

Если в первых двух примерах авторы четко атрибутируют цитаты (жанр «напоминание» реализуется здесь в полной мере), в третьем примере очевидным маркером цитирования даже для некушленного читателя являются кавычки, в четвертом используется цитата, вошедшая в набор общеизвестных крылатых слов, то в последнем примере для распознавания трансформированной цитаты требуется хорошее знание текста «Евгения Онегина». В подобных случаях опознание интертекстуальных включений предстает как увлекательная игра, сложность которой может варьироваться в очень широких пределах – от безошибочного опознания цитаты из культового фильма (например, фразы «Восток – дело тонкое») до требующего достаточно высокого уровня культуры выявления глубинных аллюзий.

2. Включение прецедентных феноменов в персонажную речь.

Здесь жанр «напоминание» особенно отчетливо обнаруживается в диалоге. В приведенном ниже диалоге коммуникативная неудача, выявляющая принципиальное различие культурных кодов мотивирует включение жанра «напоминание», выполняющего здесь прямую дидактическую функцию и сопровождающегося ироническим авторским комментарием.

– Тина, с этим шитьем на коленях вы напоминаете маленькую княгиню в Лысых Горах.

Агния Львовна окинула снисходительным взглядом Тину, которая шила себе святочный костюм, сидя в круглом креслице у окна.

– В каких горах? – удивленно переспросила Тина. – Почему в лысых?

– Есть такой роман «Война и мир», – невозмутимо объяснила Агния Львовна. – Вам, возможно, приходилось слышать.

– Д-да... – покраснев, пробормотала Тина. – Только я его довольно давно читала.

– В школе вероятно. А когда вы учились, уже были такие сборники, где все романы Толстого изложены на двух страницах?

– Ещё не было.

... Она [Тина] воспринимала любые слова и соответственно составленные из них предложения так, как будто читала толковый словарь – до нее доходил только прямой смысл сказанного (А. Берсенева. Рената Флори).

Адресат, не способный распознать отсылку к тому или иному прецедентному тексту, даже уловив общий смысл сказанного, испытывает обычно «чувство недоумения и дискомфорта» [5 : 37], снимаемое соответствующим напоминанием (в приведенном ниже примере это дидактическое «напоминание» сопровождается типичной для массовой литературы оценкой культурного багажа собеседника):

– Был монастырь, из-за горы и нынче видит пешеход столпы обрушенных ворот...

– Это что такое?

– Это не что, Мага, а кто. Это Лермонтов, великий русский поэт. Ты в школе учился? (М. Юденич. Сент-Женевьев-де-Буа).

Жанр «напоминание» в определенных коммуникативных ситуациях может выполнять и иную функцию, подчеркивать настроенность собеседников на одну культурную волну.

– Ни я не был в нее влюблен, ни она в меня... Это была нежность. Ее ко мне – за понимание, моя к ней – из сострадания.

– «Она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним»?

– Примерно так, – кивнул Кис, пытаясь припомнить, откуда цитата. Кажется, Шекспир. Он был мастером точных формулировок... (Т. Гармаш-Роффе. Расколотый мир).

Она все-таки сняла сапожки и влезла в большие тапки, расшитые причудливым узором.

– Это из Чада, – объяснил он. – Знаешь, что было на озере Чад?

– Ну, кроме того, что там бродил изысканный жираф, пожалуй, ничего. А что?

Он посмотрел на нее с восхищением:

– Любишь стихи?

– В общем, да. (Е. Вильмонт. Курица в полете).

В последнем примере отсылка к прецедентному тексту – стихотворению Н. Гумилева «Жираф» – способствует установлению контакта между собеседниками не только на коммуникативном, но и на более глубоко эмоциональном уровне.

3. Использование прецедентных феноменов в персонажной речи и их комментирование в авторской.

В повести А. Марининой «Имя потерпевшего – Никто» одна из героинь второго плана – Софья Илларионовна, старушка с университетским образованием, дочь профессора, – в разговоре со своим юным и очень необразованным жильцом также цитирует Грибоедова:

– Например, – отвечала она, пряча в углах беззубого рта усмешку, которую Сергей, к счастью, не замечал, – известное направление в психологии, которое называется «гештальт-психология», утверждает, что лучше всего человек запоминает незаконченное дело. А дело, которое закончено, быстро стирается из памяти. Это в середине двадцатого века написали. Открыли якобы такую закономерность. А еще в начале девятнадцатого века Александр Сергеевич Грибоедов написал: «Подписано – и с плеч долой». И правильно написал. О законченном деле что думать? Оно уже сделано. И весь разговор. А незаконченное все время на память приходит, грызет человека, покоя ему не дает, сомнения будит.

Интересна реакция собеседника Софьи Илларионовны на ее довольно развернутое высказывание:

Про Грибоедова Суриков что-то такое помнил из школьной программы, но не очень отчетливо. Чацкий там был какой-то, что ли... Все, что когда-то изучалось в школе, казалось ему скучным и ненужным, как впрочем, и все, что человек делает в принудительном порядке. И надо же, оказывается в этих книжках такие умные вещи были! Но учителя ведь не так рассказывали, как Софья Илларионовна. Может быть, если бы они были такими, как старуха Бахметьева, он бы учился лучше, с интересом.

Таким образом в несобственно-прямой речи эксплицируется отмеченная нами выше аллергия на школьный курс литературы.

4. Использование прецедентных феноменов в тексте и их комментирование в постраничных сносках.

В этом случае игра с читателем и своеобразная двойная адресация жанра «напоминание» особенно очевидны. Ср.: «Я шагнул в комнату и вновь ощутил приступ дурноты. Узкое, пеналообразное помещение напоминало комнату, в которой жил Раскольников» (Д. Донцова. Инстинкт Бабы-яги). На имя дается сноска – «Родион Раскольников – главный герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». «Каким качеством более, чем лицедейским способностям, Артем был обязан своей головокружительной карьерой? Как там у классика: «Там моську вовремя погладит, Тут в пору карточку вотрет?» (Е. Гайворовская. Игра с огнем). Дается сноска – «Грибоедов А. С. «Горе от ума»».

Отмечая особую значимость интертекстуальных связей в современной литературе, М. Эпштейн пишет: «<...> теперь кавычки уже так впитались в плоть каждого слова, что оно само, без кавычек, несет в себе привкус вторичности, который стал просто необходим, чтобы на его фоне стала ощутима свежесть его повторного употребления» [6 : 281]. Однако для достижения отмеченного эстетического эффекта («ощущения свежести от повторного употребления») необходимо наличие у читателя общего с автором культурного кода, общего тезауруса и соответствующей текстовой компетенции, позволяющей почувствовать и актуализировать при восприятии представленные в тексте (даже рассчитанном на массового читателя) интертекстуальные связи. Весьма широко представленный в современной массовой литературе речевой жанр «напоминание» и призван эксплицировать в тексте оскудение культурного багажа современника, сделать прозрачными даже лежащие на поверхности интертекстуальные переклички.

В заключение отметим, что описанный нами речевой жанр наблюдается и в зарубежной (в частности в англоязычной) массовой литературе. Так, в прекрасно написанном психологическом триллере известной английской писательницы Рут Ренделл нередки текстовые фрагменты, демонстрирующие различие культурных кодов коммуникантов. Ср.:

– Мое настоящее имя Элиза. Иногда я думала, что Ив назвала меня в честь Элизы Дулиттл из «Пигмалиона».

– Что ты сказала?

– Потому что Ив задумала сделать со мной то же самое, что Пигмалион сделал с Галатеей и что профессор Хиггинс сделал с Элизой Дулиттл: он воссоздал ее заново, чтобы Элиза стала такой, какой он хотел ее видеть, или, скажем, чтобы воплотить в ней свой идеал.

Шон нахмурился, размышляя над ее словами.

– По-моему, похоже на мюзикл «Моя прекрасная леди».

В данном случае напоминание сюжета литературного произведения актуализирует у собеседника культурный опыт не читателя, а зрителя, что характерно для современной коммуникации. Таким образом, клишированность массовой литературы даже в лучших ее образцах проявляется в эксплуатации типичных коммуникативных ситуаций, объясняющих, в частности, востребованность описанного речевого жанра.

Еще раз подчеркнем, что массовая литература (и шире – беллетристика) неоднородна и по качеству создаваемых текстов, и по характеру взаимодействия автора и читателя. Она представлена различными литературными жанрами (детектив, иронический детектив, дамский роман, антиутопия, фэнтези и др.), демонстрирующими различные способы организации художественного текста и различную степень его «культурной насыщенности». Речевые же жанры, представленные в текстах, в том числе и жанр «напоминание» с характерными для него игровыми включениями, отражают типичные (хотя и в разной степени проявляемые) свойства массовой литературы, литературы, «которую читают все»: ориентация на широкого читателя, клишированность и стереотипизация коммуникативных ситуаций, упрощенность интертекстуального контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зоркая Н. Чтение в контексте массовых коммуникаций // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 2 (64). С. 60–70.
2. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // В. Ф. Асмус Вопросы теории и истории эстетики. М. : Искусство, 1968. С. 55–68.
3. Фрумкина Р. М. Размышления о «каноне» // Р. М. Фрумкина. Внутри истории. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 133–142.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
5. Слышкин Г. Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Академия, 2000. 128 с.
6. Эпштейн М. Постмодерн в России. М. : Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.

REFERENCES

1. Zorkaya N. Chtenie v kontekste massovykh kommunikatsiy [Reading in the context of mass communications]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion], 2003, no. 2 (64), pp. 60–70.
2. Asmus V. F. Chtenie kak trud i tvorchestvo [Reading as labor and creativity]. *V. F. Asmus Voprosy teorii i istorii estetiki* [Theory and history of aesthetics]. Moscow, 1968, pp. 55–68.
3. Frumkina R. M. Razmyshleniya o «kanone» [Reflections on the «canon»]. *R. M. Frumkina. Vnutri istorii* [Inside history]. Moscow, 2002, pp. 133–142.
4. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, 2003. 264 p.
5. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: Linguocultural concepts of precedent texts in minds and discourse]. Moscow, 2000. 128 p.
6. Epshteyn M. *Postmodern v Rossii* [Postmodernism in Russia]. Moscow, 2000. 368 p.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

УДК 821.161.1.09-14
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Э. Лассан
Каунас, Литва

E. Lassar
Kaunas, Lithuania

ЭВОЛЮЦИЯ СПОСОБОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО В ЖАНРЕ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Аннотация. В статье рассматриваются способы представления воспоминаний в лирической песне разных периодов. Воспоминание представляет собой состояние сознания, погружение в которое связано с определенным психологическим эффектом. В статье разделяются песни-воспоминания и песни-напоминания. Выделяются их характерные признаки как особого речевого жанра. Отмечается эволюция способов говорения о прошлом, заключающаяся прежде всего в том, что в современной песне говорящий демонстрирует в большей степени собственное эго, а любовное воспоминание превращается в историю. Теряется присущая воспоминаниям о любви тональность грусти.

Ключевые слова: воспоминание как состояние сознания, любовная речь, песни-воспоминания, песни-напоминания, эгоцентризм современной песни.

EVOLUTION OF THE MEANS OF THE REPRESENTATION OF THE PAST IN THE LYRICAL SONG GENRE

Abstract. The article focuses on the means of the representation of reminiscences in lyrical songs of different time periods. Here reminiscences are viewed as the state of consciousness, the immersion into which entails particular psychological effects. The author suggests distinguishing between songs-reminiscences and those songs that remind. The characteristic features of these songs as belonging to a particular speaking genre are highlighted here. The evolution of the means of speaking about the past is under consideration with the stress on the fact that in a contemporary song a sender tends to manifest his/her ego to a much greater degree in comparison to the songs of earlier periods. Here the reminiscences about love become a history. As a result, a sense of sadness, inherent in the reminiscences about love, is being lost here.

Key words: recollection as a state of consciousness, love speech, 'recollection-songs', 'reminder-songs', egocentrism of the contemporary song.

Сведения об авторе: Лассан Элеонора, habilitированный доктор гуманитарных наук, профессор, Вильнюсский университет, филологический факультет, кафедра русской филологии.

E-mail: eleonora.lassar@lf.vu.lt

About the author: Lassar Eleonora, Habilitated Doctor of Humanities, Professor, Vilnius University, Philology Faculty, Department of Russian Philology.

Поставленный в статье вопрос касается актуальной для современной когнитивной психологии проблемы воспроизведения прошлого опыта, в данном случае – в лирической песне, которую можно рассматривать как особый речевой жанр: песня имеет специфическое содержание и построение, воспроизводимое в большом числе песенных текстов, востребованных аудиторией.

Воспоминание как состояние сознания – проблема не только психологическая: по его дискурсивному воспроизведению мы можем судить о доминирующих тенденциях говорения в тот или иной период времени и, следовательно, о когнитивных установках говорящей личности. «Воспоминание не есть сохранение или восстановление нашего прошлого, но всегда новое, всегда преображенное прошлое. Воспоминание имеет творческий характер. Парадокс времени в том, что в сущности, прошлого в прошлом никогда не было, в прошлом существовало лишь настоящее, иное настоящее, прошлое существует лишь в настоящем. Прошлое и настоящее имеют совершенно разное существование. Настоя-

щее в прошлом по-иному существовало, чем существует прошлое в настоящем <...> Тут отношение к прошлому сплетено с отношением к будущему... Родное, дорогое нам, ценное настоящее должно было бы быть вечным, для него не должно было бы наступать того будущего, которое делало бы его прошлым» [1 : 285–286]. Приведенные слова Н. А. Бердяева дают один из возможных ответов на вопрос: почему нас так волнует тема воспоминания? Человек, потерявший память, в одной из пьес Ж. Ануя назван «человеком без багажа». Не значит ли это, что способность жить без воспоминаний, не оглядываясь в прошлое, облегчает жизненный путь, не обременяет его ни прошлыми обидами, ни прошлыми радостями, ни сожалением о былых прегрешениях? Тем не менее люди стремятся к тому, чтобы иметь воспоминания – вспомним столь популярное выражение: «будет что вспомнить» – «Воспоминания рождают вдохновенье. Им свойственны непоторимые мгновенья / Невозвратимое еще раз пережить / И радость прежней жизни ощутить» (В. Фролькис).

Жанр воспоминаний весьма характерен для литературы в целом – это и мемуарная литература, и автобиографическая, и поэзия (трудно найти поэта, у которого не было бы стихотворения с соответствующим названием). По словам С. В. Горина, для русской поэзии конца XVIII–XIX вв. мотив воспоминаний представлял сущность элегической поэзии, составляя ее концептуальную основу: «...В поэзии элегической школы мотив воспоминания становится самостоятельной темой и одним из ключевых жанровых признаков элегии, в значительной степени определяя характер поэтической традиции XIX века (Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Фет и др.) вплоть до лирики Серебряного века» [2]. Исследователь отмечает происходящую во времени, в частности у символистов, «модернизацию» мотива воспоминаний в связи с изменением отношения ко времени, «время релятивизируется (миг способен вместить вечность, которая может промелькнуть как миг), и нет особой разницы между прошлым, настоящим и будущим». Тем не менее очень важным является неисчезающая воспроизводимость этого мотива.

Мы рассматриваем способы репрезентации прошлого в лирической песне разных периодов, с тем чтобы проверить, насколько меняется эта репрезентация в жанре, предназначенном специально для выражения эмоций. Лирическая песня усиливает эмоциональное выражение и эмоциональное воздействие в силу соединения музыкальных и текстовых особенностей жанра. Конечно, «музыка музыке рознь», и трудно ожидать, что рок или рэп будут говорить о чувствах так же, как об этом говорит Вадим Козин или Петр Лещенко. Эпоха сентиментальности миновала [3]: «Люди отреклись от сердца, потому что им стало казаться, что сердце мешает инстинкту, что оно есть разновидность “глупости” и сентиментальности, что оно подрывает человеческую деловитость и ставит человека в смешное положение; а “умный” человек больше всего боится показаться смешным; он желает “делать дела” и утверждаться в земной жизни». Если следовать тезису И. Ильина о бессердечной культуре (впрочем, выдвинутому весьма давно, «в дороковскую» эпоху), то характер говорения о прошлом должен измениться.

Мы используем понятие мнемического переживания (В. И. Еременко [4]), чтобы попытаться проанализировать типы воспоминаний, в которые погружается человек, и способы их вербального выражения, анализ которых может, на наш взгляд, рассказать о ценностях говорящего в этом жанре: «В рам-

ках исследования мнемических переживаний принято некоторыми исследователями выделять два типа: воспоминание и знание: “воспоминание” влечет за собой мысленное “путешествие во времени”, близко затрагивающее ощущение собственного “Я”. Термин “знание” отсылает нас к другому способу переживания прошлого – такому, при котором мы осознаем имеющиеся у нас знания, но более безличным образом. “Знание” включает в себя общее ощущение “знакомости” (familiarity), возникающее по отношению к более абстрактной информации. “Знание” также содержит в себе осознание лично пережитых событий как фактов» [4]. Исходя из предложенной классификации мнемических переживаний, можно предположить, что в лирическом жанре (в данном случае – песне) сосуществуют как «воспоминания» – переживания прошлых чувств, так и «знание» как воспроизведение прошлого, в которое говорящий не погружается, но описывает с целями, которые нам предстоит выяснить.

Принципом отбора материала в нашем случае служило наличие в песне слов *помнишь / помню, не забуду / не забудь* с прямыми дополнениями или придаточными дополнительными предложениями, занимающими место объекта воспоминания. Автор отдает себе отчет в том, что воспоминания могут быть переданы и без этих слов, однако в целях некоторого ограничения материала для его первичного исследования мы используем тексты только с формальными дискурсивными маркерами.

Итак, Петр Лещенко «Татьяна»:

Татьяна, помнишь дни золотые,
Кусты сирени и луну в тиши аллей?
Татьяна, помнишь грезы былые?
Тебя любил я, не вернуть нам прежних дней!

«В один прекрасный день я стану вспоминать об этой сцене, погружаться в нее в прошедшем времени. Любовная картина, как и первоначальное любовное восхищение, всецело создана из запоздалых переживаний: это анамнезис, воссоздающий лишь незнакомые, отнюдь не драматические черты, словно я вспоминаю само это время и только его: это аромат, ни от чего не исходящий, крупца памяти, простое благоухание... мои воспоминания патетически точечны, а не философски-дискурсивны; я вспоминаю, чтобы быть несчастным/счастливым не для того, чтобы понять» [3]. В песне «Татьяна», исполняемой и Петром Лещенко, и Вадимом Козиним – королями лирического жанра, – практически нет деталей прошлого: лаконичный антураж

(кусты сирени), но повторяющееся воспоминание о «днях золотых», рефрен «не вернуть нам прежних дней», в конце песни выступающий в варианте «весны прошедшей мы не в силах вернуть», выражают именно любовное страдание, воспроизведение «простого благоухания прошлого», которое не перешло в настоящее. Субъект погружается в эмоцию прошлого с тем, чтобы на миг стать счастливее и в настоящем ощутить значимость потери. Здесь то самое отчаяние любви, о котором говорил Р. Барт: «Любовная речь является языком, и этот язык, как и естественный, имеет свои обязательные рубрики. Одной из этих рубрик является отчаяние: влюбленный не может “выговаривать” любовь (а какую, кроме говоримой, она может быть?) без того, чтобы не пройти через непереносимое отчаяние. Любовное отчаяние до такой степени является формой речи, что ему нет особого дела до причины: любая случайность годится, чтобы возбудить отчаяние, так что оно даже становится нормативным определением любви» [3].

Приведенный текст интересен распределением внимания между *Я* и *Ты*. Обращение к Татьяне в четырех строфах происходит пять раз (*Помнишь ли меня, моя Татьяна, Мою любовь, наши прежние мечты? / Где же, где, скажи, моя Татьяна, Моя любовь, наши прежние мечты? / Татьяна, помнишь дни золотые./.. Татьяна, помнишь дни золотые, Кусты сирени и луну в тиши аллей? / Татьяна, помнишь грезы былые?*). *Ты* адресата представлено и другим способом: четыре местоимения, связанных с *Ты* (*ты, твои, твоих, тебя*), два глагола второго лица (*помнишь* – дважды), а также метонимическое указание на объект любви (*упали косы, губ накрашенных страданье*), противопоставленные одному *Я* и косвенному падежу *меня*, дают возможность говорить о концентрации внимания на Другом, о любовном альтруизме, когда *Я* отходит в тень (укажем и два притяжательных местоимения *мою* в сочетании *мою любовь*). Поскольку в последнем случае имеется эллипсис: *мою любовь к тебе* – мы не указывали это в подсчетах реализации темы *Я*).

Отчаяние, боль о прошлом с переживанием его счастливых мгновений характерны для эпохи былой сентиментальности: так было в знаменитой «Сильве» И. Кальмана:

Помнишь ли ты,
Как счастье нам улыбалось?
Лишь для тебя
Сердце пылало любя.
Помнишь ли ты,
Как мы с тобой расставались?

Помнишь ли ты
Наши мечты?
Пусть это был только сон –
Мне дорог он!
Как признать, что все – обман?
Сердцу больно.

Практически здесь то же построение: воспоминание приходит в момент встречи, когда герои думают, что навсегда потеряли друг друга. Нет описания деталей прошлого, есть только память о былом счастье, что находит выражение в присутствии лексики, именуемой эмоцией: *сердце пылало любя, счастье улыбалось*. Читатель сам может убедиться, что тема *Ты* реализована здесь в гораздо большей степени, чем тема *Я*.

Та же краткость в описании прошлого состояния характерна и для очень популярной венгерской песни «Журавли» (русский текст Г. Регистана), исполняемой сегодня многими русскими певцами.

Серым утром крик печальный
Снова слышу я вдали.
Мне привет свой шлюет печальный
В хмуром небе журавли.
Помню их встречать весною
Мы пришли к реке с тобою.
Как же случилось, не знаю,
В путь журавлей провожаю
Одна я.

Героиня возвращается мыслями к прошлому (оно не описано) в некий характерный момент – не встречи с любимым, но метонимическим напоминанием о нем криком улетающих журавлей, возбуждающим в памяти моменты ушедшего счастья, то есть в момент «невстречи». Характерно то, что практически не описывается эмоциональное состояние героини в момент воспоминания – собственное *Я* почти не занимает места, несмотря на использование этого местоимения: дело в том, что *Я* существует в настоящем, а в прошлом существовало *Мы*. Эмоциональное состояние передается не через рассказ о своих переживаниях, а через описание психологизированного пейзажа: «хмурого утра» и «печального крика» журавлей.

Несколько меняется описание воспоминания в песне «Татьянин день» (сл. Н. Олева), написанной в конце 70-х годов прошлого века. Здесь уже рассказывается история – герой детально описывает один день его молодости, известный среди студенчества как «Татьянин день». Перед нами визуализированная ситуация, создаваемая глаголами движения, действия, использованием

глаголов совершенного вида для изображения динамики ситуации. Как и в предыдущей песне, толчком к воспоминанию становится природное явление: идущий снег – герой вспоминает, как написал на снегу «Татьяна + Сергей». И вновь: «судьба нас не свела».

Был белый снег, шел первый день каникул,
Целый день вдвоем бродили мы с тобой.
И было все вокруг торжественно и тихо,
И белый-белый снег над белою землей.
Но вдруг зима дохнула вешним ветром,
Когда я на снегу у дома твоего
Два слова начертил обломанною веткой :
«Татьяна плюс Сергей», и больше ничего.
.....
Вновь шли снега, и было их немало,
Но тот Татьянин день забыть я не могу.
Судьба нас не свела, но мне всегда казалось,
«Татьяна плюс Сергей» пишу я на снегу.
Пройдут снега, на мокрому тротуаре
Для девочки другой начертит кто-то вновь
Те вечные слова, что мы не дописали,
«Татьяна плюс Сергей равняется любовь».

Обратим внимание на подробное описание пейзажа – снег в сознании носителя русского языка ассоциируется с чистотой и торжественностью, его включение в пейзажную зарисовку создает романтическое ощущение праздника. Герой не акцентирует внимания ни на внешности любимой, ни на произносимых словах – весьма лаконично, через описание надписи на снегу переданы испытываемые персонажами чувства. Об эмоциональном состоянии говорится сдержанно, *Я* не акцентировано: в пяти пространственных строфах только один раз встречается это местоимение (*забыть я не могу*) и дважды – косвенный падеж: *мне, меня*, где *Я* выступает не действующим субъектом, а субъектом памяти и чувства, вызванного Другим. Можно говорить о некоем любовном альтруизме, побуждающем героя к стоическо-философским размышлениям о любви и ее естественном круговороте в вечности.

Говоря о поэзии XIX века и отмечая ее элегический характер, С. В. Горин видит сущность последнего именно в воспоминании, очищенном от временных и случайных действий: «Воспоминание в элегии отнюдь не вынужденная ностальгия, а желаемое состояние, интеллектуальная деятельность, определяющая духовный мир лирического субъекта... Погруженность в воспоминания о прошедших счастливых днях заставляет лирического субъекта и тосковать, и в то же время переживать радость от того, что они были столь прекрасны, – в этом заключается суть элегического жанра» [2]. Приведенное замечание можно с некоторыми оговорками

отнести к рассмотренным текстам: здесь есть детали антуража прошлого (пейзаж), однако они минимизированы, хотя в более поздней по дате написания песне (Татьянин день) этих деталей больше. В песнях со вмещены смешанные чувства: боль утраты и память о «золотых днях», переживание которых наполняет сознание чувством былой красоты.

Подведем первые итоги: воспоминание о прошлой (не *прошедшей!*) любви в лирических песнях XX века предстает как лаконичное воспроизведение былого чувства – через эмоциональную метафорическую лексику (*сердце пылало любя*), через воспроизведение пейзажа, психологически коррелирующего с состоянием персонажей. Толчком к воспоминанию становится некое событие, имеющее отношение к прошлому и вызывающее боль от любовной потери. При этом персонаж не акцентирует свое эго – текст отдан описанию чувства, переживаемого в прошлом обоими участниками любовной коллизии. Воспоминание дается герою, чтобы пережить потерянное чувство вновь.

Приведу пример еще одной песни (прошу прощения за демонстрацию своих вкусовых предпочтений), которая представляется мне одной из вершинных песен-воспоминаний о любви: песня «Руки» в исполнении К. Шульженко (сл. В. Лебедева-Кумача).

Нет, не глаза твои
Я вспомню в час разлуки,
Не голос твой услышу в тишине,–
Я вспомню ласковые, трепетные руки,
И о тебе они напомнят мне.
Руки!
Вы словно две большие птицы,–
Как вы летали,
Как оживляли все вокруг!
Руки!
Как вы могли легко обвиться,
И все печали снимали вдруг!
Когда по клавишам твои скользили пальцы,
Каким родным казался каждый звук.
Под звуки старого и медленного вальса
Мне не забыть твоих горячих рук!
Руки!
Вы словно две большие птицы,–
Как вы летали,
Как оживляли все вокруг!
Руки!
Как вы могли легко проститься,
И все печали
Мне дали вдруг!¹

¹ Написано для Клавдии Шульженко в период ее работы в джаз-оркестре Якова Скоморовского в Ленинграде. Шульженко пела, Скоморовский соли-

Песня написана в 1937 году – интересно, что она создана автором текста не в разлуке, а в преддверии ее, в состоянии моделирования разлуки (см. сноску). И тем не менее есть ощущение погружения в потерянное прошлое – весь текст выдержан в прошедшем времени, а контраст между «горячими руками», которые, «обвиваясь», снимали печали, и руками, которые «могли легко проститься» и тем самым погрузить в глубокую печаль (*все печали*), создает впечатление потерянного чувства. Таким образом, если говорить о фрейме любовного воспоминания, то можно отметить, что в этот период он включает такую составляющую, как переживание **потерянного** чувства, взгляд из временной перспективы. Герой (героиня), не испытывая еще реального отчаяния от разлуки, уже предвосхищает его – подтверждаются слова Р. Барта о том, что отчаяние является формой любовной речи. Возможно, это происходит потому, что, если следовать Фрейдю, в страдании реализуется эстетическая составляющая культуры, входящая в противоречие с чисто сексуальным влечением, удовлетворение которого возможно с любым объектом влечения. «Неспособность полового влечения давать полное удовлетворение, как только это влечение подчинилось первым требованиям культуры, становится источником величайших культурных достижений, осуществляемых благодаря все дальше идущему сублимированию компонентов этого влечения» [5]. Таким образом, лирическое говорение о любви с использованием речи-страдания можно рассматривать как победу культуры над физиологией (под это объяснение подходит и история создания знаменитого пушкинского стихотворения «А. П. Керн»). Если принять эту гипотезу, то тогда и «пошлые» «мещанские» романсы оказываются формой эстетизации низкой действительности, облагороженной опозитизированным страданием.

Позволю предложить и еще одну гипотезу относительно распространенности песен-«воспоминаний» (если использовать типоло-

ровал на трубе. Василий Лебедев-Кумач тогда приехал в Ленинград к Дунаевскому сочинять песни для фильма «Волга-Волга» и попал на одно из первых выступлений Шульженко со Скоморовским («Волга-Волга» вышел в 1938-м, значит, это должен быть 1937 год). После концерта, в ресторане «Норд» Лебедев-Кумач экспромтом написал стихотворение «Руки» на салфетке, передав певице со словами: «Других таких рук в мире нет!» Музыку создал Илья Жак, пианист оркестра, аккомпаниатор и любимый композитор Шульженко (<http://rusog.ru/20-romans-ruki-izhak-vlebedev-kumach-1938-god/>).

гию воспоминаний В. И. Еременко по характеру погруженности в прошлое и по силе испытываемого чувства) в русском песенном дискурсе прошлого века. В эпоху идеологии оптимизма этот жанр давал возможность «погрустить», дать выход естественным человеческим чувствам в публичном дискурсе на фоне его общей бравурной тональности. Потому и «Утомленное солнце» объявлялось пошлостью, поскольку давало возможность «немного взгрустнуть», тем более на фоне пейзажа, недоступного для восприятия многим советским людям («утомленное солнце нежно с морем прощалось»).

Наряду с песнями о потерянной любви в XX веке были популярны песни о «былых походах», то есть о времени сильных переживаний, связанных с гражданскими ценностями. Приведем еще одну «песню о Татьяне» – на этот раз из кинофильма «Нормандия-Неман» (сл. К. Симонова), где герой расстается с любимой, уходя в бой:

Разлучались полностью туманною,
Уводила в бой меня звезда.
Распрощались с Танею, с Татьяною,
с Татьяною,
Не забыть ее мне никогда.
Под огнем в погоду окаянную
Девичье лицо со мной всегда.
В бой лечу я с Танею, с Татьяною, с Татьяною,
С нею мне и горе не беда.

Здесь то же постоянство чувства (*не забыть ее мне никогда*) и тот же момент разлуки, о которых речь шла выше. Однако расставание приносит не судьба-разлучница, а священная необходимость исполнения долга. О чувстве сказано очень мало, скорее дается намек на него, но девушка выступает вдохновительницей мужских подвигов. Нота грусти присутствует и здесь: герой говорит о том, что в случае его смерти в небе эту песню вместе с Татьяной допоет товарищ. Мужество и сдержанность – характерные черты любовного переживания, описание которого даже в «огневой» момент включает отсылку к явлениям природы: зовущая в бой звезда, окаянная погода, усиливающая ощущение тяжелых испытаний, переживаемых героем.

Воспоминание о девушке-бойце вдохновляет и героев знаменитой песни «Каховка» (сл. М. Светлова):

Гремела атака и пули звенели,
И ровно строчил пулемет...
И девушка наша проходит в шинели,
Горящей Каховкой идет.
.....
Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?

Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза.

Обращение памяти к былым сражениям становится поводом для напоминания о гражданских ценностях, которым была отдана боевая юность. И образ девушки вносит ту лирическую струю, которая окрашивает прошлое атмосферой любви, и потому делает эти воспоминания о славном прошлом незабываемыми. Считается, что светловская «Каховка» положила начало целой серии героико-патриотических песен: «Партизан Железняк» М. Блантера и М. Голодного, «Орленок» В. Белого и Я. Шведова, «Конармейская» братьев Покрасс и А. Суркова» [6]. Но в них нет женских образов, и они не являются индивидуальными воспоминаниями – здесь герой обозначен местоимением *Мы*, соотносимым с неопределенной по количеству группой людей: «*Были сборы недолги / От Кубани и Волги мы коней поднимали в поход*» (Конармейская песня). Это песни-истории, окрашенные не личностным чувством, не погружением в лирическую эмоцию, а гордостью и гражданским мужеством, которые должны быть переданы другим поколениям: «*Помнят польские паны. Помнят псы-атаманы конноармейские наши штыки*». Таким образом, личностное воспоминание в песне обычно сопровождается включением женского образа и в том случае, когда речь идет не о любовном воспоминании. Нельзя не отметить один момент: элементы пейзажа вторгаются в любое воспоминание – даже в «Песне о Каховке» автор не избежал отсылок к ним: «*Под солнцем горячим, под ночью слепую немало пришлось нам пройти*». Наши наблюдения находят подтверждение и в песне «Севастопольский вальс» (сл. Г. Рублева):

Тихо плещет волна,
Ярко светит луна;
Мы вдоль берега моря идем
И поем, и поем,
И шумит над головой
Сад осенней листвою.
Севастопольский вальс,
Золотые деньки;
Мне светили в пути не раз
Ваших глаз огоньки.
Севастопольский вальс
Помнят все моряки.
Разве можно забыть мне вас,
Золотые деньки!

Для песен-воспоминаний о героическом прошлом характерна не лирико-меланхолическая тональность, а торжественно-патетическая – здесь идет речь не о том, что отсут-

ствует в настоящем (неслучившееся счастье), а о том, что присутствует в настоящем как результат событий прошлого. Такие песни можно, скорее назвать **песнями-напоминаниями**, а в типологии мнемических переживаний данный тип воспоминания предстает как **знание** – воспоминание опирается на известные большинству факты или ставит целью распространение знаний о них, а потому теряет свой интимный характер.

Итак, говоря о реконструкции прошлого опыта в лирической песне прошлого века, мы выделили два типа с присущими им характерными особенностями: **песня-воспоминание** и **песня-напоминание**. Попытаемся представить краткий очерк жанра воспоминаний в современной песне, которую иногда трудно назвать лирической – мы называем песни нижеследующего списка таковыми, поскольку речь в них идет о любовных воспоминаниях, что позволяет говорить о выражении чувств, хотя мелодика вряд ли находит соответствующий отклик в душе слушателя (впрочем, это субъективные ощущения, связанные, очевидно, с поколенческими пристрастиями).

Помнишь, девочка, гуляли мы в саду,
Я бессовестно нарвал букет из роз?
Дай Бог памяти, в каком это году
Я не чувствовал ладонями заноз.
Надрывались от погони сторожа...

Перед нами песня так называемого «уголовного барда» Александра Новикова. Сразу отметим отсутствие того, что можно было бы назвать сентиментальностью – здесь нет грусти о прошлом, так как воспоминание представлено не как память об ушедшем былом, «неслучившемся» счастье, а как, скорее, воспоминание о былых подвигах героя во имя любви: дальше следует описание крови, хлеставшей из руки, преследующих собак, разорванных штанов и т.п. И все случилось: *Но домой мы не добрались – вот беда. Дружно рваную рубаху обвиня.../ Затуманила рассудок резеда, /И букет ей вторил запахом пьяня.*

Воспоминание о любви наполняется огромным количеством бытовых деталей, теряя традиционную форму речи-отчаяния. Это, скорее, воспоминание об удалстве, аналогичное гражданским песням-напоминаниям (знанию), где эго демонстрирует себя. Подобное явление мы наблюдаем в песне, автор которой ничем не схож с А. Новиковым – Женя Юдина:

Помнишь ли ты, как вихри кружил
Ветер осенний?
Летели мы ввысь птицами белыми,

Крылья расправив,
К свету надежды, скорость прибавив
Ветер осенний, летели мы ввысь...
К свету надежды, скорость прибавив...

Отметим, что знаки препинания расставлены в приведенных строфах (как Юдиной, так и Новикова) автором статьи – это мало-значительное замечание сделано для того, чтобы обратить внимание на недостаточную грамотность то ли авторов текстов, то ли их читателей, помещающих тексты в интернете. Отсутствие пунктуационной грамотности нередко коррелирует с довольно бессмысленным набором слов (*Забывать и сладких снов Хорошо с тобой без сна без берегов / К тебе моя любовь*), создающих текст, мысль которого выводится лишь приблизительно. Тем не менее фрейм говорения о прошлом здесь тот же, что и в приведенных строках Новикова: нет расставания, нет отчаяния, есть описание деталей «полета». Несмотря на равномерное распределение *я* и *ты* в тексте, концентрация внимания приходится все-таки на *я*: заключительные строки песни содержат отсылку к *Я* в гораздо большей степени, чем к *Ты*: *Услышь меня услышь ты голос мой / Прошу лишь будь со мной*. В песне Жени Юдиной присутствует то, чего не было раньше: просьбы быть всегда вместе. Оттого и отсутствует любовное отчаяние, что отношения не представляются завершенными – перед нами, скорее, некая молитва, обращенная к любимому, и, поскольку она содержит императив, то ограничивает его свободу выбора. Любовный альтруизм и благородная сдержанность чувства отступают.

Конечно, приведенные строфы песен принадлежат авторам, которых можно назвать маргиналами жанра. Посмотрим на песни, исполняемые известными певцами. Нужно отметить, что в них даны элементы воспоминаний – именно элементы, так как не вся песня посвящена прошлому: *Помню руки твои, помню блеск твоих глаз, Помню каждый наш день, помню каждый наш час, Помню каждую ночь, помню каждый рассвет, Что встречали с тобой. За холодным окном колдует зима. Все, что было давно, замечает она. Замечает все то, что с тобой звали мы /Бесконечной мечтой* (А. Чумаков). Песня построена как будто бы согласно классической схеме любовных воспоминаний – говорящий не находится в одном пространстве с возлюбленной, их любовь осталась в прошлом, картинка «колдующей зимы» соответствует пейзажным элементам рассмотренных выше песен. И тем не менее, разница есть. Если в песнях прошлых лет толчком становится какое-то

событие, прямо или косвенно связанное с объектом любви, то здесь этого нет. Песня содержит достаточное количество деталей прошлого, что отличает ее от элегических текстов, к которым в известной степени близки песни-воспоминания XX века, где воспоминание очищено от конкретных деталей. Она звучит как заклинание – в силу повторов одних и тех же любовных возгласов, содержащих императив – просьбу о том, чтобы остаться незабвенным: *Не забывай меня, не забывай меня*.

Через многочисленные повторы глагола первого лица (*б помню* и *б меня* в припеве, который повторяется дважды) субъект говорит не столько о другом, не столько о прошлом счастье, сколько о себе. Теряется «самоотвержение», отказ от *я*, что было характерно для песен прошлых лет. И обращенная к любимой речь уже не кажется речью-отчаянием – детали, описанные к тому же через метафоры, отвлекают от чувства («*За холодным окном/ Колдует зима/ Все, что было давно/ Замечает она/ Замечает любовь/ Что когда-то была/ Между мной и тобой*»). К тому же остается неясным, что же герой называет любовью – отношения, которые были между двумя людьми, или чувство, сосредоточенное в душе одного независимо от того, любим ли он своим избранником или избранницей, если «зима» эту любовь «замечает».

Близкой по духу песням прежних лет представляется песня, исполняемая Витасом «Нас разлучила любовь» (сл. С. Белякова, А. Гусева). Здесь «*у каждого своя судьба, своя дорога*», здесь «*никогда нам не забыть это счастье*», а любовь через много лет становится только сильнее. И все же есть что-то, что заставляет чувствовать ее отличие именно в области выражаемого чувства – в нем, как и в предыдущих песнях, нет речи-отчаяния. Герой рассказывает **историю** прошлого (*Катится, катится жизни колесо, /Бежим по замкнутому кругу./ «Стерпится-слюбится», – думали, но все ж /Мы не смогли забыть друг друга.*). Из текста вытекает (не могу утверждать этого с достаточной степенью уверенности, так как не понимаю, идет ли речь о реальной или виртуальной встрече), что герои не расстались окончательно:

Вечер осенний. Уютное кафе.
И я спешу к тебе на встречу.
Как я мечтаю сегодня об одном :
Чтоб не кончался этот вечер!

В таком случае счастье уже не является потерянным и не случайное событие стано-

вится толчком к появлению воспоминаний (*Пусть далеки мы, но нет тебя родней. И я в твоих объятьях таю*). Продолжение отношений снимает необходимость погружения в эмоцию былого счастья. Создается впечатление, даже по отношению к достаточно высоким образцам жанра (не говоря уже о таких, как: *А ты сказала, что зовут тебя, мол, Танею./ А я в глаза твои смотрел с надеждой тайною. /А твои волосы и губы свели меня с ума... Танюша! Ты – медовый сладкий пряник* (К. Андреев)), что современный носитель любовного чувства, склонный к воспоминаниям, не хочет страдать и, если принимать изложенную выше мысль Фрейда, облагораживать инстинкт эстетической составляющей. То, что различает песни, воспроизводящие прошлый опыт любви, согласно проведенному описанию, заключается в следующем:

1) в песнях прошлого воспоминание возникает как реакция на событие, напомнимшее прямо или косвенно **о потерянном счастье**; в песнях современных исполнителей воспоминание возникает по воле субъекта, его причина неясна, и счастье при этом **не предстает окончательно потерянным**;

2) для песен прошлого характерен лаконизм языковых средств и деталей при описании ситуации прошлого; в современных – воспоминание становится историей и, скорее, начинает походить на песни-напоминания, характерные для гражданских лирических песен прошлого. Герой вспоминает или о былых «подвигах», или о былых ценностях, которые хочет перенести в настоящее. Отсюда он предстает более активным, не желающим признавать возможность безвозвратности;

3) герой песен прошлого практически не говорит о себе, демонстрируя сдержанность любовного чувства; современный герой говорит о себе – и местоимение *Я*, и глаголы первого лица сосредоточивают внимание на говорящем, который, в свою очередь, в рассказанной истории упоминает и о физиологической стороне любви.

Итак, современный песенный герой погружается в воспоминание не для того, чтобы оживить сладость ушедшего счастья. Он не страдает, так как не представляет отношения законченными, желая навсегда остаться в памяти Другого. И он говорит о себе, превращая жизнь в историю, то есть текстуализирует свое чувство, делая себя персонажем некоей истории, существующей для публичной передачи. В этом смысле, при всем отличии от героических песен-напоминаний прошлого, между ними и современными песнями имеется сходство: не

былая эмоция вызывает сладостное переживание, а история любовных отношений: **у меня это было, и я хочу, чтобы об этом знали и меня помнили**. Современный герой лирической песни далек от любовного альтруизма: он не желает отпустить от себя возлюбленный объект.

Представляя данные выводы, автор понимает, что они имеют предположительный характер в силу небольшого объема описанного материала. Тем не менее тенденция намечена: современная песня, исполняемая чаще всего молодыми исполнителями и обращенная к юным слушателям, не говорит о безвозвратных потерях и даже не позволяет своим слушателям серьезно грустить. Не хотелось бы заниматься брюзжанием представителя старшего поколения, но не коррелирует ли это отсутствие альтруизма, светлой грусти в любовной речи с нежеланием чувствовать боль другого вообще, с потерей последнего оплота сердечности в век «бессердечной культуры» и со стремлением достичь своей цели, не брезгуя никакими средствами?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. *Философия свободного духа*. М.: Республика, 1994. 480 с.
2. Горин С. В. Мотив воспоминания в ранней лирике К. Д. Бальмонта. URL: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (дата обращения: 20.11.2013).
3. Барт П. Фрагменты речи влюбленного. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1504> (дата обращения: 20.11.2013).
4. Еременко В. И. Воспоминание и знание как формы переживания прошлого: дис. ... канд. психол. наук. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/autoref/eremenko.pdf> (дата обращения: 20.11.2013).
5. Фрейд З. Об унижении любовной жизни. URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Psihol/Freid/freid_z_ob_unizhenii_lyubovnoi_jizni_psihologii.php/ (дата обращения: 20.11.2013).
6. Бирюков Е. Н. История создания песни о Кяховке. URL: http://ferenot.3dn.ru/news/istorija-sozdaniya_pesni_o_kakhovke/2013-06-15-5 (дата обращения: 20.11.2013).

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo duha* [The philosophy of the free spirit]. Moscow, 1994. 480 p.
2. Gorin S. V. *Motiv vospominaniya v rannej lirike K. D. Bal'monta* (The motif of memories in the early lyric by K. D. Balmont). Available at: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (accessed 20 November 2013).

3. Bart R. *Fragmenty rechi vlyublennogo* (Fragments of utterances of Lover). Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/1504> (accessed 20 November 2013).

4. Eremenko V. I. *Vospominanie i znanie kak formy perezhivaniya proshlogo* (Recollection and knowledge as a form of experience of the past. Cand. psychol. sci. diss.). Available at: <http://www.psy.msu.ru/science/autoref/eremenko.pdf> (accessed 20 November 2013).

5. Frejd Z. *Ob unizhenii lyubovnoj zhizni* (On humiliation of love life). Available at: http://www.textfighter.org/raznoe/Psihol/Freid/freid_z_ob_unizhenii_lyubovnoi_jizni_psihologii.php/ (accessed 20 November 2013).

6. Biryukov E. N. *Istoriya sozdaniya pesni o Kahovke* (The history of the song about Kahovka). Available at: http://ferenot.3dn.ru/news/istorija_sozdaniya_pesni_o_kakhovke/2013-06-15-5 (accessed 20 November 2013).

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.161.1'38:004.738.4
ББК 81.2Рус-5

Ю. В. Щурина
Чита, Россия

Y. V. Schurina
Chita, Russia

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В СТРУКТУРЕ КОМИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Аннотация. В статье описываются интернет-мемы, широко используемые в интернет-среде в качестве составляющей комических речевых жанров. Интернет-мемы рассматриваются как особая разновидность прецедентных феноменов. Возможности достижения комического эффекта, идентификации речевых жанров, в состав которых включены интернет-мемы, определяются совпадением элементов культурного багажа коммуникантов, общностью пресуппозиций.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-мем, речевой жанр, прецедентный феномен, комический эффект, креолизованный текст.

INTERNET MEMES IN THE STRUCTURE OF COMIC SPEECH GENRES

Abstract. The article describes the Internet memes that are widely used in the Internet sphere as a part of the comic speech genres. Internet memes are considered a specific type of precedent phenomena. The possibilities of achieving comic effect and identifying the speech genres that incorporate Internet memes are defined as a coincidence of elements of the cultural background of communicants and common presuppositions.

Key words: Internet communication, Internet meme, speech genre, precedent phenomenon, comic effect, creolized text.

Сведения об авторе: Щурина Юлия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания.

Место работы: Забайкальский государственный университет (г. Чита), кафедра русского языка и методики его преподавания.

E-mail: shchurina@inbox.ru

About the author: Shchurina Yulia Vasilyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching.

Place of employment: Zabaikalsky State University (Chita).

Интернет как особая информационно-коммуникативная среда открыл новые возможности для реализации всевозможных интеллектуальных и творческих потребностей современного человека. Активное развитие коммуникативного пространства Интернета привело к появлению значительного количества исследований, посвященных данной проблематике. По мнению Е. И. Горюшко, можно говорить о формировании особой дисциплинарной парадигмы – лингвистики Интернета [1]. Одним из основных направлений изучения интернет-коммуникации является описание и классификация речевых жанров интернет-пространства [2].

При описании интернет-жанров предлагается учитывать различные параметры, в том числе и специфические, такие как гипертекстуальность, интерактивность среды, возможность создания креолизованных текстов [2]. Использование этих параметров позволяет описать специфические для коммуникативного пространства Интернета комические речевые жанры, которые активно входят в дискурсивную практику пользователей Сети и могут быть охарактеризованы высокой степенью смысловой компрессии: демотиватор,

эдвайс, интернет-комикс, сатирические откритки и др. Причиной высокой популярности данных текстов является их развлекательно-юмористический характер [3].

Актуальным представляется, прежде всего, исследование знаковой специфики и особенностей композиции подобных жанров, а также возможностей их интерпретации, основанной на активизации специфических средств образности и интертекстуальных взаимосвязях [3].

Одной из характерных примет названных жанров является регулярное включение в их структуру так называемых интернет-мемов (причем активность использования последних неуклонно возрастает). Интернет-мемы можно считать специфическим источником комизма, природа которого обусловлена действием иных, отличных от используемых в традиционных сферах общения механизмов.

Термином «интернет-мем» обозначают возникшее в первом десятилетии XXI века явление: это спонтанное лавинообразное распространение в интернет-среде некоторой информации посредством разнообразных способов, а также сама эта информация [4]. Понятие «мем» было введено Р. Докин-

зом, который впервые предложил концепцию «репликатора» (способность мема к образованию собственных копий) в приложении к социокультурным процессам [5]. Мемами могут считаться любые, в том числе и визуальные, сегменты Интернета: высказывания, картинки, видео- или звукоряд, который имел значение и распространился во Всемирной паутине [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет-мем>].

Мемы представляют собой вербальные, невербальные и гибридные образования, которые объединяет два ключевых признака: воспроизводимость и высокая скорость циркуляции в Интернете. По мнению К. Страйкера, мемы постоянно обновляются, смешиваются, мутируют, формируя все более сложный и специфичный вербально-визуальный язык интернет-сообществ [6].

В широком смысле мем – это некая «идея, образ, объект культуры (чаще нематериальной), который перенимается многими членами сообщества» [7 : 162]. При этом спонтанному распространению среди интернет-пользователей подвержена не всякая информация, а только та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей равнодушными к ней, вызывает интерес или порождает ассоциации, т.е. информация, обладающая особой коннотацией.

Мемы отражают культурные стереотипы и явления современной действительности, которые актуальны и интересны для интернет-пользователей [3]. Так, мемы-персонажи являются усреднёнными портретами представителей некоторых профессий (*Проницательный Психолог, Коварный Переводчик, Типичный программист, Злая Учителька, Филологическая Дева*) или социальных слоёв (*Типичный Иммигрант, Провинциальный мэн*); нередко мемами становятся животные или фантастические персонажи (*Котэ, Собака, Философоралтор, Ктулху*).

Интернет-мемы будем рассматривать как разновидность прецедентных феноменов (регулярно воспроизводимые в актах коммуникации феномены, хорошо известные всем представителям культурно-языкового коллектива, обращение к которым неоднократно возобновляется [8 : 52]). Наличие культурных коннотаций обеспечивает возможность идентификации прецедентного феномена адресатом – это процесс, предполагающий прохождение нескольких стадий: восприятие формального выражения, выявление включенности в систему текста-послания и определение необходимых культурных коннотаций [9]. Это соответствует положению М. М. Бахти-

на о том, что текст представляет собой диалог автора не только с читателем, но и со всей современной, предшествующей и последующей культурой [10].

Представляется, что для современных комических речевых жанров характерно два способа применения прецедентных элементов: 1) дословное использование, при этом само включение прецедентной единицы выступает как средство экспрессии; 2) изменение формы устойчивого высказывания или слова, так что трансформация служит созданию нового содержания и порождает комический эффект. Разного рода трансформации, которым может подвергаться прецедентный текст, являются высокочастотными: к ним относятся искажение лексического и грамматического состава, перемещение лексических элементов, контаминация и др. [11].

Восстановление культурных коннотаций и определенных ассоциативных связей оказывается необходимым и для достижения нужного коммуникативного эффекта при реализации речевых жанров пространства Интернета, объединенных комической направленностью. Введение в их состав интернет-мемов может преследовать разные цели: создание подтекста, актуализацию «фоновых» знаний адресата, повышение экспрессивности, включение элементов игры, усиление оценочности и пр. Дополнительные возможности используются с разной степенью частотности, однако можно выделить жанры, для которых включение в их структуру интернет-мемов является весьма вероятным или даже обязательным, – это интернет-комиксы, приколы, демотиваторы, эдвайсы, «веселые открытки».

Включение в структуру комического жанра интернет-мемов, с одной стороны, служит маркером того или иного жанра, с другой – усложняет задачу интерпретации содержания адресатом, так как для достижения комического эффекта необходима идентификация интернет-мема. В целях объяснения и предупреждения коммуникативных сбоев важным представляется анализ источника комизма при интерпретации комических жанров, содержащих мемы.

Первоисточники интернет-мемов, как и источники прецедентных феноменов, весьма разнообразны: горячая новость в СМИ (*иранские ракеты, челябинский метеорит*), предмет искусства (*Джоконда*), художественные тексты (*Донки-Хот*), фильмы (*Это Спарта!*), электронные ресурсы (например, *bash.org*), персонажи аниме, сериалов, фразы отдельных пользователей или известных медийных личностей и т.д.

Считаем интернет-мем значимым для интернет-сообщества, если он: 1) упомянут в авторитетных источниках; 2) ключевые слова интернет-мема дают не менее 100 000 упоминаний в поисковых системах; 3) интернет-мем упоминается в литературных произведениях значимых писателей, или нашёл отражение в других видах искусства, или был публично употреблен известным человеком, чему есть документальные подтверждения [http://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Критерии_значимости_сетевых_субкультур_и_интернет-мемов].

В современном интернет-пространстве можно выделить следующие типы активно функционирующих интернет-мемов: 1) текстовый мем; 2) мем-изображение; 3) медиа-мем; 4) креолизованный мем.

Текстовые мемы состоят из слова или фразы: *Аффтар жжот*; *Внезапно*; *Валера, настало твое время*; *Взлетит ли самолет?*; *Интернеты*; *Мопед не мой!*; *Веселый гном*; *Котенок-афроамериканец*; *Онтоле*; *Баян*; *Дотянулся проклятый Сталин*; *Иа криветко!* и др. Это могут быть начинающие или оканчивающие сообщение текстовые фрагменты: *Это неловкое чувство, когда...*; *Мне одному кажется, что...*; *Интересно, я один думаю, что...*; *А вы тоже в детстве...*; *...Занавес!* и т. д.

Источником возникновения такого мема часто служат фразы обычных пользователей или известных лиц. Так, мем *Интернеты* (англ. *Internets*) – искусственно образованная форма множественного числа – появился после того, как Дж. Буш-младший, отвечая на вопрос аудитории, использовал эту форму. Довольно известный мем *Мопед не мой*, связанный с размещенным на одном из украинских форумов объявлением о продаже мопеда, возник после того, как автор объявления дважды повторил: «*Мотороллер не мой!!! Я просто разместил ОБЪЯВУ!*». Выражение *Мотороллер/мопед не мой!* употребляется человеком, желающим уйти от ответственности в какой-либо ситуации, или иронически обращено к такому человеку.

Текстовые мемы используются как в разных видах интернет-общения (на форумах, в блогах, в чатах и т. п.), так и в качестве текстового компонента различных жанров, например, **интернет-комиксов** – к ним относят лаконичные креолизованные тексты, включающие обычно 2-4 изображения, которые иллюстрируют весёлую историю [3]. От обычных комиксов они отличаются минимализмом оформления и наличием шаблонных элементов (мем-изображение и/или мем-фраза). Характерной чер-

той интернет-комиксов является выход за рамки этики: обилие нецензурных выражений, провокационный характер изображений и сюжетов [3]. Интернет-комиксы активно порождаются во многом благодаря распространению персонажей-мемов и мемов-высказываний (рис. 1 – используется мем *Это то самое чувство...*, рис. 2 – мем *Интересно, я один...*).

Рис. 1

Рис. 2

Мемы-изображения («картинки») существуют в двух основных разновидностях: 1) собственно изображение, в котором главное внимание обращено на визуальную часть, – *Ктулху*, *Сова*, *Маска Гая Фокса*, *Омская птица*, *Фасералм* (человек, закрывающий лицо руками, – обозначает «стыд»); 2) «фотожаба» – результат творческой переработки изображения при помощи графического редактора. Во втором случае имеет значение не только визуальная составляющая, но и сюжет. Наиболее известные изображения, ставшие основой бесчисленного количества «фотожаб», – *Свидетель из Фрязино*, *Гном* (или *Гнум*), *Упоротый Лис*, *Толстый китайский мальчик*, *Аленка*. Так, всем известный образ девочки на обертке шоколада «Аленка», претерпев трансформации, обрел популярность в виде многочисленных вариантов – например, *шоколад «Арменка»* с лицом Армена – персонажа телесериала «Реальные пацаны» (рис. 3), или шоколад «*Володька*» – с изображением В. В. Путина.

Рис. 3

Мемы-картинки могут служить основой для создания таких жанров, как уже упомянутые интернет-комиксы, приколы, сатирические открытки (отдельным жанром можно считать картинки Намалеви́ча) и др. Так, **веселые открытки** представляют собой синтетический жанр, в юмористической или сатирической форме изображающий какие-либо бытовые, социальные, общественно-политические явления или характерные типы людей (рис. 4, 5).

Рис. 4

Рис. 5

Медиаемы – комические видеосюжеты, которые размещаются на личных страницах пользователей, передаются друг другу и т. п.: к числу наиболее известных отнесем такие, как *Кот-пианист*, *Кандибобер* (дама в красной шапке), *Mr. Freeman*, *Mr. Trololo*, *Надоедливый апельсин*, *Очки надо?* и мн. др.

Специфика их использования заключается в возможности неоднократного воспроизведения, повторного просмотра как самим пользователем, так и совместно с друзьями. Примечательно, что некоторые медиаемы становятся источником комизма неожиданно для их героя (например, мем *Mr. Trololo*, источником которого является видеозапись выступления известного советского эстрадного певца Эдуарда Хила).

Узнаваемость медиаэма служит основой для его дальнейшего использования: так, отсылки к мему *Очки надо?* (видеоролик с китайцем, торгующим в автобусах смешными очками, мыльными пузырями и четками) довольно широко используются в рекламе (например, в рекламе нового тарифа одного из мобильных операторов, рис. 6).

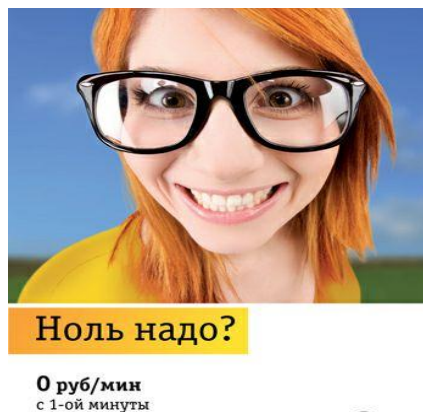

Рис. 6

При этом текстовая часть видеомема может подвергаться лексическим и грамматическим трансформациям (ср.: *очки надо?* – *ноль надо?*). Отметим, что возможность достижения нужного коммуникативного эффекта при таком «вторичном» использовании мемов в значительной степени зависит от совпадения элементов апперцепционной базы автора и адресата, в противном случае идентификации мема не произойдет.

Креолизованный мем – разновидность креолизованных текстов, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной ... и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [12 : 180]. Креолизованные тексты можно описать как семиотически сложные, организованные комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем. При этом вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата [12].

Креолизованные интернет-мемы становятся основой значительного числа комиче-

ских интернет-жанров: эдвайсов, демотиваторов, приколов и др.

В особую группу выделяются **эдвайсы**, (от англ. advice – совет). Первоначально эдвайсы действительно представляли собой советы интернет-пользователям в виде шаблона картинка с надписями сверху и снизу, содержащими глаголы в форме повелительного наклонения. Со временем структура усложнилась: сначала они модифицировались в предложение, разбиваемое картинкой на две части, а потом и в два предложения, при последовательном прочтении которых возникает эффект неоправданного ожидания, что и определяет смеховую реакцию.

В основе многих популярных эдвайсов, таких как *Филологическая Дева*, *Скучающий Ботан*, *Нескучающий гуманитарий*, *Коварный Переводчик*, *Проницательный Психолог*, *Злая Училка*, *Злой Школьник*, *Жестокый волк*, – мемы, представляющие собой узнаваемые изображения на стандартном заданном фоне, сопровождаемые надписями. При этом надпись является изменяемой частью, а фон и изображение остаются, за редким исключением, стандартными [3] (рис. 7 *Проницательный Психолог*, рис. 8 *Злая Училка*).

Рис. 7

Рис. 8

В качестве задающей сюжет фразы могут использоваться прецедентные тексты, неожиданная концовка которых вызывает комизм. Источником комизма может быть и

необычная трансформация прецедентных текстов, чаще посредством лексической замены. Возможна и контаминация прецедентных феноменов из разных сфер общения. Для достижения комизма необходимо узнавание адресатом соответствующих текстов (рис. 9 *Филологическая Дева* – ср.: *Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...* (Д. Алигьери, пер. М. Лозинского)).

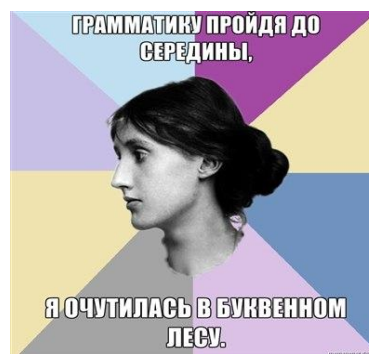

Рис. 9

Отметим, что изначально эдвайсы ориентированы на определенную аудиторию, от которой и ожидается «узнавание» и получение комического эффекта (например, шутки, используемые в эдвайсе *Коварный переводчик*, зачастую понятны только представителям именно этой профессии – рис. 10, 11).

Рис. 10

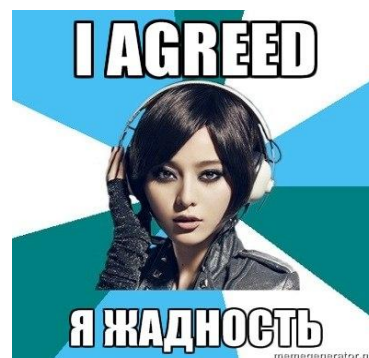

Рис. 11

Однако наиболее популярные лица зачастую становятся самостоятельными мем-персонажами, упоминания о которых, выходя далеко за пределы интернет-среды, распространяются и в других сферах общения, в том числе и в традиционных.

В **демотиваторах**, которые представляют собой составленное по определенному формату изображение, включающее рисунок и комментирующую его неожиданную надпись-слоган, обыгрываются уже существующие интернет-мемы (*Капитан Очевидность*, *Котэ*, *Собака*, *Омская птица*, *Суровые челябинские комары*), а также известные ситуации и персонажи, имеющие прецедентный характер, – *Анатолий Вассерман* (*Онотоле*), *Боромир*, *Геннадий Малахов*, *Фантомас*, *Юрий Никулин* и т. п. Рис. 12 – демотиватор, в котором обыгрывается широко известный мем *This is Sparta!*, появившийся с выходом трейлера к фильму «300 спартанцев».

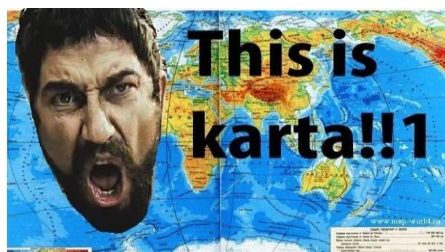

Рис. 12

Или, например, демотиватор, содержащий отсылку к прецедентной ситуации с известным фигуристом Евгением Плющенко, который вместо ожидаемого первого места на Олимпийских играх в 2010 г. занял лишь второе (рис. 13).

Рис. 13

В целом возможность достижения комического эффекта при использовании интернет-мемов любого типа в структуре комических речевых интернет-жанров связана с включенностью адресата в контекст, нали-

чием у него определенных предварительных знаний. Этим обусловлена и относительная недолговечность активности мемов.

Обычно распространение интернет-мема занимает от нескольких дней до нескольких лет, включая процесс его внедрения в традиционные сферы общения (хотя многие мемы исчезают из активного пользования, так и не став известными широкой аудитории). После этого процесс репликации замедляется или прекращается, мем попадает в категорию «старый мем» (*баян*, или *бойн*) и вытесняется другими, более «свежими» мемами.

Мемы значительно отличаются по востребованности и устойчивости. Устойчивость мема может быть связана с его потенциалом генерирования различных интернет-жанров. Создание значительного числа текстов или иных образований на основе данного мема и их последующее воспроизведение на разных сетевых площадках позволяет мему сохраниться и при благоприятных условиях вновь актуализироваться.

Возможность успешной реализации многих типичных для интернет-общения комических речевых жанров связана с определением соответствующих коннотаций, которыми обладают включенные в состав данных жанров интернет-мемы. Для адекватной интерпретации интернет-мемов необходимо совпадение составляющих культурного багажа коммуникантов, наличие определенных пресуппозиций, «узнавание» мема. Интернет-мемы обычно сфокусированы на той или иной социальной группе, т.е. комический эффект мема рассчитан, как правило, на определенную аудиторию, однако наиболее «успешные» из мемов становятся известны далеко за пределами интернет-пространства, что представляет особый интерес для изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горошко Е. И.* Лингвистика Интернета : формирование дисциплинарной парадигмы // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе* : сб. науч. тр. / отв. ред. А. К. Пастухов. Вып. 5. Орел : Каргуш, 2007. С. 223–237.
2. *Горошко Е. И.* Теоретический анализ интернет-жанров // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ Наука, 2007. С. 370–389.
3. *Нежура Е. А.* Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2012. № 2. С. 47–52.
4. *Ксенофонтова И. В.* Специфика коммуникации в условиях анонимности : меметика, имиджборды, троллинг // *Интернет и фольклор* : сб. ст.

М. : Гос. республ. центр русского фольклора, 2009. С. 285–294.

5. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : Мир, 1993. 318 с.

6. Stryker C. Epic Win for the Anonymous. How 4chan's Army Conquered the Web. N. Y. : Overlook, 2011. 304 p.

7. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. Филология. Екатеринбург, 2012. № 3. С. 160–172.

8. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) М. : Гнозис, 1998. 352 с.

9. Глазков А. В. Культурфилологический анализ постмодернистского текста на спецсеминаре для студентов филологического факультета // Язык, культура, общество. Лингвистическая подготовка учителя-словесника : проблемы новых лингвистических курсов : тез. Всероссийской науч.-практ. конф. М. : Изд-во МПГУ, 2000. С. 36–38.

10. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики М. : Художественная литература, 1975. 502 с.

11. Щурина Ю. В. Прецедентные элементы в структуре малых речевых жанров комического // Российский лингвистический ежегодник. Вып. 1(8). Красноярск, 2006. С. 77–84.

12. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. С. 180–181.

REFERENCES

1. Goroshko E. I. Lingvistika Interneta: formirovanie distsiplinarnoy paradigmy [Internet Linguistics: the formation of a disciplinary paradigm]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediyom diskurse: sb. nauch. tr.* [Genres and text types in the scientific and media discourse: collection of scientific works. Ed. A. K. Pastukhov]. Iss. 5. Orel, 2007, pp. 223–237.

2. Goroshko E. I. Teoreticheskiy analiz Internet-zhanrov [Theoretical analysis of Internet genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 370–389.

3. Nezhura E. A. Novyye tipy kreolizovannykh tekstov v kommunikativnom prostranstve interneta [New types of creolized texts in the communicative space of the Internet]. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2012, no. 2, pp. 47–52.

4. Ksenofontova I. V. Spetsifika kommunikatsii v usloviyah anonimnosti: memetika, imidzhbordi, trolling [The specifics of communication in terms of anonymity: memetics, imageboard, trolling]. *Internet i folklor: sb. st.* [Internet and folklore: collection of articles]. Moscow, 2009, pp. 285–294.

5. Dawkins R. *The Selfish Gene* [Egoistichnyy gen]. Moscow, 1993. 318 p.

6. Stryker C. *Epic Win for the Anonymous. How 4chan's Army Conquered the Web*. New York, 2011. 304 p.

7. Shchurina Yu. V. Internet-memyi kak fenomen internet-kommunikatsii [Internet memes as a phenomenon of Internet communication]. *Nauchnyy dialog. Philologiya* [The scientific dialogue. Philology]. Ekaterinburg, 2012, no. 3, pp. 160–172.

8. Krasnykh V. V. *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya)* [Virtual reality or real virtuality? (Man. Consciousness. Communications)]. Moscow, 1998. 352 p.

9. Glazkov A. V. Kulturfilologicheskiy analiz postmodernistskogo teksta na spetsseminare dlya studentov filologicheskogo fakulteta [Cultural and philological analysis of post-modern text on special seminar for students of the Faculty of Philology]. *Yazyk, kultura, obschestvo. Lingvisticheskaya podgotovka uchitelya-slovesnika: problemy novykh lingvisticheskikh kursov: tez. Vserossiyskoi nauch.-prakt. konf.* [Language, culture, society. Language training, language and literature teachers: problems of new language courses: abstracts of all-Russian scientific and practical conference]. Moscow, 2000, pp. 36–38.

10. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, 1975. 502 p.

11. Shchurina Yu. V. Precedentnyye elementy v strukture malyykh rechevykh zhanrov komicheskogo [The precedent elements in the structure of small comic speech genres]. *Rossiyskiy lingvisticheskiy ezhegodnik* [Russian linguistics]. Iss. 1(8). Krasnoyarsk, 2006, pp. 77–84.

12. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ih kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimize speech effect]. Moscow, 1990, pp. 180–181.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 81(470)+929Карасик
ББК 81(2Рос)зКарасикВ.И.

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Dementyev
Saratov, Russia

ЯЗЫКОВЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ
КРУГ, КЛЮЧ, МАТРИЦА:
О ЗНАЧЕНИИ ИДЕЙ В. И. КАРАСИКА
ДЛЯ КОММУНИКАТИВНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

LANGUAGE AND COMMUNICATIVE
RING, KEY, MATRIX:
ABOUT THE SIGNIFICANCE OF THE IDEAS
OF V. I. KARASIK FOR COMMUNICATIVE
LINGUISTICS

Аннотация. В статье дан краткий обзор творчества профессора Владимира Ильича Карасика в честь его 60-летия с позиций коммуникативной лингвистики – теории коммуникации, дискурс-анализа, лингвистики текста, теории речевых жанров, теории коммуникативной тональности, теории лингвокультурных типажей, для которых работы ученого имели большое значение.

Ключевые слова: В. И. Карасик, коммуникативная лингвистика, дискурс, речевой жанр, коммуникативная тональность, лингвокультурный типаж.

Abstract. In the article a brief overview of creativity of Prof. Vladimir Ilyich Karasik has been given in honor of his 60th anniversary in terms of communicative linguistics – theory of communication, discourse analysis, text linguistics, theory of speech genres, theory of communicative tonality, linguocultural theory of character types, for which his works were of great importance.

Key words: V.I. Karasik, communicative linguistics, discourse, speech genre, communicative tonality, linguocultural character type.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Для творчества профессора Владимира Ильича Карасика характерен ярко выраженный интерес к коммуникативным феноменам, коммуникативным идеям. Его работы серьезно обогатили теорию коммуникации, дискурс-анализ, лингвистику текста, теорию речевых жанров. Эволюция коммуникативистских взглядов В. И. Карасика, насколько могу судить, представляет собой постепенный поворот от изучения **социолингвистических** аспектов коммуникации – отражения в языке социальных отношений людей, значимых для статусной и межличностной коммуникации, и инвентаря языковых единиц, используемых для установления соответствующих социальных отношений (докторская диссертация «*Лингвистические аспекты изучения социального статуса человека (на материале современного английского языка)*» [1] и написанная на ее основе монография «*Язык социального статуса*» [2], в значительной степени монография «*Языковой круг*» [3]), – к изучению **когнитивных** аспектов – зафиксированных в семантике слов и текстов ментальных проекций данных социальных отношений и процессов (моно-

графии «*Языковые ключи*» [4], «*Языковая кристаллизация смысла*» [5], «*Языковая матрица культуры*» [6]).

Следует отметить, что названия книг В. И. Карасика не только замечательно образны, но и очень показательны в плане отражения в них именно тех идей, о которых мы говорим.

Гумбольдтовское выражение *языковой круг* предполагает образ в сознании, т.е., говоря современным языком, когнитивные структуры; но это полностью касается и ментальных проекций коммуникативных феноменов – недаром приблизительно третья часть одной из наиболее удачных и известных книг Владимира Ильича «*Языковой круг*» посвящена непосредственно проблемам дискурса (подзаголовок книги, напомним, «*личность, концепты, дискурс*»).

По моим наблюдениям, в основе всей научной деятельности В. И. Карасика лежит никогда не затухающее, *страстное* стремление дать ответ на вопрос, выяснить, разгадать, что кроется за теми или иными языковыми и речевыми явлениями. Пожалуй, еще важнее (сообщает книгам и статьям

В. И. Карасика ни с чем не сравнимую прелесть) то, что в них это стремление распространяется на отношение к читателям – как к единомышленникам, которые, как и сам Владимир Ильич, ищут ответы, а единственная возможная помощь которым может состоять в нахождении – нет, даже не ответа, а **ключа** к будущему ответу, «ответной содержательной позиции», по выражению М. М. Бахтина, – этим коммуникативным пафосом проникнута, прежде всего, книга «**Языковые ключи**».

Не менее, конечно, замечательно (а в теоретическом плане более очевидно) сочетание в научных работах В. И. Карасика огромного интереса к лингвистическим проблемам, упомянутой *научной страстности* – со стремлением к созданию прочной **теоретической базы** для своих поисков и размышлений, что проявилось в разработке многочисленных, разнообразных теоретических и практических моделей осмысления и представления соответствующих феноменов, «тайников» языка и речи. В этой связи: не много найдется в современной лингвистической науке авторов, такое огромное количество действующих на практике моделей которых «ушли в народ», были востребованы в огромном количестве исследований последователей и учеников, начиная от социолингвистических моделей при исчислении различных аспектов «языка социального статуса» до новейших моделей – модусов общения, концептуализации норм поведения (благодарность, насмешка, социальное равенство, благополучие), которым посвящена значительная часть последней книги с в высокой степени символическим названием «**Языковая матрица культуры**».

Настоящая статья, конечно, не претендует на то, чтобы охватить в себе коммуникативистские идеи, высказанные В. И. Карасиком, – этими идеями, в прямом или опосредованном виде, повторяю, пронизано все творчество Владимира Ильича, и, если даже говорить только о по-настоящему концептуальных положениях, не только высказанных, но и глубоко проработанных, оснащенных детальными методологическими моделями, успешно и плодотворно используемыми последователями и учениками Владимира Ильича, – даже для изложения их одних потребовалась бы еще одна монография.

Мое изложение поэтому, с одной стороны, схематично, с другой – субъективно: буду обсуждать то, что наиболее поразило, обогатило, у л у ч ш л о м е н я в моей научной работе. Для меня личность и тексты В. И. Карасика чрезвычайно значимы, начиная с 1994 г., когда дописывал кандидатскую

диссертацию (посвященную *коммуникации!*) и прочитал книгу «Язык социального статуса», очень сильно потом на эту диссертацию, в ее окончательном виде, повлиявшую (рукописный конспект из около 50 страниц до сих пор хранится среди моих тетрадей) и 1995-м, когда В.И. Карасик стал первым оппонентом на защите этой диссертации и я наконец-то познакомился с ним лично, – и до настоящего времени, когда я с точно таким же вниманием и наслаждением прочитываю все новые книги Владимира Ильича. (Только рукописных конспектов больше нет, и за это – отдельное спасибо Владимиру Ильичу: все свои новые книги, а часто и статьи он щедро раздает своим друзьям и коллегам не только в печатном, но и в электронном виде!)

Наше последовавшее многолетнее научное общение – и личное, и по переписке (живем в разных городах, а зарплаты нынешних научных работников не очень-то позволяют разъезжать по стране в свое удовольствие, – хотя чисто географически наши города, Волгоград и Саратов, предельно близки) – стало, с моей точки зрения, чем-то большим, чем то, что обычно называют несколько формально-равнодушным словом «*сотрудничество*», – стало настоящей **научной дружбой**, которая проявлялась во всегда заинтересованном и часто очень глубоко обсуждении научных и «самых что ни на есть жизненных» явлений, тенденций и первопричин. Результатом этого совместного творчества, «обкатывания» в общении стал, во-первых, ряд идей и концепций, вошедших затем в научные тексты В. И. Карасика и мои, – к числу таких отнесу, прежде всего, речежанровые идеи и представление о культурных и коммуникативных ценностях. Во-вторых, Владимир Ильич щедро делился со мной многими своими оригинальными идеями, которые впоследствии сильно повлияли на мои взгляды и обусловили написание статей – к числу таких отнесу коммуникативную тональность и типажи. В-третьих, возьму на себя смелость сказать, что из концепций, разрабатываемых мной, Владимиром Ильичом была принята и востребована концепция непрямой коммуникации и структуры фатического общения.

Начну с положений В. И. Карасика, **непосредственно посвященных коммуникации**.

Наиболее значительный вклад Владимира Ильича в **общую теорию дискурса**, на мой взгляд, состоит в разработке и систематизации **категорий дискурса**, которым посвящены многочисленные исследования в данной предметной области, но, как известно, еще далеко до завершающей теории, и

модусов дискурса, на основании которых строится типология.

В модели В. И. Карасика среди **категорий дискурса** выделяются конститутивные категории (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство), жанрово-стилистические категории (противопоставление лично-ориентированного и статусно-ориентированного, художественно-ориентированного и обиходно-ориентированного общения, амплификации / компрессии, категория проективности) и – главное – содержательные (семантико-прагматические, шире – аксиологические) категории дискурса, где важнейшей совершенно справедливо считается интерпретируемость (на этом основании В. И. Карасиком выделяются и исследуются более частные категории точности, ясности, глубины) [3 : 287–298; 7 : 185–196].

Интерпретативные **модусы вербального общения** (которые реализуют тоже содержательные категории) выделяются – в семиотическом плане – на основании того, какая образность используется в данном типе общения [5 : 36]. В книге «Языковая кристаллизация смысла» В. И. Карасик подробно рассматривает эмблематический, аллегорический, символический модусы.

Сюда же относятся **дискурсивные типологии** В. И. Карасика, где наиболее принципиальными представляются две : 1) противопоставление институционального и двух типов персонального (бытового и бытийного) дискурса; 2) выделение и изучение типов дискурса с социолингвистических и прагмалингвистических (а также семиотических, культурологических) позиций (педагогического, религиозного, научного, политического, медицинского); при этом особое внимание уделяется *юмористическому* дискурсу и – в его составе – жанру *анекдота* [3 : 299–363; 8], что, на мой взгляд, вполне закономерно.

Переходя к **жанроведческим идеям** Владимира Ильича, хочу напомнить, что уже писал соответствующий обзор для монографии «Теория речевых жанров» [9 : 66–71], который считаю уместным повторить здесь.

Почему волгоградское жанроведение стало частью волгоградской англистики, мы не беремся объяснить. Можно лишь констатировать факт : англистами являются все ведущие волгоградские лингвисты – В. И. Карасик, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал, которые на протяжении многих лет активно и плодотворно занимаются жанрами речи, а главное – под руководством которых было защищено большое количество качественных диссертационных исследований по РЖ. Думается, к числу признанных лидеров речеведческой школы в Волгограде можно уверенно отнести и тех уже вполне состоявшихся ученых, кто защитил докторскую диссертацию под руководством одного из названных трех мэтров и сейчас сам стал одним из ведущих специалистов по ТРЖ, руководит диссертаци-

онными исследованиями, – Г. Г. Слышкина, А. В. Олянич, С. В. Ионову, Е. В. Бобыреву (все они тоже являются англистами «по основному профилю»).

Автор настоящей монографии более 10 лет активно сотрудничает со всеми перечисленными жанроведами и, наверное, может утверждать, что именно их творчество во многом определяло многие важные черты в облике российского жанроведения на протяжении всей истории его развития, причем, что важно, – с разных сторон: В. И. Карасик изучает жанры речи с позиций социолингвистики, В. И. Шаховский – теории лингвистической эмотивности, Е. И. Шейгал – теории политического дискурса, Г. Г. Слышкин – лингвоконцептологии, А. В. Олянич – презентационной теории дискурса, Е. В. Бобырева – религиозного дискурса, С. В. Ионов – лингвоаппроксиматологии.

Ценность жанроведческого творчества Владимира Ильича Карасика определяется, на мой взгляд, пятью основными моментами.

Во-первых, серьезно обогатила жанроведение разработанная В. И. Карасиком типология разновидностей дискурса (прежде всего с социолингвистических позиций), в частности, выделение двух базовых социолингвистических разновидностей дискурса – институционального / ритуального и персонального дискурса, при этом целый ряд частных разновидностей институционального и персонального дискурса был детально исследован В. И. Карасиком в работах, специально посвященных конкретным типам дискурса (педагогическому, религиозному, научному, политическому, медицинскому [10–13]). Конечно, сама по себе такая модель, имеющая большое теоретическое значение, да еще так блестяще апробированная в целой серии качественных практических исследований, уже представляет достаточную ценность для ТРЖ. Однако этим далеко не исчерпывается жанроведческое значение творчества В. И. Карасика: выделив и описав названные разновидности дискурса, ученый выделяет в составе некоторых из них **ж а н р ы** данного вида дискурса (в частности, бытовой и бытийный диалог в составе общего персонального дискурса [3]) и тщательно анализирует их особенности.

Во-вторых, В. И. Карасик исследует разновидности дискурса с лингвокультурологических (прежде всего концептологических и ценностных) позиций, выявляет те концепты и ценности, которые соответствуют данному типу дискурса, отдельным его стратегиям и тактикам. Среди таких концептов выделяются значимые внутрижанровые ценности / антиценности (например, «здоровый смысл», «лояльность», «власть», «подлинность», «простота», «лень»), а также коммуникативные концепты, по сути представляющие собой когнитивные проекции ряда речевых жанров (например, концепты «вызов», «вражеский заговор») [3, 5, 6, 14, 15].

В-третьих, В. И. Карасик рассматривает речевые жанры в коммуникативном поведении выделяемых им лингвокультурных типажей – например, «русского интеллигента» (совместно с О. А. Дмит-

риевой) [16], «английского чудака» (совместно с Е. А. Ярмаховой) [17], «американского супермена» [6] и т.д.

В-четвертых, В. И. Карасик является одним из основателей теории коммуникативной тональности [5, 18].

В-пятых, В. И. Карасик сам является автором ряда тонких и детальных исследований по конкретным речевым жанрам, и прежде всего – жанру *анекдота* [8]: так, замечательно интересные отдельные исследования посвящены анекдотам английским, русским, этническим, абсурдным, анекдотам, содержащим эстетическую оценку [3].

Конечно, к непосредственно-коммуникативным следует отнести и работы В. И. Карасика по **коммуникативной тональности** – в известном смысле, это продолжение его жанроведческих идей, недаром в первых работах Владимира Ильича по тональности разные типы тональности рассматривались внутри определенных речевых жанров (как у Т. О. Багдасарян).

В. И. Карасик определяет коммуникативную тональность как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [4 : 384] и разрабатывает модель выделения и описания типов тональности и отдельных ее компонентов: 1) одноплановость / многоплановость смыслов, 2) заданность / открытость смыслов, 3) серьезность / несерьезность общения, 4) кооперативность / конфликтность общения, 5) приоритет содержания / формы общения, 6) конкретность / отвлеченность тематики. На этих основаниях исследователь выделяет 12 типов тональности: информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, идеологическая, фасцинирующая, гипотетическая, агрессивная, эзотерическая, манипулятивная, менторская [4 : 386–387]. Отмечается, что список является открытым (так, в общении со мной Владимир Ильич согласился, что существует дополнительная «*циничная тональность*»).

Особый интерес здесь представляет **идеологическая** тональность, которая, на мой взгляд, может дать очень много для работ по русистике, в частности, при выявлении и изучении ориентиров, типов и жанров национально обусловленной *хорошей речи* – здесь понятие идеологической тональности смыкается с понятием *актуализатора*, введенным в лингвистический обиход К. Ф. Седовым.

По определению В. И. Карасика, *идеологическая тональность* – серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим [4 : 386]. Аспирантка В. И. Карасика О. А. Могилевская, написавшая диссертацию по

идеологической тональности, определяет ее как эмоционально-стилевой формат общения, который характеризуется по признакам интенциональности (установка на четкое противопоставление своих и чужих), интерпретативности (возможность единственной верной интерпретации), оценочности (положительная оценка своих и отрицательная оценка круга чужих), эмоциональности (высокая степень эмоциональности) [19 : 5]. До сих пор специальные исследования были посвящены только идеологической тональности в институциональном дискурсе – политическом, публицистическом. Идеологическая тональность в персональном дискурсе практически не исследовалась.

Представляется, что в русской языковой картине мира «*актуализатор*» / «*актуализаторство*» есть непосредственно-коммуникативное преломление идеологической коммуникативной тональности.

«*Актуализатор*» предлагался К. Ф. Седовым как один из типов в разрабатываемой им «вертикальной», или оценочной, типологии языковых личностей, на таком «простом» основании, как *установка на интересы собеседника в коммуникации* [20]. Термин «*актуализация*» К. Ф. Седов позаимствовал у американского психолога Э. Шострома, который называл актуализацией качество личности, противоположное манипуляторству. «*Кооперативно-актуализаторский* тип речевого поведения, по К. Ф. Седову, отражает высший уровень коммуникативной компетенции человека по способности к речевой кооперации. За «установкой на интересы собеседника в коммуникации» стоит общий принцип, которым руководствуется актуализатор: *стремление поставить себя на точку зрения собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами*.

По нашему мнению, роль идеологической тональности, закрепление ее за актуализаторским типом поведения, а значит, и представлением о «хорошей речи», коммуникативном идеале русской культуры (вполне логично, что именно *идеология* в коммуникации определяет коммуникативный *идеал*) обусловлены следующими факторами :

1) особой значимостью для русской языковой картины мира концептов *друг, искренность, отношения* [21–24];

2) более жесткой, чем в других культурах, оппозицией *официальности ~ неофициальности* и ее коммуникативным преломлением *персональности ~ имперсональности* [25];

3) общим оппозитивным характером русской традиционной культуры [26 : 341; 27 : 340–351; 28 : 137].

В результате идеологическая тональность получает в русской культуре в большей степени непосредственно-коммуникативное, а не институциональное преломление (ср. идеологическую тональность в политическом дискурсе, дискурсе СМИ), сосредоточиваясь, прежде всего, именно на комму-

никативных проявлениях названных концептов – друг, искренность, отношения.

Коммуникативная лингвистика, как известно, является частью лингвистики антропологической, а изучение в лингвистике (шире – гуманитарных науках) человеческой коммуникации – частью общего изучения «человеческого фактора» в языке и речи. В этом отношении очень показательно то, что проблема **языковой личности**, «человека говорящего» всегда оставалась приоритетной у В. И. Карасика. И здесь, конечно, особую ценность представляют тщательно разработанные им **модели**, начиная от «типов влиятельных личностей в русской культуре 1990-х» [3 : 14–15] до просто филигранного исчисления аспектов «модельной языковой личности», типологии лингвокультурных **типажей**.

Базовым для теории лингвокультурных типажей является понятие *модельной языковой личности* как наиболее репрезентативной в своем поведенческом и коммуникативно-речевом выражении. В сущности, «типаж» есть в очень высокой степени коммуникативное явление, а чрезвычайно значимый коммуникативный аспект типажа смыкается с особенностями типичной (для данного типажа) речевой компетенции, то есть владения набором жанров и использования их: «Человек в языке проявляется прежде всего через свое коммуникативное поведение, а именно: через специфическое индивидуальное преломление произносительных норм, выбор определенной лексики и сознательный отказ от ряда слов и выражений, употребление определенных синтаксических оборотов, владение разными жанрами речи, индивидуальное паравербальное поведение (жесты, мимика, избираемые дистанции в общении и др.). Систематическое описание этих особенностей коммуникативного поведения есть речевой портрет человека <...> Лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение, важнейшим компонентом которого является вербальный ряд. <...> Помимо сугубо речевого портретирования для изучения типажей может оказаться полезным и их паравербальное портретирование (например, в среде интеллигенции не принята чрезмерная жестикация, табуируются плевки, ковыряние в носу и другие сопровождающие речь действия, не вызывающие протеста в иных группах)» [16 : 21–22].

Следует отметить, что сама идея типажа, новая для лингвистики (хотя логика, даже необходимость ее давно назрела – но выделить, «схватить» идею, превратив в полноценную научную концепцию, как это всегда бывает в науке, оказывается под силу только Ученому с большой буквы), является необыкновенно удачной: ей были посвящены уже две коллективные монографии [29, 30] и около десятка диссертаций, например, Т. В. Бондаренко («английский дворецкий»), Л. А. Васильевой («британский премьер-министр»), В. В. Деревянской («британ-

ский колониальный служащий»), О. А. Дмитриевой (лингвокультурные типажи России и Франции XIX века), А. Ю. Коровиной («английский сноб»), М. В. Мироненко («шутник»), И. А. Мурзиновой («британская королева»), Л. П. Селиверстовой («звезда Голливуда»), И. В. Щегловой («русский чиновник»), Е. А. Ярмаховой («английский чудак»). К настоящему времени в Волгоградском педагогическом университете под рук. В. И. Карасика описаны национальные типажи *русский интеллигент, английский аристократ, французский буржуа, английский рыцарь, русский дворянин, английский бизнесмен, американский супермен, американский ковбой, английский колониальный служащий, калмыцкий кочевник*, а также «типаж как характер» (*коллекционер*), «типаж как протест» (*шпана*), «типаж как диагноз» (*разгильдяй*) и т.д. [6, 16, 17, 29, 30].

Пожалуй, наибольшего уровня обобщения, научной абстрактности коммуникативные идеи В. И. Карасика достигли в разрабатываемой им совместно с Г. Г. Слышкиным системе **«постулатов коммуникации»**. Данные постулаты (а в них отразился общий во многом постулатный характер современной коммуникативной лингвистики, начиная с П. Грайса, Дж. Лича и др.), хотя как будто бы не содержат конкретных методологических указаний, *инструментария* (что, собственно, и отличает *постулаты* от *теорем*), с одной стороны, охватывают ряд настоящего фундаментальных свойств коммуникации, с другой – рисуют систематическую картину всей современной науки о коммуникации, ее наиболее актуальных направлений.

«Постулаты коммуникативной лингвистики» понимаются как «обобщение концепций, разработанных в различных областях науки о языке» [31 : 336] и включают едва ли не все основные теоретические положения современной коммуникативистики. Авторы настаивают на принципиальной незавершенности предлагаемого списка постулатов.

Особенно показательно, с моей точки зрения, то, что многие «постулаты» или их составляющие в данном списке суть *коммуникативные ценности*, хотя авторы и не выделяют самостоятельных постулатов, формулируемых как собственно коммуникативные ценности либо коммуникативный идеал. По-видимому, это отчасти может быть объяснено тем, что и для В. И. Карасика, и Г. Г. Слышкина (и, пожалуй, всей Волгоградской коммуникативистики) характерен некоторый уклон в сторону **к о н ц е п т а** : так, «первый» и «второй» постулаты из списка охватывают едва ли не все основные положения теории концептов (по крайней мере, в том виде, как она разрабатывается в Волгоградской концептологической школе). Есть здесь и утверждения, касающиеся *ценностей*, – но только как одного из компонентов концепта (хотя и важнейшего с точки зрения данной школы), без выделения в качестве отдельного постулата, например: «Мно-

жество осознаваемых и неосознаваемых ориентиров поведения, концентрированного опыта, прецедентных явлений лежит в основе любого коммуникативного действия. Культура задает стандарты поведения и определяет границы креативности индивидуума. Любой акт коммуникации есть подтверждение идентичности культурно-языкового сообщества» [31 : 333–334].

Перейдем к той части творчества Владимира Ильича, где коммуникативистские идеи представлены **не столь явно**, раскрываются в связи с чем-то другим, однако являются, на мой взгляд, нисколько не менее значимыми и принципиальными как для разрабатываемых в данном случае «других» проблем, так и для теории дискурса, жанров речи и т.д.

И здесь, по моему убеждению, важнейшими являются **лингвокультурологические и концептологические** наработки В. И. Карасика. Значение их для науки очень велико: по мнению многих когнитивистов, с одной стороны, В. И. Карасик сделал едва ли не больше всех остальных когнитивистов, концептологов для разработки соответствующих научных дисциплин (рассуждая о таких материях, рядом с ним обычно ставят таких мэтров, как Дж. Лакофф, А. Вежицкая), с другой – что сам Владимир Ильич является, прежде всего, концептологом.

О значении концептологического подхода для исследований по коммуникации в целом и месте здесь идей В. И. Карасика следует поэтом сказать подробнее.

Во-первых, данный подход, направленный на анализ ментальных и лингвоментальных, то есть ассоциированных с определенными языковыми единицами, структур, оперирует понятием **концепта** («концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [32 : 25]), который понимается в данном направлении (по крайней мере, в значительной части работ) как **лингвокультурный**, то есть имеющий выраженную национально-культурную и национально-языковую специфику.

Во-вторых, понимаемый как когнитивная структура, концепт соотносится с другими когнитивными структурами, роль и иерархия которых устанавливается: понятие, образ, символ, фрейм, норма, правило, категория, проекция, когниция, сценарий, скрипт, гештальт и т.д.

В-третьих, выделяются компоненты концепта, в том числе – чрезвычайно значимый (в названном лингвокультурном направлении концептологического подхода, на который мы преимущественно ориентируемся, – главный) **ценностный** компонент, наряду с образно-перцептивным и понятийным.

Наконец, в-четвертых, ценностно-концептологический подход (особенно его лингвокультурное

направление) имеет подчеркнуто **дискурсивный** характер. Данный подход активно и успешно применяется в исследованиях речи, текстов, относящихся к разным сферам, коммуникации в рамках разных жанров. Соответственно выделяются особые – **дискурсивные концепты**, организующие дискурсивные знания и умения и непосредственно пересекающиеся с понятиями коммуникативной нормы, коммуникативной категории / категории дискурса, коммуникативного / речевого жанра – и ценностные компоненты таких концептов. Сюда относятся а) повседневные и художественные концепты, определяющие личностно-ориентированный дискурс, и б) различные институциональные концепты – политические, научные, деловые, дипломатические, спортивные и др., определяющие институциональный дискурс в той или иной его разновидности [32 : 24–37].

Чрезвычайно важно то, что концептология и лингвоконцептология – особенно в преломлении Волгоградской школы – неразрывно связаны с коммуникативистикой, а в составе последней – с теорией речевых жанров, где начиная с работ М. М. Бахтина 20-х годов было принято «понима(ть) жанр не в формалистическом смысле, а как зону и поле ценностного (выделено мною. – В. Д.) восприятия и изображения мира» [9 : 471]. Термин-понятие *речевой жанр* соотносится с термином-понятием **коммуникативный концепт**, то есть концепт, имеющий четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание. Зафиксированные в языке имена данных концептов являются именами или непосредственно речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т.д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

Конечно, данный подход (его составляют многие сотни работ, пересказать даже основные положения которых здесь нет никакой возможности) комментируется мною предельно схематично, только с коммуникативной точки зрения. И в этом отношении хочу подчеркнуть, что концепты реконструируются представителями Волгоградской когнитивной школы под рук. В. И. Карасика не только и не столько с целью прояснения их лексикологических или этимологических аспектов (хотя и это тоже важно), сколько с точки зрения того, как они организуют представления о коммуникации – то есть при исследовании предпочтение отдается **коммуникативным и ценностно-коммуникативным концептам**. Данные коммуникативные концепты в описании Владимира Ильича и его школы часто предстают как **коммуникативные сценарии** (которые, естественно, тоже имеют характер ментальных проекций, моделей, во многих отношениях ценностных). Главное же, по моему убеждению, значение данных концептологических и когнитивных идей для теории коммуникации со-

стоит в формировании представления о культурных и коммуникативных **ценностях** (тех же, о которых уже шла речь в части о «постулатах»).

«Сценарии культуры» активно и успешно изучаются в рамках **Волгоградского направления концептологического анализа**. Как и москвичи, волгоградцы идут от *концепта*, при этом тоже выделяют более общие, чем конкретный концепт, понятия, категории («*пунктуальность*», «*privacy*», «*приватность*» и т.д.). Следует отметить, что, поскольку сама методика Волгоградского направления концептологического анализа (в отличие от Московского) имеет подчеркнуто **ценностный** характер, выделяемые волгоградскими учеными «более общие понятия» (более общие, чем концепт, – но тем не менее идущие от концепта и имеющие сходную с ним природу и организацию) естественным образом ближе к *коммуникативным ценностям*.

В целом многолетняя деятельность коллектива Волгоградского направления концептологического анализа под руководством В. И. Карасика отмечена подчеркнутым и постоянным вниманием к **оценке**, ее отдельным механизмам, оценочной деятельности человека в целом. С 1990-х гг. при Волгоградском педагогическом университете существует научно-исследовательская лаборатория «*Аксиологическая лингвистика*», при активном участии которой вышел (и продолжает выходить) целый ряд изданий под общим названием «Аксиологическая лингвистика» (под ред. самого В. И. Карасика и его соратников и – позже – учеников (Н. А. Красавского, Е. И. Шейгал, О. А. Дмитриевой, Г. Г. Слышкина), многие из которых уже получили широкую и заслуженную известность как в России, так и за ее пределами (особ. отмечу две коллективные работы, хотя несколько не хочу умалять значения остальных: *Аксиологическая лингвистика : игровое и комическое в общении. Волгоград : Перемена, 2003* и *Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы. Волгоград : Парадигма, 2005*).

Отличительной чертой большинства исследований в рамках данного направления является то, что исследуются в основном **не русские** концепты/категории («*privacy*» – английская, «*пунктуальность*» – немецкая), русские же привлекаются обычно лишь для сопоставления, при этом не всегда определяются и называются удачно (ср. неприлично и, пожалуй, неестественно звучащее по-русски слово «*приватность*»). В целом, конечно же, **сравнение** необходимо при изучении таких культурно обусловленных феноменов, как коммуникативные ценности. Как подчеркивала А. Вежицкая, в кросс-культурных исследованиях важно найти теоретическую модель, которая позволила бы «проскользнуть между Сциллой стереотипизации и Харибдой этноцентрической универсализации» [21 : 134].

Следует отметить отдельные лингвокоммуникативные исследования языковых и комму-

никативных феноменов, имеющих подчеркнутую аксиологическую значимость. Так, в парадигме общего внимания Владимира Ильича к языковой ситуации, особенностям коммуникации людей и – соответственно – языка в тоталитарную эпоху интересен анализ концепта *мероприятие*, ассоциирующегося «с бюрократической процедурой решения вопросов и присущими бюрократии бездушным отношением к людям, формальностью и бумаготворчеством» [33].

В. И. Карасик анализирует данный концепт на материале корпуса русского языка «Лексикограф» (автор – А. А. Бурькин) по признакам: 1) субъекты, 2) цели, 3) результаты, 4) однопорядковые с *мероприятиями* действия, конкретные разновидности *мероприятий*, 5) способ и манера проведения *мероприятия*, 6) атрибутивные характеристики, 7) оценка, 8) символизация, 9) метафорические или эвфемистические обозначения *мероприятий*. Отмечается, что идея *мероприятия* выражала ключевое мировоззренческое отношение советского человека к действительности – человек должен преобразовывать мир в соответствии с генеральной программой (планирование было важнейшим признаком советской цивилизации). Субъектами *мероприятия* являются люди, облеченные властью или функционирующие в рамках официальных государственных структур, т.е. *мероприятие* – это всегда институциональное, а не личное событие. Системные связи концепта *мероприятие* по вертикали и горизонтали с другими концептами сводятся к перифрастическому обозначению любого официального действия в рамках выполняемой функции или поставленной цели: *Во время купания детей или других мероприятий на воде осуществляется патрулирование спасательной лодки, снабженной спасательным кругом*. Показательно, что в Советском Союзе одной из форм критического протеста против государственной системы было ироническое отношение к *мероприятиям* как институциональным ритуалам.

В исследовании данного и других концептов проявилось тонкое видение, *чувствование* В. И. Карасиком русских национальных культурных и культурно-исторических оценочных феноменов, механизмов.

Внимательное, *любящее* отношение Владимира Ильича к языковому материалу, о котором мы уже говорили, часто позволяет увидеть «самое главное», нащупать «нерв» проблемы, очевидно актуальной, но неочевидно разрешимой. Часто это не что иное, как **внимание к Эпохе, Времени**: как понастоящему честный исследователь, В. И. Карасик чутко откликается на перемены в обществе, а значит, и в языке. Так, возможность сравнивать две социальные, экономические, психологические, *лингвистические* реальности – советскую и постсоветскую – дана всем нам, кто застал и пере-

жил 1991 г. уже сложившейся личностью; но нужно быть Исследователем, чтобы увидеть здесь по-настоящему важное. На эту тему, как известно, высказывались многие десятки исследователей, как отечественных, так и зарубежных (и некоторые были, так сказать, «вполне себе с большой буквы»), – но именно Владимиру Ильичу здесь принадлежит ряд не только оригинальных, но и по-настоящему ценных наблюдений (например, о «коммуникативных нормах современной массовой культуры», в которой, в частности, В. И. Карасик обнаруживает возрастание роли эмблем).

Возрастание роли эмблем в современной культуре В. И. Карасик объясняет следующими причинами: демократизация всей повседневной жизни и сопутствующее ей давление массовой культуры, увеличение скорости жизни, информационный взрыв, компьютеризация учебы, работы и досуга, визуализация информации, превращение электронных массмедиа в коллективного агента институционального дискурса, глобализация культуры. Эмблема не требует обдумывания, она должна быть легко узнаваема. Массовая культура стремится к понижению рациональности, критичности, индивидуальности во всех человеческих проявлениях. Информационный взрыв неизбежно приводит к противопоставлению двух типов знания – ориентационного и фундаментального. Специфика ориентационного знания состоит в том, что оно по своей природе является отсылочным, нужно знать, к какой сфере относится то или иное явление, в то время как фундаментальное знание, независимо от степени его глубины, предполагает системное освоение объекта, понимание его природы и построение его модели. Ориентационное знание по своей сути является этикеточным, а эмблема оптимально соответствует этикетке. Закономерно возрастает значимость гипертекстуальных ссылок, которые являются примером операционального знания (практического, процедурного знания того, как следует осваивать мир), противопоставляемого концептуальному знанию (теоретическому знанию о том, как устроен мир) [5 : 42–43; 6 : 67–85].

Кстати, параграф в книге В. И. Карасика «Языковая кристаллизация смысла» [5] так и называется – «Концепт как индикатор эпохи (“сознательность” и “очковтирательство”)), а параграф в его новой книге «Языковая матрица культуры» [6] – «Концептуализация новых ценностных ориентиров (“проект”))».

Очень много такие рассуждения Владимира Ильича дают тем, кто собирается на их основе осуществить собственное **диахроническое** исследование. Мы уже говорили о тщательно разработанных им **моделях**, начиная от «типов влиятельных личностей в русской культуре 1990-х “Братан”, “Новый русский”, “Телевизионный ведущий”» [3] –

сегодня, стало быть, уже возможен (более того – просится!) диахронический взгляд.

Такое будущее диахроническое исследование предполагает и осуществленный В. И. Карасиком тогда же анализ фразы «А кому сейчас легко?», ставшей, по его мнению, в современной России «узнаваемым индексом новых непривычных межличностных отношений» [3 : 39].

Я не поленился проверить представленность фразы «А кому сейчас легко?» в современной российской прессе с помощью поисково-информационной системы Integrum (дело было в начале 2009-го) и обнаружил, что первое упоминание данного выражения было в 1994 г.:

«Московская желтая страница» выйдет на русском языке тиражом 50 тысяч экземпляров, 40 тысяч из которых будут распространены по Москве бесплатно («Интерфакс»). А кому сейчас легко? (Коммерсантъ Власть. 08.03.1994).

Потом система выдала следующие цифры : 1995 – 2 раза; 1996 – 13; 1997 – 49; 1998 – 122; 1999 – 133; 2000 – 192; 2002 – 124; 2005 – 151; 2006 – 183; 2007 – 149; 2008 – 235. Интересно, что один раз это выражение сопровождалось оговоркой : **Как говорится в пивной рекламе, кому сейчас легко?** (АиФ Москва. 31.05.2000).

В этом смысле представляет большой интерес анализ **художественных** речевых феноменов, которым посвящен целый ряд работ В. И. Карасика, особенно в последние годы (их число все время растет): по герменевтике художественного текста, лингвокультурной символике поэтического смысла (комментарии к стихотворениям Эдгара По, Роберта Луиса Стивенсона, Уолтера де ла Мэр, Роберта Блая, Владимира Бурича, Юнны Мориц, а также английской баллады «Королева Элинора», «Экклезиаста» и мн. др.), лингвосемиотике аллегорий (например, в пословицах). Следует подчеркнуть значимость именно диалогической составляющей данных текстов, их **коммуникативное** преломление в идеях В. И. Карасика: анализируются эстетические смыслы, которые передаются и принимаются в художественной коммуникации (ср. уже упоминавшееся внимание В. И. Карасика к юмористическому дискурсу).

В современной коммуникативной лингвистике идеи Владимира Ильича Карасика заслуженно широко распространены, высоко востребованы, более того – необходимы (хотя их огромный объяснительный потенциал во многом еще только предстоит раскрыть и внедрить: его, как часто бывает в науке, по-настоящему оценят только в будущем). Но уже сейчас почти все исследования по конкретным дис-

курсивным, речезанровым, коммуникативно-речевым явлениям, осуществляемые в отечественной (и не только) лингвистике, обязательно опираются на идеи и модели Владимира Ильича (это, без преувеличения, многие сотни работ, перечислить которые даже в первом приближении здесь нет никакой возможности). Конечно, это не случайно.

Главное значение идей В. И. Карасика для коммуникативной лингвистики, насколько могу судить, состоит в том, что он разработал аспектированную с разных сторон, но внутренне целостную когнитивную и семиотическую **базу** для осмысления и обработки коммуникативного материала. Эта база – ментальные проекции коммуникативных явлений, обуславливаемые, с одной стороны, когнитивными ментальными структурами (которые раскрываются и изучаются с привлечением соответствующей теории и методики), с другой – структурой коммуникативно-речевых явлений.

И здесь мы имеем полное право говорить о чрезвычайно масштабном и одновременно объективном отражении в творчестве В. И. Карасика всей многокрасочной картины современной коммуникативной и дискурсивной лингвистики – и огромном вкладе в дальнейшее развитие ее. Какими новыми идеями Владимир Ильич, 60-летие которого мы отпраздновали в мае этого года, обогатит, украсит эту картину в будущем – можно только гадать (все равно не угадаем!). В любом случае, занятие это радостное: все новые разработки Владимира Ильича, с одной стороны, очень нужны науке, с другой – похорошему неожиданны. Пожелаем юбиляру – и себе – еще много-много их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карасик В. И.* Лингвистические аспекты изучения социального статуса человека (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1993. 46 с.
2. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
4. *Карасик В. И.* Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
5. *Карасик В. И.* Языковая кристаллизация смысла. Волгоград : Парадигма, 2010. 421 с.
6. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. Волгоград : Парадигма, 2012. 448 с.
7. *Карасик В. И.* О категориях дискурса // Языковая личность : социолингвистический и эмотивный аспекты : сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград : Перемена, 1998. С. 185–196.
8. *Карасик В. И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи : сб. науч. тр. /

под ред. В. В. Дементьева. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 144–153.

9. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

10. *Карасик В. И.* Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Перемена, 1999. С. 3–17.

11. *Карасик В. И.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 25–33.

12. *Карасик В. И.* Ритуальный дискурс // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 3. Саратов : Колледж, 2002. С. 157–171.

13. *Карасик В. И.* Рутинное и креативное общение : функции, типы, способы // Язык. Культура. Общение : сб. науч. тр. в честь С. Г. Тер-Минасовой. М. : Гнозис, 2008. С. 112–118.

14. *Карасик В. И.* Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. науч. тр. / под ред. В. Б. Кашкина. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2007. Вып. 5. С. 78–86.

15. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность. Культурные концепты : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Перемена, 1996. С. 3–16.

16. *Карасик В. И., Дмитриева О. А.* Лингвокультурный типаж : к определению понятия // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 5–25.

17. *Карасик В. И., Ярмахова Е. А.* Лингвокультурный типаж «английский чудак». М. : Гнозис, 2006. 240 с.

18. *Карасик В. И.* Коммуникативная тональность // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. С. 81–94.

19. *Могилевская О. А.* Динамика идеологической тональности в российских и американских публицистических статьях : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 20 с.

20. *Седов К. Ф.* Дискурс как суггестия : Иррациональное воздействие в межличностном общении. М. : Лабиринт, 2011. 332 с.

21. *Вежебицка А.* Язык. Культура. Познание. М. : Языки русской культуры, 1996. 416 с.

22. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

23. *Урысон Е. В.* Словарная статья «ДРУГ 1, ТОВАРИЩ 1, ПРИЯТЕЛЬ» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. С. 297–299.

24. *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

25. *Дементьев В. В.* Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Вып. 7. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 42–61.

26. Лотман М. Ю., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 338–380.

27. Плузьян В. А., Рахилина Е. В. «С чисто русской аккуратностью...» (К вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М. : Изд-во РГГУ, 1996. С. 340–351.

28. Bergmann J.R. Introduction : Morality in discourse // Research on language and social interaction. 31. Lawrence Erlbaum Association, Inc., 1998.

29. Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. 310 с.

30. Аксиологическая лингвистика : проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей : сб. науч. тр. / под ред. О. А. Дмитриевой. Волгоград : Парадигма, 2010. 406 с.

31. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Постулаты коммуникативной лингвистики // Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 333–338.

32. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов // Аксиологическая лингвистика : проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей : сб. науч. тр. / под ред. О. А. Дмитриевой. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 44–51.

33. Карасик В. И. Концептуализация социального действия : «Мероприятие» // Политическая лингвистика. Вып. 3 (37). Екатеринбург, 2011. С. 32–38.

REFERENCES

1. Karasik V. I. *Lingvisticheskie aspekty izuchenija social'nogo statusa cheloveka (na materiale sovremenogo anglijskogo jazyka)*. [Linguistic aspects of the study of social status (based on the modern English language). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1993. 46 p.

2. Karasik V. I. *Jazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow, 1992. 330 p.

3. Karasik V. I. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic Circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002. 476 p.

4. Karasik V. I. *Jazykovye kljuchi* [Linguistic clues]. Volgograd, 2007. 520 p.

5. Karasik V. I. *Jazykovaja kristallizacija smysla* [Language crystallization the point]. Volgograd, 2010. 421 p.

6. Karasik V. I. *Language matrix of culture* [Jazykovaja matrica kul'tury]. Volgograd, 2012. 448 p.

7. Karasik V. I. O kategorijah diskursa [About the categories of discourse]. *Jazykovaja lichnost': sociolingvisticheskij i jemotivnyj aspekty: sb. nauch. tr.* [Linguistic Personality: sociolinguistic and emotive aspects: collection of scientific works. Ed. V. I. Karasik]. Volgograd, 1998, pp. 185–196.

8. Karasik V. I. Anekdod kak predmet lingvisticheskogo izuchenija [Anecdote as an object of linguistic study.]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 144–153.

9. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

10. Karasik V. I. *Harakteristiki pedagogicheskogo diskursa* [Characteristics of pedagogical discourse]. *Jazykovaja lichnost': aspekty lingvistiki i lingvodidaktiki: sb. nauch. tr.* [Language personality: the aspects of linguistics and didactics: collection of scientific works. Ed. by V. I. Karasik]. Volgograd, 1999, pp. 3–17.

11. Karasik V. I. *Struktura institucional'nogo diskursa* [The structure of institutional discourse]. *Problemy rechevoj kommunikacii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: interuniversity collection of scientific works]. Iss. 1. Saratov, 2000, pp. 25–33.

12. Karasik V. I. *Ritual'nyj diskurs* [The ritual discourse]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 157–171.

13. Karasik V. I. *Rutinnoe i kreativnoe obshhenie: funkciony, tipy, sposoby* [Routine and creative communication: functions, types, methods]. *Jazyk. Kul'tura. Obshhenie: sb. nauch. tr. v chest S. G. Ter-Minasovoy* [Language. Culture. Communication: collection of scientific works in honor of S. G. Ter-Minasova]. Moscow, 2008, pp. 112–118.

14. Karasik V. I. *Diskursivnaja personologija* [Discursive personology]. *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda: sb. nauch. tr.* [Language, communication and social environment: collection of scientific works. Ed. by V. B. Kashkin]. Iss. 5. Voronezh, 2007, pp. 78–86.

15. Karasik V. I. *Kul'turnye dominanty v jazyke* [Cultural dominants in language]. *Jazykovaja lichnost'. Kul'turnye koncepty: sb. nauch. tr.* [Language personality. Cultural concepts: collection of scientific works. Ed. by V. I. Karasik]. Volgograd, 1996, pp. 3–16.

16. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. *Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniju ponjatija* [Linguocultural character type: to the definition of the concept]. *Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sb. nauch. tr.* [Axiological linguistics: Linguocultural character types: collection of scientific works. Ed. by V. I. Karasik]. Volgograd, 2005, pp. 5–25.

17. Karasik V. I., Jarmahova E. A. *Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij chudak»* [Linguocultural type «English eccentric»]. Moscow, 2006. 240 p.

18. Karasik V. I. *Kommunikativnaja tonal'nost'* [Communicative tonality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 81–94.

19. Mogilevskaja O. A. *Dinamika ideologicheskogo tonal'nosti v rossijskih i amerikanskih publicisticheskikh stat'jah* [The dynamics of the ideological tonality in the Russian and American journalistic articles: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2011. 20 p.

20. Sedov K. F. *Diskurs kak suggestija: Irracional'noe vozdejstvie v mezhluchnostnom obshhenii* [Discourse as a suggestion: Irrational impact in interpersonal communication]. Moscow, 2011. 332 p.

21. Wierzbicka A. *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 416 p.

22. Zaliznjak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Ključevye idei russkoj jazykovej kartiny mira* [The key ideas of Russian language picture of the world]. Moscow, 2005. 544 p.

23. Uryson E.V. Slovarnaja stat'ja «DRUG 1, TOVARISHCH 1, PRIJATEL» [The dictionary entry «FRIEND 1, COMRADE 1, PAL»]. *Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka* [New explanatory dictionary of synonyms Russian language]. Ed. by Yu. D. Apresian]. Moscow; Vienna, 2004, pp. 297–299.

24. Shmelev A. D. *Russkaja jazykovaja model' mira* [Russian language model of the world]. Moscow, 2002. 224 p.

25. Demytyev V.V. Ob odnoj ocenочноj sisteme v russkom jazyke [On one evaluation system in Russian]. *Problemy rechevoj kommunikacii: sb. nauch. tr.* [Problems of speech communication: collection of scientific works]. Iss. 7. Saratov, 2007, pp. 42–61.

26. Lotman M. Ju., Uspenskij B. A. Rol' dual'nyh modelej v dinamike russkoj kul'tury (do konca XVIII veka) [Role of the dual models in the dynamics of Russian culture (until the end of the XVIII century)]. *Uspenskij B. A. Izbrannye Trudy: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vol.]. Vol. 1. Moscow, 1994, pp. 338–380.

27. Plungjan V. A., Rahilina E. V. «S chisto russkoj akkuratnost'ju...» (K voprosu ob otrazhenii nekotoryh stereotipov v jazyke) [«With a purely Russian neat...» (On the question of the reflection of some of the stereotypes in language)]. *Moskovskij lingvističeskij žurnal* [Moscow Linguistic Journal]. Vol. 2. Moscow, 1996, pp. 340–351.

28. Bergmann J. R. Introduction: Morality in discourse. *Research on language and social interaction*. 31. Lawrence Erlbaum Association, Inc., 1998.

29. *Aksiologičeskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sb. nauch. tr.* [Axiological linguistics: Linguocultural character types: collection of scientific works. Ed. by V. I. Karasik]. Volgograd, 2005. 310 p.

30. *Aksiologičeskaja lingvistika: problemy lingvokonceptologii i lingvokul'turnyh tipazhej: sb. nauch. tr.* [Axiological linguistics: problems of linguoconceptology and linguocultural character types: collection of scientific works. Ed. by O. A. Dmitrieva]. Volgograd, 2010. 406 p.

31. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Postulaty kommunikativnoj lingvistiki [The postulates of communicative linguistics]. *Karasik V. I. Jazykovye ključy* [Linguistic clues]. Volgograd, 2007, pp. 333–338.

32. Karasik V. I. *Aevoljucija i involjucija konceptov* [The evolution and involution of concepts]. *Aksiologičeskaja lingvistika: problemy lingvokonceptologii i lingvokul'turnyh tipazhej: sb. nauch. tr.* [Axiological linguistics: problems of linguoconceptology and linguocultural character types: collection of scientific works. Ed. by O. A. Dmitrieva]. Volgograd, 2007, pp. 44–51.

33. Karasik V. I. *Konceptualizacija social'nogo dejstvija: «Meroprijatie»* [The conceptualization of social action: «Event»]. *Političeskaja lingvistika* [Political Linguistics]. Iss. 3(37). Ekaterinburg, 2011, pp. 32–38.

Статья получила положительные анонимные рецензии от двух докторов наук, компетентных в обсуждаемой проблематике

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ЖАНРЫ РЕЧИ»

Международный журнал «Жанры речи» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств издателя.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи до 1 июня и 1 декабря каждого года.

Материалы присылаются в электронном варианте в виде приложения к письму-заявке с персональными данными (ФИО, место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон и электронный адрес). Каждая статья должна быть в отдельном файле.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные **на русском и английском языках**.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

фамилия, имя, отчество автора полностью (указываются все авторы);

должность, звание, ученая степень;

полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы (если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора);

подразделение организации;

контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. ИНФОРМАЦИЯ О ГРАНТАХ, В РАМКАХ КОТОРЫХ ВЫПОЛНЕНА РАБОТА

6. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

УДК, ББК и/или ГРНТИ;

либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Требуемый шрифт – Times New Roman, размер: 14 pt – основной текст, 12 pt – список литературы, подписанные подписи, тексты таблиц и т.п., через 1 интервал, абзац 1,25 см, все поля по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать 10 страниц, включая примечания и литературу (не более 30 000 знаков с учетом пробелов).

Речевые иллюстрации набираются курсивом, выделения делаются жирным шрифтом.

Сноски следует давать в сквозной нумерации внизу страницы.

Ссылка на источник фактического материала оформляется следующими способами: (В. Пелевин. Желтая стрела), (АиФ. 2009. № 5.), (Первый канал. Вести. 07.08.2009), (<http://demotivators.to/p/759951/pes-tyi-moi-uspokoitelnyie-ne-videl.htm>).

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

В случае цитирования чужих фрагментов текста обязательно указание на источник.

Статья должна быть структурирована: включать введение и заключение; текст основной части статьи должен быть разбит на разделы.

Обращаем внимание авторов на то, что в журнале большая часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, **должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации**.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Поэтому каждая статья, публикуемая в журнале «Жанры речи», должна иметь **два** приставных списка литературы: с оригинальными (русскими) названиями и латинскими. Латинская

knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html (дата обращения: 20.11.2013).

REFERENCES

1. Kibrik A. E. *Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam yazykoznanija* [Essays on General and Applied Problems of Linguistics]. Moscow, 1992. 336 p.

2. Mustajoki A. Zhanry rechi i riski kommunikativnykh neudach [Speech genres and risks of communicative failures]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 120–141.

3. Kozhina M. N. *Problema specifiki i sistemnosti funkcionalnyh stiley rechi* [The specifics and system of functional speech styles. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. 253 p.

4. Kaufer D. S. Irony, form of interpretation and the theory of meaning. *Collection of translations «Literary memoires»*. Ed. by M. Głowiński. Gdańsk, 2002, pp. 67–85.

5. Kanturova M. A. *Derivatsionnyye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsepta)* [Derivational processes in the speech genres (for example, the speech genre of cooking recipe). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Novosibirsk, 2012. 26 p.

6. Gorin S. V. *Motiv vospominaniya v rannej lirike K. D. Bal'monta* (The motif of memories in the early lyric by K. D. Balmont). Available at: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (accessed 20 November 2013).

Обращаем внимание авторов на то, что **объем аннотации** к статье в Международном журнале принято делать больше, чем в российских изданиях: обычно он составляет около половины страницы текста.

На каждую поступившую в редакцию журнала статью назначаются два анонимных **рецензента** из числа российских и зарубежных докторов наук, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить проблемность, актуальность и оригинальность работы, научную качественность и язык, а затем сделать окончательное заключение о судьбе статьи (принять, принять с доработкой, отказать) и написать краткое обоснование / комментарий. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи. При этом редколлегия журнала ответственна за то, чтобы автор статьи **ни при каких обстоятельствах** не узнал имени рецензентов. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или не оформленные в соответствии с вышеперечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

